

ISSN 1999-2629

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ЛИНГВИСТИКА**

POLITICAL LINGUISTICS

3(29)'2009

Федеральное агентство по образованию
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Уральский государственный педагогический университет»

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

3(29)'2009

Научное издание

Екатеринбург 2009

УДК 409.34
ББК Ш 107
П 50

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: доктор филол. наук, проф. А. П. ЧУДИНОВ (Екатеринбург)

Заместители главного редактора:

кандидат филол. наук, доцент Э. В. БУДАЕВ (Нижний Тагил)

Члены редакционной коллегии:

доктор философии, профессор Р. АНДЕРСОН (Лос-Анджелес, США)

доктор филол. наук, профессор В. Н. БАЗЫЛЕВ (Москва)

доктор философии, профессор Д. ВАЙС (Цюрих, Швейцария)

доктор философии, профессор Дж. ДАНН (Глазго, Великобритания)

ректор УрГПУ, доктор пед. наук, профессор Б. М. ИГОШЕВ (Екатеринбург)

доктор философии, профессор И. ИНЬИГО-МОРА (Севилья, Испания)

доктор филол. наук, профессор Э. ЛАССАН (Каунас, Литва)

доктор филол. наук, профессор Н. Б. РУЖЕНЦЕВА (Екатеринбург)

доктор философии, профессор П. СЕРИО (Лозанна, Швейцария)

доктор филол. наук, профессор В. В. ХИМИК (Санкт-Петербург)

доктор филологии, профессор П. ЧЕРВИНЬСКИ (Катовице, Польша)

Технический редактор: А. И. СУЕТИНА,

Выпускающий редактор: кандидат филол. наук, доцент М. Б. ВОРОШИЛОВА

Политическая лингвистика / Гл. ред. А. П. Чудинов; ГОУ ВПО
П 50 «Урал. гос. пед. ун-т» – Екатеринбург, 2009. Вып. 3 (29). – 162 с.
ISSN 1999-2629

Журнал призван способствовать обмену новейшей информацией в области политической лингвистики, а также в сфере взаимоотношений языка, культуры и общества. Включает четыре основных раздела – «Теория политической лингвистики», «Политическая коммуникация», «Язык – политика – культура» и «Классика политической лингвистики». Предназначен для филологов, политологов, социологов и всех тех, кто интересуется проблемами политической коммуникации.

УДК 409.34
ББК Ш 107

Благодарим РГНФ за материальную поддержку проекта (грант 07-04-02002а – Метафорический образ России в отечественном и зарубежном политическом дискурсе).

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА
ВЫПУСК 3 (29)

Подписано в печать 14.09.2009. Формат 60x84/16.
Бумага для множительных аппаратов. Печать на ризографе.
Усл. печ. л. – 21,00. Тираж 500 экз. Заказ
Оригинал макет отпечатан в отделе множительной техники
Уральского государственного педагогического университета
620017 Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26
E-mail: uspu@uspu.ru

ISSN 1999-2629

© ГОУ ВПО «УрГПУ», 2009
© Политическая лингвистика, 2009

Ural State Pedagogical University

POLITICAL LINGUISTICS

3(29)'2009

Editor-in-Chief

Anatoliy P. Chudinov, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg)

Deputy Editor-in-Chief :

Edward V. Budaev, Ph.D., Assoc. Prof. (Nizhniy Tagil)

Editorial Board

Richard Anderson Jr., Ph.D., Prof. (Los Angeles, USA)

Vladimir N. Bazylev Ph.D., Prof. (Moscow, Russia)

Petr Cerwinski Ph.D., Prof. (Katowice, Poland)

John Dunn, Ph.D., Prof. (Glasgow, the UK)

Boris M. Igoshev, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg, Russia)

Isabel Iñigo-Mora, Ph.D., Prof. (Seville, Spain)

Vasiliy V. Khimik, Ph.D., Prof. (Saint-Petersburg, Russia)

Eleonora Lissan, Ph.D., Prof. (Kaunas, Lithuania)

Natalia B. Ruzhentseva, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg, Russia)

Patrick Seriot Ph.D., Prof. (Lausanne, Switzerland)

Daniel Weiss, Ph.D., Prof. (Zurich, Switzerland)

Ekaterinburg 2009

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ		8
--------------------	--	---

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Базылев В.Н. Москва, Россия	Политика и лингвистика: «Великий и могучий...»	9
Богданов К.А. Санкт-Петербург, Россия	О чистоте и нечисти: Совполитгигиена	39
Будаев Э.В. Нижний Тагил, Россия, Чудинов А.П. Екатеринбург, Россия	Лингвистическая советология эпохи холодной войны	47
Журавлев А.Ф. Москва, Россия	Об авторстве одного каламбура	53
Синельникова Л.Н. Луганск, Украина	Признаки дискурсивной матрицы гуманитарного пространства нового века	56
Червиньски П. Катовице, Польша	Язык советской действительности: семантика позитива в обозначении лиц (часть 3)	69

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Бушев А.Б. Тверь, Россия	Язык, говорящий о социуме: русский медийный и художественный дискурс об экономике	87
Садуов Р.Т. Уфа, Россия	Графическая литература как составляющая американского политического дискурса	101
Калыгина М.Ю. Новоуральск, Россия	Метафорическая репрезентация миграции в медиадискурсе России, Великобритании и США	109
Герашенко М.Б. Белгород, Россия	Механизмы трансформации реактивизированной лексики русского языка на рубеже XX-XXI веков, номинирующей реалии и понятия сферы политики и государственного устройства	114

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК – ПОЛИТИКА – КУЛЬТУРА

Квят А.Г. Омск, Россия	Свой среди чужих: мифотехнологии рекламного позиционирования	119
Скворцов О.Г. Екатеринбург, Россия	Сопоставительное направление в исследовании семантической сферы «LIGHT/DARKNESS» в зарубежной лингвистике	124

РАЗДЕЛ 4. ИЗ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Будаев Э.В. Нижний Тагил, Россия	О трех направлениях американской политической лингвистики в середине XX века	129
--	--	-----

Кобб Роджер У. Провиденс, США, Элдер Чарлз Д. Филадельфия, США	Использование символов в политике	131
Лейтес Н., Бернаут Э., Гартхофф Р. Галина, Огайо, США	Сталин глазами Политбюро	146
Феллоуз Э. Галина, Огайо, США	«Пропаганда»: история слова	155

РАЗДЕЛ 5. РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА

Григорьева О.В. Нижний Тагил, Россия	Рецензия на коллективную монографию: Discourse, War and Terror // Ed. A. Hodges, Ch. Nilep. – Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2007. – 261 p. (Дискурс, Война и Терроризм. под. ред. А. Ходжеса, Ч. Найлепа. Амстердам, Филадельфия, 2007 – 261 с.	160
Веснина Л.Е., Григорьева Н.И. Екатеринбург, Россия	Международная научная школа для молодежи «Политическая коммуникация» (Екатеринбург, 25-28.09.2009)	163
Правила предоставления рукописей авторами в журнал «Политическая лингвистика»		165

CONTENTS

EDITORIAL		8
PART 1. THEORY OF POLITICAL LINGUISTICS		
Bazylev V.N. Moscow, Russia	Poplitics and linguistics: "Great and powerful..."	9
Bogdanov K. A. Saint-Petersburg, Russia	On cleanliness and filth soviet political hygiene	39
Budaev E. V., Chudinov A. P. Nizhny Tagil, Ekaterinburg, Russia	Linguistic sovietology during cold war	47
Zhuravlev A. F. Moscow, Russia	On the authorship of one pun	53
Sinel'nikova L.N. Luhansk, Ukraine	The signs of discursive matrix of the humanitarian field in the modern age	56
Chervinsky P. Katowice, Poland	Language of the soviet reality: semantics of positive in designation of persons (3)	69
PART 2. POLITICAL COMMUNICATION		
Bushev A.B. Tver, Russia	Language that describes socium: Russain media and belles-lettres discourse on economics	87
Saduof R. T. Ufa, Russia	Graphic literature as a constituent part of the us political discourse	101
Kalygina M. Yu. Novouralsk, Russia	Metaphorical representation of migration in mediadiscourse of Russia, Great Britain and the USA	109
Geraschenko M. B. Belgorod, Russia	The mechanisms of transformation of reactivated lexis, which nominated political realities and concepts at the turn of the XX–XXI c.	114
PART 3. LANGUAGE – POLITICS – CULTURE		
Kvyat A.G. Omsk, Russia	Friend among foes: mythotechnologies of advertising positioning	119
Skvortsov O. G. Ekaterinburg, Russia	Comparative approach in the research into semantic sphere «light/darkness» in foreign linguistics	124
PART 4. FROM THE HISTORY OF POLITICAL LINGUISTICS		
Budaev E.V. Nizhny Tagil, Russia	On three trends in us political linguistics in the middle of XX century	129
Cobb R., Elder Ch.	The political uses of symbolism	131

Providence, Philadelphia,
USA

Leites N., Bernaut E., Politburo images of Stalin 146
Garthoff R.
Galena, Ohio, USA

Fellows Erwin W. "Propaganda": history of a word 155
Galena, Ohio, USA

PART 5. REVIEWS. CHRONICLE

Grigorieva O.V. Discourse, war and terror 160
Nizhny Tagil, Russia

Vesnina L.E., International scientific school «Political communication» for young 163
Grigorieva N.I. scholars (Ekaterinburg, 25-28.08.2009)
Ekaterinburg, Russia

Manuscripts requirements 165

ПРЕДИСЛОВИЕ

Редакционная коллегия представляет двадцатый девятый выпуск «Политической лингвистики». Наш узко специализированный журнал ориентирован на максимально широкий круг читателей и многонациональный состав авторов, представляющих различные научные школы и направления в России и других странах.

Нам приятно, что для очередного выпуска предложили свои публикации известные специалисты профессора В.Н. Базылев (Институт русского языка им. А.С. Пушкина, Москва), К.А. Богданов (Институт русской литературы, Санкт-Петербург), А.Ф. Журавлев (Институт русского языка им. В.В. Виноградова; Институт славяноведения, Москва), Л.Н. Синельникова (Горловский институт иностранных языков, Украина), П. Червиньски (Силезский университет, Польша).

Уральскую школу политической лингвистики представляют профессора О.Г. Скворцов (Екатеринбург), А.П. Чудинов (Екатеринбург), доценты Э.В. Будаев (Нижний Тагил) и Е.В. Горина (Екатеринбург).

В разделе «Из истории политической лингвистики» представлены три статьи, созданные американскими профессорами в середине прошлого века. Н. Лейтес, Э. Бернаут и Р. Гартхофф выступают как представители квантитативной семантики, Р. Кобб и Ч. Элдер используют методы политической семиотики (политического символизма), а Э. Феллоуз применяет приемы психоаналитики.

Как всегда, наш журнал публикует статьи молодых лингвистов: нам прислали свои исследования аспиранты А.Г. Квят (Омск), М.Б. Геращенко (Белгород), О.В. Григорьева (Нижний Тагил), М.Ю. Калыгина (Новоуральск) и Р.Т. Садуов (Уфа).

Мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, но за соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса. Вынуждены подчеркнуть, что сам факт анализа политиче-

ских текстов, созданных Биллом Клинтон, Борисом Немцовым, Кондолизой Райс, Александром Прохановым или Геннадием Зюгановым, вовсе не свидетельствует о том, что автор публикации или редакционная коллегия в какой-либо степени солидарны с политическими взглядами соответствующего политического лидера или журналиста.

С содержанием предшествующих выпусков данного журнала можно познакомиться на сайте cognitiv.narod.ru, а также на сайте Уральского государственного педагогического университета uspu.ru. На сайте cognitiv.narod.ru размещены также другие публикации по проблемам политической лингвистики, преимущественно подготовленные в рамках Уральской школы политической лингвистики. Мы готовы удовлетворить заявки и на пересылку этого и предшествующих выпусков в отпечатанном варианте.

Контакты. Почтовый адрес: 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, кафедра риторики и межкультурной коммуникации (каб. 285).

Телефоны (343) 2357612 (кафедра); (343) 3361592 (главный редактор А. П. Чудинов).

Факс (343) 3361592.

Электронная почта: ar_chudinov@mail.ru.

Приятно сообщить, что наш журнал включен в Каталог Роспечати и можно оформить подписку на него в любом почтовом отделении России (индекс 81955).

Наш журнал включен также в международную систему научных журналов (ISSN), где имеет индекс ISSN 1999-2629.

В январе 2009 года журнал «Политическая лингвистика» был включен в состав базы данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

**С уважением и надеждой
на сотрудничество:**

профессор Анатолий Прокопьевич Чудинов,
доцент Эдуард Владимирович Будаев,
доцент Мария Борисовна Ворошилова,
техн. редактор Анастасия Игоревна Суетина.

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Базылев В.Н.
Москва, Россия

ПОЛИТИКА И ЛИНГВИСТИКА: «ВЕЛИКИЙ И МОГУЧИЙ...»

УДК 81'27

ББК Ш 100.3

Аннотация. *Историографическое аналитическое описание феномена криптолингвистики – парадигмального (т.е. обладающего философскими основаниями, методологической базой, методическими приемами и историческими корнями в лице авангардной советской лингвистики 20-30-х гг. XX в.) способа исследования языка с ярко выраженными политическими целями. Тексты, созданные в рамках криптолингвистики, рассчитаны на широкие слои читающей публики, в основном на молодежь; активно пропагандируются (напр. М.Задорновым). Исследование криптолингвистики выводит нас в сферу современного вненаучного знания (духовно-практического и практически-политического), в сферу языковой игры и бельсайнтистики.*

Ключевые слова: *криптолингвистика, неклассическая эпистемология, вненаучное знание, духовно-практическое и практически-политическое знание, литература формальных ограничений, наррадиigma.*

Сведения об авторе: *Базылев Владимир Николаевич, доктор филологических наук, профессор.*

Место работы: *Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина*

Контактная информация: *123056, г. Москва, ул. Красина, д. 7, кв. 126.*

E-mail: *vladimir@4unet.ru.*

Наука о языке теперь уже прошлого для нас века создала систему понятий, призванную обобщать, интерпретировать и дешифровать окружающий человека вербальный и невербальный мир, переводя последний в план вербального. При этом дешифровочные символы, разработанные вне реального мира, гипостазируются, т.е. превращаются в самостоятельные автономные сущности. Те понятия и символы, которые были выработаны для обобщения окружающего мира, в пространстве языка превращаются в некие магические сущности, управляющие этим миром. Вообще, для лингвистики XX века характерна вера в некие «ключевые» языковые (речевые) феномены, которые управляют всем. В бытие языка должны быть некие, считают лингвисты, а вслед за ними другие, скрытые возможности, доступ и овладение которыми обеспечивает власть над миром. Для сегодняшнего времени стало типичным представление о языке как о некоей встроенной в нашу вселенную, в человека, в общество (т.е. в микро- и макрокосм) системе управления и регулирования. Наверное, это вытекает из сути использования языка (пользования языком) как особого метода познания мира [Степанов 1995: 7-34]. Следует также учитывать, как это предлагает А.Д. Васильев,

Bazylev V.N.
Moscow, Russia

POPLITICS AND LINGUISTICS: «GREAT AND POWERFUL...»

ГЧТИ 16.21.27

Kod BAK 10.02.01

Abstract. *The present historiographical analytical description is devoted to the phenomenon of cryptolinguistics. That is the way of research into national language (also known as «linguofreak») characterized by outspoken political purposes, with its own methodology and tradition i.e. Soviet vanguard linguistics of the 20-s. The texts created within cryptolinguistic tend to address to wide range of readers, mainly the young. They are intensively propagated and lead to the sphere of contemporary extra-scientific knowledge i.e. spiritual-practical activity and practical-political activity, language games and belles-sciences.*

Key words: *cryptolinguistics (linguofreak), non-classical epistemology, extra-scientific knowledge, spiritual-practical activity and practical-political activity, language games and belles-sciences.*

About the author: *Bazylev Vladimir Nikolaevich, doctor of philology., professor.*

Place of employment: *The Pushkin State Russian Language Institute.*

весьма специфический характер языковой ситуации, складывающейся в России в период перманентного всеобщего реформирования (от системы государства до системы образования), и по сей день остающейся не вполне сбалансированной. Справедливо, что современная российская языковая ситуация не может быть осмыслена без анализа изменений в общественном и личностном сознании [Васильев 2008: 160 сл.].

Вера в существование подобных скрытых систем управления проявляется как представление о тайных сверхъестественных силах, присущих языку. Такого рода философские представления о языке можно назвать криптолингвистикой (Криптолингвистика – это термин, предложенный мной и образованный по модели: крипто- (от греч. *kryptós* – тайный, скрытый), часть сложных слов, указывающая на к.-л. скрытое, тайное действие или состояние, например, криптозоология, криптоистория, криптометрия, криптография и т.д. Следовательно, может существовать как термин и «криптолингвистика». Но уже существует и автортермин (у таких авторов как Драгункин, Образцов, Алексеев и др.). М. Задорнов вслед за ними популяризирует его: «лингвофрическое описание языка» (от англ. *freak*) (см., напр., сайт *linguofreaks*.

narod.ru/zadornov)). При этом надо помнить, что в любой философии языка воплощается определенный тип исторического мышления.

О том, насколько распространены в современной социальной мысли подобного рода криптоконцепции, может свидетельствовать нижеследующий критический пассаж, направленный Славоем Жижекком против современной западной леволиберальной мысли: «Если традиционные культурологические исследования критикуют капитализм, то делают они это в соответствии с типичными кодами голливудской паранойи: враг – это «система», скрытая организация, антидемократический заговор, а не просто капитализм и государственные аппараты. Проблема этой критической установки не только в том, что она подменяет конкретный социальный анализ борьбой с абстрактными паранойальными фантазиями, а в том, что – в совершенной паранойальной манере – она без необходимости удваивает социальную реальность, как если бы за «видимыми» капиталистическими и государственными органами стояла тайная Организация. Нужно признать, что нет никакой необходимости в существовании «организации в организации», заговор уже присутствует в самой «видимой» организации, в капиталистической системе, в том, как функционируют политические пространства и государственные аппараты» [Жижек 2003: 21].

Следует, наверное, различать альтернативно-историческую лингвистику (кондициональную лингвистику) и криптоисторическую лингвистику [Базылев 2004: 45]. В первом случае, придумываются новые, не бывшие в реальности исторические события языкового существования, во втором – лингвист придумывает фантастическое объяснение уже существующих исторических языковых событий (явлений). Но у обоих этих направлений современной лингвистики имеется серьезное методологическое сходство. В основе исследований альтернативной истории языкового развития лежит принцип так называемого контрфактического моделирования. Описываются события, которые могли произойти в прошлом, при условии, что то или иное событие не свершилось бы. С точки зрения методологии познания, криптолингвистика – это борьба с однофакторными моделями процессов – и в защиту многофакторных моделей [Фрумкин 2004].

Гуманитарные науки, в т.ч. лингвистика, еще не открыли закономерностей, железная непреложность которых была бы очевидной для массового сознания. Соответственно, и игнорирование мнения этих наук не производит отталкивающего впечатления на читателя. Гуманитарные науки, в т.ч. лингвистика, стремятся к объяснению мира, что неизбежно порождает мифологию. Мифология возникает из попыток объяснить мир с помощью воображения. Воображение, находящее свое воплощение в

мифологических образах, – это форма теоретизирования. Мифология – это произведение объяснительного воображения. Создается идеальная, воображаемая модель действительности. После того, как у нас есть воображаемые образы, мы имеем материал, которым можно манипулировать. Чистая фантазия, таким образом, является производной от репродуктивного воображения. С образами реальности можно работать как с материалом, их можно сознательно искажать. Речь идет о преодолении человеком своей скованности и пассивности в рамках пассивного отражения действительности, т.е. речь идет об открытии вымысла. Именно поэтому, с точки зрения наших современников, возможно изменение взгляда на историю, например, государства, которое так привычно называлось в школьном учебнике Киевской Русью. А.А. Бычков, опираясь на им самим признаваемую утерянную «Моравскую хронику», скандинавские саги, иранские сказания, свидетельства немецких историков, а также книги греческих и латинских авторов, делает поразительный вывод: никакой Руси не было. А заученная из школьных учебников «истина» – это не более чем легенды и сказки [Бычков 2006].

Откроем серию книг, которую можно охарактеризовать как относящуюся к криптолингвистической литературе начала нынешнего века. Одна из них имеет характерные подзаголовки: «Раскрыт великий секрет первородного русского слова. Найден лексический слой начала цивилизации». В начале книги читаем: «Начнем, благословясь! Начнем нашу былинную повесть о русском слове. Начнем заново, без оглядок на догматические заплоты. Новые времена требуют новых подходов в любой науке, в том числе и языковедческой, в которой догмы прошлого века караулили с ружьем наперевес каждую нестандартную мысль. <...> А что нынешняя наука? Перепевы, пересказы уже говоренного. Когда нечего сказать, ссылаются на авторитеты <...>. Сегодня мы открываем великую тайну русского первородного языка <...>. Почему мы так чтим святого Николая Чудотворца? Да потому что озарение к нам пришло вскоре после того, как мы прикоснулись к его святым мощам. Порой сложные догадки приходили сами по себе, с помощью какой-то неведомой нам интуиции. Это не суеверие, это вера в сокровенные тайны, таящиеся в окружающем нас мире, вера в святую истину....» [Писанов 2008: 3].

Открываем другую книгу и читаем: «Празднование 2000-летия христианства на Руси сопровождалось чествованием христианских святых Кирилла и Мефодия, считающихся создателями славянской письменности. До настоящего времени, однако, по вопросу о существовании в дохристианские времена письменности на Руси продолжают горячие дискуссии. И не

без основания. <...> Русская Православная Церковь твердо стоит на том, что христианство в лице святых Кирилла и Мефодия «принесло свет в языческую тёмную Русь... <...>. Современные российские исследователи утверждают, что древнейшие документы написаны на одном языке. Путем расшифровки древнейших текстов они доказывают, что этим *единым языком* по своей грамматической структуре и коренному словарному составу является *древнеславянский (древнерусский) язык*. На основе единого древнерусского языка была создана письменность этрусков, Древнего Египта и Индии, жителей острова Пасхи и других древних народов.<...> Результаты их исследований показывают, что древнеегипетским жрецам были известны все буквы современного русского алфавита (за исключением «Э», «Ъ», «Ь»)» [Плешанов 2002: 17-22].

Читая это, можно согласиться с М. Мерло-Понти, что «язык не до конца прозрачен: он нигде не отступит, чтобы дать место чистому смыслу, он всегда ограничен только языком» [Мерло-Понти 2001: 47]. Однако надо различать смысл, предположительно содержащийся в тексте, и смысл, который, безусловно, возникает в человеке, – а не в тексте, – но под влиянием текста. Само человеческое восприятие, по сути, представляет собой первичное воображение. А воображение есть ориентация человеческого сознания на отсутствующую в данный момент реальность. Также вполне уместно было бы напомнить, что чтение является не только открытием, но и изобретением, созданием смысла литературного произведения. Создаваемый литературным произведением мир сводится к тексту и существует лишь в рамках текста; в литературе возможные миры – это лишь различные тексты, и мир есть текст. Текст представляет собой рабочий код. Текст содержит систему стимулов для воображения, он направляет его. Культуру и текст связывает между собой общение человека ради какого-либо блага. Людское море общается ради различным образом понимаемого блага, создавая одновременно множество культур и множество текстов, ради блага передавать истинное знание и любить это знание. Говоря о языке, авторы выстраивают коммуникативные тактики, стремясь удержать людей в рамках текста знания, а люди, слушая это, отвечают коммуникативными тактиками, удерживаясь в рамках данного текста. Тем самым создается университетская, академическая культура, культура передачи знания или науки. Нельзя просто пренебречь законами научного текста, перейдя на другой язык, нельзя также поменять место текста в культуре. Эта точка зрения принадлежит В.В. Меликову, который очень удачно описывает ситуацию, сложившуюся в современном гуманитарном знании, в т.ч. в лингвистике [Меликов 1999: 60]. Я продолжу его размышления, приведя вначале краткий пример – на много-

миллионную аудиторию телезрителей пользующаяся авторитетом личность произносит следующий текст: «Интересно, на том месте, где было больше всего берлог в Европе, теперь находится город Берлин. Традиционные историки не знают происхождения названия столицы Германии, потому что им в голову не приходит, что вся Европа была заселена единым праславянским народом, который говорил на языке наших предков. Я был на острове Рюген в Балтийском море (по-славянски Руян, пушкинских сказках – Буян). На острове до сих пор сохранилось славянское капище бога Святовита. То есть на всех этих северно-европейских землях жили наши прямые предки. Поэтому многие географические названия в Европе расшифровываются только в том случае, если знать значение корней древнерусских слов. Пруссия – поморская Русь, Сербия – серебряная Русь... На всем пространстве от Вены до Венеции жили венецы. Народ скандов ушел в невидимый мир полярной ночи – нави! Образовалась Скандинавия. Лондон – лоно на Дону. Слово «дон» означало река. Часть Великобритании, Уэллс, названа в честь славянского бога Велеса. Помимо множества своих обязанностей, Велес еще отвечал за домашний скот. Поэтому место, неподалеку от Уэллса, где поклонялись Велесу и разводили скот, было названо Скотландия... Этот список можно еще продолжать» [Задорнов: zadornov.net]. Обращая внимание на то, что М.Задорнов выступает в данном случае не как сатирик, но как историк и писатель. Он не пародирует, а пропагандирует. Достаточно указать на такие признаки пропагандистского жанра, как его участие в передаче Гордона на Первом канале ТВ, или проведение встреч, посвященных рассказу об идеях лингвофрического описания языка.

Я сознательно привожу такой «абсурдный» – с точки зрения «академически воспитанного» историка, филолога, культуролога, журналиста и любого другого гуманитария – пример, чтобы высветить некоторые важные моменты своего рассуждения о данном тексте. Что происходит в данном случае, если мы разберем этот случай на языке науки? Происходит «борьба» текстов. Текст в виртуальном событии выступил в одной из главных своих ролей – место-держателя культуры. Своими коммуникативными тактиками, своей формой текст удерживает общение и благо вместе, буквально «в месте» культуры, в рамках разумно-духовной целостности. И, совершенно закономерно, что происходит столкновение текстов, в котором побеждает тот, кто в состоянии удерживать культурную целостность или предложить такие коммуникативные тактики, которые представляются субъекту адекватными данной культурной целостности. Такие столкновения текстов происходят постоянно, в том числе и в микромире культуры, на уровне индивидов, и в макромире культуры, на уровне больших людских

общностей, этнорегиональных групп, государств. Человек должен повторять затверженный текст, если он хочет быть «своим» по отношению к культуре. В том случае, если он не воспроизводит текст, принятый культурой, как считает В.В. Меликов, возникает конфликт на уровне индивидов или на уровне микрообщности [Меликов 1999: 61].

Именно такой конфликт – когнитивный конфликт – возникает в среде профессиональных филологов, когда они читают следующие строчки: «В Библии в книге Пророка Иезекииля есть одно знаменитое место, споры вокруг которого идут до сих пор. В синодальном переводе оно звучит так: «Обрати лицо твое к Гогу в земле Магог, князю Роша, Мешеха и Фуфала...» (Иезекииль 38: 2-3, 18 сл.). Рош упоминается также и в книге Бытия (46:21). О Гоге и Магоге говорит Апокалипсис (20:7)... По мнению некоторых средневековых хронистов, Гог и Магог – это готы и монголы. Например, в XIII в. венгры считали, что Гог и Магог – это татары. По сообщению Карамзина, название Гог и Магог относилось некоторыми историками к хазарам... Наша гипотеза очень проста. Под словом Рош или Нос имеется в виду Русь. Кстати, в западноевропейском восприятии слово «Россия» пишется, например, по-английски как Russia и читается как Раша, то есть все тот же Рош. Под словом Мешех имеется в виду Мосох – легендарная личность, по имени которого была названа Москва (как считали средневековые авторы). Под словом Фуфал имеется в виду Тобол (в Западной Сибири, за Уралом). Дело в том, что «ф» (фита = тэта) может читаться и как «т» и как «ф», а звук «в» часто переходит в «б» и наоборот (из-за двойного прочтения греческой виты = беты). До сих пор Тобол и Иртыш – один из центров казачества. Впрочем, отождествление Фувала русского синодального перевода Библии с Тоболом не нуждается в рассуждении о различном звучании «фиты». Берем английскую Библию и смотрим, как в ней переведен «Фувал». И видим: Tubal, то есть попросту Тобол! Гог назван «главным князем (= принцем)» в земле Магога, Мешеха и Тубала (Тобола)» [Носовский, Фоменко 2000: 107-109].

Или такие: «Традиционалисты в установлении этимологии индоевропейского слова “рыба” дошли до корня “*resc**” – и остановились, потому что для того, чтобы идти далее, у них не хватило “общего и среднего образования” и/или смелости! Из “*resc**” со временем получилась и fish (р → f и sh → ск, и греч. (р+)ichthios), а вот откуда появилась сама *resc**? Давайте предположим, что встает утром рано древний человек и идет, естественно, к речке... Кого первым делом он видит в ясное солнечное утро, наклонившись над чистой водой средне-русской речки с пес-ч-аным дном? – На фоне пес-ч-аного дна (= песк-а) он видит различных рыбок... Как он может их назвать? Разве не

“песк-арями”?! А потом, естественно, это название он для начала распространил и на всех рыб. А еще потом русское слово песк-арь потеряло окончание и уже как общий корень *resc** было унесено в Европу отколовшимися / мигрировавшими праславянами / праевропейцами, у которых стало означать уже “рыбу” вообще. Для меня, учитывая мои открытия – костяк согласных, постоянные соответствия и реконструкция – слово “р-ы-б-а” – это просто претерпевшее метаморфозы русское праслово “п-лыва” (“п-лы-ва” / “плот-ва” / лат. s-prat-tus / англ. s-praf). А литовское слово žuvis «рыба» не имеет никакой этимологии без насыщенного смыслом русского слова «живец» и прарусского зъв! Поэтому гораздо вероятнее, что сначала человек назвал всех этих “живых” существ зъвами, потом “п-лыв-ами/рыб-ами” (по самому главному их признаку), а потом выделил и самый многочисленный их отряд по другому (вторичному) признаку – по “песку” – ведь, пожалуй, только на фоне “песка” рыб в воде и можно хорошо разглядеть. А еще потом это название распространилось (с уходом от нас “отрядов” пранародов) и на всех рыб вообще!» [Драгункин, Образцов 2005: 327-330].

Создание подобных текстов связано с тем, что человек интересуется описанием намерений, равно как и любого другого субъективного состояния – все это, конечно, лишь частный случай еще более общей ситуации, когда реципиент оказывается неспособным понять намерения создателя символической (знаковой) формы, возникающей из асимметрии процессов ее создания и интерпретации. Создатель символа, т.е. создатель языка, может руководствоваться мотивами, которые в самом символе не вычитываются или вычитываются не полностью. Интерпретатор может легко поддаться смысловым ассоциациям, порожденным внешним видом символика. Но поскольку «читатель» все-таки как-то интерпретирует символика, то у последней возникает «поверхностный», «буквальный» смысл, возникающий из ошибок интерпретации. Буквальный смысл символика вполне может не соответствовать реальности – тем более, что он уже не соответствует тому исходному смыслу, который в символическую форму вложил ее создатель. Отсюда следуют и типичные причины сбоя в «миросозидательной» работе языка: наличие в языке противоречий, не позволяющих вообразить мир целостным; наличие в языке знаков, не обладающих для человека (определенным) значением; наличие в языке тропов, переключающих внимание человека с содержания на форму.

Язык (его существование) нацелен на дешифровку окружающего мира. Но сам по себе язык как феномен, который доступен нашему восприятию, недостаточен как опыт (попытка) дешифровки. Его самого нужно особым образом прочесть и расшифровать, дабы извлечь

необходимый нам смысл. Правда, в современной философии пока большим уважением пользуются теории, отрицающие наличие у вещей и текстов какого-либо «подспудного» смысла и сводящие мир к совокупности «поверхностей». Такова феноменология, которая отказывается делать суждение о субстанциональности феноменов, таков же постмодернизм, сводящий смысл текста к отсылке к другому тексту [Антология... 1998].

Процедуры дешифровки, при всем их разнообразии, обладают одним общим свойством – они механически увеличивают количество данной человеку информации. За всем этим проглядывает своеобразная жадность человеческого разума – все, что ему дано, оказывается недостаточным, ко всякому данному необходимо дополнение, и дешифровка есть имеющийся у разума способ дополнить данное, опираясь исключительно на собственные силы. Порою создается впечатление, что в окружающей нас культуре все, что непосредственно находится перед нашими глазами, интересным быть не может, истинная ценность невидима либо, в крайнем случае, находится на периферии нашего кругозора. Можно говорить о действующем в мировой культуре принципе примата невидимого. Он формулируется очень просто: тайное важнее явного. Более того – тайное, как правило, управляет явным.

Об этом будет сказано в книге Л.П. Писанова и В.Л. Писанова так: «У каждого слова есть свой генетический код, который унаследован от понятий-первопредков. Само слово рассказывает о своем происхождении. Среди диких перволюдей могли появляться свои гении, которые первыми начали создавать звуки в помощь жестам... Затем звуки стали складываться в некую систему, что послужило основой для взаимопонимания... Сегодня вполне возможно выделить слова из того словарного состава самых древних, которые подобно археологическим окаменелостям все еще существуют и в современном языке... До нас дошел язык хотя и измененный, но тот самый, что произносили наши предки задолго до письменных времен... Наши прапращуры говорили на том же языке, на котором сегодня говорим мы... Откуда взялись самые разные слова, например: знак, столица, береза, кладбище, уголовник? Мы впервые называем истинное происхождение многих русских слов, славянских слов... Мы открыли великолепное «подземное» царство русской речи...» [Писанов 2008: 7].

А книга В.В. Колпакова и Г.Д. Колпакова «Звуковая лингвистика для всех. О смысле звуков, букв и слов человеческой речи» начинается с эпиграфа на титульном листе – с цитаты, отсылающей к Библии, и таким образом оправдывающей, определяющей, мотивирующей и освящающей весь лингвистический труд авторов: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог (Иоанн I-1)»; «На всей

Земле был один язык и одно наречие (Бытие XI-1)». Далее дается ссылка на Святых Кирилла и Мефодия и говорится: «Все звуки, перешедшие во все языки с неизменным смыслом, происходят из одного первого языка, и либо придуманы самим Адамом, что менее вероятно, либо получены им свыше еще в Раю, то есть переданы ему готовыми от самого Бога, что более вероятно... В предисловии говорится также, что «разгадан смысл звуков человеческой речи. Звуки произошли от одного первого языка, который был на Земле до строительства Вавилонской башни, и возможно даже был получен Адамом в готовом виде еще в Раю... Позднее разными народами из этих звуков первого языка были составлены, как молекулы из атомов, все слова различных языков планеты. Смысл самих звуков при этом не изменился. Зная его, можно легко понять звуковой смысл любого слова из любого языка Земли» [Колпаков 2002: 2, 7, 9, 14].

Учения о таинственном имеют солидную историю в мировой философии – от *идей* Платона, которые может видеть лишь *бог*, до *вещей-в-себе* Канта, которых не может видеть никто, но которые являются трансцендентным источником *вещей-для-нас*. Весьма откровенной формулировкой этого принципа как гносеологической нормы стало истолкование понятия истины Хайдеггером, который, как известно, утверждал, что истина – по-гречески «алейтея» – это нечто скрытое, и задача философа заключается в том, чтобы разоблачить, вывести ее на свет из сокрытия. Но, наверное, наиболее эксплицитная и наиболее сочувственная формулировка данного принципа принадлежит Фридеману Шварцкопфу, который писал: «Задача человеческого понимания заключается в том, чтобы действительность предстала проникнутой чем-то, что и есть неданное, причем это неданное есть не что иное, как «логос», формирующий принцип действительности. <...> Человеческое же «логосоподобие» проявляется в способности придавать значение, прибавлять нечто к уже сказанному» [Шварцкопф 2000: 136].

Таким образом, речь идет, как я уже говорил, о своеобразной дешифровке. Парадокс в том, что среди нуждающихся в дешифровке кодов человек чувствует себя гораздо уютнее, чем в мире пророчеств, претендующих на предельную ясность. Возможно, здесь сказывается то обстоятельство, что в момент дешифровки человек становится хозяином положения, и он может изменить характер толкования в соответствии со своими желаниями. Не будучи в силах изменить знаки, человек легко меняет их значения. Если понять дешифровку как творческий акт, то в момент дешифровки человек становится творцом новой Вселенной [подробнее см. Кутти 1990].

Именно это можно наблюдать по основным современным криптолингвистическим текстам. Приведем несколько конкретных примеров.

«Слог | (далее | в современном произношении – й, я, ё, ю, а, о, -ня, -ну, -ва) – изначальный звук, но в то же время и слог, не вполне согласный, но и не гласный, сочетает мягкость с твердостью и представляет всю Вселенную, а потому является обобщением всех энергий (стихий), как мужских, так и женских. Соответственно в рунах передается самым простым, можно сказать, изначальным знаком – чертой. Двойной || ii (йй), – означает Вселенную, соответственно iikъ (в современном русском языке – яйцо) – это миниатюрная округлая копия Вселенной. Человек как микрокосм, созданный по образу и подобию, называет себя одним | – я, древнерусские варианты – я, язъ, южнославянский (церковнославянский) вариант – азъ. <...> С этой руны начинается слово алатырь (из iitърь), в церковно-славянском произношении – алтарь, в западноевропейских языках – altar. Само слово обозначает «вселенское движение энергий». <...> Бел-горюч камень Алатырь символизирует центр нашей Галактики – Млечного Пути. Почему млечного? Потому что, когда молоко коровы Земунь (нисходящий энергетический поток из центра Вселенной) льется на Алатырь (центр, ядро Галактики), оно (молоко) расплескивается вращательным движением (коло-вращением), образуя молочные реки (свастичные звездные рукава) и кисельные берега (темные полосы газовых туманностей) Млечного пути (нашей Галактики). Поскольку с осознанием себя как сущности возникает некое отделение себя от окружающего мира и разделение окружающего на свое и чужое, | обозначает также и принадлежность. Конечные в, н, нь в суффиксах -ов, -ин: Соколов, Галкин, и в корнях слов: день, тень, лень, плетень также образуются из | и обозначают принадлежность какому-либо существу либо качеству. <...> От | происходит окончание повелительной формы глаголов: дай, беги, летай – в грубом переводе на современный язык – «имей да; имей бег; имей лёт!»). | является начальным слогом самого первого глагола ить (изменившегося затем в -ять, -ить, -нуть), обозначающего принадлежность к какому-либо качеству, либо его приобретение, являясь составной частью великого множества глаголов: делать и девать из де-ять; давать из да-ять, веровать из вера-ять и т. д...» [Корелин 2008: 23-25].

Криптолингвистика противопоставляет дискурс осведомленности и посвященности дискурсу анализа. Чтобы понять исторические события, связанные с языком (эволюционные события), не важен никакой анализ тенденций и фактов, надо познать тайну языка; не обобщать рассеянные факты (это уводит нас и лингвистику в дурную бесконечность), а выявлять концентрированные компактные субфеномены.

Дискурс осведомленности считает язык уже обработанным некоей разумной силой так, что в нем, как в рукотворной машине, выработались управляющие подсистемы, в то время как дискурс анализа считает язык феноменом, более близким к природе и в историческом масштабе неуправляемым.

Поэтому и сожалеют авторы: «Читая труды О.Н. Трубачева, понимаешь, какая колоссальная творческая энергия затрачивалась на поиск родословной каждого исследуемого слова. И сожалеешь, что происхождение многих слов с помощью нашего метода можно было бы обнаружить и проще и точнее. Особых доказательств не требуется. Мы возьмем самые наглядные примеры... Восстановим знаменитое слово Москва-река в его истоках. Гидроним МОСКВА – НОСО-КО-ВО: НОС – носить, КО – к, ВО – река ОКА, в которую впадает Москва-река, она называлась ВОКА – обязательное начало с согласной. Все было много обычнее, чем мы думаем сегодня, накручивая сотни разных смыслов. НОСЯЩАЯ К ОКЕ – вот так просто расшифровывается слово МОСКВА – НОСКВА, в которой «лишнее» О сократилось [Писанов 2008: 199].

Это своего рода связь с традицией – отсюда и основная заявка авторов: «Мы открыли великую тайну русского слова. Это не самоуверенность. Это факт. Корифеям русского языка трудно поверить в то, что они всю свою творческую жизнь прокладывали дороги вдали от истины. Для них лучше не признать «чужое» открытие, чем признаться в том, что они шли своим, но ложным путем <...> Попытки, предпринятые под руководством О.Н. Трубачева, заслуживают внимание – как попытки.<...> Мы проанализировали множество публикаций по истории языковедения, но ничего подобного нашему методу реконструкции древнего слова не нашли <...> В нашем методе начисто отсутствуют так называемые заимствования, мы отбросили индоевропейский миф на забаву любителей. Все это нам ни к чему <...> Этимология – наука, которая может найти значение слова в момент его первоначального состояния. Именно этого мы и добились, как это ни самонадеянно звучит <...> Наш метод дает не только неожиданные, но и ошеломляющие открытия, которые расшатывают коренные представления о происхождении языка <...> Великое достижение – человеческое слово. Однако произошла некая его фетишизация. Слово – это последний, завершающий этап глобального развития языка. Праславянская лексикология зиждется на понятиях, и этот язык – еще без слов – существовал тысячелетия. Поэтому изучать язык, не вникнув в его глубины, дело бесперспективное. Конечно, трудно поверить, что тысячелетия славянский язык состоял всего из 12 звуков. Но это так. Неожиданно для себя мы открыли генетические элементы славянской

лексики. Мы знаем первые звуки-понятия, произнесенные нашими прапредками. Здесь нет фантастики, но есть фантастические факты» [Писанов Л., Писанов В. 2008: 5-6].

Напомню еще раз свою критическую мысль, высказанную ранее: интерпретатор может легко поддаться смысловым ассоциациям, порожденным внешним видом символики, т.е. не увидеть вложенную создателем символов послания за их внешностью. Но поскольку «читатель» все-таки как-то интерпретирует символику, то у последней возникает «поверхностный», «буквальный» смысл, который вполне может быть фантастическим. Подобная фантастика, или фантазирование на тему языка, возникает из ошибок интерпретации. Буквальный смысл символики вполне может не соответствовать реальности – тем более, что он уже не соответствует тому исходному смыслу, который в символическую форму вложил ее создатель.

Действительно, в культуре можно подсмотреть и раскрыть тайну, как в эзотеризме, а можно рассеять ее в миллионах фактов и подробностей, которые можно обобщать до бесконечности. Вопрос в том, какой природы будет эта компактность: компактность концепции, обобщающей разрозненные факты, или компактность факта, признаваемого (признанного) ключевым? У нас – лингвистов – пока нет в руках теории, которая позволяет понимать и предвидеть развитие (эволюцию) языка. И это закономерно: ведь в реальной действительности языковые (речевые) факты существуют в рассеянном виде, и их концентрация в лингвистических теориях и категориях будет неизбежно их искажением, сделанным для нужд слабого разума, неспособного оперировать разрозненными сведениями. Факты языкового существования лингвистам приходится собирать по крохам. Наконец, даже тогда, когда факты достоверно установлены, их интерпретация, понимание движущих сил исторических эволюционных процессов все равно остается предметом запутанных теоретических разногласий, – даже если у лингвистов нет расхождений в описании фактической стороны; впрочем, описание зависит от интерпретации, а та от описания, и это – замкнутый порочный круг, неразрешимая герменевтическая проблема.

«Слабость» науки оказывается «капиталом» в руках криптолингвистов. Неизвестные, малоизученные либо недостоверные зоны истории языка являются наиболее благоприятной почвой для криптолингвистики. Важно понять: криптолингвисты говорят не о тайных фактах языка и его жизни (бытия), а о тайных пружинах языковых событий (механизмах).

Приведем два примера. (1) «Загадки слова больше не существует. С открытием Универсального Семантического Кода становится доступными не только сокрытые значения слов любых языков, но и механизм управления природой на всех ее уровнях. Идет ли речь о

смысле научной или эзотерической терминологии, о смыслах сакральных книг, об этнических культурах или особенностях поведения насекомых или человека – не имеет значения. Все, как выяснилось, проясняется единым кодом и им же управляется. <...> Помимо мира материи есть мир семантики, который состоит из значений и смыслов. Имеются в виду, прежде всего, значения и смыслы слов. Мир семантики, как и мир материи, бывает явленный и сокрытый. Явленный мир семантики складывается из явлений значений слов. Значение – это свойство слова вызывать в нашем сознании образы слов и вещей и некоторые знания о них. Например, если мы слышим слово «карандаш», в нашем сознании возникает образ карандаша, а вместе с ним и то, что мы знаем о нем... Так с помощью слов мы можем передавать наши знания другим людям... Кроме явленных значений имеются сокрытые значения, или этимоны (ср. с термином «атомы»). Далеко не всегда мы знаем, почему данная вещь называется данным словом <...> Раскрытие сокрытых значений. Если что-то непонятно в русском языке, надо прочитать непонятное слово по-арабски. Если что-то непонятно в арабском языке, надо прочитать слово по-русски. Сорока по-арабски означает «воровка», лес – «густой»... Это сокрытые значения слов. Другими словами, сорока в русском языке названа так, потому что ворует, лес – потому что густой... Например, есть в арабском языке слово «ашвал». Оно означает «левша», но никто из арабов не знает, почему оно так называется. Прочитаем арабское слово справа налево (так пишут арабы), получим «левша»... Подобно элементам химии элементы симии (языки) тоже пронумерованы. Вот как раз первым в этой таблице стоит русский язык с номером один, а вторым – арабский с номером четыре. Русский и арабский вместе (РА) соответствуют Солнцу... Солнце дает белый свет, РА дает черный свет... Дело в том, что если белый свет разложить, как это происходит в радуге, то получится семь цветов в таком порядке: красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синий, фиолетовый. Если соединить красный и зеленый, получится черный цвет. Этим цветом как раз пишется предвечная мудрость. Носители русского и арабского языков, сами того не подозревая, пытаются показать, что и они вместе со своими языками пронумерованы. Русские во всем стараются быть первыми. Арабы считают зеленый цвет священным, и стараются как можно чаще использовать четверку в своих делах: зеленый цвет государственного флага Саудовской Аравии, четыре дозволенные жены, четыре свидетеля в суде, четыре источника мусульманского права...» [Вашкевич 2002: 7-11]. (2) «Выражение «ура». «Ура» — до наших дней сохранилось в качестве боевого клича у русских и у других славянских народов, у англосаксов, германцев, турков с некоторым созвучным изменением — *hurra*

(хурра). Известно, что раньше воины, идя в атаку, выкрикивали *имя своего племени*. Отсюда следует, что эти народы были все из племени ура. <...> «Ура» => «У-РА», то есть «у Ра», «из Ра», «из под Силу дающего», то есть «из-под Солнца», «из солнечного племени». «Ура» и «ари(й)» — звуковые вариации имени одного племенного объединения (народа), возникшего из-за большой территории расселения. <...> Название «Урал» в действительности «ур ал». Древнеславянское слово «ал» — «был», Отсюда Урал — прямое указание, что здесь некогда жили ура. <...> Древнее государство Урарту также включает «ура», но здесь рядом с ним стоит другой народ — ара. Название Урарту означает: «ура-ара ту(м)». «Амур»=«ам ур» => «(м)ам ур». <...> В свое время могучая тюркская империя в период своего расцвета простиралась от Великой Китайской стены до Черного моря. Слово «тюрк» в действительности означает «ти ура => тут ура». Турция — слегка измененное — «Ту(м)-ур-жия». Уругвай => «ура его ваи» => «ура его осно(ва)ли». Парагвай => «(п)ара его осно(ва)ли». <...> За Уральским хребтом начинается Сибирь = «си би ири» => «страна Ири (иров или ура)». Ира были не только за Уральским хребтом, но занимали огромную территорию от Памира => «па им ура» до Тира => «ти ура». Древнейшее государство Ассирия => «аз си ири». <...> Арал (Аральское море) — указывает на другой народ — ара. Восточной границей ара были Канарские острова: «кани ари» => «конец ари», далее через Аравийский полуостров в Армению — к Аралу. При этом, ара-б, ара-бы тоже имеют этот корень. Поэтому древнеарабскую цивилизацию следует считать частью единой — белой арийской расы. У другого конца света стоят индейцы Ауру-кане => «ара и кани». Здесь можно только добавить, что «ар» от «ЪАР» — ключа к расшифровке математической системы русского алфавита и смысловой матрицы русского языка, а [«РА»] = 18 + 1 = 19 => 1 + 9 = «1» (фрактал, отражающий Единство Мироздания, как будет показано далее) не только культ бога «Солнца» у многих народов. Слово «ра», встречается в составе многих современных слов русского языка. Как будет показано далее, «РА» — это высокочастотный код автоматической связи человека с Космосом (на основе использования функции обертон)» [Плешанов 2002: 17-22].

Конечно, криптолингвистическая парадигма отражается в дискуссиях, выходящих далеко за пределы собственно лингвистики, дискуссиях, затрагивающих историю и тем самым политику. Что касается собственно лингвистических дискуссий, то они носят маргинальный характер. Профессиональные лингвисты стараются не обращать внимания на данные публикации.

Для авторов криптолингвистических текстов самое ужасное заключается в том, что с ними никто не хочет полемизировать. Они не

просто воспринимают себя в качестве обиженных и непонятых авторов. Они не столько обижаются, когда их называют графоманами. Нет! Они воспринимают себя мучениками. Один из разделов книги братьев Писановых, которая уже цитировалась, называется «Слово — в прозе прицела»: «Есть те, кто все еще боготворит «ценителей русского языка» (имеются в виду сотрудники Института русского языка РАН им. В.В. Виноградова) выше всяких святых, в том числе Николая Чудотворца. Находятся традиционные монополисты на русский язык. Не смей думать о происхождении слов не понашенски! Мы написали — и точка! Развелось вас, мыслящих иначе... Прошло время, когда вся наша наука шла строем, под конвоем и равнялась на идеологическое знамя. Политические ярлыки заброшены в урны. Что дальше? Станет ли словесная наша наука наукой или скатится к ее суррогату? Опасения есть» [Писанов Л., Писанов В. 2008: 275].

Однако полемизировать стоит. При этом речь должна идти не о специальных дискуссиях по вопросам подлинности или фальсифицированности каких-либо текстов (напр. Велесовой книги). Речь должна идти о научном анализе криптолингвистических текстов.

Одна из таких единичных фундаментальных дискуссионных попыток — это статья А.А. Зализняка в журнале «Вопросы языкознания». А.А. Зализняк пытается проанализировать причины возникновения фоменковского лингвистического подхода, доказать их несостоятельность. При этом он воспринимает сочинения А.Т. Фоменко не как произведения научно-фантастического жанра, или интеллектуальную игру, или пародию, или новое вероучение, а как научную концепцию. В этом случае к ней, как ему кажется, естественно применять принятые в науке критерии доказательной силы того или иного утверждения. А.А. Зализняк правильно отмечает, что подобные, как мы их называем, криптолингвистические тексты встречаются сочувствие у определенного круга людей: многим эти построения нравятся именно своей экстравагантностью и революционностью. Обычно особенно импонирует то, что ниспровергается «официальная наука». Есть также немало читателей, которым просто нравится захватывающая новизна сюжета, бойкость и размахистость изложения, элементы нового жанра, смыкающиеся кое в чем с детективом и с научно-фантастическим романом. Для многих притягательна скандальная слава, которую приобретает учение А.Т. Фоменко, а также картина крушения всего, что еще недавно было школьной прописной истиной, что, как всякое апокалиптическое зрелище, возбуждает. При этом А.А. Зализняк признает, что у гуманитария вообще нет возможности что-либо доказать в абсолютном смысле этого слова. Практически имеется в виду, что предложенная гипотеза, во-

первых, полностью согласуется со всей совокупностью уже известных фактов, имеющих отношение к рассматриваемой проблеме, во-вторых, является почему-то безусловно предпочтительной из всех прочих мыслимых гипотез, удовлетворяющих первоначальному требованию. Доказательство может «рухнуть», если откроются новые факты или будет выяснено, что автор не учел каких-то принципиально мыслимых возможностей.

Здесь, разумеется, требуется вспомнить теорию В. Налимова о том, что мир есть «континуум смыслов», и что всякое познание и всякая модель – лишь «фильтр», накладывающийся на этот континуум и благодаря этому распаковывающий один из смыслов, соответственно, отсекая остальные [Налимов 1979]. В этой связи мне хотелось бы – в качестве «реплики в сторону» – напомнить читателю лосевские принципы языкового моделирования: «Всякая формальная, и в том числе теоретико-множественная структура и модель языка, по своей природе всегда коммуникативна. И что бы мы ни говорили о фонологии или грамматике и какие бы структуры и модели мы в них ни констатировали, для нас везде и всюду будет на первом плане язык как орудие общения; и все формальные структуры и модели будут для нас структурами и моделями только одного, а именно разумно-человеческого общения» [Лосев 2004: 34].

А.А. Зализняк признается, что сам не может до конца отделаться от мысли, что для А.Т. Фоменко его сочинения на гуманитарные темы – это забавный, хотя и изрядно затянутый, фарс, мефистофельская насмешка математика над простофилями гуманитариями, наука которых так беспомощна, что они не в состоянии отличить пародию от научной теории. При этом А.А. Зализняк очень верно, с позиций аналитической лингвистики, выявляет и последовательно опровергает основные постулаты, на которых держится «криптолингвистика»: существенны только согласные, на востоке слова читают задом наперед, письменная форма слова исходная, устная – вторичная; в построениях «криптолингвистики» огромную роль играют сближения слов (т.е. сопоставления с целью показать их родство или какую-нибудь историческую связь). При этом не уточняется, о словах какого языка (и тем более эпохи) идет речь. Дело не в том, что это не сообщается читателю. Авторы сами об этом не задумываются и, как это ни дико для лингвиста, явно не считают это особо существенным. Язык выглядит в криптолингвистических построениях как некая более или менее однородная субстанция, разлитая по всем странам и эпохам (напр., понятие «языковой плазмы» в работах Н.Н. Вашкевича). Такому впечатлению сильно способствует и то, что слова любых языков, кроме английского, обычно записываются без особых церемоний русскими буквами и внешне выглядят пусть как

диковинные, но русские. Вездесущность английского языка бледнеет по сравнению с вездесущностью русского. Это очень важный фрагмент криптолингвистических штудий, выводящих их в политическую практику. Значение слов не привязано жестко к какому-нибудь определенному языку. Что касается технической стороны сближений, то созвучия слов обладают могучей силой эмоционального и эстетического воздействия. Если два слова по звучанию похожи, значит, между ними должна быть какая-то связь – это наивно-поэтическое ощущение бывает у каждого ребенка, а многие сохраняют его и во взрослом состоянии, считает А.А. Зализняк. Занятия наивной этимологизацией, т.е. поисками происхождения слова, при которых человек даже не задумывается о необходимости каких-то специальных знаний, а просто «вслушивается» в звучание слова, – вещь довольно распространенная. Для большинства тех, кто этим увлекается, это просто игра, но есть и немало лингвистов-любителей, которые принимают это свое занятие всерьез. Авторы с детской наивностью убеждены, что если два слова (неважно, того же языка или разных) сходны по звучанию, то можно без предварительных проверок смело утверждать, что одно из них произошло из другого или что по крайней мере они связаны родством или какой-то иной неслучайной связью. Авторы не знают или не хотят знать, что уже двести лет существует научная дисциплина, разрабатывающая методы отличия родственных слов от случайно созвучных, – сравнительно-историческое языкознание. А.А. Зализняк напоминает читателю, что родство языков проявляется не в том, что слова звучат одинаково, а в том, что различия в их звучании подчинены правилам фонетических соответствий. От отношения родства двух слов лингвисты отличают отношение заимствования, при котором фонетические соотношения между словами подчиняются иным правилам, чем при родстве. Далее А.А. Зализняк отмечает, что иногда авторы ползуются идеей «перехода» одного звука в другой, при установлении сходства разрешается: отбрасывать все гласные, переставлять согласные, отбрасывать одну согласную, приравнивать одну согласную к другой в рамках «групп сходств» [Зализняк 2000: 33-68].

С А.А. Зализняком нельзя не согласиться. Он, безусловно, прав в своем критическом анализе криптолингвистических текстов. Правда, с моей точки зрения, с позиций совсем иного научного знания – лингвистического. Авторы же собственно криптолингвистических текстов смотрят на свою методику несколько иначе, мотивируя ее избрание теми целями и задачами, которые она – методика обращения к языку и с языком – призвана решить.

Обратимся к текстам. (1) «Для исследования нужен метод. Первое условие его освоения – снять шоры с академических очков, пере-

стать смотреть на слово, как на предмет... Звук Т означал нечто твердое, некую точку, когда кончик языка прижимался к зубам... Звук О имел огромный смысл, он воплощал незаполненное предметами пространство, «весь белый свет», а также «огонь». На глубокий смысл звука О указывала Елена Блаватская: «О – символическая фигура какого-либо потенциального пространства, заполненного первомаатерией. На основе космических законов бытия из первомаатерии – некоей огненной, сверхтонкой субстанции – периодически создаются пространственно-энергетические производные, например, галактики, вселенные, звезды, а далее Солнечная система, природа, человек...». Конечно, это эзотерический принцип толкования СЛОВА и его символа – О. Но роль звука О в образовании древних слов, безусловно, велика и дает основания на придание ему некоего таинственного смысла... В чем главный секрет реконструкции слов по методу 12 звуков? Только эмпирически, только методом «тыка», методом подстановки, ошибок и проб можно из современного русского языка извлечь древнейшую первоуродную форму того понятия, которое пришло в наше время, изменив частично или полностью фонетику, но сохранив семантическую связь» [Писанов Л., Писанов В. 2008: 12-13]. (2) «Этимология – наука о происхождении слов. Есть слова, происхождение которых ясно. Например, слово «лягушка» в русском языке происходит от слова «лягаться», т.е. «бить ногами». Как это делает лягушка, хорошо видно, когда она плывет. Здесь науке ничего выяснять не надо. Все и так очевидно. Другое дело английское слово frog. ... Хотя этимология как наука существует уже более двух тысяч лет, а английская этимология – не менее трехсот лет, немотивированные английские слова как были немотивированными, так и остались. Мешала историческая точка зрения. Долгое время европейские ученые думали, что современные языки произошли от так называемого праязыка. Мол, был когда-то язык, который изменялся, делился на отдельные языки, которые, в свою очередь, менялись и делились. Некоторые языки исчезали, другие выживали. В конце концов, сложилась та языковая картина, которая имеет место сейчас. Но начала остались далеко в прошлом, и мы уже никогда не выясним происхождение большинства немотивированных слов. На самом деле языки происходят не от праязыка, а от языковой плазмы, которая состоит из русского и арабского языков. И тот вопрос, который мучил ученых-этимологов столетиями, мы выясним сейчас с легкостью. Английское слово frog происходит от русского «прыгать», в чем легко убедиться, посмотрев на лягушку хоть один раз в жизни. Английское слово имеет и другое значение: раздвоение под конским копытом, что у нас называется стрелкою. Каким образом англичане связывают лягушку с этой стрелкою,

одному Богу известно. Можно только поражаться английской логике. Дело здесь, конечно, не в логике, а в затемненности этимологии слова. И этот вопрос легко выясняется. Оказывается, английское слово в этом значении происходит уже от арабского корня «фарака (фарага)» – «раздваивать». Так английское слово стало понятным, осмысленным, приобрело этимологический смысл» [Вашкевич 2002: 67-68]. (3) «С чего начинается любая наука? С объекта исследования и базовых постулатов. А потом – методология. Объект исследования тот же, что и у наших уважаемых наук – словообразования и научной этимологии, – это весь набор слов русского языка. Главным образом, конечно, слов исконных, с многовековой историей. Я называл только эти две науки потому, что в будущем именно с ними придется соприкасаться чаще всего, притом не только подчиняться их авторитетным приговорам, но нередко и азартно спорить, и даже обнаруживать иногда, что в этом споре мы победили. Конечно, не с их точки зрения, а с нашей. Поскольку базовые постулаты у нас заметно различаются. Наш постулат суммирует интуитивные приемы народной этимологии и сводится к следующему: Если слова, пусть даже не однокоренные, имеют близкое звучание и близкий смысл, это чаще всего не случайность, а проявление какого-то объективно существующего фактора, объединяющего их. Наша задача: найти эти «объективно существующие факторы», выявить их свойства, а по возможности даже систематизировать. Если не сам этот «фактор», то его зримое проявление уже обозначено в самом постулате. Прежде всего, это – звуковое ядро созвучных слов. Столь же важным условием является близость их смыслов, и потому можно предположить, что носителем этого смысла, дарителем смысла различным словам – является именно это звуковое ядро» [Голубев 2007: 20].

А.А. Зализняк правильно оценивает социальную направленность криптолингвистических текстов: «Методика А.Т. Фоменко – бесценная находка для всех желающих произвести революцию в какой-нибудь, которую не жалко, науке...<...>. Учение А.Т. Фоменко включает две отчетливо различные части: критическую и, так сказать, конструктивную <...> Последователи учения должны просто уверовать в мощь интуиции А.Т. Фоменко, позволяющую ему все угадать; аргументы после этого излишни. Это позиция пророка, гуру, главы религиозной секты. <...> Что А.Т. Фоменко предлагает ошибочную концепцию истории – не главное. Это малый грех. Дело в другом: в нынешнюю эпоху, когда классический научный идеал и без того находится под неслыханным натиском иррационализма всех видов, включая ясновидение, гадание, суеверия, магию и т.п. <...> А.Т. Фоменко, беззастенчиво используя всю мощь традиционного авторитета математики, внедряет в

молодые души представление о том, что в гуманитарных науках нет в сущности никакого позитивного знания, зато есть масса сознательных подлогов, и можно, свысока относясь к пыльным и тенденциозным традиционным сочинениям, смело противопоставлять любому утверждению этих наук свою интуитивную догадку...» [Зализняк 2000: 66-68]. При всем том, А.А. Зализняк так и не задается вопросом, почему же подобные тексты не просто порождаются в культуре, а агрессивно завоевывают многомиллионную аудиторию.

Для истории науки важно понять, почему появляются подобные криптолингвистические книги, какова цель их авторов, почему их читают.

Сами авторы пишут об этом достаточно откровенно. Обратимся к первичным текстам: (1) «Наши прапращуры говорили на том же языке, на котором сегодня говорим мы... Откуда взялись самые разные слова, например: знак, столица, береза, кладбище, уголовник? Мы впервые называем истинное происхождение многих русских слов, славянских слов... Мы открыли великолепное «подземное» царство русской речи <...> В то же время в сегодняшних академических изданиях то и дело натываешься на опусы допещерного уровня... Одна из наших целей – растолковать «академикам русского языка», что, кроме их представлений о языке, есть и другие. Если даже им не по нутру. А глобальная наша цель – донести до всех русских людей, да и всех славян, что не затерялось в пучине времени древнее слово, что оно живет среди нас, что предки подарили нам мощный и прекрасный язык, родословную которого нельзя не знать. В этом СУТЬ. <...> Мы перешагнули эти миллионы лет и нагрянули в гости к пещерным людям. И нашли с ними общий – русский – язык. Наши генетические родственники помогли составить метод и методику воссоздания и реконструкции общего с ними языка – русского, славянского. Глубокий поклон вам, дорогие предки! Вечно жить вам в человеческой благодарной памяти. Жить тем самым великим и могучим языком, которым вы нас одарили... Мы не поняли, что РОД ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ происходит не от понятия «родиться», а от понятия «РОТ-языка». От звуков, которые передавали матери поколений своим лепечущим ребенкам. От первых слов, состоящих всего из 12 звуков. <...> Это – социологическое открытие! Действительно. Ради чего все это?! Да ради того, чтобы обосновать идею. Славяне. Кто они? Славяне. Сколько разных домыслов! Но куда не деться от слова СЛОВО. По нашему утверждению, СЛАВЯНЕ – это люди, несущие СЛОВО. СЛОВО-НЕСО или СЛОВЕ-НЕСО – вот первородное звучание слова. СО – утрачено, осталось СЛОВЕНЕ. В отличие от других народов только славяне имели такое звучание СЛОВА, остальные народы были для них «другими», они не владели СЛОВОМ. СЛА-

ВЯНЕ – по нынешнему смыслу – НЕСУЩИЕ СЛОВО. Именно славянское СЛОВО, а не какое-нибудь другое» [Писанов 2008: 21, 72]; (2) «По документам согласно русской летописи, отмененной около 300 лет назад, русской государственности 7510 лет. Семь с половиной тысяч лет назад Русская равнина была занята ледником. Из этого вытекает, что русские люди жили много южнее. Местом обитания русских в древние времена была зона, где ныне расположена арабская страна Сирия, по-арабски «сурия», в обратном прочтении Русия, со столицей Дамаск (по-арабски «димашк»), того же корня, что и Москва, причем арабское «ва» по-русски значит «да». Корень названия русской столицы происходит от арабского «маски» – «закаленный» (от корня «СКЙ» – «лить на раскаленный металл воду, закалять»), откуда окончание русских городов Волжск, Брянск и т.д., сравните выражение «дамасская сталь». Сравните также непробиваемую броню русских танков, которая лилась на московском заводе «Серп и молот». Другие географические названия этого региона ясно указывают на местоположение русских в древности. Например, Израиль, по-арабски «исраил», в обратную сторону «л-рсй», т.е. «ал-русия». Т.е. Израиль означает Россия. Арабский город «ал-ля:зикайя» (Лотакия) по-арабски не имеет ясного значения. Потому что он русский, называется Железякино. Город Тир (корень ТВР) на самом деле это русский город Тверь <...> Русские и славяне. Слова «русские» и «славяне» еще тысячу лет назад были синонимами. Славяне – от арабского «салаф» («быть первым, предшествовать»), откуда «салаф» – «славяне, предки». Библейское «вначале было слово» можно понимать и как «вначале были славяне». Сюда же и Палестина, от обратного прочтения «салаф» («славяне») + «ти:н» («земля», т.е. «земля славян, т.е. русских»)... С постепенным таянием ледников Русь отходила все более на Север, что и было записано в самоназвании русских. Однако с изменением территории основные ценности остались прежними. Это охрана, защита и спасение всего человечества, чем Русь и занималась на всем протяжении достоверной истории» [Вашкевич 2002: 123-124]; (3) «В своей реконструкции я хронологии не касаюсь, потому что у меня есть абсолютно другой инструмент познания исторической истины, который до меня именно в этом качестве никто не использовал. Это – существующий ныне язык. Никто, повторяю, еще не сумел использовать его в таком качестве. Живое слово – это документ, не сравнимый с археологическими древностями. Он точен как законы геометрии... Если внимательно и непредвзято посмотреть на языковую картину мира, то становится совершенно ясно, что в очень многих языках существуют разрозненные следы – а скорее, обломки – весьма определенной общей базы, которая когда-то, не очень давно, всего несколько тысяч

лет назад, была общим языком. И есть только один язык, в котором все эти следы являются не разрозненными обломками, а органической составной частью единого целого. И этот язык явно и есть тот праязык, из которого образовались, а позднее «черпали» все индоевропейские и иные языки. И этот праязык – русский! Образно говоря, все народы мира – наши дети и наследники... Я – как филолог – могу сказать однозначно: именно мы говорим на продвинутом во времени прямом наследнике праязыка. И, может быть, именно русские женщины являются основными авторами праязыка... Вообще, «отпочковавшиеся» языки со временем стремятся к упрощению, они становятся языками аналитическими, слова в них практически перестают изменяться и начинают представлять собой т.н. «обнаженные корни», внутри которых уже ничего не происходит. Таков, например, «древний» китайский язык, в котором слова можно складывать в предложения как кубики. А вот русский язык не очень-то спешит становиться аналитическим, т.к. он ни от кого не отпочковывался и, возможно, как раз то, что он столько времени и так упорно сохраняет древние черты, и есть наилучшее доказательство того, что именно русский язык и является прошедшей сквозь века базой, тем языком-стержнем, тем языком-хранителем, языком-стволом, от которого в свое время отошли все остальные ветви, то есть семьи и группы. Практически все старые и новые европейские грамматики представляют собой варианты русской грамматики, их конструкции – это точные кальки конструкций русских. Даже такой – якобы самый архаичный из всех языков средневропейского стандарта – язык как исландский является просто наименее изменившимся германским потомком древнерусского... <...> Исчезнет безразличие псевдоученых к истинной, а не подтасованной и отлакированной отечественной истории, появится интерес к работам, целью которых является восстановление исторической справедливости в части поисков правды о действительной истории России и об ее прошлом величии... Вся хрентень пройдет, и люди вернутся к нормальным ценностям... Заслуживают внимания и обсуждения: мысли об истинной причине «переписывания» истории, о прошлом величии России, об ее функции в этом мире, о заговорах против нее, о ключевой и основополагающей роли русского языка во всемирной истории и культуре, о «шестереночной» роли некоторых нацменьшинств во всемирной истории и в Октябрьской революции, о сути самой Октябрьской революции, о благоволении самого факта существования России и Советского Союза для всего мира» [Драгункин 2005: 6-9].

Цели определены достаточно четко. Не менее четко сформулированы и задачи, которые преследуют авторы криптолингвистических сочинений. Таких основных задач четыре.

(1) Создать альтернативную историю происхождения и расселения народов:

В этом отношении показательна активная творческая деятельность В.А. Чудинова, который считает, что история человечества зависит и основана на традиции, понимаемой как история духа. На этой основе В.А. Чудинов выдвигает гипотезу о том, что история России есть продолжение традиции древнейших предков – арктов и насчитывает 24 тысячелетия. Официальную науку, стоящую на иной точке зрения, он считает жертвой политики: в разные времена различные политические системы, исходя из своих насущных интересов, отвергали подобную версию исторического процесса. Традиция и наука относятся друг к другу с определенной долей скепсиса. Это вполне нормально. Такая позиция помогает обществу избегать грубых суеверий и предрассудков. Но науке и традиции не о чем и незачем спорить, как, например, в следующем отрывке из его интервью «Российской газете»: «Вы (обращение к корреспонденту, высказавшего недоумение в связи с тем, что Чудинов отрицает общепринятую точку зрения, в соответствии с которой первые сведения о русских, как о самостоятельном народе, относятся к временам после Рюрика) пересказываете сейчас точку зрения современной историографии, а она основана лишь на тех источниках, которые были дозволены после многократных чисток общедоступных исторических архивов. Понятие «индоевропейской общности» пришло из лингвистики, из представлений о едином языке, которое разрабатывало языкознание начиная с XIX века. Такой единый язык человечества действительно существовал, и, как я установил, им был русский язык. Но в сравнительном языкознании получился совсем другой результат, что вполне понятно. Приведу примеры: слово «крокодил» во всех языках выглядит примерно одинаковым и считается заимствованным из греческого, тогда как русское слово «коркодил», бытовавшее до XIX века, полагается его искажением. Но в палеолите существовало слово «дил» со значением «конь», стало быть, «коркодил» – это «корковый конь», где «корка» означает чешую. Иными словами, русское слово – изначально, поскольку имеет точный смысл своих составных частей, тогда как греческое – искаженное русское слово. Хотя полной картины еще нет, но в целом можно сказать, что именно русский лексический фонд и лег в основу всех европейских языков. Естественно, что до неолита никаких других этносов не было. Но после неолитической революции начался процесс этногенеза, поскольку теперь, после невиданного расцвета производительных сил (связанных с переходом от охоты к скотоводству и от собирательства к земледелию) начался процесс хозяйственной специализации, выделения этносов из некогда однородной русской культуры и развития диа-

лектов, завершившийся образованием новых языков и новых этносов» [Чудинов 2008: 20-21].

Приведу еще два примера-цитаты.

(1) «Около 20 000 лет тому назад основная масса населения Арктики, Заполярья и Северного Урала – то есть те, кого мы сегодня называем славянами/словенами (=те, кто «может говорить» = «знает словеса» – в противовес «немцам» = «немым») – под давлением вновь появившихся ледников и общего похолодания начала (под предводительством отца Яра) расселяться по Русской равнине, по Европе, по Кавказу, по Передней и Малой Азии, расходясь по ним уже сложившимися группами, и давая начало европейским и азиатским народам... Группы расходящихся протославян говорили на языке, который со временем превратился в язык праславянский, разные диалекты которого со временем превратились в разные индоевропейские языки. При этом в Европе славяне входили в соприкосновение с ее древним негроидным населением, которое позднее было вытеснено в Африку... Расселение праславян – людей, говоривших именно на том праязыке, на самом прямом наследнике которого говорим сегодня мы, шло вдоль берегов балтийского моря на запад и вдоль рек на юг... Согласно былинам начало и европейским, и азиатским индоевропейцам дал некий Ван (Иван / Ян / Иоанн), женившийся на дочери Святогора Мери... Сам Ван пришел из Малой Азии, с Арарата... Ван отождествляется с Ноем... Ван и его семейство спаслись от Потопа на корабле, построенном сыном Вана Садко... По данным известного ученого проф. Е. Классена более 20 славян были императорами на римском престоле... Юстиниан – это тот самый римский император (славянин), по имени которого назван известнейший судебный кодекс, построенный на основе славянского права... В 680 году на 6 Вселенском Константинопольском соборе заседали и подписывали документы славянские епископы... Сам король Артур, хозяин Круглого стола и предводитель рыцарей, искавших Святой Грааль, был славянорусом... Но для меня – в принципе – вообще неважно, кто и куда когда-то уходил и переселялся, так как все равно никуда не деться от факта того, что именно русский язык основан на 4-5 первичных звукоподражательных корнях... [Драгункин 2005: 25-31].

(2) «С некоторых пор у нас муссируются отношения славянских языков к балтийским, причем с особенным энтузиазмом поднимается не вопрос их близкой связи ввиду давних общений и родства, а специфическая концепция, ставящая опять славян в положение некоего производного, на этот раз от балтов. Научная «начинка» этой концепции такова: «Сначала протобалтийский субстратный язык в его западном ареале подвергся воздействию суперстратного италийского, что привело к становлению «протославянского» (XIII в. до н.э. – становление луижской культуры). Последний, в

свою очередь, подвергся воздействию суперстратного иранского, что привело к возникновению «праславянского» (V в. до н.э. – разрушение луижской культуры). <...> Вопрос о вторичности происхождения славян и их языка от какого-либо другого, «более древнего» языка и народа «успешно» разрабатывается на Западе, но наши соотечественники, как видите, превзошли их. Они, используя «нашейшие достижения науки», установили даже дату рождения славян – V в. до н.э. В мировом историческом календаре этот век отвечает «золотому веку» Афинского государства с Акрополем, театром Диониса и олимпийскими играми. Что ж, как говорится, «Богу богово, а кесарю кесарево». Видимо, так и должно быть. Необходимо лишь уточнить, какая часть этого высказывания имеет отношение к славянам, и поставить все на свои места, по заслугам. Результаты моей работы по расшифровке праславянской письменности определяют это положение. <...> Но поскольку понятие «праславянская письменность» в научной литературе отсутствует, то требуется дать ее резюмирующее определение. «Праславянская письменность» — это письменность славян, которой они пользовались задолго до создания славянской азбуки Кириллом и Мефодием. Праславянская письменность слоговая. Слоги только открытые типа СГ (согласный плюс гласный) и Г (гласный). Праславянской письменностью выполнены: тэртрийские надписи (V тысячелетие до н. э.); протоиндийские надписи (XXV-XVIII вв. до н. э.); критские надписи (XX-XIII вв. до н. э.), в их числе надписи, исполненные линейным письмом А, линейным письмом Б и Фестский диск; этрусские надписи VIII-II вв. до н. э.), а также надписи, найденные на территории расселения восточных и западных славян и исполненных так называемым письмом типа «черт и резов». Таким образом, праславянской письменностью славяне пользовались на протяжении, по крайней мере, 6 (шести!) тысячелетий, до перехода на буквенное письмо, созданное Кириллом и Мефодием во второй половине IX в. нашей эры» [Гриневиц 1993: 253-257; Дмитриенко 2001: 186-187].

(2) Заявить об истинной функции и миссии России в этом мире:

«Можно предположить, что геоситуация на этой планете устроена таким образом, что именно эта часть суши с живущим на ней народом является источником всего и координатором всего... Русские заботятся о человечестве как мать заботится о своем дитя. Таких подвигов не совершал ни один народ... Россия была и остается центром мира. Отсюда вышло человечество... Она остается хозяйкой мира... Россия делает все, чтобы не допустить невозможности недостижения человечеством некой высшей цели, о которой мы пока еще не знаем...» [Драгункин 2005: 36]

«В рамках рассматриваемой темы следует подчеркнуть значение определений «*священный язык*», «*священная книга*» или «*священное писание*». Жрецы и посвященные знали всегда, что язык по своей сущности является не только средством межчеловеческого общения, но и средством общения человека с Космосом (Всевышним, Богом, системой Высшего Разума и его Иерархией). Священным языком мог быть только внутприродный язык с внутприродной смысловой матрицей. Этому языку должен соответствовать «*святой алфавит-письмо*», полученный путем «*божественного откровения*», то есть из Единого резонансного информационно-энергетического поля экстрасенсорным или пондемоторным путем через пророков, жрецов, экстрасенсов, контактеров. Чем больше алфавит соответствует внутприродной матрице символов, отражающихся (как будет показано далее) *частотными фракталами*, тем более эффективным является общение человека с информационно-энергетическими уровнями Космоса, тем «*святое*» являются алфавит и язык. Только таким языком и алфавитом имело смысл писать *священные писания*. Именно таким всегда являлся алфавит и язык, который в настоящее время называется *русским*. Священные алфавиты и языки, в частности такие, как: язык Моисея (исторического предводителя доветхозаветных иудеев), санскрит, греческий, латинский, имели основу русского алфавита и языка. В результате природных глобальных катаклизмов человечество неоднократно теряло священные алфавиты, но всегда старалось их восстановить. Эти попытки, можно сказать, были более или менее удачными. На восстанавливаемый язык накладывалась система *эзотеризма* и *герметизма* (то есть зашифровка путем системы иероглифов Высших знаний, как для сохранения Высших знаний вообще, так и для обеспечения монополии жрецов на знания по управлению социальнo-экономическими процессами). Всё это постепенно привело к формированию множества алфавитных систем, символы которых в значительной степени не соответствовали внутприродной информационной матрице. В результате человечество потеряло непосредственное информационное общение с Единым информационным полем, потеряло Высшие знания о законах эволюции, других процессах Мироздания, главным образом – о *требованиях Нравственного закона к жизнеустройению человеческого общества*, – как части единого организма Мироздания. В результате потери ориентации своего места и предназначения в общей структуре Мироздания, человечество пришло к духовному и глобальному экологическому кризису, с реальной возможностью (само)ликвидации современной цивилизации. Данная работа представляет доказательства, что современный русский алфавит из 33-х букв

и язык является тем самым *святым алфавитом и языком*, который может помочь человечеству продолжить свою эволюцию во Вселенной (если у человечества реально появиться такое желание)» [Плешанов 2002: 13-16].

(3) Спасти русский язык:

«Данная работа представляет собой авторские проектные изыскания, как сказано в предисловии, в области развития русского языка. Чем же обусловлено обращение автора – по образованию инженера-экономиста, работавшего проектировщиком АСУ, – к вопросам лингвистики. Две причины. Причина первая. Русский язык, развитие лексики которого нынче «*зиждется*» на заимствованиях, через несколько десятков лет перестанет быть полноценным языком, так как слов, понятных для его нормальных носителей, будет лишь малая часть от всего словаря. Русский язык глубоко завяз в болоте «попугайских» заимствований, и это «болото» будет для него могильным, поскольку самостоятельно он оттуда уже не будет способен выбраться. Выход только один – активно совершенствовать словопроизводственную систему русского языка, причем систему не только лингвистическую, но и социальную, то есть должен быть всеоткрытый банк идей (книги, Интернет, СМИ), система обсуждения и система принятия решений... И таким образом усилиями лет за 10-20 можно будет вытащить русский язык из могильного болота примитивных заимствований. Вот и вторая причина. Именно общими усилиями, ибо русский язык – это язык всех (а не для всех) его носителей. Другими словами, язык не является монополией лингвистов так же, как и музыка не является монополией музыковедов, или секс – монополией сексологов. А в любом творческом процессе главное – это смелость. Так что перед чтением данной работы – рекомендует автор – желательно спокойно настроиться на творческий лад, абстрагироваться от суеты суетной и, главное, раскомплексоваться. И все будет хорошо» [Колесов 2006: 3-4].

«Откуда есть пошло слово русское <...> Моей задачей (которая формулировалась только постепенно) стал поиск живой, современной конструкции кернов – именно в русском языке. То, что эта система оказалась устойчивой, почти без изменений уходящей в древнеславянский язык, так что оказалось возможно заглядывать в глубь веков, – хотя и приятный факт, но для моего исследования вторичный. То, что формирование наших слов путем слияния кернов оказалось очень похоже на формирование сложных слов в раннеиндоевропейском, – гораздо более отрадный факт, говорящий одновременно и о том, что мое исследование привело к верному выводу, теперь как бы подтвержденному со стороны, и о том, что в нашем языке, который за тысячелетия обзавелся исключительно гибкими грамматикой и словооб-

разованием, этот древнейший механизм продолжал и продолжает активно работать! Он трудится в самой глубине, в сердцевине русского языка, потому со стороны малозаметен; и если следы его деятельности порой замечают, то не придают им серьезного значения, относя наблюдения такого рода к привычно осмеянной "народной этимологии". В общем итоге мы видим, что наша великолепная система кернов сродни дивному искусству плетения – вологодских кружев? – да, но не только. Я слегка знаком с несколькими иными языками и согласен, что каждый из них обладает особой, только ему присущей прелестью, но пальму первенства отдаю именно русскому языку – может быть, прежде всего за удивительные, почти магические хитросплетения кернов, делающие его таким сложным для иностранцев. Зато уж русский человек должен бы в этих кружевах с большим удовольствием разбираться, ведь это безумно интересно! Заодно и жизненно важно. Вот пронзительно точная, трагичная в своем подтексте строка великого мудреца Виктора Соноры: "Умрет язык – народ умрет". Молодые люди, оглянитесь, обратите внимание на ваш собственный, на наш родной язык! Я ни в коем случае не намерен уверять вас, будто он богаче и интереснее английского или японского языка, но – что может быть на земле для вас ближе, после родителей, конечно? "Макар, родства не помнящий" — пусть эта позорная кличка вас минует" [Голубев 2007: 382-383].

(4) Использовать русский язык как инструмент познания реальности:

«Единственным конкретным инструментом познания и анализа прошлого остается только язык. И в этом случае – зеленая улица языкознанию и мне его представителю... Реконструкция праславянского состояния современных языков дает нам дополнительные (кроме логики) аргументы для вычленения России из всего остального мира, для четкого декларирования ее функции и миссии, и для еще более осознанного желания сохранить и культивировать ее самобытность... <...> Два способа познания. Существуют два способа познания. Первый – научный. Это когда накапливаются знания. Постепенно они приобретают тенденции, а затем тенденции осторожно переходят в стадию гипотез, теорий и так далее, вплоть до аксиом. Особенность данного способа в его чрезвычайной зыбкости, но и непотопляемости, в процессе становления, и – опять же – в чрезвычайной косности и нетерпимости к инакомыслию в стадии завершения. Второй способ познания более артистичный, что ли. Он противоположен по методу. Это способ интуитивный, когда вначале приходит идея, чаще всего кажущаяся безумной, а затем она обрастает доказательствами. В завершающей стадии, когда идея станет догмой, и ей займется политика, этот способ познания так же уныл и зловещ. Потому что познание – неостановимо. Неизвестно почему и

неизвестно зачем. Но это другой вопрос» [Драгункин 2005: 36-37; 244].

«Русский алфавит представляет собой зашифрованное знание процессов самоорганизации материи, законов эволюции Мироздания и может служить в качестве инструмента научного познания Вселенной. С помощью числовой матрицы русского языка расшифрован процесс самоорганизации материи и выявлена "триада чисел", управляющая этим процессом; расшифрована пятиуровневая структура и "семеричные" циклы Мироздания, показано значение "вурфных" отношений в Природе; рассмотрен механизм космического генератора "Планка"; расшифрована природа "прецессии", которая является не колебанием оси Земли, а круговым, спиральным вращением Солнечной системы по периферии галактического рукава "Ориона" за время Зодиакального цикла; рассмотрен частотный механизм кризиса биосферы Земли и формирование ее "сердцебиения"» [Плешанов 2002: 82].

Как видим, данное культурное явление необходимо трактовать с очень серьезных общественно-политических и духовных позиций. Оно не случайно и не фрагментарно. Оно системно в издательской практике, в восприятии читательской аудитории, в пропаганде. Иллюстрацией системности криптолингвистических публикаций является, например, тот факт, что книга И.А. Голубева «Слава славянскому слову, или Путешествие по глубинам русского языка: поэма о кернах» издана при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России». Книга, как гласит аннотация, «будет интересна всем ценителям русского языка, в то же время хотелось бы видеть его в качестве настольной книги у старшеклассников и студентов». Книга А.Д. Плешанова «Русский алфавит – код общения человека с космосом» также «предназначена для широкого круга читателей». Книга Н.Н. Вашкевича «Симия: раскрытие смысла слов, поступков, явлений» имеет подзаголовок «Учебник для начинающих» и предназначена «для детей, их родителей и учителей, а также для всех, кто ищет Смысл».

Итак, криптолингвистика – это не фрагментарное графоманство рубежа веков, это целое направление, тенденция, парадигма, имеющее исторические корни в нашей отечественной советской лингвистике.

Полистаем лингвистические издания 30-х годов прошлого века: «Письмо т. Сталина в редакцию журнала "Пролетарская революция" имеет огромное значение для решительного поворота языкознания в сторону его непосредственного включения в социалистическое строительство, в общий круг задач культурной революции. Ликвидация грубейшего разрыва между языковой теорией и языковой политикой, отставание лингвистики от практики разреше-

ния актуальнейших проблем, выдвинутых реконструктивным периодом, – в этом заключается основное, что должно определять дальнейшее развитие науки о языке. Успешное разрешение стоящих перед языкознанием задач требует поднятия языкознания на высшую ступень, перехода на базу марксистско-ленинской методологии, с чем неразрывно связана непримиримая борьба с буржуазной наукой о языке, проявляющейся как в открытой форме так называемого индоевропеистского языкознания, так и маскирующейся марксистскообразной фразеологией... В области языкознания никакого компромисса, никакого соглашения с буржуазной лингвистикой быть не может... Марксисты-языковеды должны развернуть решительное и широкое наступление на индоевропеистскую лингвистику по всем участкам своего фронта, беспощадно и последовательно вскрывая научную несостоятельность и органическую связь с реакционной политикой буржуазного языкознания...» [Против буржуазной контрабанды... 1932: 3-4]

А теперь обратимся к первоисточнику, как мы предполагаем, по крайней мере, имплицитному, современных криптолингвистических работ – работам Н.Я. Марра: «Вопрос совсем не в том, что у армян и у исторически обрабатывавшего доисторию, собственно лефо-историю (забытую историю) Украины, Нестора, самого ли летописца Руси или, то безразлично, пусть позднейшего интерполятора, оказались сродные легенды о построении первых городов, в Армении Куара, точнее Ковара (Ko-var), на Украине — Киева, что в арабской записи – Куяба. Вопрос и не в этом, следовательно, хотя легенды те в основе отнюдь не плоды книжного сочинительства: в них вскрылось наследие от так называемых доисторических насельников и того и другого края, т. е. яфетидов, именно скифов, как то казалось при анализе формальных методом. Тогда вторые части и топонимических терминов, так в частности Киева или Куябы, учитывались как окончания множ. числа в разновидностях следующей формулы: -ov [↔em ↗-er- → -eb- → -eφ || -av ↔ -am ↗-ar-→] -ab [→-aφ]. И от этого морфологического разъяснения отнюдь не надо отрекаться для соответственных позднее наступавших эпох. Однако анализ по лингвистическим элементам в таких образованиях в целом выявил состав из АВ. Следовательно, перед нами оказался, в конечном счете, вклад кимеров, или иберов. <...> Мы абсолютно не думаем о непосредственном переходе от баскского или иного вида яфетической системы во французский. Процесс куда как сложнее. И доля передаточного значения кельтского языка не мала. Однако и все это не может помочь уйти от необходимости восполнять утек своего подлинного материала справкой у яфетических языков кавказской дали. Не какая-либо пара слов, вроде la gor+ge || г. kor-

ka, le gateau || г. qada говорит о большей в известных слоях близости французов с грузинами, чем с «индоевропейцами». Ведь за нарицательными словами идут собственные имена, они же говорят о большем. Ведь так же обстоит дело и с украинским языком. <...> Так, когда речь о 'воде', то не одно слово «вода» затрагивается ее связями. Понятие 'вода' налицо и в данном перечне – 1) в укр. «плювати» (как и в русском), основа которого plu-va означает 'воду (va) рта' (plu из *pul, перерождения яфетического pur, г. pir 'рот', ср. pur – в г. pur-əq 'плевок', буквально 'рта вода'), 2) в украинском «сльоза» (как и в русском соответствии), что, звуча slo-za, буквально значит 'вода (za) глаза (slo-, resp. sle-)', ср. г. əre — 'глаз' в составном груз, древнелит. əre-mī 'слеза' (из * əre-mal) и sel ↔ sil как у бретонцев с восхождением к 'глазу' — 'вид' sell, 'видеть' sell-ut, так у финнов прямо со значением 'глаза' в наличном у них скрещенном образовании морд. sel-me, суоми sil-me 'глаз', 3) такой технический подход к восприятию материальных предметов с использованием его в производстве слов говорит уже о позднейшей стадии развития звуковой речи, и о том же еще более свидетельствует словотворчество с учетом техники такого явления, как 'дремота' или 'сон'. Так основа русск. «дремать», укр. «дрімати», равно г. əul+e-ma (drem, drim, resp. əul+e-m) 'дремать', не что иное, как имя, означающее 'глаз', и это выясняется не только с г. əul+em, resp. *əul-m, усечением полного вида *ə^u1-ma1, сохранившегося в г. əu-[v]al ↔ əo-wal 'глаз', но и в отношении русск. dre+m, и укр. dri+m в архетипах *der-m и *dir-m, сохранившихся у кельтов в разновидности drem (брет. «dremm») со значением 'зрения', 'лица', у армян же в разновидностях deym (↗ *der-m), в косвенных падежах di-m, со значением 'лица' и восходящих семантически к архетипу 'глаз'. <...> Можно, конечно, и эти факты, равно вызываемые ими соображения, отвести как «анекдоты», особенно, когда при незнании техники нового учения об языке сопоставления кажутся маловразумительными, а еще больше, когда научное мышление лингвистов господствующей школы, без различия национальности, в дополнение к европейскому самомнению доселе заковано в шоры того или иного национального мира (когда речь о русском или украинском – миража славянского «братства» и славянского «праязыка»), как изначальной основы в языко-творчестве каждого из входящих в это позднейшее речевое классовое содружество «народов». Национального подъема хватило, чтобы осознать себя народностью, равноправной с русским народом, чтобы не дать застыть общественно родной украинской речи на ступени, на которой полагается замирать любому языку колониальной или колониально используемой страны, да стараться наверстать упущенное в

целях возведения украинской речи на ступень культурного развития, достигнутую русской, но, когда дело доходит до приемов и техники, необходимых для научного изучения (и только ли для научного?) этой же закабаленной многовековым культурным засилием братского народа речи, то друзья украинского языка с его мнимыми или действительными недругами, поскольку речь идет об ученых, все одинаково оказываются в умирительно-неразрывной близости по рабски-слепой привязанности к индоевропейской лингвистике. Между тем, если даже оставить в покое вопрос о возникновении вообще звуковой речи человечества, которого правомыслящий индоевропеист чурается как наваждения от лукавого, может ли кто указать на конкретный язык, происхождение которого в какой-либо мере было бы разъяснено изжившим себя, как исследовательский метод, учением? Почему такое по устойчивости твердокаменное равнодушие? К чему? К новому учению о языке? Да нет, оставим «новое», которое давно лишилось всяких прелестей молодости, вступив в пятый десяток своего безнадёжного и вынужденного топтания на месте (ибо, как может такое учение преуспевать в искусственно поддерживаемой изоляции?), однако имело достаточно времени, чтобы дискредитировать себя всеми смертными грехами – и материализмом, да еще диалектическим, и игнорированием того, чему все учились, и пренебрежением к литературным, особенно классическим языкам мирового значения, в пользу чего? В пользу каких-то живых никому неведомых наречий, в большинстве заведомых *ratiois*, да еще с непростительно небрежным, более того – преступным нарушением классической акрибии. Следовательно, об этом учении не приходится говорить. Ни о том, что душно работать в такой изоляции. Но ведь душно работать в спертom воздухе и многочисленной рати старого формального учения. Почему никого не тянет к мысли обезвредить в какой-либо мере удушливую атмосферу самого изолирующего лингвистического метода свежим воздухом действительного знания другого языкового мира, что тут же у порога индоевропейского замка? Мы абсолютно не думаем ограничивать своего недоумения пределами ученой среды советской страны. Недоумение у нас, как и яфетическая теория, слагается также в мировом масштабе. <...> (А вот и завершение статьи – риторический вопрос) «Что же? Это все нам позволено строить лишь в мире отверженных европейской наукой яфетидов?... Ясно, что нам в самом деле ничего не остается, как прервать наши бабушкины сказки в ожидании более зрелой аудитории. Но придет ли она? Конечно, да, однако, едва ли из академических Назаретов; только бы терпения. Предполагаемый создатель яфетической теории почти столетия ждал, а человечество по большому великодушию, да основательно уверенное в большей длительности

своего существования может спокойно ждать еще сотню лет. Торопиться некуда, спешить незачем. Яфетическая теория со всем ее страшилищем, новым учением о языке, не зверь, в лес не убежит (1930 г.)» [Марр 2001: 220-272].

Достаточно долго, по объективным политическим причинам, было принято в отечественной лингвистике воспринимать подобные тексты Н.Я. Марра и его учеников как абсурд. Чуть позже – как комическое, антисоциальное, подлежащее сатирическому осмеянию.

Напомню в этой связи – для более молодого поколения читателей – некоторые лингвокультурные явления советской эпохи 50-60-х гг. Дело в том, что не столько «новое учение о языке» подвергалось тогда нападкам, сколько та историко-политическая подоплека, которая превратила фрагменты советской лингвистики в своеобразные прецедентные тексты, связанные, в том числе, с образом Сталина. Достаточно вспомнить знаменитые строки шансона Юза Алешковского: «Товарищ Сталин, вы большой ученый – // в языкознание знаете вы толк, // а я простой советский заключенный, // и мне товарищ – серый брянский волк (Юз Алешковский «Песня о Сталине», 1959 г.). Если обратиться к советской приключенческой шпионской литературе той же эпохи – в качестве примера возьмем популярный в свое время и экранизированный роман А.Авдеенко «Над Тиссой», то с удивлением можно обнаружить следующее. Власть следила за тем, чтобы все крупные политические кампании проходили под лозунгом «всенародного одобрения». Поэтому в условиях жесткого контроля способом выживания становилась аполитичность или показная, ритуальная политическая активность. – Фрэнк Билд направился к магазину с высокими дубовыми дверями и двумя витринами, заставленными книгами. В большом помещении Книготорга на многочисленных полках стояло несколько тысяч книг. – О! – воскликнул путешественник по-немецки. – Куда я попал? Ваш магазин чуть ли не Британская библиотека! Человек в черном костюме, в белой свежей рубашке, повязанной скромным темным галстуком, приветливо поздоровавшись, сказал на хорошем немецком языке: – Нам, конечно, далеко до Британской библиотеки. Но даже такое количество книг имеет для яворских трудящихся большее значение, чем миллионы томов Британской библиотеки для трудящихся Лондона. – Вы не только продавец, но и агитатор! – улыбнулся Фрэнк Билд. – В реальности людей прежде всего волновали нужды текущего бытия, а не интересы «большой политики». Повседневность, задачи элементарного выживания заслоняли политику. – «К сожалению, еще не готово. У меня в последние дни так болит голова, что хоть на стенку лезь». Заказчицы не обижались, не отчаивались, не гневались. Они делали вид, что верили портнихе. Сегодня не готово, так будет готово завтра. Можно потерпеть

один день. Но хорошо, если только один день, а вдруг... Одна из заказчиц поспешила задобрить Марту Стефановну и выложила ей все субботние новости: какой доклад был в офицерском клубе, кто с кем танцевал на вчерашнем весеннем балу, кому повезло дважды кружиться в вальсе с симпатичным Волковым, генералом, приехавшим в командировку из штаба Военного округа, кто из летчиков получил благодарность в приказе за высотнотренировочный полет... – Но иногда «политика» выступала на передний план – и тогда крестьяне высказывались по проблемам языкознания, шахтеры осуждали «несознательных» философов и все вместе возмущались «формалистическим течением» в музыке. – Из перлюстрации частной переписки: Прочитал доклад товарища Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград». Очень своевременно поставлен вопрос. У Зоценко скоро жизнь придет к концу, а он ни одной строки не имеет хорошей. Не может быть, чтобы у нас не было хороших тем для произведений. Я у него много статей читал, и все они какие-то базарные; – Информация Управления пропаганды и Управления по проверке партийных органов ЦК ВКП(б) «Об откликах трудящихся на постановление ЦК ВКП(б) «Об опере «Великая дружба» В.Мурадели»: На собрании профессорско-преподавательского состава Московской консерватории отмечалось, что многие музыкальные критики беспринципно подходили к оценке произведений композиторов-формалистов и поэтому сами оказались на ложном пути. Некоторые критики пытаются свалить с себя вину ссылкой на то, что они не могли выступить против руководства Оргкомитета Союза советских композиторов. Музыкальный критик тов. Фридман заявил: «Наши критики очень хвалили 6, 7 и 8 сонаты Прокофьева. На самом деле это очень плохие музыкальные произведения. Все мы ясно представляли себе наличие формалистических извращений в нашей музыке, но никто не пытался им противостоять. Вместо боя мы, коммунисты, отступили перед группой Шубалина-Прокофьева-Шостаковича... А вот и эпизод – своеобразный отголосок все той же сталинской дискуссии о языке: интерес к лингвистике мог быть свойственен исключительно врагам народа. – Крыж (шпион) почтительно склонил голову, приветливо улыбнулся и спросил, чем он может быть полезен. – Есть у вас учебник Булаховского «Введение в языкознание»?...(это – пароль) – Пожалуйста, есть. Платите. Пока Крыж заворачивал книгу в бумагу, покупатель заплатил деньги в кассу и вернулся к прилавку с чеком. Он передал чек Крыжу, сказал «спасибо» и шепотом добавил: «Имею поручение от «Бизона». Приду вечером. Ждите» – Из письма студента филфака МГУ Г. Крылова Сталину: По недостатку собственных знаний мы верили и в тотем четырех элементов. Судите сами, ведь Марр знал уймищу языков, лектор

его обоготворял, не признавали Марра формалисты, идеалисты... К тому же, Марр нанес удар теории праязыка, а праязык – теория расистов, фашистов, разбитых и готовящих новую войну...; – Из письма проф. В. Патрашева Сталину: Внимательно изучив только что опубликованную Вашу работу «Относительно марксизма в языкознании», я и мои товарищи испытали глубокое восхищение. Мы вовсе не языковеды, мы рядовые советские ученые, работающие в области прикладной гидромеханики, но мы внимательно следили за дискуссией в «Правде» по вопросам языкознания, желая извлечь из этой дискуссии известную пользу для нас... Известно, что истина всегда проста и понятна, однако, столь же трудным является путь познания этой истины. В течение полувека наши языковеды не могли до нее дойти...; – Из записки секретаря парткома МГУ Прокофьева в Отдел пропаганды и агитации ЦК ВКП(б): ... В личном разговоре с проф. Чемодановым, который состоялся у меня 30.07., выяснилось, что действительно проф. Сердюченко в период еще до появления статьи тов. Сталина пришел к тов. Чемоданову и сказал, что ему кажется, что «Правда» открыла свободную дискуссию для того, чтобы выяснить точки зрения и уничтожить противников. На это проф. Чемоданов, по его словам, ответил, что центральный орган нашей партии не открывает свободных дискуссий с провокационной целью. Метод провокации не метод нашей партии. Проф. Сердюченко прервал разговор. После появления статьи тов. Сталина в газете «Правда» проф. Сердюченко заявил: «Дело ясное. Надо искать вакансию где-нибудь в Рязани или Воронеже»... [Базылев 2005: 30].

Времена меняются: сегодня историография лингвистики оценивает «новое учение о языке», «четырёхэлементный анализ», «функциональную семантику» несколько иначе.

Первое мнение принадлежит В.В. Бибихино: «На новой основе обновленного революцией человечества может возникнуть единый мировой язык – должен возникнуть. Те всезначимые звуки, от которых произошел язык, привязывались в первую очередь к самым общим магическим вещам, например, начинали означать небо и природу, и рождение, всё это в общем виде. Здесь Марр намечает группы связанных представлений, основываясь в частности на данных антропологии (Леви-Брюль) и палеонтологии. К ним относятся, скажем, рука – женщина, рука – давать. Все слова удается возвести к четырем пра-элементам, по именам четырех племен, от названий которых пошли эти элементы: сал, сарматы, рош, этрусски, бер, берберы, йон, ионийцы. Правила редукции страшно общие и проиллюстрированы на довольно-таки ограниченном материале. Но что продолжает задевать, это верные догадки, раскиданные там и здесь. Западная лингвистиче-

ская наука обречена на увядание, поскольку не выходит за пределы формы, фонетики на простор семантики. Имя привязывают к предмету не за его форму, а за его функцию. Не было никакого языкового дерева, а шли бесчисленные скрещивания (Пизани). Языковое мышление меняется из века в век, и современные европейские языки представляют в этом смысле что-то очень отличное уже от так называемых древних, которые Марр причислил бы скорее к новейшим. И все это делалось человеком неистощимой, лошадиной силы и огромной памяти, не отягощенным веригами европейской дисциплины» [Бибихин 2001: 259-260].

Это оценка собственно научная и человеческая. Важнее оценка политическая. К. Богданов, анализируя ситуацию в науке 30-х гг., напишет: «Исследователи в области политической теории согласны в том, что отношение к языку – важнейший критерий идеологического прожектерства и социального экспериментаторства. Убеждение, что переустройство общества предполагает также переустройство языка, для европейской истории парадигмально и тривиально. Ясно, что контроль над обществом – это и контроль над его языком, создание общества – это также создание языка. Популярной иллюстрацией к сказанному здесь, конечно, является фантазмагория Оруэлла «1984», где правители тоталитарного государства опираются на специально сконструированный – контролирующийся, но потому же и контролируемый язык.<...> Государство, в котором мы сейчас живем, становится ареной языковых экспериментов, как известно, начиная с самых первых лет своего существования. Реформа письменности, создание русифицированных азбук для различных национальностей – все это было тем фоном, на котором создавалась и воспринималась языковедческая теория Н.Я. Марра. Для современников лингвистические работы Марра и его последователей были как бы еще одним (в дополнении, например, к созданию единообразной графической системы для языков народов, не имевших письменности) воплощением языкового экспериментаторства. Декларация единых для всего человечества фонетических, морфологических, грамматических закономерностей языковой эволюции и редукция самой этой эволюции к комбинаторике четырех «глотогенетических» первоэлементов превращала «язык прошлого» в «язык будущего». Общий язык, реконструируемый марристами, это и новояз, и вместе с тем – вящая архаика. При таком понимании языка не случайно, что именно из лагеря марристов вышли работы, где традиционному изучению мифологии было противопоставлено изучение мифа вообще, мифа как такового...<...> Стоит заметить, что в ретроспективе коммунистической идеологии оценочный релятивизм в отношении теорий Марра показателен в контексте трансформации самой коммунистической идеологии» [Богданов 2004:

335-344]. В общем виде такая трансформация, вероятно, действительно удачно описывается в терминологии, предложенной В. Паперным, т.е. как путь от «культуры 1» к «культуре 2», как путь от глобального экспансионизма к обособлению и, в конечном счете, – от дел к словам также [Паперный 1996]. Но есть, вероятно, и другое объяснение, делающее эту трансформацию закономерной в приложении именно к науке. Ван ден Дойль в свое время убедительно показал, что наука получила признание как специальный институт в 17 веке не потому, что предложила какие-то новые ценности обществу в целом, но потому, что провозгласила невмешательство в деятельность господствующих институтов. Иными словами, наука стала наукой потому, что декларативно отделила себя от морали, политики, риторики, логики, богословия и т.д. Похоже, что сказанное остается справедливым и для других эпох. Невмешательство в деятельность господствующих институтов власти – таково условие, лежащее в основе существования науки как идеологического института. В тех случаях, когда наука, и в том числе лингвистика, претендуют на то, чтобы быть большим, чем она может быть, – т.е. быть, вопреки словам К.Маркса, не практикой объяснения, а практикой изменения мира, – ей не избежать обвинений в абсурде.

В этой же связи Б.М. Гаспаров напишет следующее: «Теория Марра, с ее яростной и не лишённой пронизательности критикой сравнительного языкознания, выступала как одно из проявлений романтико-революционного духа, противостоящих позитивистской науке «викторианского века». Диалектический характер теории Марра, подчеркивание динамического характера языковой эволюции, сломов и революционных скачков в судьбе каждого языка, и в то же время универсального единства глоттогенетического процесса в целом – все это были черты, сближавшие «яфетическое любомудрие» с системой идей марксистской идеологии, к которой яфетидология стала апеллировать со все большей настойчивостью в 1920-е годы, что вытекало из «динамической» интерпретации марксизма» [Гаспаров 1993: 196-197].

Мы как будто читаем о том, что происходит сегодня в сфере гуманитарного знания, в т.ч. в лингвистике. Криптолингвистика вырастает, помимо прочего, из переосмысления духовного наследия советской эпохи, эпохи революционного романтизма 20-30-х гг. Ю.С. Степанов, например, восстанавливает авторитет Н.Я. Марра в области теории функциональной семантики: «Н.Я. Марр обратил внимание на параллельные ряды вещей и их наименований, т.е. слов естественного языка. Таким образом, Н.Я. Марру удалось выявить некоторую специфическую закономерность, которую мы теперь называем семиотической, но которую сам Марр назвал функциональной семантикой. Суть этой закономерности состоит в том, что значения слов-

имен изменяются в зависимости от перехода имени с одного предмета (или действия) на другой предмет, заменивший первый предмет в той же самой или сходной функции. Марр установил, например, что с появлением в хозяйстве нового животного на него переходило название того животного, чью функцию приняло новое: так, по Марру, на лошадь (в разных языках) перешло название оленя; на хлеб перешло название желудя, так как желудь в качестве продукта питания был заменен хлебом, и т.п. Наблюдения Марра – в общем виде – подтверждаются археологическими данными и данными о ритуалах. Так, в Пазырыкском кургане на Алтае были найдены ритуально захороненные останки лошадей в масках оленей...» [Степанов 1997: 56-57]. Ю.С. Степанов, правда, оговаривает, что в некоторых языковых деталях эти положения Марра вызвали критику лингвистов и должны быть скорректированы.

Таким образом, идеи Марра все еще могут стать привлекательными, несмотря на их, казалось бы, явное расхождение с установленными наукой истинами (а, может быть, и благодаря этому расхождению). В чем же здесь дело? Этот вопрос задает и В.М. Алпатов в статье «Актуально ли учение Марра?» В.М. Алпатов еще раз подчеркивает, что популярность «учения» Марра – это популярность не научной теории, а мифа. Марровский миф образовался как бы на пересечении двух больших мифов, владевших умами (не связанных напрямую и во многом противоречащих друг другу) – мифа о всемогуществе науки и мифа о необходимости в новом обществе все строить заново. В области искусства адекватным выражением этого мировоззрения был авангардизм. Сложнее было с наукой, где этому мешали не только накопленные традиции, но и вся система научного мышления, вся совокупность подходов, принятая в науке» [Алпатов 2006: 3-15].

Это, своего рода, попытка объяснить феномен «марризма». Но дело в том, что продолжение «нового учения о языке» мы находим, как уже было сказано, в современной криптолингвистике. Есть ли объяснение этой связи-наследию с точки зрения историографии лингвистики. По-видимому, да. Ведь, как считает И.Т. Касавин, «романтическая революция в науке еще не закончилась» [Касавин 1999: 115]. Серию объяснений мы и хотели бы предложить читателю в заключительном фрагменте статьи.

Начнем с объяснения лингво-историко-политического. П. Серию в своей статье «От любви к языку до смерти языка» в заключении напишет: «Некоторые несоответствия и противоречия современного советского дискурса о языке могут объясняться тем, что “дискуссия о языке 1950 года”, начатая Сталиным в газете “Правда”, чтобы покончить с марристскими теориями в языкознании, ничего не решила, не дала эпистемологический скачок, не произвела

новых понятий, а только лишь похоронила – на административном уровне – любую постановку проблемы, которая имела целью – конечно, очень по-социалистически – усомниться в идее существования Единого языка у Единого народа. Оставив саму возможность рефлексии над конфликтными вопросами, без которых ни одно общество не может материально существовать, дискуссия эта породила переливание из пустого в порожнее тяжеловесного советского дискурса о языке...» [Серию 2009: 122-123].

С точки зрения анализа языковой политики государства свое объяснение предлагают активные популяризаторы «Велесовой книги». Они хотят понять причины противодействия со стороны «административного ресурса» популяризации идей данного текста (заметим, в скобках, что об этом же говорят почти все авторы криптолингвистических проектов): «Реакция православных ученых-филологов на предлагаемые памятники была подобна отклику современных ученых на Велесову книгу. Выдающийся лингвист А.Х. Востоков так охарактеризовал язык одного памятника из собрания А.И. Сулакадзева: “...исполненное небывалых слов, непонятных словосокращений, бессмыслицы, чтобы казалось древнее”. Языковому анализу “отреченные книги” не подвергались, опубликованы не были. В 1823 году канцлер Румянцев, основатель Румянцевской библиотеки, предложил А.Х. Востокову ознакомиться с архивом А.И. Сулакадзева. И тот сделал все возможное, чтобы рукописи Александра Ивановича туда не попали. Не признавались им, в том числе, и те памятники, которые впоследствии были признаны и опубликованы. Например, “Пчела”. Главной причиной, конечно, было то, что А.Х. Востоков, без сомнения крупный ученый, многое сделавший для русской православной культуры, был узко-конфессионально ориентирован. Для него русское язычество, как культура, не существовало. Сыграло роль и то, что он, крупнейший специалист по старославянскому языку, вдруг оказался не в состоянии прочесть тексты памятников. Это для него послужило доказательством их поддельности... Вероятно, Востокову казалось невозможным существование славянской письменности во времена до Кирилла и Мефодия... <...> Сегодня крупнейшими представителями российской исторической и лингвистической науки подлинность Велесовой книги также не признается. По какой причине? В шестидесятые и семидесятые годы основные причины имели политический характер. Эхо от того времени докатилось до наших дней. Даже первые зарубежные публикаторы выражали сомнения в подлинности по крайней мере отдельных частей Велесовой книги. Ю.П. Миролюбов, например, вначале препятствовал ее публикации и лишь использовал некоторые сведения из Велесовой книги в своих сочинениях. Он писал: «Мы вообще не

хотели опубликовать текста “Дощечек Изенбека”, потому что такие публикации всегда вызывают дружное возмущение тех, кто даже “Слово о полку Игореве” считает подделкой. Критиков мы боялись, потому что обладаем незапятнанным именем, и не желали делать его нарицательным в устах невежественных людей. Не желали мы публикации текстов и из политических соображений, ибо наличие этих текстов может быть использовано нашими политическими врагами, большевиками. Однако судьба решила иначе...» (Ю.П. Миролюбов. «Русская мифология. Очерки и материалы»). Политическая борьба в послереволюционной России в области идеологии была направлена на слом русского православия. Из-за этого происходил и своеобразный ренессанс языческого мышления. Античное и русское язычество в учебниках по истории того времени преподносилось как великая культура, растоптанная христианством. Разумеется, это не значило, что религиозные ценности древней русской веры принимались политиками той эпохи. Но заметим, если православно-христианское сознание людей из окружения Ю.П. Миролюбова не помешало им оценить значение Велесовой книги и, в конце концов, опубликовать ее, то в атеистической России Велесову книгу так и не признали. «Белоэмигрантская подделка, опубликованная пособниками фашистов» – таково было определение памятника. Если бы Велесова книга была открыта в России, то, возможно, ее ждала бы иная судьба. По крайней мере, к ней отнеслись бы более спокойно, – даже если бы и не признали ее древность по тем либо иным причинам, имеющим отношение к исторической науке, то споры вокруг нее не были бы остро политическими. Но она была опубликована эмигрантами, что не могло не повлиять на отношение к ней в России. В каждой публикации, посвященной Велесовой книге, непременно подчеркивалось, что Ф.А. Изенбек – офицер белой армии, А. Кур (Куренков) – белогвардейский генерал. А про Сергея Лесного (Парамонова), бежавшего из Киева в 1943 году, намекали, что он сотрудничал с фашистами. Казалось бы, какое отношение все это имеет к памятнику древней истории? Однако, недоверие ко всему, что идет из-за рубежа, сыграло свою роль. Просто сейчас осуждать ученых, выполнивших тогда чье-то указание. Л.П. Жуковская, например, упоминала о запросе из КГБ на одном из своих публичных выступлений в Доме Ученых. Но, замечу, неизвестно, что их ожидало при иной реакции. Стоило ли идти на это ради весьма сомнительной «дощечки» (тогда в распоряжении ученых был текст лишь одной дощечки в десять строк)? И при этом, возможно, терять самое важное для ученого – возможность работать? Конечно, не стоило. Впрочем, не всегда отношение к Велесовой книге определялось подобными размышлениями. В шестидесятые, в начале семидесятых – да, но потом страха перед

репрессиями поубавилось. Тем более в современной России, в которой дуют иные политические ветры. Ныне можно было бы изменить свою точку зрения. По крайней мере, сказать, что отношение к Велесовой книге не достаточно определено. Но этого до сих пор не сделано. Возможно, для кого-то трудно теперь признать свою ошибку. А значит, и лишиться в какой-то мере авторитета. Но ведь не ошибается только тот, кто ничего не делает. Признание своих прошлых заблуждений нормально для истинного ученого. Видимо, сегодня главными становятся иные соображения» [Велесова книга 1995: 241-242].

С точки зрения истории культуры, несомненный интерес представляет возможность объяснения феномена криптолингвистики с точки зрения постоянно возобновляющихся в культуре (советско-российской) авангардистских «языковых игр» или «игр с языком». Тексты современной криптолингвистики, безусловно, попадают по ведомству формальной литературы, литературы формы и игры, литературы ограниченного рационализма, академического авангарда, когнитивного авангарда. Можно говорить об этих текстах как экспериментальных (?), т. к. это эксперимент, основанный на школе и на методе. Эти тексты – «техне», означающее рациональное «мастерство». Для текстов, созданных в духе этого мастерства, все является отражением всего; текст проникнут глубочайшим оптимизмом, верой в определенную самостоятельность человека и его слова, в природу, сильную поддержкой бога (богов – славянских). Мир, как явствует из текстов, которые мы обильно цитировали на протяжении статьи, заключает в себе единую всеобъемлющую истину, все уровни культуры изоморфны, каждый из уровней поддается перекодировке на язык другого, это неистощимая игра зеркальных отражений. Для авторов этих текстов природа уже не содержит в себе тайны. Происходит размежевание авторов с традицией, можно сказать, с традицией «соцреалистической лингвистики». Размежевание с реалистической традицией проходит, в большой степени, по линии игры. При этом игра-техне не отрицает реальности. Тексты строятся на чисто языковой игре. Им чужда идея вывихнутой реальности, освобождения ума от гнета общепринятых мнений и косности естественного языка. Аналитически – это тексты, в основе которых лежат комбинаторные формы. Основываясь на классификации, предложенной Т.Б. Бонч-Осмоловской, оказывается возможным исчисление приемов «техне» [Бонч-Осмоловская 2009: 12, 31, 34-155].

Приведем краткий перечень этих приемов. Надо сказать, что исследование криптолингвистических текстов с точки зрения литературы формальных ограничений, с нашей точки зрения, очень перспективно. Итак, в криптолингвистических сочинениях используются:

(1) Тексты первого порядка сложности: слово. Комбинации и сочетания букв в слове (буквенные анаграммы слова – анаграммы имен собственных, многовариантные анаграммы, экзотические анаграммы – циклические перестановки, миниграммы; параграммы, палиндромы – палиндромы имен собственных; изограммы, омографы и омонимы; добавление словораздела и «спрятанное имя»). Комбинации и сочетания слогов в слове (слоговые анаграммы слова; слоговые палиндромы слова и оборотни)

(2) Тексты второго порядка сложности: фраза. Комбинации и сочетания букв во фразе (буквенные анаграммы фразы – анаграмма и каббала, анаграмма имен собственных, перераспределение словоразделов, антиграмма, миниграммы, контрпетри и спунеризмы; буквенные палиндромы фраз – палиндромы имен собственных, нестандартные буквенные палиндромы – круговертни и кругооборотни). Комбинация и сочетание слогов во фразе (слоговая анаграмма фразы, слоговая миниграмма, слоговой палиндром фразы). Комбинация и сочетание слов во фразе (словесная анаграмма фразы – многовариантная перестановка слов во фразе, экспоненциальные и факториальные перестановки, контрпетри и спунеризмы фраз как комбинации слов, циклические перестановки слов во фразе, словесные палиндромы фраз). Комбинации и сочетания словосочетаний во фразе.

Надо обратить внимание на то, что минимальной единицей для комбинаторной литературы принимается буква. Следовательно, не следует удивляться тому, что авторы в рамках известной «традиции» не различают звук и букву. Попытки создавать новые тексты посредством манипуляций с алфавитом так же стары, как и сам алфавит [Степанов, Проскурин 1993].

Не могу не процитировать пропагандиста алфавитно-символического таро России Ф.П. Эльдемурова: «Наш (т.е. русский) алфавит просматривали и пересматривали писатели и поэты, реформаторы и политики. Маги и колдуны, лучше прочих знающие, какую силу таит написанное пером, составляли с его помощью свои заклинания. Языковеды еще не скоро разберутся в его истории и его первоисточниках... Но мы (т.е. посвященные) знаем, каковы внутренние закономерности строения современной русской знаковой системы, основу которой составляет алфавит, куда пропадают и пропадают ли на самом деле исключенные некогда буквы, какую роль в этой системе играют другие знаки, такие как цифры, астрологические обозначения, буквы других алфавитов, и, наконец, как весь этот гигантский закономерный массив начинает работать уже сам по себе, являясь ключом и зеркалом к действительным загадкам вселенной... Мы имеем возможность построить необыкновенно стройную сис-

тему, которая в будущем может явиться ключом ко многим ныне закрытым ларцам Космоса...» [Эльдемуров 1995: 45-47].

Эта техника возникает из языка конкретной исторической эпохи и принадлежит современной литературе, в т.ч. криптолингвистической. При этом еще раз отметим тягу авторов к архаичности, к мифопоэтике. Есть тяга к безымянности, и это тоже симптом эпохи: «смерть автора», провозглашенная во второй половине XX века, когда текст, предположительно, творится скорее читателем в каждом прочтении, чем автором в процессе написания, возвращает нам комбинаторную литературу – в виде кропотливого труда и радостных откровений. Как бы сделав круг, комбинаторный текст возвращается на неком ином уровне к первой, безымянной стадии литературного процесса.

Обратимся еще к одному объяснению бытования в современной культуре феномена, названного нами криптолингвистикой. По И.Т. Касавину, это фрагмент вненаучного знания, в типологии знания являющийся составной частью рациональности, единства культуры и неклассической эпистемологии [Касавин 1990: 5-27]. Параллели, проводимые И.Т. Касавиным в отношении классической и неклассической эпистемологии, проливают (частично) свет на феномен возникновения и существования криптолингвистики.

В классической эпистемологии, коренящейся в философии Нового времени, тайна, как правило, есть выражение непознанного, временной и пространственной ограниченности нашего знания, которая будет преодолена в будущем. В неклассической эпистемологии таинственное, анонимность и комическое выступают как характеристики познания, определяемые в свою очередь новой картиной познаваемой реальности. В ней природа и культура, индивид и социум, сакральное и профанное, стабильное и изменчивое взаимосвязаны и постоянно обмениваются содержаниями. Эту реальность принято квалифицировать как сложную, самоорганизующуюся, открытую систему, находящуюся во множестве связей со средой. Соответственно меняется и поведение познающего субъекта. Он уже не стремится получить однозначные, навечно истинные и объективные результаты (ибо в таком случае они будут полностью отчуждены от познаваемого объекта), но в большей степени нацелен на то, чтобы встроиться в существующую систему взаимосвязей и действовать сообразно реальным обстоятельствам и тенденциям. Язык понимается при этом не как прозрачный и послушный инструмент для артикуляции смысла, но как слой культурной реальности со своими собственными законами. Л. Витгенштейну принадлежит артикулированная идея: именование выступает как таинственная связь слова с предметом. Поиск смысла в каждом языковом феномене –

творческая задача с настолько непредсказуемым итогом, что подлинный смысл почти всегда неожидан и может быть охарактеризован как тайна Языка. Проникновение в эту тайну соразмерно остроумию читателя, его способности поставить очевидные смыслы под вопрос и тем самым в чужом обнаружить родное, в забытом – знакомое, в фантастическом – реальное. Это равнозначно, по сути, тому, чтобы действовать невпопад, «смеяться, когда нельзя» (М. Цветаева).

Классическая эпистемология трактует смысл как интерессубъективный феномен, понятный всем и принимаемый в результате консенсуса. Это верно только применительно к стандартным ситуациям, число которых огромно, если занять позицию «субъекта классифицирующего», интересующегося только классами явлений. На самом же деле количество таких ситуаций исчезающе мало, если входить в детали их структуры и детерминации, к чему, напротив, и стремится эпистемология неклассическая. Одновременно попытка «подробного анализа» обнаруживает тщету познавательных способностей человека, что налагает запрет на простое перечисление (количественное измерение) условий и обстоятельств. Здесь в свои права вступает «качественное исследование». Постигание смысла, проникновение в тайну не есть решение задачи; напротив, момент истины представляет собой краткий момент удивления, когда слезы благодарности перемежаются торжествующим смехом. И если в классике смысл имеет общечеловеческий характер, доступен всем и приемлем для каждого, то в неклассике он – ничей, поскольку как проявление универсального единства не дан и недоступен никому. Постигая смысл, человек не знает, что именно он постиг; моменты озарения, понимания, истины подобны искрам, которые освещают столько же, сколько ослепляют. Анонимность смысла есть оборотная и парадоксальная сторона его субъективности: если он ничей, то его нельзя понять, а если он чей-то, то он опять-таки не доступен пониманию.

Отсюда возникает вопрос: не является ли неклассическая эпистемология попросту абсолютизацией иррациональных моментов познания? И.Т. Касавин считает, что нет. Однако сам рационализм отныне понимается не как право на решающее суждение, но как ответственность за познание и его результаты [Касавин 2008: 531-535].

Криптолингвистика – это фрагмент не теоретического, а духовно-практического знания. Знание этого типа выделяется из практики и противопоставляется ей. Оно отчасти представляет собой даже критику наличной практики и стремление трансформировать ее по определенным канонам. Духовно-практическое знание пронизывает все сферы деятельности и социальные слои.

Основу и источник духовно-практического знания составляет межгрупповые и социальные

отношения людей. Средством трансляции этого типа знания становится убеждение, апеллирующее к социально-психологическим стереотипам, нравственному и эстетическому чувству. Образное описание, нормирование, целеполагание и построение идеалов – таковы основные формы и функции духовно-практического знания; критерием его приемлемости является согласованность с системой общественных отношений. Духовно-практическое знание рисует образ мира сквозь призму человеческих потребностей и интересов, учит тому, как относиться к этому миру, другим людям, самому себе. Духовно-практическое знание нагружено человеческими надеждами и стремлениями, оценками и идеалами. Поэтому оно нередко формулируется в качестве вопроса, проблемы, коллизии, широко использует сравнительные, сослагательные, модельные грамматические формы, как бы балансируя на грани, разделяющей миры действительного, должного и возможного [Касавин 1990: с. 24-25].

Исходя из сказанного, приходится признать, что научно-критическая позиция А.А. Зализняка не полностью корректна. Он считает, что тексты криптолингвистические – это фрагмент научного знания. Поэтому он и критикует их, читает их, понимает их, интерпретирует их с позиций человека, желающего оставаться в сфере знания теоретического. На самом деле – это фрагмент знания духовно-практического и даже практически-политического. И.Т. Касавин так характеризует парадигмальные особенности этого типа знания. Без такого типа знания невозможно функционирование и самосохранение эффективно работающего государства как организации. Это знание, рождаясь в контексте непознавательной деятельности и общения, основывается на локальной практике и удовлетворяет вполне определенную потребность. Поэтому и гносеологическим критерием его является непосредственная эффективность, обнаруживающая неотъемлемость практического знания от умения. Его трансляция предполагает личное общение. Носителем такого знания является, тем самым, или фольклор, или тайный ритуал [Касавин 1999: 46-47].

Не скрывают этого и сами авторы: «Дорогой читатель, вы никогда не пробовали распознать происхождение какого-либо слова и докопаться до его глубинного древнего смысла? Это занятие называется этимологией. Есть этимология классическая, со своими строгими методами, со своими традициями и запретами. Есть лукавая этимология – утверждающая, в частности, что *небеса* зовутся так потому, что там нет “ни беса”, а *этруски* – “это русские”. Ее “находки” – это, по сути, подтасовки для поддержки какой-нибудь идеи, совсем не обязательно вздорной. Есть этимология любительская, которую профессионалы иронически называют “народной”, – то неожиданно мудрая, то наивная, связующая, например, слова *май* и *маять*»

ся, молния – “Мол, не я!” (как бы заклинание, чтобы в меня не попало), а рыбу *sig* с тем, что она высоко *сигаает*... Почти любой из нас, кто в свое удовольствие занимался поисками такого рода, не углубляясь при этом в безбрежный океан чужезычия, вправе был потом удивляться, что его дивные находки никакого, абсолютно никакого понимания и сочувствия не находят у профессиональных этимологов. Попросту он не очень осознавал, чем они заняты, а они тут же обнаруживали не только выводы, но и сам ход его размышлений несовместимыми с принципами своей науки. “Вы только послушайте, как созвучно!” – убеждает он. “Ну и что? – отвечают они. – Иллюзия. Никакого родства. Вот это слово приехало к нам из древнеисландского, а то – из древнееврейского”. – “Но посмотрите, даже по смыслу почти совпадает!” — “Вот именно. Всего лишь совпадение”. Но полностью ли наш бедолага не прав? Раз уж его этимология «народная», то не таится ли в ней, в ее методах (совершенно, к сожалению, не разработанных) анализа опять-таки народного языка некая сермяжная правда? Как выясняется, действительно таится, но со своими немногочисленными находками он ещё не может распознать корней этой правды, а такой ушат холодной воды или даже всего лишь загляд в этимологический словарь – отрезвляет и пресекает дальнейшие поиски. Чем же ему помочь? Кажется, есть способ. Предлагаю читателям вместе со мною начать увлекательную игру: мы сделаем вид, будто всерьез пытаемся создать новую языковедческую науку – такую, в которую находки народной этимологии вписывались бы гораздо лучше <...> Итак, приступим. С чего начинается любая наука? С объекта исследования и базовых постулатов. А потом – методология. Ну, объект исследования, понятно, тот же, что и у наших уважаемых наук – словообразования и научной этимологии, – это весь набор слов русского языка. Главным образом, конечно, слов исконных, с многовековой историей. Я назвал только эти две науки потому, что в будущем именно с ними придется соприкасаться чаще всего, притом не только подчиняться их авторитетным приговорам, но нередко и азартно спорить, и даже обнаруживать иногда, что в этом споре мы победили. Конечно, не с их точки зрения, а с нашей. Поскольку базовые постулаты у нас заметно различаются. Наш постулат суммирует интуитивные приёмы народной этимологии и сводится к следующему: Если слова, пусть даже не однокоренные, имеют близкое звучание и близкий смысл, это чаще всего не случайность, а проявление какого-то объективно существующего фактора, объединяющего их. Наша задача: найти эти “объективно существующие факторы”, выявить их свойства, а по возможности даже систематизировать. Если не сам этот «фактор», то его зримое проявление уже обозначено в самом постулате. Прежде

всего, это – звуковое ядро созвучных слов. Столь же важным условием является близость их смыслов, и потому можно предположить, что носителем этого смысла, дарителем смысла различным словам – является именно это звуковое ядро» [Голубев 2007: 17-21].

Руководствуясь критерием целесообразности, знание это тяготеет к типу практически-политическому: оно дает только предельно конкретные ответы на поставленные вопросы и не несет в себе сознания субъективности целеполагания и выбора средств достижения цели. Хороший пример – литературная практика советской эпохи, как о ней сейчас вспоминают. Например, А.Л. Жовтис в своих «непридуманных анекдотах»: «В середине 30-х годов Николай Иванович Анов был ответственным секретарем журнала “Красная новь”. При нем и имел место эпизод, связанный с расцветавшим в ту пору “культу” Сталина. Одного из сотрудников журнала послали на Кольский полуостров в селение саами (лопарей) для того, чтобы он написал о счастливой жизни возрожденного народа и заодно собрал произведения саамского фольклора, воспевающие мудрость и доброту Отца и Учителя. Через две недели сотрудник вернулся в Москву. Он привез очерк, описывающий “исторический прыжок” лопарей из эпохи патриархально-родовых отношений в эпоху социализма, но – увы! – песен о Сталине у них не оказалось!

– То есть как это так, – возмутился заместитель главного редактора, – все народы поют о Сталине, а они не поют?!

И он пригласил к себе молодого поэта Петю М., который активно занимался переводами с таджикского, чувашского и прочих древних и младописьменных языков и печатался во многих газетах и журналах. Замредактора переориентировал поэта в северном направлении, и через несколько дней он принес в редакцию перевод саамской “Баллады о Сталине”, которую опубликовал в журнале, а затем и в знаменитом (в 100 печатных листов!) сборнике “Песни о Ленине и Сталине народов СССР”. Перевод слегка напоминал известную индейскую поэму Лонгфелло о Гайавате, но “колер локаль” в нем был соблюден...

– Я подивился бойкости этого юноши, – рассказывал мне Николай Иванович, – и спросил его: “Петя, вы так много переводите... А с накатского вы что-нибудь переводили?”

– “Кажется, несколько стихотворений перевел”, – сказал он, и глазом не моргнув. А ведь это я сам создал “накатский язык” из слова “ста-к-ан”, прочитав его наоборот!» [Жовтис 1995: 89-90].

В философии науки последние три десятилетия то вспыхивают, то затухают методологические дискуссии, инициированные известной работой Пола Фейерабенда «Против метода» (1975). Аргументы «за» и «против» «методоло-

гического принуждения» сменяют друг друга. Стремление к формулировке и использованию метода, как мы видели на примере криптолингвистических текстов, есть позитивная сторона критики разума, шаг на пути овладения им, его сознательной реализации в деятельности и общении. Как кажется, в данном случае мы сталкиваемся с особенностями когнитивного поведения современного европейского человека. С одной стороны, мы становимся свидетелями как в социально-психологическом плане происходит становление представлений о сбалансированном критическом мышлении. Современная когнитивная психология, однако, различает (разграничивает) критическое мышление в «слабом» и «сильном» смысле. Так использование анализа и аргументации с целью, прежде всего, развенчать чужую точку зрения служит примером критического мышления в «слабом» смысле. Напротив, человек, прибегающий к критическому мышлению в «сильном» смысле не сосредоточен на собственной точке зрения. Он исходит из необходимости по собственной инициативе испытывать свои идеи и представления наиболее сильными из возможных возражений, какие только могут быть выдвинуты против них. Сейчас преобладает монологическое мышление, соответствующее идеологически доминирующему и предлагаемому в кодифицированных текстах представлению о мире. Человек находится во власти переживания, он удивлен, то есть ощущает неоспоримую бытийность мысли, но «вписать» ее в имеющиеся в его арсенале представления о культуре он не в состоянии. Это и происходит частично с авторами криптолингвистических сочинений, частично – с читателями. Человек в состоянии удивления находится вне системы координат, которую задает культура. Поэтому, чтобы культура не была дискредитирована, ее необходимо подключать в том объеме, который может быть освоен человеком. Данная ориентация наполняет жизнью понятия, они приобретают смысл, и культура становится востребованной. Теперь человек может вновь наблюдать мир, но он представляется ему не таким, каким был раньше. Следовательно, для него мир теперь нуждается в глобальной перестройке в соответствии с той мыслью, которая заявила о своем независимом онтологическом статусе. Человек начинает строить систему доказательств, считая, что именно эта система станет оправданием его мысли. Но диалог при этом – диалог между читателем/слушателем и автором – может стать продуктивным только тогда, когда предусматривает какое-либо решение. То есть, цели диалога не должны заключаться только лишь в самовыражении его участников; главное условие диалогового общения – это стремление слушать собеседника, терпеливо сносить его инакомыслие и тем самым добиваться понимания. Человеку свойственно стремление к постижению высшего, аб-

солютного смысла. На пути этого постижения для человека нет больших авторитетов, нежели авторитет этого абсолютного смысла как такового. Диалог, который строится на данных условиях, может быть по-настоящему свободным и творческим. Свободным, поскольку единственной ценностью аргумента является его «абсолютная» истинность, которая с необходимостью подтверждается экзистенциальным опытом человека, что обеспечивает передачу ощущения жизненного смысла. А творческим, поскольку смысл может быть передан посредством использования нестандартных понятий и конструкций. В итоге подобного рода коммуникации, которую обеспечивает философский диалог, способствует лучшей социальной адаптации личности. Человек перестает делать трагедию из факта одновременного существования несовместимых способов объяснения действительности, поскольку он научается посредством философского диалога безболезненно вступать в контакт с индивидом с непривычным для него способом мышления, что, в конце концов, приведет к пониманию. Когда аргументы не сводятся только к использованию стереотипов и штампов, которые суть «лоскутные одежды» живой культуры, не имеющие никакой самостоятельной ценности, когда аргумент – это не просто повторение чужих слов, тогда человек имеет возможность спокойно соотносить свое мнение с мнением других. Цель диалога трансцендируется, и он становится для участников поиском истины и утешения, а не только лишь формой самовыражения [см. в этой связи Кассирер 1995: 187; Кларин 1994: 45; Борисов 2005: 226-227].

Наконец, нам кажется возможным объяснить феномен криптолингвистики с точки зрения исторической психологии.

Возвращаясь к трудности подходов, которые выходят за пределы классической науки, скажем: эти подходы являются необычным знанием. В.А. Шкуратов считает, что гуманитарные науки самоопределяются как средства образования личности, находящиеся в потоке жизни, поэтому они вводят определенные эпистемологические средства: для удержания непосредственности личностного самоопределения; для некоторого познавательного отстранения от этого процесса. Такое знание апеллятивно. Гуманитарные науки, в т.ч. лингвистика, являют собой компромисс между процессом самовыражения и его опосредованием. Поэтому гуманитарные тексты отличаются повышенной насыщенностью смыслами, нарративной формой и адресностью. Их ученость вибрирует между исповедальностью и концептуальностью. Так это происходит с текстами криптолингвистическими. Их особенности могут быть переданы термином, предложенным В.А. Шкуратовым, – наррадигма и бельсайнтистика.

К концу XX века стало понятно, что гуманитарный элемент в науке непарадигмален. Он

происходит от ученого традиционализма (книжности), а книжность развивается в преемственности слов и текстов. Поэтому слово «нарра-дигма» составлено из двух частей: латинского «narratio» (рассказ, повествование) и греческого «deigma» (образец, пример). По сути, криптолингвистические тексты – это личностный рассказ по определенному гуманитарному образцу текста – текста лингвистического; текста, нагруженного эстетическими, идеологическими, психологическими функциями; отзывчивого к воздействиям социально-политических обстоятельств. Эти тексты пока не вошли в традицию. Известно, однако, то, что остается за пределами нормативного, консолидируется как апокрифика.

С моей точки зрения, нижеприводимый фрагмент книги «Менталингвистика» – это прекрасная иллюстрация современного жанра апокрифа «от науки»: «Все нам дана способность думать. При этом мы воспроизводим результаты наших ощущений из памяти, строим из них комбинации, пытаюсь восстановить события, угадать и предупредить новые. <...> Возникает потребность рассказать об этом, поделиться с мыслями или поведать людям о своем откровении. <...> Об этом таинстве что-то знают мои внук и внучка и поэтому перед сном обязательно просят:

– Дедушка расскажи...

Я сажусь около их кровати. Они уже закрыли глаза, по уже привычной договоренности, сложили ручки на груди и готовы следовать по тропам неизвестности. <...> Каждый сознательный (имеющий сознание) имеет свою карту мироздания, данную ему от рождения. Что собой она представляет? Мы еще точно не знаем. Парадокс: мы не знаем, что знаем. Эту модель давно ищут физики. Зная ее, мы могли бы предсказать наше загадочное будущее и заглянуть в таинственное прошлое. Любая тайна притягательна. И я, как физик, тоже увлекся этой задачей. Долго мои дни, месяцы и годы проходили в поисках путей, ведущих к безмятежной гавани, где сойду на берег, мог бы очутиться в тишине, где хранится эта загадочная карта мироздания. Я был неизвестным скитальцем в необъятных владениях неизвестной мне истины. Лишь недавно, в начале 90-х годов, безнадежно усталый от "дружбы" с физикой и ее методами, я остановился на неприметном полуостанке, где непокорная всем нам истина утверждала суверенитет Татарстана, России, Украины, Белоруссии и т.д. И тогда, некогда отвергнутые языки, с каким-то несравнимо больше жизни упорством пробилась в утверждении значимости каких-то жизненных истин именно в их исполнении и проявлении воли. <...> Надо было разобраться в действиях новых голосов, ведь они вели куда-то, оставаясь в единой сети общего мироздания. Цепочка для анализа складывалась просто: сознание – это

мироздание, мышление средством языка разворачивает его. Другой путь поиска уравнения мироздания находился не в методике Эйнштейна, а лежал в самой сути нашей речи. И теперь без всякой горечи на неудачи я с радостью обладателя бросил свой исследовательский "инвентарь" в огород лингвистики. А там была тишина. Такая тишина бывает на кладбище, куда прибывают навсегда, спустив паруса. У этой унылой пристани все выверено, очерчено, расставлено по местам, пассажиры представлены воле богов. Здесь не задают вопросы. Установленный еще Александрийской школой порядок расстановки акцентов в изучении языков незыблемо оберегается в величии снов его покровителей. Потрясенные явлением на свет, новые суверенные языки спешат расставиться в истине этой школы и объявить себя великим, своеобразным, единственным защитником нации. Ученые языков, преодолев первое волнение от внимания к их науке, стали смелее просить средства для обновления "заборов", защитных механизмов, ограждающие чуждые влияния. Опыт, накопленный в возвеличивании имперского языка, осваивался на новом уровне. С наивностью пришельца я задал сим ученым мужам, казалось бы, естественные вопросы:

– Почему различаются языки?

– Как возникло слово?

– Почему в языках почти одинаковые звуки речи?

– Имеет ли смысл звук речи?

Для них эти вопросы были словно из курса астрофизики. Оказывается, в этой науке их даже не задают, не включают в ряд научных, а относят в область... мифологии. Представьте, я был рад этому "открытию". Ведь для начинания моих поисков теперь не существовал груз изучения обзорных работ, которыми любая наука обрастает как морской корабль ракушками. Можно было самому, по интуиции, даже рассказывая сказку внукам, испытать влияние слова, смысла звуков речи. Так моя пенсионная обременность приобрела смысл. Внуки спят, таинством смыслов звуков речи, перенесенные в сеть связей нашего мироздания. Я иду к столу, где уже вырисовывается моя карта мироздания. <...> Я теперь исполняю роль необычного контроля: я слушаю окружающую среду. Но обычно Я выделяю звук и ищу его смысл. Это, оказывается, нетрудно. Мир полон звуков и понятен через их смысл. <...> Поисковая боль не отпускала меня нигде. Однажды, проходя мимо татарской школы, я слышу молящий голос учительницы, обращенный к женщине:

– Укыт сип аны, апа, укыт! Талант битул! Меня поразил тон и убежденность учительницы при произношении звука речи Т: укы-Т! Через Т передавался наказ, необходимый и важный долг для матери. "Т" произносился так, словно ножом гильотины отрезалось тело. Она повторила "укыт", а мать все более просветлялась.

Этот контраст долга и обязанности был явным оттенком воплощенного желаяния. Через смысл Т она принуждала, давила, обязывала, наказывала в необходимости "уки" — учишь! А может быть в словах с Т, всегда есть это самое принуждение, давление? Я открыл словарь на Т: топор, топот, тормоз, тревога, терзать... и, кажется, догадка верна. Но как доказать, что это и есть истина? <...> На анализе слов и грамматических правил мне удалось узнать смыслы звуков речи. Оказалось, что звук речи О выражает просторность, физики называют такую среду трехмерной; знаком А выражена какая-то выровненность, что возникает от какого-то уровня согласия в структуре вещей; звук речи У выражает свободное, представленное самому себя, перемещение; Э выражает некоторое внутреннее притяжение, что-то потребное, В выражает периодическое и повторяющееся свободное перемещение, через Б выражена какая-то вздутость, превышение и т.д. Так каждый звук речи стал значащей единицей. Возникает вопрос: где? <...> Вот тогда мне и пришла идея выразить смысл звуков в моделях физических представлений и описать формулами, что облегчало бы поиск взаимосвязи смысла звуков речи. И работа пошла по второму кругу, но увенчалась приятной неожиданностью. Смыслы звуков речи, выраженные физическими формулами, оказались во взаимосвязи и с каждым дополнением; выростала целостность, будто археологами расстреванный костяк какого-то существа. Это была пространственная карта мироздания, занятая связями по узлам творения, которые таинственно и непрестанно во власти мировых сил колышутся в ритме, словно морские глубины. По связям струится нечто, распуская почки, разведя зеленые своды, превращая свет в семя — во внешний размах жизни. Там давно известные школьные формулы своим смыслом обрамляли контуры внутренней сути самой вечности. Оказывается, люди произнося звуки речи, трогают и касаются этих основ, как бы включают, или сверяют что-то, или опираются на необходимые основы реальности. И тогда Слово, собранное из этих соприкосновений, становится образом, наделенным силой и может зажечь мысль. И каждый из нас, пользующийся Словом, набирает звуками речи, как по клавишам пишущей машинки, образ нашей мысли, возбуждая в сознании связи и узлы. Возникшая упорядоченность из формул очертила рамку, которая в обозначениях звуками речи предстала как "Эволюционная система звуков речи татарского языка". Всю эту процедуру поиска автор прошел и по содержанию русского языка, и возникла новая целостность, как "Эволюционная система звуков речи русского языка". И, оказалось, что звуки речи этих языков имеют один и тот же смысл. Может быть русские и татары — люди одной Великой степи, одного корня? До окончательного вывода, такому же анализу были подвергнуты арабский,

грузинский, еврейский, немецкий, французский, английский и др. языки. Это был долгий и кропотливый поиск. Но к радости, предыдущий результат повторился и другие новые звуки речи заняли свободные места в Эволюционной системе и тогда возникла всеобщая целостность: "Периодическая система звуков речи", в которой заключен весь банк данных по звукам речи народов. Так мир мысли человека, выраженный смысловыми единицами речи — звуками речи — стал единым компактным узлом творения. Это, безусловно, отражение нашего сознания, куда врожденно вложена карта мироздания. <...> Рассказывайте взрослым и детям сказки. Их постоянный сюжет, сотканный из светлых и темных начал, есть контрастный узел в паутине связей нашего мироздания. Он развивается во взаимодействии этих противоположностей, а мы, наблюдая за ним, кажется, путешествуем по карте мироздания. При этом возникает трепет и сжимается сердце» [Гайн-улла Ф. Шаймиев 1998: 4-8].

Апокрифическая фаза, а именно с ней мы сталкиваемся, по всей видимости, в случае бытования криптолингвистических текстов, дает образцу не только материал, смысловой подтекст, но и сюжетный зачин, предысторию, форму судьбы. Поскольку открытия делаются людьми, то в любой науке присутствует нарративная линия со ступенью апокрифа [подробнее см. также: Брокмейер, Харе 2000].

Приведу еще один пример из книги: Колпаков В.В., Колпаков Г. (Ю.) Д. «Звуковая лингвистика для всех. О смысле звуков, букв и слов человеческой речи». Авторы признаются сами в разрозненных знаниях: «... в детстве читал массу детских книг и стихов... в школе неосмысленным образом учил английский язык... вместе с племянником занимался в зрелом возрасте изучением немецкого... на досуге за год выучил по самоучителю французский (при этом я был тогда крайне удивлен тем, что процентов 90 английских слов произошли от французских и латинских, а люди, не знающие языки (не думающие люди), как попугаи везде повторяют как заученный штамп, что английский — это язык германской группы... сразу же, без всякого изучения, стал читать на церковнославянском... потом изучал немного с племянником немецкий, но бросил из-за нехватки времени... и все эти разрозненные знания постепенно накапливались где-то в подсознании... и в итоге стало вдруг интуитивно ощущаться очень большое сходство между словами и звуками в разных языках... ощущение это жило где-то в глубине ума... и я думал об этом постоянно, пока меня не осенило... фр. Кэс кё сэ? — каждый отдельный звук в этом вопросе выражает собой в сущности целое сокращенное до него (как бы сжатое в один звук) слово или понятие, а именно — к — что, э — есть, с — сие, кё — что, с — сие (= вот это), э — есть? То есть полностью этот вопрос следует понимать так: Что (такое)

есть сие (то, чем интересуется спрашивающий), что сие (на что он указывает) есть?... Тогда пришло осенение, что сами по себе звуки человеческой речи, а вовсе не какие-то там «корни», возможно, являются как бы сокращенными смысловыми понятиями. Иными словами, сами звуки в словах, как атомы в молекулах, составляют элементарные смысловые понятия языка. Осталось только разгадать их смысл. И тогда, бросив на время изучать другие (иностраные) языки, захотелось прежде всего понять свой родной – Русский язык... И с этого момента нам стало постепенно открываться путем долгих интуитивных размышлений постижение смысла отдельных звуков, а затем и слов Русского языка... Все время думая и анализируя смысл звуков и различных слов, иногда я вставал даже глубокой ночью, зажигал свет и записывал неожиданно пришедшие решения... Начало познанию смысла звуков было положено... На дне рождения у одного очень уважаемого мною родственника – физика в 1997 году мы поделились с ним этими соображениями, и он не посчитал их за ерунду (как другие) и одобрил их, и как настоящий ученый очень заинтересовался этим, чем очень подбодрил нас к дальнейшему развитию теории звуковой лингвистики и дал нам свою поддержку стимул к дальнейшей ее разработке и развитию, без которого данная работа вряд ли когда-нибудь появилась бы вообще... В итоге, входе дальнейших размышлений стало теперь уже окончательно ясно, что каждый отдельный звук, как атом в таблице Менделеева, означает отдельное определенное смысловое понятие. Постепенно была составлена таблица значений всех звуков русского языка... Проанализировав затем слова других языков, от английского до китайского, мы поняли, что смысл и значение в них отдельно взятых звуков в словах точно такой же, как и в русском языке, только количество, набор и манера произнесения звуков в словах различных языков разные... Впоследствии из одних и тех же по смыслу звуков праязыка, как молекулы из атомов или разные предметы из кубиков «лего», были составлены разные слова разных языков, появившихся впоследствии. Отметим кстати, что никакой «эволюции» языков или иначе их происхождения одного из другого не было...» [Колпаков В., Колпаков Г. 2002: 2-14].

С помощью слова «наррадигма» В.А. Шкуратову удалось, на наш взгляд, определить тип мышления, который скрывается между художественным выражением, окутанным образами, и сциентистской речью, пропадающей в формализмах. Между тем у наррадигмального мышления своя, весьма, обширная зона: это – не искусство (производство образов) и не точная наука (производство информации). В.А. Шкуратов назвал эту сферу мышления в научных образах-представлениях бельсайнтистикой. Слово создано по аналогии с французским посред-

ством нарратива культуры «les belles-lettres» (беллетристика). Если «lettres» (письмена) – заменить на «sciences», то получится «les belles-sciences» – прекрасная наука, бельсайнтистика. Бельсайнтистика – это весьма искусная словесность, но она служит иному, нежели художественная литература, так как эстетический эффект, впечатление здесь средство, а не цель. Ее научность избегает однозначной определенности понятий, формализмов, чертежей.

Это и есть, по мнению В.А. Шкуратова, к которому мы полностью присоединяемся, мышление языка, наука слова – и в то же время часть культуры мысли. Бельсайнтистика обнаруживается там, где мышление конструирует слова внереференциально, т.е. исходит из морфологии и семантики для создания абстрактной чувственности. Многожды осмеянные гуманистами схоластические «чтйности», «истекаемости» – примеры такого рода словомыслия. Эти схоластические предикаменты обходятся без опор в предметном мире. Они помогают словомышлению продвигаться в как-бы реальности, среди умственных фигур. Словесность здесь не расширяется в аксиологии словоэнергий, она их оформляет, как считает Н.Ф. Алефиренко [Алефиренко 2002]. Это нижний этаж понятийной текстуальности и высший – словочувственности. Здесь происходит сенсуализация и аксиологизация языка.

Наррадигма дает образец превращения грамматической структуры в мыслеобраз. Концептуальная мысль внедрена в этой сердцевине языка своей понятийностью, чуть-чуть недоформализованной. Эти грамматические связки, предлоги, служебные слова и другие логические фигуры сенсуализированы и таким образом дают псевдологическую сущность письменной бельсайнтистике – схоластике. Схоластика находится между мистикой (книжной чувственностью бескачественных, бесструктурных энергий, сияний, звучаний) и логической арифметикой. Она имеет устойчивость в складе западноевропейского ума. Она никогда не доходит до разделения слова и фигуры, что обозначало бы смерть для словомышления, которое живет непрерывной семантической трансформацией грамматики. Через языковые преобразования и словообразования устанавливаются новые обращенные к читателю смыслы. Именно на определенности для подготовленного читателя этих словообразований-трансформаций и основана бельсайнтистика, сходная в этом отношении с художественной литературой. В обоих случаях развитие текста опирается на способность постигать словесный сгусток в его непрерывных образно-смысловых видоизменениях. Такой текст – самотрансформируемая ткань, неговоренная по элементам. Она определена общими знаниями и гораздо менее явным знакомством с ассоциативным

рядом наррадигматики [Шкуратов 1997: 166-176; 326].

Наррадигма криптолингвистики учит, как проявляются в ходе толкований и разборов учебно-хрестоматийных и классических текстов новые смыслы. Цель обучения здесь – состыковать художественно-текстуальную структуру с образно-ассоциативным контекстом произведения. В бельсайнтистике постоянно совершаются трудноуловимые переводы грамматики в словесные фигуры мысли с опорой на смысл. Референтная основа этих фигур не является предметной, но и не лишена образного обоснования (в отличие от концептов, которые алгоритмизированы в потоке рассуждения). Происходит, по Рюйе, вычерпывание сознанием скрытых значений отражаемого действия и наделение этих значений пространственно-временной квазиреальностью является общим качеством человеческого целеполагания [Ruyer 1950: 10]

В заключении замечу, что культура внутри себя пытается осмыслить подобные криптолингвистические тексты; осмыслить по-разному, иногда в виде пародии – филологической пародии или в виде «вырожденных» филологических тестов. В романе В.О. Пелевина «Ампи В» главный герой Рама приобщался к филологической премудрости: к гламуру и дискурсу: «Полный курс этих предметов занимал три недели. По объему усваиваемой информации он равнялся университетскому образованию с последующей магистратурой и получением степени PhD. Дискурс оказался «мерцающей игрой бессодержательных смыслов, которые получают из гламура при его долгом томлении на огне черной зависти...». Как видим, такое восприятие лингвистики (филологии) вполне отвечает ожиданиям непрофессионалов. Для дилетанта иная сфера знания – это сфера избыточной информации. Для ее освоения нужно такое же время, как и для освоения своей собственной профессиональной сферы, на что было затрачено немало лет, если не «вся жизнь». На этом фоне нас не удивляет, что главный герой романа, ощутивший избыток информации приходит, однако, к правильному выводу: «...избыток информации создавал проблемы, очень похожие на те, которые вызывало невежество. Но даже очевидные ошибки иногда вели к интересным догадкам. Вот одна из первых записей в моей учебной тетради: «Слово “западло” состоит из слова “Запад” и формообразующего суффикса “ло”, который образует существенные вроде “бухло” и “фуфло”. Не рано ли призывать склонный к такому словообразованию народ под знамена демократии и прогресса?» [Пелевин 2005: 56-58; 64-65].

Все сказанное позволяет понять: совокупность порождаемых криптолингвистических текстов – это поиск культурной идентичности и проявление игры политического воображения, это рефлексия над прежде неосознанными

представлениями о себе, что верно как для индивидуальной, так и для коллективной жизни. Это попытка, как считал Ян Ассман, обрести, наконец, формы коллективного самопредставления и самовыражения, в которой основную роль играет культурное «воспоминание» [Ассман 2004: 139].

ЛИТЕРАТУРА

Алефиренко Н.Ф. Поэтическая энергия слова: Синергетика языка, сознания и культуры. – М.: Асадемия, 2002. 280 с.

Алпатов В.М. Актуально ли учение Марра? // Вопросы языкознания. 2006. № 1. С. 3-15.

Антология феноменологической философии в России: В 3 т. Т. 1. – М.: Гнозис, 1998. 512 с.

Ассман Ян. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. – М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.

Базылев В.Н. От парадигм-маргиналий к парадигмам-доминантам в современной лингвистике (лингвосинергетика, палеонтология языка, кондициональная лингвистика) // Лингвистика на рубеже эпох: доминанты и маргиналии: сб. статей [Под ред. О.А. Сулеймановой]. – М.: МПГУ, 2004. С. 45-77.

Базылев В.Н. А. Авдеенко. Над Тиссой. Комментарий // Текст и комментарий – 4: Материалы постоянно действующего семинара проблемной группы «Сублогический анализ языка» [Под ред. В.Н. Базылева] – М.: МАКС-Пресс, 2005. С. 13-33.

Базылев В.Н. Общее языкознание. – М.: Гардарики, 2007. 285 с.

Бибихин В.В. Слово и событие. – М.: Едиториал УРСС, 2001. 280 с.

Богданов К. От пероэлементов Н.Я. Марра к мичуринским яблокам // Абсурд и вокруг: Сборник статей. – М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 335-344.

Бонч-Осмоловская Т.Б. Введение в литературу формальных ограничений. Литература формы и игры от античности до наших дней. – Самара: Издательский дом «Бахрах-М», 2009. 560 с.

Борисов С.В. «Человек философствующий»: исследование современных моделей философской пропедевтики. – М.: ПЭР СЭ, 2005. 240 с.

Брокмейер И., Харе Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии. 2000. № 3. С. 42-56.

Бычков А.А. Киевская Русь. Страна, которой не было?: легенды и мифы. – М.: Из-во «Олимп», 2006. 443 с.

Васильев А.Д. Российская языковая политика 1991-2005 гг. – Красноярск: Красноярский краевой фонд науки, 2008. 176 с.

Вашкевич Н.Н. Симия: раскрытие смысла слов, поступков, явлений: Учебник для начинающих. – М.: Белые альвы, 2002. 144 с.

Велесова книга. Перевод и комментарий А.И.Асова. – М.: Менеджер, 1995. 320 с.

Гайн-улла Ф.Шайхив. Менталингвистика. – Казань: Из-во «Мастер Лайн», 1998. 164 с.

Гаспаров Б.М. Ламарк, Шеллинг, Марр (стихотворение «Ламарк» в контексте «переломной» эпо-

- хи) // Б.М. Гаспаров. Литературные лейтмотивы. – М.: Наука, 1993. С. 190-207.
- Голубев И.А. Слава славянскому слову, или Путешествие по глубинам русского языка: поэма о кернах. – М.: Наталис, 2007. 424 с.
- Гриневиц Г.С. Праславянская письменность. Результаты дешифровки. – М.: Общественная польза, 1993. 328 с.
- Дмитриенко А. Памятники слогового письма древних славян: Этрусские надписи, Фестский диск, Линейное письмо А и Б. – М.: Белые альвы, 2001. 224 с.
- Драгункин А., Образцов А. В начале было слово. Русское. – СПб.: Издательский дом «Андрa», 2005. 384 с.
- Жижек С. 13 эссе о Ленине. – М.: Ad Marginem, 2003. 250 с.
- Жовтис А.Л. Непридуманные анекдоты. Из советского прошлого. – М., 1995. 152 с.
- Зализняк А.А. Лингвистика по А.Т. Фоменко // Вопросы языкознания. 2000. № 6. С. 33-68
- Касавин И.Т. Заблуждающийся разум?: Многообразие вненаучного знания. – М.: Из-во «Политическая литература», 1990. 464 с.
- Касавин И.Т. Миграция. Креативность. Текст. Проблемы неклассической теории познания. – СПб.: РХГИ, 1998. 408 с.
- Касавин И.Т. Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка. – М.: «Канон+», 2008. 544 с.
- Кассирер Э. Естественнонаучные понятия и понятия культуры // Вопросы философии. 1995. № 8. С. 180-192.
- Кларин М.В. Инновационные модели в зарубежных педагогических поисках. – М.: Высшая школа, 1994. 140 с.
- Колегов А.В. Русварианты. – СПб.: Умная планета, 2006. 128 с.
- Колпаков В.В., Колпаков Г. (Ю.) Д. Звуковая лингвистика для всех. О смысле звуков, букв и слов человеческой речи. – М.: Издательское содружество «Э.РА», 2002. 128 с.
- Корелин А.Н. Тайный смысл слогов русского языка. – М.: Издательский дом «РА», 2008. 128 с.
- Кутти Б. Запретное знание: парадокс сверхъестественного. – М.: ИНИОН РАН, 1990. 26 с.
- Лосев А.Ф. Введение в общую теорию языковых моделей. – М.: Едиториал УРСС, 2004. 296 с.
- Март Н.Я. Яфетические зори на украинском хуторе // Сумерки лингвистики. Из истории отечественного языкознания. Антология. – М.: Academia, 2001. С. 220-272
- Меликов В.В. Введение в текстологию традиционных культур. – М.РГГУ, 1999. 304 с.
- Мерло-Понти М. Знаки. – М.: Искусство, 2001. 432 с.
- Налимов В.В. Вероятностная модель языка. – М.: Наука, 1979. 382 с.
- Носовский Г.В., Фоменко А.Т. Русь и Рим. Правильно ли мы понимаем историю Европы и Азии? – М.: Из-во «Олимп», 2000. 608 с.
- Паперный В. «Культура два». – М.: Новое литературное обозрение, 1996. 382 с.
- Пелевин В. Амфир «В». – М.: Из-во «Эксмо», 2005. 416 с.
- Писанов Л.П., Писанов В.Л. Тайный код русской речи. Трактат о первобытном языке славян. – Челябинск: ООО «Труд-Регион», 2008. – 288 с.
- Плешанов А.Д. Русский алфавит – код общения человека с космосом. – М.: Новый центр, 2002. 174 с.
- Против буржуазной контрабанды в языкознании. Сборник бригады Института языка и мышления АН СССР [Под ред. Б. Аптекаря]. – Л.: ГАИМК, 1932. 168 с.
- Серио П. От любви к языку до смерти языка// Политическая лингвистика. 2009. № 1 (27). С. 118-123.
- Степанов Ю.С. Изменчивый «образ языка» в науке XX века// Язык и наука конца 20 века: Сб. статей [Под ред. Ю.С. Степанова]. – М.: РГГУ, 1995. С. 7-34.
- Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.
- Степанов Ю.С., Проскурин С.Г. Константы мировой культуры: Алфавит и алфавитные тексты в периоды двоеверия. – М.: Наука, 1993. 158 с.
- Фрумкин К.Г. Философия и психология фантастики. – М.: Едиториал УРСС, 2004. 240 с.
- Чудинов В.А. Двести тысяч лет до нашей эры// «Российская газета». 19 июня 2008 г. № 130 (4687) С. 20-21.
- Шварцкопф Ф. Метаморфоза данного: на пути к созданию экологии сознания. – М.: Идея-Пресс, 2000. 232 с.
- Шкуратов В.А. Историческая психология. – М.: Смысл, 1997. 505 с.
- Эльдемуров Ф.П. Алфавитно-символическое Таро России. – М.: Центр астрологических исследований, 1995. 120 с.
- Ruyer R. L'utopie et les utopistes. – Paris: Garamond, 1950. 160 с.

© Базылев В.Н., 2009

Богданов К.А.
Санкт-Петербург, Россия
**О ЧИСТОТЕ И НЕЧИСТИ.
СОВПОЛИТГИГИЕНА**

УДК 81'27
ББК Ш 100.3

Аннотация. Рассмотрены метафоры со сферой-источником «грязь/чистота» в советской политической коммуникации. Показано, что упоминания о «капиталистической», «фашистской» «буржуазной», «заграничной» нечисти типично для советского дискурса и придают политическим инвективам мифологическую образность, исключая какую-либо рациональную силлогистику в интерпретации «западного мира».

Ключевые слова: метафора, Советский Союз, грязь, болезнь, политические враги, советская пропаганда, сексопатология.

Сведения об авторе: Богданов Константин Анатольевич, доктор филологических наук, профессор.

Место работы: Институт русской литературы (Пушкинский дом) Российской Академии наук.

Контактная информация: 199034, г. Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 4.

E-mail: Konstantin.Bogdanov@uni-konstanz.de.

Bogdanov K.A.
Saint-Petersburg, Russia
**ON CLEANLINESS AND FILTH.
SOVIET POLITICAL HYGIENE**

ГСНТИ 16.21.27
Код ВАК 10.02.01

Abstract. The article describes metaphors with source domain «dirt/cleanliness» in the Soviet political communication. It is typical of the Soviet discourse to constantly refer to different «capitalistic», «fascist», «bourgeois», «foreign» filth and it helps political invectives become more mythologically colored thus denying any logic syllogistic in interpreting the «Western World».

Key words: metaphor, Soviet Union, dirt, disease, political enemies, Soviet propaganda, sexopathology (sexdisorder).

About the author: Bogdanov Konstantin Anatolievich, doctor of philology, professor.

Place of employment: Institute of Russian Literature (the Pushkin House) of Russian Academy of Sciences

О содержательных особенностях советской пропаганды написано много: просоветски настроенные исследователи не скупались на апологетические рассуждения о само собой разумеющейся убедительности пропагандистской силлогистики, антисоветские – на сатирические наблюдения насчет ее абсурдности. Реже писалось о том, что коммуникативная эффективность риторического убеждения достигается не только силлогистическими, но и эмоциональными возможностями речевого воздействия, прежде всего – пафосом метафорической и символической речи, опорой на доверие и аргументацией «от очевидного» (Настоящая статья является фрагментом книги, специально посвященной последней проблеме и готовящейся к выходу в издательстве «Новое литературное обозрение»). Применительно к «совокупному тексту» советской идеологии показательными примерами такой эффективности может служить использование экспрессивных и рационально не верифицируемых метафор в функции научных и идеологических терминов. Ниже речь пойдет об одном из таких примеров: о метафоре гнилости и заразы, широко представленной, с одной стороны, в «научных» текстах советской эпохи по политической экономике, а с другой, – в литературных и публицистических текстах, касавшихся сферы идеологии, культуры и быта.

Доктринальное для советских общественно-исторических и экономических дисциплин определение и истолкование империализма восходит к работе Ленина «Империализм и раскол социализма» (1916): «Империализм есть особая историческая стадия капитализма. Особенность эта тройкая: империализм есть (1) – монополистический капитализм; (2) – паразитиче-

ский или загнивающий капитализм; (3) – умирающий капитализм» [Ленин 1969 Т 30: 163, Т 27: 369]. Метафоры гниения в ленинском лексиконе многочисленны и многообразны, см., например: «Рабочему классу выгоднее, чтобы необходимые преобразования в буржуазно-демократическом направлении прошли [...] революционным путем, ибо реформаторский путь есть путь затяжек, проволочек, мучительно-медленного отмирания гниющих частей народного организма. От гниения их страдает прежде всего и больше всего пролетариат и крестьянство. Революционный путь есть... путь прямого удаления гниющих частей, путь наименьшей уступчивости и осторожности по отношению к монархии и соответствующим ей омерзительным и гнусным, гнилым и заражающим воздух гниением учреждениям» [Ленин 1969 Т. 9: 254].

Приведенные ленинские слова можно было бы считать не более, чем бранным курьезом, если бы они на десятилетия не стали общеобязательными к *буквальному воспроизведению в качестве научной дефиниции* в школьных и вузовских учебниках, научных монографиях и публицистических текстах. Рассуждения и даже просто упоминания о капитализме редко обходились без эпитета «загнивающий», создавая устойчивую «гигиеническую» (или точнее, антигигиеническую) топику общественно-политического дискурса. Можно гадать об источниках ленинского «определения» – скорее всего, их нужно видеть в расхожем уже для XIX века противопоставлении большого Запада и здоровой России. Инвективная метафорика антизападников и традиционалистов, православных проповедников, славянофилов и народников пестрит «медицинскими» определениями «болезней», мучающих Европу и чреватых для России. По-

литический и культурный мир Запада «разлагается», «гниет», «умирает» и тому подобное [подр: Богданов 2005: 199-213]. С оглядкой на инерцию таких предостережений Николай Данилевский вынес в название одной из глав своего фундаментального труда «Россия и Европа» (1869) вопрос «Гниет ли Запад?» (заверяя далее читателя, «что явлений полного разложения форм европейской жизни, будет ли то в виде гниения, то есть с отделением зловонных газов и миазмов, или без оногo – в виде брожения, еще не замечается») [Данилевский 1889] (См. рассуждения Иринарха Потугина из «Дыма» Тургенева (1867): «А сойдется десять русских, мгновенно возникает вопрос [...] о значении, о будущности России. [...] Ну, и конечно, тут же, кстати, достанется и гнилому Западу» [Тургенев 1981. Т. 7: 270]), а Константин Леонтьев изрек в 1880 году (под впечатлением от взрыва бомбы в Зимнем дворце) приснопамятную сентенцию о необходимости «подморозить хоть немного Россию, чтобы она “не гнила”» [Леонтьев 1996: 246].

Контекст таких определений, впрочем, мог быть и шире: достаточно вспомнить хотя бы шекспировский афоризм, слова Марцелло из Гамлета: «Прогнило что-то в Датском королевстве» (акт 1, сцена 4, в оригинале: «Something is rotten in the state of Denmark»), – пьесы, заметим попутно для любителей интертекста, занятно перекликающейся (в сценах с призраком, являющимся Гамлету) также с текстом «Коммунистического манифеста» Маркса и Энгельса, возвестившими о приходе «призрака коммунизма» [напр: Guldin 2000; Buruma, Avishai 2004]. В 1930-е годы использование медико-гигиенических сравнений в политическом лексиконе широко распространяется в нацистской пропаганде, тексты которой пестрят упоминаниями о еврейской заразе, «гнойниках» и «язвах» либерализма, «трупном яде» марксизма и так далее [Winckler 1970: 84 f; Heid 1995: 240]. Советская пропаганда здесь, как и во многих других случаях, оказывается производящей схожие инвективы [Weiss 2003: 311-361]. Специально о пропагандистском использовании медико-биологического дискурса [Вайс 2008: 16-22]. Автор, к сожалению, обходит вниманием доктринальные тексты о «гниении» капитализма и почему-то считает, что «особенно популярным» в советской пропаганде «было слово “паразит”, которое оставалось центральным ругательством до конца существования языка советской политической пропаганды» [Вайс 2008: 17]. Между тем, использование «паразитарных» сравнений, хотя и содержится уже в ленинском определении империализма, экстенсивно популяризуется только после принятия в 1961 году указа «Об усилении борьбы с лицами (бездельниками, тунеядцами, паразитами), уклоняющимися от общественно-полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический

образ жизни» и последовавших за ним законов об уголовной ответственности за бродяжничество, попрошайничество и «ведение иного паразитического образа жизни» (статья 209 УК РСФСР). При интересе к «инсектным» метафорам советского политического дискурса Вайс не упоминает также о пионерском исследовании на ту же тему [Орлова 2003. Вд. 49: 309-346].

В языковой ретроспективе советской эпохи метафорика гнилости и умирания стала исключительно продуктивной для ее специализированно «научного» (преимущественно – политико-экономического) использования, но эффективность связанного с ней словоупотребления охватывает и те случаи, когда речь заходит о необходимости осуждения чего бы то ни было как идеологически чужого – не обязательно (про)западного, но обязательно не- или антисоветского. В 1931 году излюбленные Лениным «гигиенические определения» соответствующим образом дополнил Сталин. В «Письме в редакцию журнала “Пролетарская революция”» («О некоторых вопросах истории большевизма») Сталин, понося историка А. Слуцкого и вместе с ним всех тех, кто видел в троцкизме одну из фракций коммунизма, а не «передовой отряд контрреволюционной буржуазии», заявлял, что сама дискуссия с «фальсификатором» партийной истории стала возможной как проявление «гнилого либерализма», «имеющего теперь среди одной части большевиков некоторое распространение» [Сталин 1951. Т. 13: 84-102]. «Письмо» Сталина незамедлительно обрело статус программного документа о надлежащем изучении истории, а слова о «гнилом либерализме» стали расхожей инвективой в адрес очередных жертв идеологических чисток [Напр: Бертагаев, Еромоленко, Филин. 1932. № 3: 3 («гнилой либерализм партруководства»); Морозов 1932: 1]. Раскритикованный Сталиным, А.Г. Слуцкий (1894-1979), несмотря на его публичные покаяния, был в том же году исключен из «рядов общества историков-марксистов», а в 1937 году репрессирован. Подробнее о последствиях письма Сталина для советских историков [Литвин 1994].

Помимо Ленина и Сталина, в склонности к закреплению в советском общественно-политическом дискурсе метафор гниения, разложения и заразы особая роль должна быть отведена Максиму Горькому, чьи публицистические тексты 1930-х годов едва ли не психотично варьируют нехитрый набор «(анти)гигиенических» и медицинских сравнений.

«Фашизм [...] есть не что иное, как попытка укрепления разрушающегося, изгнившего капиталистического строя» («Работнице и крестьянке», 1933).

«Расовая теория – последний “идеологический” резерв издыхающего капитализма, но гнилое дыхание его может отравить даже здра-

вомышляющих людей» («Пролетарский гуманизм», 1934).

«Человечество не может погибнуть оттого, что некое незначительное его меньшинство творчески одряхлело и разлагается от страха пред жизнью и от болезненной, неизлечимой жажды наживы. Гибель этого меньшинства – акт величайшей справедливости, и акт этой история повелевает свершить пролетариату» («Пролетарский гуманизм», 1934).

«Неизбежны все и всяческие мерзости, истекающие из гнойника, называемого капитализмом. Но против этого гнойника, все яснее освещая его отвратительное, тошнотворное, кровавое паскудство, встает и растет уже непобедимое» («Литературные забавы», 1934).

«Нам хорошо известно, какой гнилью нагружена душа буржуазной личности» (доклад на Первом всесоюзном съезде советских писателей, 1934).

«Путь пролетариата к победе становится все шире, все более ясно виден [...] Но капитализм все еще жив и действует, отравляя зловонием людей, созданных им, воспитанных на его гнилой и грязной почве» (Третьему краевому съезду советов, 1935) [Горький 1953. Т. 27: 28, 239, 241, 275, 313, 389].

Такие примеры можно множить, но публицистический энтузиазм советского классика не ограничивался пусть и отталкивающим, но все же несколько абстрактным словоупотреблением. В стремлении конкретизировать полюбившиеся сравнения Горький апеллировал к общепонятной образности и «диагностическим» данным, демонстрируя незаурядный интерес к сфере психиатрии и особенно сексопатологии.

«Капитализм насилует мир, как дряхлый старик молодую, здоровую женщину, оплодотворить он ее уже не может ничем, кроме старческих болезней» («О культурах», 1935).

«Парады фашистов [...] – это парады рахитичной, золотушной, чахоточной молодежи, которая хочет жить со всею жаждой больных людей, способных принять все, что дает им свободу выявить гнойное кипение их отравленной крови. В тысячах серых, худосочных лиц здоровые, полнокровные лица заметны особенно резко, потому что их мало» («Пролетарский гуманизм», 1934) [Горький 1953. Т. 27: 466, 236].

Но и это, как выясняется, еще не все: «Уже сложилась саркастическая поговорка, – напоминает Горький: “Уничтожьте гомосексуалистов – фашизм исчезнет”», тогда как в СССР – «в стране, где мужественно и успешно хозяйствует пролетариат, гомосексуализм, развращающий молодежь, признан социально преступным» («Пролетарский гуманизм», 1934) [Горький 1953. Т. 27: 238]. Запрет гомосексуализма в СССР получил юридическое оформление 7 марта 1934 года (по этому закону обвиняемым в действиях гомосексуального характера грозило тюремное заключение от 4-х до 5 лет). Убеждение о связи гомосексуализма и

фашизма высказывалось в 1930-е годы многими представителями левого движения и наиболее последовательно изложена у Вильгельма Райха, рассматривавшего гомосексуализм как отклонение, психологически характеризующее фашизм [Oosterhuis 1995: 227-257; Dean 2004: 4]. Не исключено, впрочем, что Горький повторил знаменитые слова Муссолини о штурмовиках Эрнста Рёма (известного своим гомосексуализмом) как о «criminaliepederasti», то есть «преступниках и педерастах» [Santis 2007]. Стоит заметить, что принятие советского антигомосексуального закона (7 марта 1934 года) интригующе совпадает с датой официального прихода нацистов к власти в Германии [Nemtsev 2008: 17]. Статья Горького опубликована в мае, то есть за месяц до «ночи длинных ножей» – устранения Рёма и его окружения. В годы войны тему гомосексуализма применительно к нацистам подхватит Илья Эренбург (в очерке «Три года» (1944)), попадет она и в документы, предназначенные для служебного использования [Ауэрбах 1943].

В доказательство того, что «мир буржуазии... психически болен», приводится ссылка на «сообщение одной из газет»:

«Никогда еще количество сумасшедших не было так велико в Америке, как сейчас. Один видный психиатр высчитал, что, если распространение душевных заболеваний будет и впредь идти тем же темпом, через семьдесят пять лет [то есть к 2008 году, отсчитывая от времени написания Горьким цитируемого текста – К.Б.] половина всего населения С.Штатов будет сидеть в сумасшедших домах, а другой половине придется работать на их содержание» («О воспитании правдой», 1933) [Горький 1953. Т. 27: 58].

Но западный мир не только болен – он стремится заразить других, ведь его слуги «организуют новую всемирную бойню на земле, на воде, под землей, в воздухе с применением ядовитых газов, бактерий чумы и других эпидемий» («Пролетарская ненависть», 1935) [Горький 1953. Т. 27: 473].

Советское общество, в отличие от западного, призвано, по Горькому, демонстрировать *тотальное* здоровье, а такое здоровье – здоровье, столь же буквальное, сколь и метафорическое. «Здоровье» физкультурных праздников соотносится в такой риторике со «здоровьем» партийных «чисток», санация тела с санацией природы и общества. Из составленной Горьким вступительной статьи в книге «Беломоро-Балтийский канал им. Сталина» (1934) читатель узнавал о том, что хотя на строительстве канала и «был сосредоточен весь гной, который отцедила страна» [Беломоро-Балтийский канал им. Сталина 1934: 69], но благодаря сотрудникам государственного политического управления при НКВД – «гвардии пролетариата, людям железной дисциплины и той поразительной душевной сложности, которая дается лишь в ре-

зультате тяжелого и широкого житейского опыта», – происходит благодетельный «процесс оздоровления» заключенных («социально больных и “опасных” людей»), о чем они, конечно, вполне могли бы поведать и сами, но пока «о многом, что пережито ими, они еще не в силах рассказать по очень простой, чисто технической причине: им не хватает запаса слов, достаточного для оформления разнообразных и сложных процессов “перековки” их чувств, мыслей, привычек» («Правда социализма», 1934) [Горький 1953. Т. 27: 126].

Угроза заразы объединяет мир природы и мир идеологии. Обращаясь к писателям, Горький наставляет их научиться различать в своих рядах и остерегаться пассивных «зрителей», уклоняющихся от участия в социалистическом строительстве, «ибо укусы трупной мухи могут вызвать общее заражение крови» («О зрителе», 1933) [Горький 1953. Т. 27: 114], а поучая школьников, объясняет им вред насекомых, грызунов и сорняков, не совместимых с советским государством:

«В нашем государстве не должно быть насекомых, опасных для здоровья людей, сорных трав, истощающих соки земли, вредителей лесов и хлебных злаков... не должно быть места саранче, пожирающей хлеб, комарам, которые прививают людям лихорадки, мухам, распространяющим болезни, насекомым, истязующим домашний скот» [Горький 1953. Т. 26: 198].

Лексико-стилистические пристрастия Горького индивидуальны, но не уникальны. Современникам пролетарского писателя постоянно напоминали как о том, «что здоровый, нормальный организм мыслим только в социалистическом обществе» [Комаров 1936: 11], так и о контексте идеологически рекомендуемого словоупотребления метафор гнили и заразы. Так, если в появившемся в 1936 году тексте «Гимна партии большевиков» (слова Василия Лебедева-Кумача, музыка Александра Александрова) пелось:

«Изменников подлых *гнилую породу*

Ты грозно сметаешь с пути своего.

Ты гордость народа, ты мудрость народа,

Ты сердце народа и совесть его»,

то газетные передовицы следующего года цитировали Ворошилова: «Очищая свою армию от гнилой дряни, мы тем самым делаем ее еще более сильной и неуязвимой. Армия укрепляется тем, что очищает себя от скверны» (Правда. 1937. 13 июня). Гигиенические наставления закономерно прочитываются на этом фоне как дополнительные к идеологическому перерождению, делающему возможным и необходимым избавление от всевозможных «язв» прошлого и настоящего [Starks 2008]. Если идейное здоровье обратимо к физическому (попутно обязывая к надлежащей цензуре собственноручно медицинских статей о самочувствии советских граждан) [См., напр: Блюм 2000: 142].

(Один из многочисленных примеров такого рода: задержанная в 1933 году цензурой статья «Жилищные условия туберкулезных bacilloносителей в Ленинграде» (предполагавшаяся к публикации в «Трудах Ленинградского туберкулезного научно-исследовательского института»), рисующая, по мнению цензоров, «крайне мрачную картину обеспеченности жилплощадью в bacиллярных районах в Ленинграде»), то партийные и судебные «чистки» ведут к оздоровлению общества и, в свою очередь, к оздоровлению тела [Харходин 2002: 163-165].

Муслирование физиологических и медико-гигиенических метафор в определении капиталистического мира и, в конечном счете, всего не- или антисоветского кажется в этих случаях эффективным не только в плане эмоционального воздействия, но и с точки зрения их «телесной» референциальности. Болезнетворная «гниль» Запада маркирует советскую «чистоту» и оценивается как атрибут идеологической практики, обязывающей к «телесному» и – уже потому – ритуализованному противопоставлению «чужого» и «своего». Никакие оговорки на предмет отдельных достижений капиталистического мира не меняют общей картины враждебного «гниения»:

«То обстоятельство, что империализм есть загнивающий капитализм, не исключает элементов роста и развития отдельных областей, отдельных моментов науки и техники. Больше того, именно этот рост, усиливающий противоречия капитализма, и ведет к неизбежности его конца» [Яновская 1934.].

Враждебный к советской идеологии мир обнаруживает гниение и телесное разложение повсеместно: в политике, науке, искусстве и литературе, музыке, повседневном быту.

«Было бы убедительнее, если бы писатель показал нам не только созревший уже или почти созревший бытовой или общественный нарыв, а также и те условия, в которых гнойник начался и назревал, постепенно втягивая в свою испорченную ткань все новые клеточки. [...] То произведение пролетарской литературы, которое, выявляя или бичуя болезненные процессы в партийной и рабочей среде, не показывает с полной убедительностью этой главной причины разложения и перерождения, заранее обречено на неудачу, неизбежно будет представлять перспективу развития пролетарского общества искаженным» [Родов 1930: 231-232].

«С тех пор прошло примерно четверть века, и данный Лениным марксистский анализ капитализма получил бесчисленное количество подтверждений практического и научно-теоретического характера. С тех пор обнажились многие зияющие трещины и зловонные гнойники во всем организме капиталистического общества» [XXII годовщина 1939: 5].

«Все это рисует Пруста как художника, глубоко апологетически относящегося к своему загнивающему миру, смакующего его, несмотря на тление, которое он же сам ощущает и воспроизводит» [Гальперина 1935].

«Загнивающий капитализм на империалистической стадии своего развития породил мертворожденного ублюдка биологической науки, насквозь метафизическое, антиисторическое учение формальной генетики» (Речь академика И. Презента // Ленинградская правда. 1947. 6 марта).

«Современные идеалистические философские системы со всей полнотой раскрывают маразм, зловонное гниение буржуазной культуры, показывают всю глубину идейного падения буржуазии» [Острянин 1952].

«Почему же возможны столь абсурдные картины, столь абсурдное, на первый взгляд, соединение искусства и религии? Но это закономерно, ибо общий процесс загнивания буржуазной идеологии находит в этом свое конкретное выражение» [Яковлев 1977].

«В начале 1970-х гг. индексы капиталистического производства, инвестиций говорят о значительном росте, но это, в свою очередь, не значит, что загнивания больше нет» [Драгилев 1974: 252].

Дисциплинарные, дискурсивные и ситуативные различия в этих случаях не играют существенной роли, так как единственно существенным признаком, предопределяющим идеологически безошибочное различие «своего» и «чужого» во всяком случае является не различие слов, а разделение тел – «здоровых» и «чистых» от «больных» и «разлагающихся». Экстенсивно тиражируемые в советском политическом социолекте оговорки о надлежащем «чутье», помогающем советскому человеку безошибочно отличать «свое» от «чужого», кажутся, с этой точки зрения, неслучайными, подразумевая, что идеологическими ориентирами в самом этом различии выступают не столько рационально-оценочные, сколько телесные, а именно «ольфакторные» характеристики чужого (наподобие тех, что в русской сказке насто­раживают Бабу-Ягу при встрече с человеческим «духом»). Прагмасемантика такого противопоставления может считаться универсальным и, как показывают этнографические исследования традиционных культур, необходимым условием ритуалов, призванных к формализации коллективной идентичности. Важнейшим из таких исследований стала книга Мэри Дуглас «Чистота и опасность» (1966), привлекавшая внимание этнографов, антропологов и социологов к значению «гигиенического» фактора в конструировании базовых правил схематичного упорядочивания социального опыта. Ритуальное различие «чистого» – «нечистого» соответствует при этом, как показала Дуглас, различению определенности и неопределенности, областей формализации и неформализуемых аномалий.

Опасность «нечистого» заключена в опасности классификационных осложнений, нарушении формализованной ориентации, «смешении» дифференцирующих маркеров идеологически опознаваемой реальности. Не удивительно поэтому, что ритуальное табуирование «нечистого» охватывает такое пространство социальной и культурной референции, в котором самые различные вещи и явления оказываются объединенными по признаку их (в)нерационализуемости и (в)несистемности.

В русской культуре представления о чистоте поддерживались инерцией традиционных практик «коллективного очищения» и особенностями традиционного дискурса власти, устойчиво тяготеющего, как убедительно показал в ряде работ Дмитрий Захарьин, к воспроизведению *вневербальных* маркеров социального взаимодействия [Захарьин 2007: 135-176]. Ритуальные (или квазиритуальные) стереотипы, обязывающие к демонстрации «чистоты» власти (в том числе и буквальной – в культивировании «банных» церемониалов, символически объединяющих ее представителей), о которых пишет Захарьин, напоминают в этих случаях как о семантических амплификациях мусора и грязи в роли давних уже социальных и идеологических метафор [См., напр: Corbin 1982; Кушкова 1999: 240-272], так и о фольклорной традиции персонифицируемой «нечисти», собирательно обозначающей таких мифологических персонажей, чей облик характеризуется «принципиальной» неопределенностью и изменчивостью. В русском фольклоре таковы леший, боровой, лозатый, моховик, полевик, луговик, межник, водяной, омутник, русалка, вировник, болотник, зыбочник, веретник, травник, стоговой, дворовой, домовой, овинник, банник, амбарник, гуменник, хлебник, запечник, подпольник, голбешник, мара, кикимора и многие другие обитатели соответственно «нечистых» мест – пустошей, чащоб, трясин, болот, перекрестков, пещер, ям, водоворотов и омутов, подпольев и чердаков, мест за и под печью, овинов, хлевов и так далее [см.: Черепанова 1983; Власова 1995].

В общественно-политических контекстах советской поры метафоры «нечисти» закрепляются первоначально за представителями старорежимного прошлого. Среди ранних примеров такого словоупотребления – плакат Виктора Дени по рисунку Михаила Черемных «Товарищ Ленин очищает землю от нечисти» (1920), добродушно изображающий улыбающегося вождя революции, стоящего на земном шаре и выметающего метлой царя, попа, генерала и банкира. М.Ф. Николаева усматривает в этом изображении карикатурность ленинского образа, объясняя ее тем, что «канон для изображения фигуры вождя еще не утвердился» [Николаева 2002: 73]. С этим мнением трудно согласиться: в массовом потоке изображений Ленина не только в 1920-е, но и в 1930-е годы

вождь революции предстает мало похожим на монументально-сурового творца революции, каким он станет в 1960-1970-е годы.

Позднее сфера «нечисти», угрожающей социально-политическому благоденствию СССР, станет обширнее, пополнившись недобитками белогвардейцев («белогвардейская нечисть»), пособниками империализма и фашизма, «врагами народа» и асоциальными маргиналами. В том же контексте стоит оценить и такое словосочетание, как «гнилая интеллигенция», употребление которого хотя и выглядит формально табуированным, но в своем фольклоризованном расхожем распространении также указывает на носителей опасной для общества идеологической «заразы», а содержательно вполне дублирует вышеприведенные слова Сталина о «гнилом либерализме».

Илл. 1. «Товарищ Ленин очищает землю от нечисти». Плакат Виктор Дени по рисунку Михаила Черемных, 1920 год.

В истории советской культуры инвективы в адрес интеллигенции подпитываются разными обстоятельствами, но в целом сводятся к представлению о прагматической непредсказуемости и избыточной сложности «интеллигентского» мировоззрения. Уже по самому своему определению интеллигенция (как группа «сомневающихся» и излишне «раздумывающих» – от латинского *intellego*) осложняет идеологический порядок тем, что привносит в него чрезмерную дополнительную ценность – этической и эстетической – дифференциации и, тем самым, нарушает искомую простоту идеологической прагматики. Упоминания о гнилой интеллигенции в этом значении восходят еще к дореволюционной истории: именно этим словосочетанием, если верить дневнику фрейлины императорского двора Анны Тютчевой, раздраженный

Александр III оценил советы либеральной прессы проявить милосердие к народолюбцам, причастным к убийству его отца. «Что за отвращение вся эта петербургская пресса – именно гнилая интеллигенция» [Тютчева 2004]. Спустя полвека те же слова повторил кинематографический Василий Чапаев (в одноименном фильме братьев Васильевых 1934 года), давший, как кажется, решительный стимул для их последующей фольклоризации. В фильме, зрителями которого стали миллионы советских людей, Чапаев обращает к Фурманову обвинение, которое при всей кажущейся комичности может считаться прецедентным для массовой советской идеологии; легендарный герой гражданской войны негодует здесь на комиссара за то, что тот заступился за фельдшера, отказавшегося экзаменовывать на доктора деревенского коновала: «Гнилую интеллигенцию поддержи-вайшь!»

С особым размахом метафоры «гниения» и «нечисти» муссируются на страницах газет и журналов второй половины 1930-х годов применительно к «врагам народа», облик которых, как и облик фольклорной нечисти, переимчив и труднопредсказуем. По справедливому наблюдению Даниила Вайса, метафорические предпочтения советской пропаганды обнаруживают при этом определенную особенность: в отличие от нацистской пропаганды, не менее охотно прибегавшей к медико-гигиеническим метафорам в обличении евреев, цыган и коммунистов, в русском языке довоенной поры лексема «нечисть» адресуется не столько к заведомо известным «чужим» (капиталистам, помещикам, попам, кулакам), сколько к тем, кто таит свою вражескую сущность под маской «своего» [Вайс 2008: 20.]. Чтобы обнаружить врага, нужно «сорвать с него маску», и тогда под личиной советского гражданина обнаружится вредитель, саботажник, шпион и диверсант:

«Суд неопровержимо установил, что “правотроцкистский блок”, возглавлявшийся Бухариным, Рыковым, Ягодой [...] вобрал в себя все гнилое, все обанкротившееся отребье побежденного капитализма».

«Могилы ненавистных изменников зарастут бурьяном и чертополохом, покрытые вечным презрением честных советских людей, всего советского народа. [...] Мы, наш народ, будем по-прежнему шагать по очищенной от последней нечисти и мерзости прошлого дороге, во главе с нашим любимым вождем и учителем – великим Сталиным – вперед и вперед, к коммунизму!» [Цит. по: Приговор народа 1938: 141, 144].

«Враги народа, орудовавшие тогда в промышленности, всячески тормозили развитие промышленности. [...] Но, когда промышленность очистилась от гнусной вражеской нечисти – вредителей, диверсантов, шпионов – и к

управлению производством прошли новые кадры, преданные великому делу Ленина-Сталина, промышленность стала работать больше, лучше, производительнее» (Легкая индустрия. 1940. 21 июля. № 167(2417).

Военные годы привносят в общественно-политическое красноречие словосочетание «фашистская нечисть» (как, например, в знаменитой песне на слова Василия Лебедева-Кумача и музыку Александра Александрова «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой с фашистской силой темною, с проклятою ордой. Гнилой фашистской нечисти загоним пулю в лоб, отребью человечества сколотим крепкий гроб!»). Менее известно, что стихотворный текст Лебедева-Кумача в данном случае незначительно варьирует гораздо более ранний «антинемецкий» текст, написанный в 1916 году Александром де Бодэ (1865-1938). По сообщению дочери Бодэ, ее отец, уверенный в неизбежности войны с фашистами, послал свое стихотворение Лебедеву-Кумачу в конце 1937 года, незадолго до своей смерти. В тексте Бодэ речь идет о «тевтонской нечисти» [Азаренков www]. В 1943 году визуальным выражением такой образности станет антифашистский плакат уже упоминавшегося Виктора Дени «Красной армии метла, нечисть выметет дотла».

Илл. 2. «Красной армии метла, нечисть выметет дотла». Плакат Виктора Дени, 1943 год.

Политики, пропагандисты и агитаторы последующих лет снижают накал «политико-мифологических» инвектив, но в целом остаются верны уже сложившейся традиции именовать «нечистью» тех, кто почему-либо подразумевается враждебным социализму и советской власти. Упоминания о «капиталистической», «фашистской» «буржуазной нечисти из-за границы» по-прежнему дополняют доктринально неизменный дискурс о «загнивающем капитализме» и придают политическим инвективам вполне мифологическую образность, исключаящую какую-либо рациональную силлогисти-

ку в интерпретации «западного мира» [см., напр: Хрущев 1963: С. 7]. В воображаемой картографии, призванной отделить собственно советское от капиталистического, «свое» от «чужого», топоры «гниения», «нечистоты» и «заразы» предстают при этом как своеобразные координаты *вневербального* опыта социального (само)опознания. В терминологии Мэри Дуглас, распространившей наблюдения над классифицирующей ролью чистоты на символические механизмы групповой солидаризации, здесь уместно было бы говорить о системе «территориальных» «разметок» (grid) между различными социальными группами [Douglas 1970]. Повторение и переповторение соответствующих контекстуально клишированных словосочетаний направлено на воспроизведение ситуации, которая наделена эффектом не вербальной, а акциональной убедительности. Но именно такова «убедительность» ритуала: поведенческие, проксеимические и, в частности, ольфакторные координаты «очевидного» в этих случаях важнее, чем их рационализуемое – пусть даже и «мифологическое», – обоснование.

ЛИТЕРАТУРА

- Buruma I., Avishai M. Occidentalism: The West in the Eyes of its Enemies. – N.Y., 2004.
- Corbin A. Le miasme et la jonquille. L'odorat et l'imaginaire social, XVIIIe et XIXe siècles. – Paris: Aubier, 1982.
- Dean C.J. The Fragility of Empathy after the Holocaust. – Ithaca: Cornell University Press, 2004.
- Douglas M. Natural Symbols. Explorations in Cosmology. – London, 1970
- Guldin R. Körpermetaphern. Zum Verhältnis von Medizin und Politik. – Würzburg, 2000;
- Heid L. Was der Jude glaubt, ist einerlei [...] Der Rassenantisemitismus in Deutschland // Die Macht der Bilder. Antisemitische Vorurteile und Mythen. – Wien, 1995.
- Nemtsev M. How did a sexual minorities movement emerge in Post-Soviet Russia. – Saarbrücken: VDM Verlag, 2008.
- Oosterhuis H. The «Jews» of the Antifascist Left: Homosexuality and the Socialist Resistance to Nazism // Journal of Homosexuality. 1995. Vol. 29. № 2/3.
- Starks T. The Body Soviet. Propaganda, Hygiene, and the Revolutionary State. – Madison: University of Wisconsin Press, 2008
- Weiss D. Stalinistischer und nationalsozialistischer Propagandadiskurs im Vergleich: eine erste Annäherung // Slavistische Linguistik 2001. Referate des XXVII Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens. – Konstanz; München, 2003.
- Winckler L. Studie zur gesellschaftlichen Funktion faschistischer Sprache. – Frankfurt am Main, 1970.
- XXII годовщина Октябрьской Революции. Доклад тов. В.М. Молотова на торжественном заседании Московского совета 6 ноября 1939 года // Пропагандист и агитатор РККА. 1939. Ноябрь. № 22.
- Азаренков А. Малая энциклопедия русской военной песни. Пусть ярость благородная. URL:

www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/azar_malenc.php

Ауэрбах Т. Немецко-русский словарь жаргонных слов, кличек и крепких словечек [Под ред. доцента генерал-майора Н.Н. Биязи]. – М.: Военный факультет западных языков, 1943.

Беломоро-Балтийский канал им. Сталина. История строительства [Под ред. М. Горького, Л. Авербаха, С. Фирина]. – М., 1934.

Бертагаев, Еромоленко, Филин. Против извращений марксизма-ленинизма в ИЯ // Ленинградская правда. 1932. № 3 (3 января).

Блюм А.В. Советская цензура в эпоху тотального террора 1929-1953. – СПб., 2000.

Богданов К.А. Врачи, пациенты, читатели. Патографические тексты русской культуры XVIII-XIX вв. – М., 2005. С. 199-213.

Вайс Д. Паразиты, падаль, мусор. Образ врага в советской пропаганде // Политическая лингвистика. 2008. Вып. 1(24). С. 16-22.

Власова М. Новая АБЕВЕГА русских суеверий. – СПб., 1995.

Гальперина Е. Пруст // Литературная энциклопедия. Т. 9. М., 1935. URL: <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclp/le9/le9-3441.htm>.

Горький М. Собрание сочинений: В 30 т. – М., 1953. Т. 27.

Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германско-Романскому. – СПб., 1889.

Драгилев М.С. Общий кризис капитализма // Большая советская энциклопедия. 3-е издание [Гл. ред. А.М. Прохоров]. Т. 18. – М., 1974. С. 252.

Захарьин Д. Коллективное очищение в России. Антропологические и социально-исторические аспекты // Антропологический форум. 2007. № 6. С. 135-176.

Комаров В.Л. Памяти великого мыслителя // Вестник Академии наук СССР. 1936. № 3.

Кушкова А. Сор в славянской традиции: на границе «своего» и «чужого» // Проблемы социального и гуманитарного знания. Сб. науч. трудов. Вып. 1. – СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 1999. С. 240-272.

Ленин В.И. Две тактики социал-демократии в демократической революции [1905] // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. – М., 1969. Т. 9.

Ленин В.И. Империализм и раскол социализма [1916] // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. – М., 1969. Т. 30.

Ленин В.И. Империализм как высшая стадия капитализма // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. – М., 1969. Т. 27.

Леонтьев К.Н. Передовые статьи «Варшавского дневника» 1880 года // Леонтьев К.Н. Восток, Россия и Славянство: Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872-1891). – М., 1996.

Литвин А. Без права на мысль. Историки в эпоху Большого террора. Очерки судеб. – Казань: Татарское книжное издательство, 1994.

Морозов Д. Партийное руководство пединститута притупило классовое чутье, большевистскую бдительность и проявило гнилой либерализм к протаскиванию контрреволюционной троцкистской пропаганды. (Постановление бюро горкома ВКП(б)) // Северный рабочий. 1932. 3 января.

Николаева М.Ф. Риторика и приемы визуализации образа врага. На материале советского политического плаката // Философский век. Альманах. Вып. 22. Науки о человеке в современном мире. Часть 2 / Отв. ред. Т.В. Артемьева, М.И. Микешин. – СПб., 2002.

Орлова Г. Рождение вредителя: отрицательная политическая сакрализация в Стране Советов. URL: WienerSlawistischerAlmanach.2003.Bd.49.

Острянин Д.Ф. И.И. Мечников и его борьба против идеализма и религии. М., 1952. URL: www.biografia.ru/cgi-bin/quotes.pl?oaction=show&name=iimechnikov.

Приговор народа // Успехи физических наук. 1938. Т. XIX. Вып. 2.

Родов С. Самокритика и пролетарская литература // Удар за ударом. Удар второй. Литературный альманах [Под ред. А. Безыменского]. – М.; Л., 1930.

Сталин И.В. О некоторых вопросах истории большевизма // Сталин И.В. Сочинения: В 13 т. – М., 1951. Т. 13.

Тургенев И.С. Сочинения: В 12 т. – М., 1981.

Тютчева А. При дворе двух императоров. – М., 2004.

Харходин О.В. Обличать и лицемерить. Генеалогия российской личности. – СПб., 2002.

Хрущев Н.С. Высокая идейность и художественное мастерство – великая сила советской литературы и искусства. Речь на встрече руководителей партии и правительства с деятелями литературы и искусства 8 марта 1963 года // Знамя. 1963. № 4. С. 7.

Черепанова О.А. Мифологическая лексика Русского Севера. – Л., 1983;

Яковлев Е.Г. Искусство и мировые религии. М., 1977. URL: www.biografia.ru/cgi-bin/quotes.pl?oaction=show&name=religia19.

Яновская С. Предисловие // Вейль Г. О философии математики. – М., 1934.

© Богданов К.А., 2009

Будаев Э.В., Чудинов А.П.
Нижний Тагил, Екатеринбург, Россия
ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СОВЕТОЛОГИЯ
ЭПОХИ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ¹

УДК 81'27

ББК Ш 100.3

Аннотация. В статье определяются особенности развития лингвистической советологии в годы холодной войны: максимальная идеологизация, тенденции к резкой критике, разоблачению, ярко выраженный антисоветизм. Дается характеристика наиболее показательных публикаций.

Ключевые слова: лингвистическая советология, холодная война, методология советологии, контент-анализ, количественная семантика, риторическая критика, психолингвистические методики, социолингвистический анализ.

Сведения об авторе: Будаев Эдуард Владимирович, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков.

Место работы: Нижнетагильская государственная педагогическая академия.

Контактная информация: 622031, Свердловская обл., г. Нижний Тагил, ул. Красногвардейская, д. 57.
E-mail: aedw@rambler.ru.

Сведения об авторе: Чудинов Анатолий Прокопьевич, проректор по научной и инновационной деятельности, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой риторики и межкультурной коммуникации.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26, оф. 219.
E-mail: ap_chudinov@mail.ru.

Для лингвистической советологии середины прошлого века – это период максимальной идеологизации, когда главным нередко становилось не изучение, а разоблачение. После Второй мировой войны отношения Советского Союза со странами Западной Европы и США резко изменились. На смену военному союзу объединенных наций пришла эпоха, которую ярко характеризовали доминантные политические метафоры «холодная война», «железный занавес», «равновесие страха» и «охота на ведьм». Лингвистическая советология в это время стала восприниматься как изучение языка враждебной страны и методики вражеской пропаганды, эффективность которой признавалась всеми серьезными специалистами. Если на предшествующем этапе советологи пытались выяснить, в чем особенности советской политической коммуникации, то в послевоенный период основное внимание было перенесено на прагматический аспект, поиск причин ее эффективности, а также на создание рекомендаций по антисоветской пропаганде [Будаев 2008; Будаев, Чудинов 2007, 2009].

Budaev E.V., Chudinov A.P.
Nizhny Tagil, Ekaterinburg, Russia
LINGUISTIC SOVIETOLOGY
DURING COLD WAR

ГЧТИИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19

Abstract. The paper reviews the features of linguistic sovietology during Cold War: maximal ideologization, inclination for sharp criticism and unmasking, strongly pronounced anti-Sovietism. The assumptions are illustrated by the most revealing publications.

Key words: linguistic sovietology, Cold War, methodology of sovietology, content analysis, quantitative semantics, rhetorical criticism, psycholinguistic methods, sociolinguistic analysis.

About the author: Budaev Eduard Vladimirovich, candidate of philology, associate professor of the chair of foreign languages.

Place of employment: Nizhny Tagil State Social and Pedagogical Academy.

Contact information: 622031, Ekaterinburg region, Nizhny Tagil, ul. Krasnogvardeyskaya, d. 57.

About the author: Chudinov Anatoly Prokopievich, vice-rector for academic and innovative activities, doctor of philology, professor, head of the chair of rhetoric and intercultural communication.

Place of employment: Ural State Pedagogical University.

Новая историческая реальность, непредсказуемость в поведении советских вождей требовала от исследователей расширения методологической базы изучения дискурса с целью добиться более адекватного представления о советском политическом мышлении и решения задач по прогнозированию политической деятельности. Анализируя развитие советологии в это время, Д. Белл писал: «Если ад, как однажды сказал Томас Гоббс, это слишком поздно обнаруженная истина, то дорога в ад должна быть уже два раза устлана тысячами книг, утверждающих, что им известна истина о России, а адские пытки уготованы для тех (преимущественно дипломатов), кто полагал, что в состоянии правильно предсказать, как будут действовать советские вожди, и в самонадеянном убеждении вершил судьбы миллионов людей» [Bell 1958: 44].

Одним из нововведений лингвистической советологии в эти годы стало расширение исследовательского инструментария за счет методов количественной семантики. В 1949 году была опубликована коллективная монография «Language of Power: Studies in Quantitative Semantics» («Язык власти: Исследования по количественной семантике») [Language of Power 1949], значительная часть которой была по-

¹ Исследование подготовлено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант РГНФ № 07-04-02-002а – Метафорический образ России в отечественном и зарубежном политическом дискурсе).

священа политической коммуникации в Советском Союзе. Гарольд Лассвелл, Натан Лейтес, Сергиус Якобсон и другие исследователи на основе анализа коммуникативной практики коммунистов и иного подобного речевого материала выявляли различные взаимозависимости между семантикой языковых единиц, их частотностью и политическими процессами. Так, в совместном исследовании Сергиуса Якобсона и Гарольда Лассвелла «Первомайские призывы в Советской России (1918 – 1943)» было выделено 11 категорий ключевых символов (обозначение «своих» и «чужих», использование национальной и интернациональной символики, обращение к внутренней и внешней политике и др.), а затем проведено исследование их частотности на различных этапах развития СССР. Авторы показывают, что такое исследование позволяет лучше понять динамические процессы в господствующей идеологии и нюансы советской политики.

В конце 40-х гг. советские языковые новообразования привлекают внимание и европейских специалистов. В отличие от американских исследователей, определяющих свои публикации как изучение советского политического языка, европейцы предпочитали говорить о новых явлениях в русском языке, хотя политический контекст подобных исследований не вызывал сомнений. К числу таких работ относится, в частности, монография Г. Кляйна, посвященная изучению советских аббревиатур [Klein 1949]. Эта книга воспринимается как своего рода справочник для людей, которые хорошо знают «дореволюционный» русский язык, но не знакомы с новыми советскими реалиями и их обозначениями (ВДНХ, ВКП(б), ЦИК, облсовпроф и др.).

По мере того как военное сотрудничество между СССР и странами Запада переросло в холодную войну, зарубежные исследователи стали обращать самое пристальное внимание на внутри- и внешнеполитические средства советской пропаганды. В это время появляется книга Алекса Инкелеса «Public Opinion in Soviet Russia: A Study in Mass Persuasion» («Общественное мнение в Советской России: Исследование массового убеждения») [Inkeles 1950]. Помимо рассмотрения советской информационной политики она содержала анализ интервью с бывшими гражданами СССР. А. Инкелес пришел к выводу об «абсолютном» контроле СМИ советскими властями. Вместе с тем автор резюмировал, что «система советской коммуникации далека от того, чтобы обеспечивать тотальное убеждение населения, ее эффективность гораздо ниже того уровня, которого советские лидеры хотели бы достигнуть» [Inkeles 1950: 319].

Еще одним методологическим новшеством стала монография Натана Лейтеса «A Study in Bolshevism» (Исследование большевизма) [Leites 1954]. Будучи американским исследова-

телем, Н. Лейтес ставил перед собой прагматические цели: советский язык интересовал его в первую очередь как способ распутать механизмы загадочного большевистского (русского) мышления, как шаг к прогнозированию политических реакций коммунистических лидеров.

В этом труде Н. Лейтес исследовал образы, фантазии, характерные метафоры, используемые большевистскими лидерами (в основном использовались труды Ленина и Сталина), а также «литературные модели», с которыми большевики себя идентифицировали или которые отвергали. По словам Н. Лейтеса, существует мало культур, которые смогли так рельефно запечатлеть в своей литературе типы национального характера. В частности, автор выделяет поведенческие модели, связанные с образами Карамазова, Раскольникова, Мышкина, Верховенского, Рудина, Чичикова, Обломова, чеховских героев. Анализируя отношение к этим поведенческим моделям в большевистском дискурсе, автор определил, какие «психологические маски» принимаются, а какие отвергаются большевистскими лидерами и, соответственно, с какой моделью мышления и поведения они себя идентифицируют.

Используя эти модели, Н. Лейтес обратился к методам фрейдизма в попытке высветить «латентные значения» большевистских образов. Проанализировав около 3 тысяч большевистских цитат, Н. Лейтес отмечает такие фобии, как «страх импотенции», «фобия заражения» («чистка партии»), «боязнь быть избитым» (как например, в знаменитом выступлении Сталина перед управленцами советской промышленности в 1931 г., в котором образ избития и избиваемого используется одиннадцать раз в одном параграфе) и др.

Исследователь приходит к выводу о том, что модель большевистского поведения формировалась как отрицательная реакция на Обломовых, которые проспали свою жизнь; на Рудиных, болтунов высокого полета, которые ничего не делают; на философию толстовского Каратаева. Большевистский дискурс пронизывает новый принцип «КТО КОГО», который Н. Лейтес разворачивает в радикальную формулу «КТО КОГО УБЬЕТ». Сопоставление дискурса большевистской элиты с мировоззрением русской интеллигенции XIX века привело Н. Лейтеса к выводам о том, что основоположником этого принципа был В. И. Ленин, «отец» большевистского дискурса и большевистского образа, которому и следовали «дети-ленинцы». Если элита XIX века легко поддавалась перемене настроения и для нее были характерны «задумчивость», «интроспективность», «поиски души», то представители большевистской элиты характеризуются исследователем как жесткие, подозрительные, неподатливые, агрессивные. Их отношение к действительности и поступки, по мысли исследователя, во многом

напоминают мировосприятие и деятельность религиозных фанатиков.

Натан Лейтес пишет, что фашистские ученые перед вторжением в СССР тоже изучали русский характер по произведениям классической русской литературы, но они не сопоставляли эти данные с большевистским дискурсом (очевидно, что фашистской элите не нужны были «открытия» в области исследования тоталитарных дискурсов). В результате, фашистская армия ожидала увидеть на полях сражений апатичных чеховских героев и Обломовых, а встретила Маресьевых, Матросовых и Панфиловых. Это, по мнению исследователя, служит еще одним аргументом в пользу важности изучения исторической динамики развития русского национального характера.

В эпоху холодной войны, советские пропагандисты, как правило, представлялись не как люди, искренне верящие в идею коммунизма, а как бессовестные, ни во что не верящие лжецы. Так, в широко известной статье Гарольда Лассвелла «Стратегия советской пропаганды» сделан вывод о том, что «ставя перед собой цель мирового господства, которое рассматривается как нечто само собой разумеющееся, кремлевская верхушка не ограничивает себя какими-либо моральными принципами относительно выбора сообщения, канала или аудитории. Советские пропагандисты и их агенты могут без стеснения лгать и искажать факты, поскольку нечувствительны к призывам к сохранению человеческого достоинства. Для них не существует понятия человеческого достоинства в другом смысле, нежели достоинства вклада в победу государства свободной личности путем служения настоящей и будущей власти кремлевской элиты» [Лассвелл 2009: 184]. По мнению автора указанной статьи, «основной стратегической целью пропаганды в Советском Союзе является «экономия материальных затрат на защиту и расширение советской власти внутри и за пределами государства» [Лассвелл 2009: 184].

Лассвелл стремится выделить особенности советской пропаганды на разных стадиях захвата власти: «На ранней стадии проникновения в новое сообщество основной задачей пропаганды является помощь в формировании первичных центров, которые на следующих стадиях возьмут на себя руководящую роль. Когда они набираются достаточно сил, чтобы воспользоваться коалиционной стратегией, задачей становится поддержание сепаратизма, усиленного пропагандой, чтобы предотвратить формирование или уничтожить потенциально более сильные объединения. Стимулирование спокойствия, отвлечение внимания на общего врага, провоцирование раскола между потенциальными врагами (включая и временных союзников) являются направлениями стратегии, подлежащей выполнению. На стадии захвата власти стратегией пропаганды становится де-

морализация, которая осуществляется совместно с тактикой террора, как средства внушения всем «неизбежной» победы советской власти и безнадежности, даже безнравственности сопротивления или отказа от сотрудничества [Лассвелл 2009: 182].

В книге И. де Сола Пула «Символы демократии» [de Sola Pool 1952] (1952) при рассмотрении смыслового варьирования слова «демократия» в различных странах дается следующая характеристика: «Пресса при Сталине имела склонность представлять картину в черно-белых тонах, когда свой никогда не может ошибиться, а враг никогда не может быть прав и когда любая характеристика либо положительна, либо отрицательна и лишена неопределенности. Так, партия не вдается более в диалектические рассуждения о характеристиках, делающих эту партию ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ, и в то же время популярная пресса осуждает обычную ДЕМОКРАТИЮ или социал-демократию. Данные антикоммунистические формы демократии лишаются каких-либо прав называться демократиями. Их сторонники объявляются совсем не демократами, а теми, кто лишь притворяется демократами в целях демагогии. Их называют «социал-фашистами» или «лакеями американского империализма». Термины «ДЕМОКРАТ» и «ДЕМОКРАТИЯ», которые сначала чаще интерпретировались отрицательно, нежели положительно, таким образом приобретают однозначно позитивное значение после определенного периода затишья, в течение которого они почти не употреблялись» [цит. по Де Сола Пул 2009: 180]. Автор даже не считает необходимым прикрывать свое негативное отношение к коммунизму и большевизму хотя бы «маской академичности»: для него образцом политической коммуникации служит только западный нетоталитарный дискурс, а советскую политическую коммуникацию он постоянно рассматривает в одном ряду с фашистской политической коммуникацией, отмечая лживость и необъективность любого тоталитарного режима.

Среди публикаций, авторы которых максимально полно демонстрируют неприятие советской власти и всего, что с ней связано (в том числе и изменений в русском языке), особой непримиримостью выделяется книга Андрея и Татьяны Фесенко «Русский язык при советах», изданная в Нью-Йорке [Фесенко 1955]. Один из основных факторов, формирующих советский дискурс, по мнению авторов, заключается в следующем: «Неприглядность советской жизни, расхождение многообещающей пропаганды и невеселой, подчас трагической действительности вызвали у властей необходимость в словесном одурманивании, правда, часто разоблаченном в народе. Самолюбование и самовосхваление являются ширмой, прикрывающей безотрадное существование советских республик, за которыми установились восторженные

эпитеты: цветущая Украина, солнечная Грузия и т.п.» [Фесенко 1955: 30].

Рассматривая многочисленные случаи неудачного словоупотребления, авторы стремятся найти подлинную причину ошибок и делают следующий вывод: «Как бы это ни звучало парадоксально, но именно Революция создала в России исключительно благоприятную почву для засилья всякой канцелярщины, бюрократии и соответствующего им языка» [Фесенко 1955: 24]. Представляется, что свою ненависть к коммунизму названные авторы нередко переносят на все стороны жизни в Советском Союзе, а поэтому их оценки далеко не всегда могут восприниматься как объективные.

Вместе с тем в рассматриваемой книге можно обнаружить весьма интересный обзор публикаций (особенно созданных вне Советского Союза) и немало конкретных замечаний об экспансии заимствований, а также просторечных, жаргонных и диалектных слов, о неумеренном использовании сложносокращенных слов и необоснованном отказе от множества традиционных для русского языка лексических единиц. Обобщая свои наблюдения, авторы пишут: «Но все же основным процессом в советском языке, конечно, явилась не архаизация, а политизация его при широком применении сокращений. Если Ленин пытался определить новый общественный строй формулой (советы + электрификация = коммунизм), то говоря о состоянии русского языка в начальный период существования советской власти, можно для образности воспользоваться аналогичным построением (политизация + аббревиация = советский язык») [Фесенко 1955: 25].

Далее сообщается, что «новые формы жизни, а с ними и соответствующая лексика были чужды народу, так как в значительной степени создавались не им самим, а где-то в правительственных кругах» [Фесенко 1955: 25-26].

Подобный характер (немало метких наблюдений, сопровождающихся чрезвычайно язвительными комментариями и решительными обвинениями) носят и публикации ряда других эмигрантов из Советского Союза [Ржевский 1949, 1951; Тан 1950].

Многие американские советологи проявили себя и как академические ученые, и как непосредственные участники идеологической борьбы, занимавшие те или иные должности в государственном аппарате. Например, профессор Йельского университета Фредерик Баргхорн начинал как дипломат, в конце сороковых годов он работал пресс-атташе американского посольства в Москве, с 1949 по 1951 г. возглавлял федеральный исследовательский проект по интервьюированию иммигрантов из СССР (так называемый «гарвардский проект»). Поэтому его работы наполнены богатым фактическим материалом, в них ярко прослеживается официальная точка зрения. Он пишет: «В со-

ветской пропаганде необычайно высока роль обмана или, как его называют некоторые авторы, «преднамеренной дезинформации» [Баргхорн 2008: 150; в оригинале см.: Barghoorn 1954].

Далее профессор указывает на В.И. Ленина как на политика, который положил начало лжи и лицемерию в советской пропаганде: «В работах Ленина содержится немало призывов к большевикам «использовать» временных союзников, которые подлежат устранению или, при необходимости, уничтожению после того, как они сыграют свою роль. Социальные классы и национальные движения, включающие десятки тысяч и даже миллионов человек, были использованы таким образом, а затем ассимилированы, подавлены или даже «ликвидированы» в соответствии с ленинским лозунгом». Однако большевистский вариант пропагандистской демагогии не является обманом в обычном понимании смысла этого слова. Такая политика становится особенно опасной, так как доктрина и практическая деятельность большевизма оправдывают и превозносят наиболее утонченные формы искажения и обмана как высокоморальные поступки» [Баргхорн 2008: 150]. Ф.Баргхорн последовательно декларировал свои крайне правые взгляды и ненависть к коммунизму. Создается впечатление, что автор даже не предполагает, что в Советском Союзе существовали люди, которые искренне верили в идеалы коммунизма.

К числу советологов, считавшихся «либералами», относится профессор Эрнест Дж. Симмонс, который в середине прошлого века работал в Корнеллском, Гарвардском и Колумбийском университетах, был инициатором изучения советской и русской литературы в США, автором многих работ о русских и советских писателях [Simmons 1961; Симмонс 2008]. Его политические взгляды и научные интересы привлекли внимание комиссии по расследованию антиамериканской деятельности, которая подозревала его (скорее всего, необоснованно) в симпатиях к коммунизму. Вместе с тем следует отметить, что в Советском Союзе он воспринимался как типичный клеветник-антисоветчик, а в его обзоре истории советской литературы [Симмонс 2008] трудно заметить увлечение коммунистической теорией и практикой.

Особое место в американской политической лингвистике занимают кремлинологи – специалисты, которые занимались преимущественно кремлинологией (kremlinology) детальным анализом документов, способных так или иначе пролить свет на личные качества высших советских руководителей и их взаимоотношения. Кремлинологи изобретательно анализировали официальные публикации, подписанные высшими руководителями страны, фотографии (кто находится ближе к Сталину и в какой позе), порядок перечисления политических лидеров Со-

ветского Союза, особенности орфографии и др. Например, важным фактом считалось обнаружение того, что советская пресса начала использовать прописную букву при обозначении должности партийного лидера – Первый секретарь ЦК КПСС Н.С.Хрущев. В качестве одного из сигналов о низвержении Л.Берия было интерпретировано отсутствие его фамилии среди членов Политбюро, посетивших театр.

Ярким примером кремлинологического анализа может служить обширная статья Натана Лейтеса, Эльзы Бернаут и Раймонда Гартноффа «Сталин глазами Политбюро» [Лейтес и др. 2009]. Исследователи детально проанализировали статьи, написанные членами советского руководства по поводу 70-летнего юбилея И.В.Сталина. Авторы обращают внимание уже на сам порядок публикации статей, отражавший иерархию: вместе с общим посланием Сталину от Центрального Комитета Партии и Совета Министров СССР были напечатаны тексты Маленкова, Молотова, Берии, Ворошилова, Микояна, Кагановича, Булганина, Андреева, Хрущева, Косыгина и Шверника (именно в этом порядке). Кроме этого, юбилейный выпуск «Правды» содержал две статьи о Сталине, написанные не членами Политбюро: М. Шкирятовым (секретарь партии) и А. Поскребышевым (личный секретарь Сталина). Высказывания секретарей анализировались с заявлениями, сделанными членами Политбюро. Целью анализа было выяснение распределения власти и характера отношений внутри Политбюро.

Процитируем выводы, сделанные американскими специалистами на основе анализа статей, написанных по поводу 70-го дня рождения И.В. Сталина:

1. «Несмотря на множество индивидуальных отличий между статьями, и, несмотря на вариации внутри каждой из статей, можно выделить два основных образа Сталина, которые в разной степени представлены в разной степени в каждой из статей. Кратко эти образы сводятся к следующему: Сталин – глава Партии, Сталин – вождь народа. Глава Партии – великий человек; Вождь Народа стоит выше, чем кто-либо другой. Главу Партии характеризуют черты Большевика, Вождя Народа – постоянная и безграничная забота о благополучии всех. Ради краткости первое мы назвали «образ Большевика», а второе «популярный образ».

2. С точки зрения этих образов внутри Политбюро можно выделить три группы. Маленков, Молотов и Берия, которые предположительно самые влиятельные члены Политбюро, уделяют больше внимание образу Большевика, чем другие члены, хотя высказывания, относящиеся к популярному образу, все же присутствуют. Каганович, Булганин, Хрущёв, Косыгин и в меньшей степени Микоян и Андреев занимают позицию ближе к популярному образу (также как и Шкирятов и Поскребышев). Шверник и

общее послание Центрального Комитета занимают среднюю позицию. Ворошилов – особый случай, он представляет популярный образ Сталина во вступлении и заключении и очень сдержанный образ Большевика с точки зрения военных операций (в отличие от Булганина)» [Лейтес и др. 2009].

Следует отметить, что кремлинологи, как правило, не использовали прямых оскорблений и личностных оценок; они проявляли определенную корректность. Хотя их политическая ангажированность не вызывает сомнения, важно иметь в виду, что в эпоху маккартизма быть советологом и симпатизировать СССР было опасно. В США советологов нередко подозревали в том, что они находятся под идеологическим влиянием коммунистической пропаганды и даже так или иначе связаны с советской разведкой, поэтому резко антисоветская позиция служила хорошей научной рекомендацией.

3. Итак, в годы холодной войны лингвистическая советология стремительно развивалась, специалисты использовали самые современные для того времени методы и приемы исследования. Среди активных советологов были и университетские профессора, и действующие сотрудники правительственных организаций, люди как либеральных, так и консервативных политических убеждений. Напряженные отношения между Советским Союзом и западными странами нередко способствовали идеологической напряженности соответствующих публикаций, жесткости авторской позиции, подчеркнутой враждебностью к Советскому Союзу и его союзникам. Показательно, что многие советологи настойчиво стремились обнаружить однотипные свойства в советском и фашистском политическом дискурсе.

Важно отметить, что именно в этот период советология получила признание как самостоятельное научное направление, которое активно использовало самые современные для того периода научные методы, среди которых выделялись контент-анализ, количественная семантика, риторическая критика, структурные методы, психолингвистические методики, социолингвистический анализ и др. Несомненным было идеологическое и методологическое лидерство американских специалистов, которое в той или иной мере признавали их европейские коллеги.

ЛИТЕРАТУРА

Будаев Э.В., Чудинов А.П. Лингвистическая советология. – Екатеринбург, 2009.

Будаев Э.В. Американская лингвистическая советология в середине XX века // Политическая лингвистика. 2008. № 1 (24).

Будаев Э.В., Чудинов А.П. Эволюция лингвистической советологии // Политическая лингвистика. 2007. № 3 (23).

Вайс Д. Животные в советской пропаганде // Политическая лингвистика. 2008а. № 2 (25).

Де Сола Пул И. Слово «демократия» // Политическая лингвистика. 2009. № 1 (27).

- Лассвелл Г. Стратегия советской пропаганды // Политическая лингвистика. 2009. № 1 (27).
- Лассвелл Г., Блюменсток Д. Методика описания лозунгов // Политическая лингвистика. 2007. № 3 (23).
- Лассвелл Г., Якобсон С. Первомайские лозунги в Советской России (1918-1943) // Политическая лингвистика. 2007. № 1 (21).
- Лейтес Н. Третий Интернационал об изменениях политического курса // Политическая лингвистика. 2007. № 1 (21).
- Лейтес Н., Бернaut Э., Гартхофф Р. Сталин Глазами Политбюро // Политическая лингвистика. 2009. № 3 (29).
- Малиа М. Из-под глыб, но что? Очерк истории западной советологии // Отечественная история. 1997. № 5.
- Ржевский Л.Д. Язык и тоталитаризм. – Мюнхен, 1951.
- Ржевский Л.Д. Слово живое и мертвое // Грани. – Лимбург, 1949. № 5.
- Симмонс Э. Политический контроль и советская литература // Политическая лингвистика. 2008. № 2 (25).
- Фесенко А., Фесенко Т. Русский язык при советах. – Нью-Йорк: [б. и.], 1955. 222 с.
- Якобсон С., Лассвелл Г. Первомайские лозунги в Советской России (1918 – 1943) // Политическая лингвистика. 2007. № 21. С. 123-140
- Arendt H. The Origins of Totalitarianism. – New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1973.
- Barghoorn F. The Soviet Image of the United States: A Deliberately Distorted Image // The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science. – 1954. Vol. 295 (42).
- Bell D. Ten Theories in Search of Reality: The Prediction of Soviet Behavior in the Social Sciences // World Politics. – 1958. Vol. 10.
- Chi W. The Soviet Union Under the New Tsars. – Peking, 1978.
- Comrie B., Stone G. The Russian Language Since the Revolution. – Oxford: Clarendon Press, 1978.
- de Sola Pool I. Symbols of Democracy. – Stanford University Press, 1952.
- Edelman M. The Symbolic Uses of Politics. Urbana: University of Illinois Press, 1964. 164 p.
- Frank V.S. Soviet Studies in Western Europe (Britain) // The State of Soviet Studies / Ed. by W. Laqueur, L. Labeledz. – Cambridge, MA: MIT Press, 1965. P. 52-59.
- Gallis A. Zu Syntax und Stil der gegenwärtigen russischen Zeitungssprache // To Honour Roman Jakobson. – Gravenhage; Paris, 1967.
- Heller M. Langue russe et langue soviétique // Recherches. – 1979. № 39.
- Inkeles A. Public Opinion in Soviet Russia. A Study in Mass Persuasion. – Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1950.
- Hollander D. Soviet Political Indoctrination: Developments in Mass Media and Propaganda Since Stalin. – New York: Praeger Publisher, 1972.
- Keckskemeti P. The Soviet Approach to International Political Communication // The Public Opinion Quarterly. – 1956. Vol. 20. № 1 (Special Issue on Studies in Political Communication).
- Klein H. Die Abkürzungen in der heutigen russischen Sprache. – Graz, 1949.
- Language of Power: Studies in Quantitative Semantics / Ed. by H.D. Lasswell, N. Leites. – New York: George W. Stewart, 1949.
- Leites N., Bernaut E. Ritual of Liquidation: The Case of the Moscow Trials. Glencoe: Free Press, 1951.
- Leites N., Bernaut E., Garthoff R. Politburo Images of Stalin // World Affairs. 1951. Vol. 3.
- Leites N. A Study of Bolshevism. – Glencoe, Ill., 1954.
- Rush M. The Rise of Khrushchev. – Washington, 1958.
- Schramm W. The Soviet Communist Theory // Four Theories of the Press / Ed. by F.S. Siebert, T. Peterson, W. Schramm. – Urbana: University of Illinois Press, 1956.
- Simmons E. Political Controls and Soviet Literature // Soviet Society: A Book of Readings / A. Inkeles, K. Geiger (Eds.). – Boston: Houghton Mifflin, 1961.

© Будаев Э.В., Чудинов А.П., 2009

Журавлев А.Ф.
Москва, Россия

Zhuravlev A. F.
Moscow, Russia

ОБ АВТОРСТВЕ ОДНОГО КАЛАМБУРА

ON THE AUTHORSHIP OF ONE PUN

УДК 81'27

ГЧТИИ 16.21.27

ББК Ш 100.3

Код ВАК 10.02.01

Аннотация. В статье рассмотрено использование в политической коммуникации каламбура «Они охолоуели», который многие приписывают Борису Немцову, тогда как ранее этот каламбур использовал Венедикт Ерофеев.

Abstract. The article describes the usage of the pun «Они охолоуели» in political communication, which many scholarly ascribe to B.Nemtsov, denying the fact that this pun was earlier used by Venedikt Erofeev/

Ключевые слова: политическая коммуникация, каламбур.

Key words: political communication, pun.

Сведения об авторе: Журавлев Анатолий Федорович, доктор филологических наук, заведующий Отделом славянского языкознания Института славяноведения РАН, заведующий Отделом этимологии и ономастики Института русского языка РАН, руководитель Лаборатории этимологических исследований Филологического факультета МГУ.

About the author: Zhuravlev Anatoliy Fedorovich, doctor of philology, head of department of Slavonic linguistics of the Institute of Slavonic studies of the Russian Academy of Sciences, head of Department of etymology and onomastics of the Institute of the Russian language of the Russian Academy of Sciences, head of Laboratory of etymological research of the Philological faculty of MSU.

Место работы: Институт славяноведения Российской академии наук; Институт русского языка Российской академии наук; Московский государственный университет.

Place of employment: Institute of Slavonic studies of the Russian Academy of Sciences; Institute of the Russian language of the Russian Academy of Sciences; Moscow State University.

Контактная информация: 103064, г. Москва, пер. Фурманский, д. 18, кв. 38.
E-mail: afzhuravlev@yandex.ru.

*Что в этом случае сказал бы псалмопевец?
Он ничего бы не сказал.*

Венедикт Ерофеев

В политической жизни России осень 2007 года ознаменовалась невиданным всплеском подобострастия по отношению к тогдашнему президенту Путину.

Одержимая холопским недугом группа «деятелей культуры» – президент и вице-президент Российской академии художеств Церетели и Салахов, ректор питерского Института живописи, скульптуры и архитектуры имени Репина Чаркин, президент Российского фонда культуры кинорежиссер Михалков – публикует в «Российской газете» верноподданническое обращение «еще раз»(!) к Путину от имени «всего художественного сообщества России, более 65 000 художников, живописцев, скульпторов, графиков, мастеров декоративно-прикладного, театрально-декорационного, народного искусства» и даже, не обинуясь, «от имени всех представителей творческих профессий в России» с нижайшей просьбой пренебречь конституцией и остаться на занимаемом посту на третий срок. В «Известиях» обиженный кинорежиссер Говорухин торопится попенять Михалкову и Церетели, что те не позвали его в свою компанию, и развивает глубокую и оригинальную правоведческую мысль о том, что «конституция – не священная корова».

В рейтинге дифирамбов президенту «Кто похвалит его лучше всех», пространная коллекция которых была предложена еженедельником «Коммерсант», первых мест заслуживает высказывание принципала так называемого «евразийского движения» Дугина: «Противников путин-

ского курса больше нет, а если и есть, то это психически больные и их нужно отправить на диспансеризацию. Путин – везде, Путин – все, Путин абсолютен, Путин незаменим» (<http://www.kommersant.ru>).

Самого большого, однако, накала лизоблюдство достигает на всероссийском форуме беспартийных в поддержку Путина. Потоки словословий, залившие 21 ноября спортивный комплекс «Лужники», куда прибыл с речью сам адресат рвотных политических акафистов, стали поводом для того, чтобы один из лидеров оппозиции Борис Немцов, выдвигаемый Союзом правых сил в новые президенты, произнес сразу же ставшую знаменитой фразу **Они охолоуели**.

Хлесткий и, надо сказать, весьма удачный каламбурный глагол, деривационное устройство которого вряд ли требует разъяснения носителям русского языка, будучи по достоинству оценен знатоками острословия, немедленно растиражировался множеством радиопрограмм, газет и электронной информационной сетью. Приведем лишь малое число плывущих в руки иллюстраций.

Сетевая «Газета.Ru» (23.11.07): «Немцов фактически представил собравшимся в зале свою предвыборную программу. Сначала новоиспеченный кандидат в президенты заявил, что власть «будет готова стрелять». «Они настоящие беспредельщики. Перед нами опасный, презирающий законы враг», – сказал Немцов. Главные же проблемы, по мнению Немцова, в том, что

людей поразил страх, неверие в собственные силы и холуйство.

“Меня подташнивает от холуйства, апофеозом которого был съезд сторонников Путина. *Они охолуели*”, – **поделился с однопартийцами свежим каламбуром Немцов.**

По словам кандидата, СПС “идет на парламентские и президентские выборы, чтобы власть сделать гуманной, очеловечить ее, идет во власть с программой “Свобода и человечность”. Мы за демонтаж воровской суверенной демократии. Курс Путина – это путь в третий мир и нищету. Они же, грешники, впали в грех идолопоклонства, они будут гореть в аду. Тело Путина – самое экологически чистое место в России сейчас. Они уже друг друга вылизывают, стоя в очереди”, – сыпал лозунгами и афоризмами Немцов» (Илья Азар, Полина Матвеева, Алия Самигуллина) (<http://vff-s.narod.ru>).

Газета «Коммерсантъ» (24.11.07), из беседы с Немцовым: «– У нас началось холуйство с письма деятелей культуры — они, как всегда, впереди – с просьбой к президенту руководить вечно, – заявил кандидат. – Потом продолжилось в “Лужниках” – меня от этого действия подташнивало! **У нас в СПС даже новый термин родился – “они охолуели”!**

От “*охолуелости*” Бориса Немцова бросило в религиозную тематику. Он заявил, что власть нарушила все возможные христианские заповеди, включая самую важную – “Не убий” (тут кандидат вспомнил теракты в Беслане и “Норд-Осте”). А деятели культуры и все, кто просит Владимира Путина остаться навечно, как выяснилось, нарушают заповедь “Не сотвори себе кумира”» (Сюзанна Фаризова, Виктор Хамраев) (<http://kommersant.ru>).

Интернет-газета «Kasparov.ru». Заголовок «Холуйство достигло апофеоза». Цитируется, по-видимому, тот же комментарий к событиям 21 ноября, данный Немцовым: «Мне в Ульяновске рассказывали, что в вузах троичников стали рекрутировать под угрозой провала зачета или экзамена. Отличникам в качестве поощрения разрешают не ходить на митинги единороссов. Холуйство достигло своего апофеоза во время слета в Твери. Там собрались, якобы, спонтанно приехавшие по зову сердца граждане! Как бы не так! Им всем проплатили гостиницу, трехразовое усиленное питание, вручили заготовленные речи. *Охолуели! Охолуели* все эти господа, включая Михалкова, Церетели, Астахова [адвокат и телевизионный шоумен, сопредседатель движения «За Путина». – А. Ж.]. Они – грешники, нарушившие заповедь, гласящую “не сотвори себе кумира”! В аду будут жариться».

Радио «Эхо Москвы» (передача «Город», 24.11.07): «А. БАКОВ – Давайте я пока начну с общего, а потом пойдем к частному. Вчера кандидат в президенты России, мы выдвинули тако-го... С. БУНТМАН – Это СПС. А. БАКОВ – Да, **Б.Е. Немцов очень верный глагол подобрал:**

охолуели. С. БУНТМАН – Да, сейчас этот глагол у нас бродит по Интернету. А. БАКОВ – Совершенно верно. Потому что в самую точку. Вот это холуйство, это лизоблюдство, конечно, перекрывает все грани возможного. И становится лейтмотивом сегодняшнего дня» (<http://echo.msk.ru>).

«Новая газета» (26.11.07, № 90, с заголовком «Борис Немцов: *Они охолуели*»): «Так или иначе, но “*они охолуели*” — эта фраза Бориса Немцова при выдвижении его кандидатуры в президенты от СПС наверняка войдет в учебники русской политической риторики» (Сергей Мулин) (<http://www.novayagazeta.ru>).

В интервью Екатерине Баровой («Собеседник», 28.11.07) Немцов продолжает эксплуатировать замечательную словообразовательную находку: «“*Охолуевшая* бюрократическая Россия” – это одно из открытий, которое я для себя сделал. А есть особенно одаренные, которые готовы так глубоко лизнуть, чтобы аж простату задеть...»

Правовой Интернет-портал «Кадис» (дайджест правовой прессы в Санкт-Петербурге, 28.11.07): «В минувшие выходные Борис Немцов впервые побывал в отделе милиции не по своей воле. Разительные метаморфозы происходят с человеком, который был чуть ли не преемником Ельцина. Узнал ли гражданин Немцов что-то новое о жизни за последние годы (и дни – такие, как Марш несогласных 25 ноября)? Об этом «Фонтанка» спросила у бывшего первого вице-преьера.

Есть чрезвычайное неверие в собственные силы: да что ходить на эти выборы, за нас все уже решили. Все за нас уже написали. И третье – это холуйство. Астахов и вся эта компания (движение в поддержку Путина. – Ред.) – *они* уже все *охолуели*. **Я все время ввожу в русский язык новые слова. Они охолуели.** И это как метастаза распространяется по стране. Кто-то с ненавистью облизывает, кто-то со сладострастием глубоко, кто-то поверхностно. Низменное, рабское, что есть, к сожалению, в людях, сейчас поднимается вверх. Совокупность со страхом, с пассивностью дает результат» (<http://www.kadis.ru>).

Газета «Вести» (Петропавловск-Камчатский). Семен Буравчик о Немцове: «**Ему же принадлежит** и мгновенно облетевшее Интернет «*они охолуели*», **которым Борис Ефимович метко наградил** главных оппонентов. То ли еще будет. И сколько еще раз предстоит отдохнуть Эзопу до окончания нынешней предвыборной страды?» (<http://www.kamvesti.ru>)

Конечно, далеко (ой как далеко!) не все участники интернетских форумов и авторы «живых журналов» в восторге от деятельности и личности Немцова, но и они отдают должное лингвистическим качествам произнесенного им каламбура.

Пишет humanitor ([info]humanitor) (29.11.07): «*Они охолуели*». – **Пополнив великий и могучий удачным неологизмом, Немцов, наконец,**

показал, что, когда совсем приспичит, он умеет включать мозги. Но, похоже, слишком поздно» (<http://humanitor.livejournal.com>).

Вскоре каламбурный глагол пошел в народ, был народом освоен и перестал сопровождаться прежде обязательной ссылкой на авторство Немцова.

В печати, например, появляется информация о том, что «представители партии “Патриотов России” предлагают объединить Саратов и Энгельс в единый мегаполис. Есть предложение назвать новый город “Путин”. Если идею одобрит городская комиссия, она будет вынесена на муниципальный референдум».

Аноним в Интернет комментирует (12.12.07): «Путиноиды окончательно “охолуели”. Народ. Так что же это творится? Может теперь уже и частушки “Саратовские страдания” путиноиды переименуют в “Путинские”?.. Охренеть можно... Скорее всего *они* (инициаторы переименования) окончательно и бесповоротно “охолуели”!..» (<http://grani.ru>)

Тему топонимических поновлений подхватывают, кроме прочих местностей, на Дальнем Востоке. Журналист по имени Маша Беспутина (оценим псевдоним! впрочем, нынешние газеты эффектной каламбурной антропонимией нас просто избаловали) в статье «*Охолуели*» («Арсеньевские вести. Краевая газета Приморья», № 52 (771), 26.12.07) откровенно резвится. Изобретение глагола, ставшего заголовком, здесь уже приписывается безымянным жителям Полюжья, которые решительно отвергли поползновения «патриотов России» на ономастические справки: «Нам-то, владивостокцам, что! Мы далеко, это не наш город предлагают переименовать – поэтому владивостокские приколисты радостно включились в игру “придумай название – поиздевайся над городом” и существенно расширили список: Путинск, Путин-на-Волге, Путин Великий, Путинодар, Путинград, Путинбург или Санкт-Путинбург, Путиносток, Путирийск, Путинск-Дальний, Путём, Путиногорск, Большой Путин, Путянка, Путеньев, Путиноренск.

А вот **жителям Саратова и Энгельса** – не до смеха. Единственное, что они **сумели выдать из себя**, было **замечательное слово: ОХОЛУЕЛИ!**

Кстати, это не просто неологизм, это – диагноз. Конечно, *охолуели* далеко не все, а только те, кто надеется (скорей всего – беспочвенно) спастись вместе с Путиным (что он спасется – это уже очевидно). Со стороны наблюдать это противно и... смешно. А поскольку среди вполне здравомыслящих людей (каковых у нас в стране, будем надеяться, большинство) есть немало скрытых талантов, то из-под их клавиатуры появляется немало произведений, раскрывающих глубину маразма, в который впали холуи» (<http://www.arsvest.ru>).

(В перечне предлагаемых реноминаций последние «астионимы» прозрачно взывают к на-

званиям дальневосточных городов: *Владивосток, Уссурийск, Спасск-Дальний, Артём, Дальнегорск, Большой Камень, Славянка, Арсеньев, Дальнереченск*)

Нетрудно заметить, что слово *охолуели* либо безоговорочно приписывается Немцову (см. выше выделенное полужирным шрифтом), в том числе, не без нарциссизма, самим Борисом Ефимовичем («Я все время ввожу в русский язык новые слова»), либо, по утере авторства в процессе трансляции, гуляет безотцовщиной.

Но действительно ли политику Борису Немцову принадлежит честь его изобретения?

Усомниться в этом заставляет посмертная, собранная наследниками, книга Венедикта Ерофеева «Бесполезное ископаемое. Из записных книжек», выпущенная в Москве издательством «Вагриус» в 2003 году. На 118 странице можно прочитать: «А вот в сравнении с Римским Папой ваши православные лидеры совсем **охолуели**».

Венедикт Васильевич Ерофеев скончался в 1990 году, следовательно, на момент, когда Немцов разразился красноречивыми обличениями российского холуйства, рассматриваемому здесь каламбуру было не менее семнадцати лет от роду (на самом деле, видимо, больше), а если вести счисление его доступности читающему люду от времени публикации «Бесполезного ископаемого», то на пору триумфа немцовой риторики каламбур Ерофеева был известен внимательному знатоку его прозы уже пятый год.

Нет больших оснований подозревать, а тем более обвинять Бориса Ефимовича Немцова в плагиате. Сходные и даже одинаковые остроты, базирующиеся на игре слов, могут независимо порождаться разными людьми. Многим, наверное, знакомо досадное чувство, когда произнесенный тобою каламбур оказывается уже придуманным кем-то другим.

И все же более вероятной представляется такая версия. Борис Немцов, как он нас уверяет, любит чтение, с некоторым интересом относится к современной русской прозе – а имя писателя Венедикта Ерофеева сейчас, без сомнения, принадлежит культовому, успешно конкурируя с именем Михаила Булгакова, не зная его считается дурным тоном – и, логично предположить, по крайней мере листал изданные его записные книжки. Словечко *охолуели* могло остаться в скрытой памяти, в какой-то момент всплыть оттуда и осознаться как новое, только что сложившееся. Таким нужным моментом и импульсом и оказались угодливое письмо «деятели культуры», могучая волна признаний и клятв со стороны губернаторов, депутатов, бывших и действующих чемпионов, ректоров, политологов, раввинов, «наших» (то есть ихних, конечно), «идущих вместе» и прочих путинских хунвэйбинов, но особенно – оглушительный и постыдный лужнецкий шабаш.

© Журавлев В.Н., 2009

Синельникова Л.Н.

Луганск, Украина

ПРИЗНАКИ ДИСКУРСИВНОЙ МАТРИЦЫ
ГУМАНИТАРНОГО ПРОСТРАНСТВА
НОВОГО ВЕКА

УДК 81`27

ББК Ш 100.3

Аннотация. Статья посвящена обобщающему анализу основных дискурсов и дискурсивных практик постсоветского общества, оказывающих влияние на общественное сознание и структуру личности. На основе наиболее очевидных тенденций, проявляемых в дискурсах нового века, делается прогноз, касающийся изменений в области языковой и стилистической нормы, а также формирования синкретических дискурсов, появление и дальнейшее развитие которых связано с новыми общественно-экономическими отношениями, с проблемами глобализации и др., стимулирующими совмещение маркетинговых и лингвосомиотических начал.

Ключевые слова: дискурсивная матрица, СМИ-дискурс, политический дискурс, адресант – адресатные отношения, рекламный креатив, дискурсивная личность.

Сведения об авторе: Синельникова Лара Николаевна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языкознания и коммуникативных технологий Луганского национального университета (Украина).

Место работы: Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко.

Контактная информация: 91011, Украина, г. Луганск, ул. Матросова, д. 2-а, кв. 10.

E-mail: larnics@luguniv.edu.ua.

Sinel'nikova L.N.

Luhansk, Ukraine

THE SIGNS OF DISCURSIVE MATRIX
OF THE HUMANITARIAN FIELD
IN THE MODERN AGE

ГЧНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19

Abstract. The article is devoted to the generalized analysis of the main discourses and discursive practices in the post-Soviet society, which influence on the social conscience and on the individual's composition. On the basis of the most obvious tendencies, which are displayed in the discourses of the Modern Age, the forecast is being made. It deals with the changing in the field of linguistic and stylistic norm, also with the formation of the syncretical discourses. The appearance and future development of them is connected with the new social and economical relations, with the problems of globalization, etc., which stimulate the combination of marketing and linguasemiotic principles.

Key words: discursive matrix, media discourse, political discourse, addressee – addresser relations, advertising creation, discursive personality.

About the author: Sinel'nikova Lara Nikolaevna, doctor of Philological Sciences, professor, head of the department of Russian linguistic studies and communicative technologies of Luhansk National University (Ukraine).

Place of employment: Luhansk Taras Shevchenko National University.

В объединении двух слов «дискурс» и «матрица» фиксируется парадигмоустанавливающий статус дискурса в современном гуманитарном знании. Словарь толкует слово *матрица* так: *источник, начало* (лат.), и дискурс – начало и источник исследовательских действий в условиях новой (обновленной) гуманитарной парадигмы; *углубленная форма* (полиграф.), и дискурс-анализ нацелен на отход от стереотипов и расширение горизонта интерпретаций; *таблица объектов* (мат.) – это значение может быть соположено с номенклатурой дискурсов и дискурсивных практик, подлежащих описанию или уже описанных; словосочетание *матричное моделирование* (мат.) можно интерпретировать как установление взаимосвязей между разными областями гуманитарного знания и между разными видами дискурсов (такую матричную таблицу можно сравнить с периодической таблицей Д. Менделеева, постепенно и закономерно заполняемой новыми элементами по мере развития химической науки, сопровождающегося открытием новых элементов).

Попытаемся обозначить основные для нашего времени дискурсивные матричные клетки и назвать наиболее очевидные когнитивные, а также связанные с ними языковые признаки дискурсивных практик, которые существенно

изменили (и продолжают изменять) картину мира современного человека. На фоне такого рода обобщающего описания с учетом ряда отчетливо обозначившихся тенденций можно позволить нежесткое прогнозирование формирования и развития некоторых новых видов дискурсов.

Дискурсивная матрица демонстрирует гетерогенность живого движения общественных процессов, отсюда неоднородность дискурсивных форм и значений, их когнитивных, оценочных, аффективных признаков. Гуманитарный дискурс в целом по условиям многополярного мира реагирует на изменение детерминант – идеологических, культурных, этических и неизменно сопровождающих их – психологических, тесно связанных с человеческим фактором. Резкие изменения в общественном сознании и в языковой картине мира обозначились в постсоветский период по причине внезапного преобразования отношений между множеством составляющих, например, между прошлым и настоящим, традиционным и новым, глобальным и национально-специфическим, универсальным и вариативным, реальным и виртуальным. В центре гуманитарного знания стоит человек, который в наше мятежное время оказался далеко не в простом положении (вряд ли

его можно назвать *творцом своего счастья* – идеологема советского времени: сама категория счастья все более теряет социальные «зацепки»). Текстовые манифестации разных типов постсоветского дискурса – тоже о человеке, о его социальном и глубоко личностном существовании, о человеке, ищущем себя и определяющем возможности быть в новой системе координат.

Первое место по степени влияния на общественное сознание и личность как таковую занимает СМИ-дискурс. Это, по сути, родовое для нашего времени мегапонятие, точнее – мегапроект, «супермаркет новостей» и их интерпретаций, которому в той или иной степени подчиняются многие видовые дискурсивные действия. Актеры СМИ-дискурса действуют в пространстве таких проектных установок, как креативность, многоуровневость, полисемиотичность, креализованность, и это требует постоянного усложнения заданий и задач в условиях конкурентной борьбы за рейтинги. Легализацию понятия «проект» подтверждают специфические номинации типа «медиапродукт», «телеизделие» и т.п., свидетельствующие о высокой степени технологичности (монтажности) СМИ-дискурса.

СМИ-дискурс исходно идентифицировался по фактору адресата. Наиболее существенные изменения в этом глобальном коммуникативном пространстве связаны с изменением образа адресата. Одно дело, если под массовым адресатом имеется в виду весь народ (в советское время идеологическим предикатом к народу было выражение «весь советский народ»), и другое – объясняемая социальной напряженностью и конкурентно-рыночными отношениями сегментация массового адресата на референтные группы, превращение его в целевого адресата. Целевой адресат – это тот, которому нужно не просто о чем-то рассказать, но которого нужно убедить, сделать союзником, превратить в единомышленника, заставить совершать желаемые для информирующего поступки.

Конституирование феномена «целевой адресат» в современных СМИ в корне меняет манифестируемые в текстах адресант-адресатные отношения. Модель «адресат – alter ego адресанта и наоборот» существенно модифицирует коммуникативную рамку письменного публицистического и устного публичного дискурса, стимулирует расширение функциональных возможностей языковых средств, в том числе тех, которые имели статус маргинальных, ненормативных, не соответствующих деонтологии публичной речи. Современный СМИ-дискурс – максимально открытая система, и это обеспечивает возможность привносить в нее элементы других систем, создавать новые конфигурации, систематическое воспроизведение которых способно менять нормоустанавливающие критерии системы, безостановочно расширяющей круг доноров. Все больше СМИ-дискурс

подпитывается от донора-маргинала, отсюда «оседание» в публицистических текстах просторечий, жаргонизмов, не освоенных обществом и поэтому по-разному толкуемых заимствований и многое другое.

СМИ-дискурс инкорпорирует свойства других дискурсов, меняя при этом, как в калейдоскопе, конфигурацию признаков и демонстрируя «усталость» от жанровых конвенций и предписаний. Характерная для нашего времени установка на позиционирование, имиджевость, «пристройку» или «отстройку» от чего-либо когнитивно преобразует СМИ-информацию (в том числе и новостную) через выраженный компонент воздействия на адресата не только как получателя информации, но и как потребителя материальных ценностей.

Современные СМИ – интеракциональная система. Интеракциональность в СМИ означает участие в созидании дискурса не только его автора (адресанта), но и адресата. Новые адресант-адресатные отношения изменили статус адресанта и адресата как языковых личностей. Увеличивается набор форм диалогичности в письменных текстах СМИ-дискурса: неперсонифицированные микродиалоги и персонифицированные объемные диалоги, все другие формы чужой речи, инклюзивные и эксклюзивные местоимения, декларирующие общность или разобщенность, и многое другое – все это характерные признаки СМИ-дискурса в его современной версии. Приведем пример рассуждения журналиста-интеллектуала А. Архангельского на тему, вынесенную в название статьи, – «Мы не собаки, собаки немые» («Огонёк», 2002, № 33):

«На самом деле современный человек, страдая от одиночества и не умея наладить контакт, взаимопонимание с себе подобными, просто заводит бессловесное, беззащитное чудо природы для самооправдания и утешения (по этой же причине многие заводят детей). Ему можно пожаловаться, поплакаться, иногда поругать... И в ответ ОНО никогда не скажет: «Слушай, ты грузишь (напрягаешь, заколебала)». ОНО не может уйти из дома, хлопнув дверью. ОНО полностью зависит от нас, и нас это вполне устраивает. Все это идет именно от нашей инертности, душевной лени, неумения общаться, дружить, любить, жить друг с другом... В отношениях с людьми нужно постоянно искать, поддерживать, выдумывать что-то, а с собачкой ведь, по большому счету, все просто (как нам кажется): покормил, погладил, выгулял, и все. И на тебе в ответ «чистую любовь». А с человеком такой номер – не проходит. Человек сложен, но и одновременно прекрасен – именно тем, что непредсказуем. Но нам ведь ежедневно решать психологические задачи на фига, правда?..».

Классическое рассуждение как функционально-смысловой тип речи характеризуется

такими признаками: соответствие форме абстрактного мышления, оформление с помощью лексико-грамматических средств причинно-следственной семантики, ориентация на образованного интеллигентного адресата с целью убеждающего воздействия; экспрессивность этого типа речи обнаруживается по большей части в композиции и в синтаксисе [Трошева 2003]. Рассуждение в нашем примере идет сквозь призму сознания *другого*. Автор как бы обеспечивает адресата «стилистической поддержкой», согласуя стиль рассуждения – прежде всего на лексическом уровне – с языковыми предпочтениями адресата (употребив слово *грузишь*, автор в скобках предлагает варианты – *напрягаешь*, *заколебала*, расширяя тем самым возможности выбора для инородной языковой личности и не слишком противопоставляя себя ей). Показателен факт диалогичности заключительной части рассуждения, имитирующей обратную связь с гипотетическим адресатом, превращенным через несобственно-прямую речь в актуального: «*Но нам ведь ежедневно решать психологические задачи на фига, правда?..*».

СМИ-информация по сверхзадаче ее создателей должна получить статус «разделенного знания». Именно этим объясняется установка на приближенность к адресату через выбор стилистических средств, маркирующих синхронную обратную связь с читателем. «Эффективность общения прямо пропорциональна уровню взаимопонимания между коммуникантами. Под взаимопониманием в данном случае мы имеем в виду совпадение объемов информации, зашифрованной в сообщении адресантом и верно расшифрованной адресатом» [Леонтович 2007: 65]. К сказанному необходимо сделать существенное добавление: «подстраховкой» для совпадения объемов информации является выбор языковых средств для ее передачи, и этот выбор в современных дискурсивных практиках все более согласуется с жизненными ценностями и языковым тезаурусом адресата. Дискурсы СМИ демонстрируют интенсивное взаимодействие адресанта и адресата как языковых личностей. Предлагая свой взгляд на то или иное положение вещей, адресант стремится представить его в такой форме и с помощью таких средств и приемов, которые способствуют солидаризации с адресатом через общие речемыслительные процессы. Планируемый адресантом перлокутивный эффект по большей части связывается с психологическими характеристиками адресата, его языковым сознанием, следствием чего является активизация со стороны адресанта когнитивно-лингвальных действий диалогического характера [Синельникова 2008].

Дискурсы нового века фиксируют пандемическое распространение установки на манипулятивность. Опознавательные признаки мани-

пулятивности исчислить не просто, что вполне объяснимо самой природой манипуляции (исходное значение – фокус, основанный на ловкости рук). Манипулятивным именуется коммуникативное воздействие, направленное на актуализацию у объекта воздействия мотивационных состояний, желательных для субъекта воздействия, это скрытое принуждение, психическое воздействие извне, контроль и управление со стороны *другого* [Доценко 1987; Афаневич 2008]. В международной практике выделяются семь основных приемов информационно-психологического воздействия: 1) приклеивание ярлыков (*name calling*) – оскорбительные названия, метафоры, эпитеты, вызывающие эмоционально негативное отношение; 2) «сияющие обобщения» или «блистательная неопределенность» (*glittering generality*) – применение номинаций, вызывающих положительное чувство (свобода, патриотизм, дружба и под.); 3) перенос или трансфер (*transfer*) – незаметное соположение того, что уже принимается позитивно, с тем, что хотят сделать позитивным через соответствующие ассоциации; 4) ссылка на авторитеты как свидетельства (*testimonial*) – приведение высказываний личностей, обладающих высоким авторитетом или наоборот высказываний тех людей, которые вызывают отрицательную реакцию; 5) «свои ребята» или «игра в простонародность» (*plain folks*) – установление интимно-доверительных отношений с аудиторией; 6) «перетасовка» или «подтасовка карт» (*card stacking*) – отбор и тенденциозное преподнесение только положительных или только отрицательных фактов при замалчивании противоположных; 7) «общий вагон», «общая платформа» или «фургон с оркестром» (*band wagon*) – подбор фраз, суждений, высказываний объединяющего характера, внушающих, что так происходит всегда, так делают все [Панарин 2006: 195-197].

На самом деле манипулятивных приемов намного больше: осмеяние (высмеивание), привлечение популярных личностей как медийных, инициирование информационной волны, слухи и многое другое. Для многих украинских СМИ характерно применение приема фасцинации (фасцинация в психологии – условия повышения эффективности воспринимаемого материала благодаря использованию сопутствующих фонов). Критическая лингвистика в этом случае может использовать метод фрейм-анализа. Фрейм – способ представления знаний и мнений об определенной типовой ситуации. Так, в текущем году фрейм «Победа» через рефреймирование – намеренное соскальзывание с одного фрейма на другой – последовательно лишился признаков общественно-ценностного понятия: поздравления на большинстве украинских каналов иллюстрировались кадрами кинохроники, рассказывающими об окружении и гибели сотен тысяч бойцов (в ре-

зультате победа ассоциировалась с катастрофой и отступлением), сопровождались опросами молодых людей, которые не знали, кто с кем воевал и кто начал войну (цель манипулятора – вытравить историческую память) и акцентированным показом пивных банок и другого мусора с тем, чтобы снизить статус праздника. Кроме того, Президент Украины в праздничном выступлении на майдане Незалежности то ли случайно, то ли специально поздравил страну с 65-летием Победы (то есть подсознательно закрепляется мысль о том, что война для Украины закончилась в 1944 году на ее границе). Целостное восприятие определенного периода общей истории разрушалось, образ оказывался мозаичным. Ввиду характерности для многих украинских СМИ использования приема фасцинации мы хотели бы обратить особое внимание именно на такого рода манипулятивные сценарии. Манипуляция, осуществляемая по такому сценарию, как правило, используется при освещении любых событий с участием России (военный конфликт на Кавказе, Евровидение и т.д.). Не случайно, большинство экспертов (Г. Почепцов, Л. Панкратова, А. Рутковский и др.) квалифицируют украинскую медиасферу как информационную войну с Россией.

Трудно не согласиться с мнением Э.Р. Лассан о том, что политическая лингвистика как наука не способна «предупредить опасное развитие общества» и что исследователи «могут только констатировать состояние общественных умов и в определенной степени прогнозировать пути развития общественной жизни» [Лассан 2009: 20-21], но именно эта наука может произвести глубинную «расчистку» манипулятивных завалов и сообщить о результатах своей работы общественности.

Едва ли не любая СМИ-информация оказывается манипулятивной, в том числе и новостная, которая по канонам журналистской этики не должна содержать сколько-нибудь выраженных оценок. Вот высказывание главного редактора УНИАН (Украинское Независимое Информационное Агентство Новостей) А. Харченко: «Мы сообщали и сообщаем новости независимо от того, как мы относимся к ним. Мы не определяем, кто прав или виноват в конфликте, но даем возможность высказаться всем участникам конфликта, чтобы читатель или слушатель сам сделал выводы». Коммерческий директор УНИАН В. Нечипоренко сравнивает агентство с водопроводом, обеспечивающим всех водой: «В одном кафе из воды сделают кофе, в другом – чай, но вода всегда наша УНИАНовская. Вода – это новости, которые мы продуцируем и поставляем в средства массовой информации. Она должна быть чистой, без любых примесей или заангажированности» [Гречко, Майданович 2008]. Но такого рода позиции по большей части остаются декларативными.

Манипулятивная природа СМИ обладает огромным энергетическим ресурсом, и при хо-

рошем *менеджменте манипуляций* результат может оказаться фантастическим: общество вынуждено признать существование того, чего нет на самом деле, точнее говоря, оно не знает, есть нечто на самом деле или нет, поскольку фактическая информация перекрывается интерпретацией, и оценку получает не событие, а интерпретация, которая сама становится событием. «Зависимость аудитории от интерпретации событий в телевизионных передачах и прессе – не национально-специфическое явление, а проблема, стоящая перед разными культурами. События подаются в выгодном для определенной политической системы свете, на телезрителей и читателей оказывается идеологическое и эмоциональное воздействие. Интерес массовой аудитории моделируется и ставится в зависимость от интересов людей, обладающих реальной властью в обществе» [Дубровская 2004: 97].

Борьба интерпретаций характерна для политического дискурса, массированное изучение которого лингвистами, социологами, политологами началось в постсоветское время. Сформировались научные направления, позволяющие проникнуть в сущность этого вида общественных действий через интеграцию аналитического инструментария политической психологии, политологии, социологии и ряда других наук. Возникли авторитетные научные школы политической лингвистики – Екатеринбургская, Волгоградская и нек. др.

Психологические компоненты политического поведения вербализуются в политическом дискурсе, и лингвистический параметр политического дискурса наиболее показателен. Назовем некоторые характерные признаки этого вида речевой деятельности, проявленные в политическом дискурсе современной Украины.

Вряд ли можно теоретически обосновать существование широкого круга политической лексики (кроме, может быть, названий политических течений, номинаций с идеологически фиксированной семой, которые, в общем-то, не трудно исчислить). Куда важнее, что соответствующий семантический признак или коннотацию может приобрести едва ли не любое слово, употребленное в нестандартной для него ситуации. Нужно только, чтобы было зафиксировано место, время, политические акторы и проявлен повышенный интерес СМИ к родившемуся политическому хронотопу. Показательный пример – окказиональная паронимизация слов «перезагрузка – перегрузка» во время встречи министра иностранных дел России С. Лаврова и госсекретаря Белого дома Х. Клинтон: американская сторона, имея в виду перезагрузку в отношениях с Россией, то есть переход в некое новое состояние, ошибочно употребила слово «перегрузка» (чрезмерная нагрузка), и эта невольная ошибка была подхвачена журналистами, пишущими о политике. Само слово «перезагрузка» стало политическим термином, широ-

ко используемым в политической риторике (так, шумный уход в отставку главы президентской канцелярии В. Балоги президент В. Ющенко объяснил необходимостью перезагрузки в украинской политике; в ответ представитель оппозиционной партии заявил, что никакой перезагрузки в украинской политике не происходит – информация украинских СМИ 19 мая 2009 г.). В украинском контексте политизировалось безобидное слово «крапка» (точка), которое нередко используется вместо вразумительных ответов на неудобные для политиков вопросы.

Политический дискурс складывается в условиях борьбы за власть, и конфликтный (оппозиционный) дискурс в полной мере проявляет концепт противоборства, который нередко строится на признаках биполярности, всегда субъектно представлен, имеет определенные временные параметры, ситуативен и являет разнообразие форм и способов текстовой организации (во всяком случае очевидно, что временный и затяжной конфликт, острый и вялотекущий, латентный и открытый представляют разные виды текстов). Выделение психологами деструктивного, конструктивного и стабилизирующего конфликта (деструктивный – расшатывает, девальвирует отношения и ценности; конструктивный – способствует обновлению структур и систем, установлению новых связей; стабилизирующий – нацелен на позитивный результат через устранение противоречий) весьма полезно для структурирования политического поля отношений. Типология дискурсов, выстраиваемых по тому или иному типу конфликта, требует совместного внимания социологов, политологов, лингвистов и специалистов по связям с общественностью. Экология общения как междисциплинарная проблема включает рассмотрение конфликтных дискурсов в их соотношении с понятиями толерантности и интолерантности. Толерантность обеспечивает существование различных форм жизни [Стернин 2003; Анисимова 2006: 13-14], интолерантность в политическом дискурсе связана прежде всего с противопоставлением «свой – чужой», «мы – они» [Синельникова 2005; Иссерс, Рахимбергенова 2009].

Концентрированным выражением манипулятивных средств и приемов в конфликтной коммуникации являются информационные войны как скоординированные пропагандистские акции [Корнилов 2007], которые доминируют в избирательных технологиях, но не ограничиваются этим видом деятельности. В информационных войнах СМИ используются как пропагандистская машина. Так, формат «газовые информационные войны» обнаруживает едва ли не все виды и способы манипуляции: набор импликаций, чередование прикрытых дипломатической риторикой ходов и резких инвектив, множественность подходов к формированию национальных и политических идентичностей и

др. Информационные войны – это словесно-смысловое противостояние (информагрессия, информатака), сопровождающееся диффамацией (неадекватной порочащей информацией), это всегда множество интерпретаций, в том числе прямо противоположных, способствующих рассогласованию взаимодействия через умножение негативных оценок и переход на личности [Общественная повестка дня и коммуникативные практики СМИ 2009]. В информационных войнах в полной мере проявляется семиотика театрального процесса: «политик-актер, следуя инструкциям своей пиар-команды (режиссерам) и подчиняясь драматургии «политической пьесы», в которой его роль (монолог) структурирован спичрайтером (драматургом), существует и действует в пространстве сцены...» [Астафурова, Олянич 2008: 119]. Многозначность слова, его стилистическая окраска стимулируют такой признак театральности, как языковая игра (примеры из дискурса газовой информационной войны: *дело – труба, труба – одна на всех*). Во время обострения политической конкуренции в пространстве информационных войн происходит потеря социо-оценочных критериев правды, справедливости, честности и основными коммуникативными тактиками становятся тактики самопрезентации и дискредитации оппонентов [Макарова 2007], [Кочубей 2008].

Поле власти организуется сетью разного рода отношений. Характер отношений определяется расстоянием, отделяющим от цели, то есть от власти. Дискурсивный подход позволяет описывать формы поведения политиков и учитывать при этом обратную связь – что и как люди думают о политике и политиках, как воспринимают лидеров разных стран. Материалы многочисленных Интернет-форумов могут предоставить любопытнейшую информацию социологам, политикам, лингвистам о политическом менталитете граждан. Форумный сетевой дискурс как «дискурс реагирования» (С.Н. Плотникова) может стать материалом для «внешнего аудита», который можно произвести на основе оценок, принадлежащих непрофессионалам, это – источник информации, связанной с наивной картиной мира, своеобразная экспликация ценностных ориентиров, строящихся на быденном сознании современного человека, стремящегося понять и определенным образом оценить социальные (прежде всего – политические) события. К тому же, форумные текстинги проявляют живую активность языковых категорий, имеющих колеблющийся нормативный статус. «Он и она. Впервые русская классика перешла без ограничений в политический контекст Украины» – это остроумное высказывание журналиста подтверждается фактом «гендерной чуткости» участников Интернет-форумов, которые наделяют родовой коррелят оценочной характеристикой (*словоблудка, популистка* и

под.). В политическом дискурсе Украины процесс конструирования гендера достаточно активен.

Обратная связь – феномен, на основе которого можно говорить об интердискурсивности, то есть о таком положении дел, «когда различные дискурсы и жанры артикулируются вместе в одном коммуникативном событии» [Филлипс, Йоргенсен 2004: 118]. На текст обратной связи можно хорошо видеть, что *другой* может сделать с чужой речью в ее устном или письменном проявлении, как воспроизводится и трансформируется чужое слово. Лингвистические факты при условии детального анализа становятся социальными факторами. Именно поэтому обратная связь может рассматриваться как существенная часть проявления социального согласия или социальных конфликтов.

Политический дискурс социален, и любая политическая партия напоминает бизнес-проект, определяющий способы семиотического означивания себя и своих действий через разнообразные жанры позиционирования (программы, слоганы, публичные выступления и т.д.). Ведущей знаковой системой политического дискурса является речь, речевое опосредствование. Старые, привычные политические номинации в современном политическом дискурсе соседствуют с новыми – отсюда достаточная пластичность, гибкость политических текстов, изворотливость их создателей, на разных этапах и для разных групп населения (электоральных групп), стремящихся реализовать разные задачи. В то же время происходит процесс «свертывания» в группы наиболее показательных, презентативных для этого вида дискурсивной деятельности языковых ресурсов.

Политический дискурс оказывается площадкой для языковых игр и применения разнообразных риторических приемов, которые в условиях этой институциональной коммуникации можно рассматривать как единицы семиотизации театрального действия и аттрактанты внимания [Астафурова, Олянич 2008: 93-131]. Показательный пример – политическая метафорика. Политическая метафора выполняет несколько функций: когнитивную, так как особым образом моделирует положение дел, оценочную, воздействующую (усиливает эмоциональное воздействие), манипуляционную – манипулирует реакцией адресата и – главное – проявляет интенциональные установки автора политического текста.

Исследователями политической метафоры установлено, что высокой степенью презентационной эффективности обладает именно театральная метафорическая группа [Чудинов 2003: 113-115; Шейгал 2004: 62-66; Олянич 2004: 150-164]. Но политика пребывает в состоянии непрерывной метафоризации, и «метафорическая мозаика» (А.П. Чудинов) пополняется новыми «узорами». Так, в украинском

политическом дискурсе активно представлена глуттоническая (гастрономическая) метафорика: *Всё это густо приправлено майонезом хуторянского национализма и кетчупом городского популизма; электоральный пирог; истинные мотивы подлинного автора нового острого блюда из президентской кухни, руководитель президентской канцелярии – реальный хозяин пищеблока* (примеры из газет). Глуттонические знаки [Олянич 2006: 20-53] проявляют политический дискурс как постмодернистский феномен.

Политический дискурс демонстрирует влияние знака на контекст и влияние контекста на знак. Метафорические модели рефлексии и интерпретации политических деятелей и событий могут быть поняты в системе как текстовых, так и внетекстовых связей: *искусственное оплодотворение Украины в 2004 году, шароварное табу, вертикаль власти и горизонталь украинского политического болота, турбулентная экономика, сквозняки перемен, газовый офсайд*.

Дискурсивные свойства метафор проявляются в использовании риторического приема развития тропа. Именно этот прием позволяет говорить о метафорическом контексте как о вторичной модели действительности: сложные, а иногда и маловразумительные политические понятия и ситуации описываются с привлечением конкретной номинативной сферы. Активность этого приема позволяет включить его в число средств, составляющих композиционную поэтику современного публицистического текста [Кайда 2006]. Несколько примеров: *«Конституцию в каком-то смысле можно уподобить озеру, на поверхности которого «плавают» текст, а весь основной механизм скрыт от глаз под водой»* («2000». 25.04.2008). *«Виктор Балоба – это Баррас «оранжевой» революции, неуклонно ведущий потрепанный политический корабль Банковой в залив Меньшого Зла»* («2000». 20.06.2008). *«И не обеспеченные товаром потоки бумаг закупили «сосуды» мировой экономики»* («2000». 3.04.2009). *«Сквозняки усиливаются, и если Тимошенко не построит ветрогенератор, ее этими сквозняками выдует с Грушевского, какими бы смышленными ни были ее политехнологи или какой бы убедительной ни казалась она сама. Среди этих политехнологов нет уже индейских жрецов, управляющих дождем, а он над Украиной становится все более проливным. И начинает превращаться в град. ... Но, может быть, народ наш проснетя и сам определит, куда, откуда и с какой целью дуют сквозняки. И не пора ли заделать дыры в стене»* («2002 3.04.2009). *«Сколько же можно наконец «гнать порожняк»? А ведь без конкретики на тему «так делать не надо, а надо вот так» вся критика действующего правительства выглядит именно «порожняком»* («2000» 3.04.2009).

В пространстве политического дискурса в полной мере действует категория изменчивого знака. «Изменчивый знак указывает, что один дискурс преуспел в фиксации его значения и что другие дискурсы борются, чтобы завоевать эту фиксацию» [Филлипс, Йоргесен 2004: 227]. Политический дискурс демонстрирует спектр семантических модификаций социально значимых понятий, их разброс. Именно в политическом дискурсе происходят семантико-коннотативные метаморфозы, стимулируемые мобильностью оценочных характеристик, их изменением на протяжении небольшого временного периода. Эволюция коннотативного поля концептов в политическом дискурсе неоднородна, порой хаотична: она то приближается к точке бифуркации, меняющей семантический объем слова, то отдаляется от нее. Движение коннотативных признаков, их новая иерархизация осуществляются в особом прагматическом контексте, нередко строящемся на стилистической дифференциации. Красноречивый пример – оценочная семантика слова «электорат»: «В БЮТ никогда не забывают о том, что их главный капитал – это народ Украины. Или, если без возвышенных тонов, – просто электорат» («2000». 25.01.2008).

Манипулирование фантомными денотатами выполняет ряд функций, зависящих от адресатного вектора [Шейгал 2009]. Так, в украинском политическом дискурсе разоблачительную функцию выполняет слово-фантом «халява»: *это сладкое слово «халява», демонология халявы, 10 шагов к нашей Великой Национальной Халяве, халявно-улучшенные квартиры, мечта о нашей Великой Европейской халяве («Принял дозу чего-то европейского и... свободен»)* – примеры из украинских газет.

Ирония в политическом дискурсе остается действенным приемом, строящемся на косвенной оценке, выводящей на социально-политический подтекст: «Вспомните, к примеру, знаменитую ампулу, которую Колин Пауэлл демонстрировал в ООН, предъявляя надуманные обвинения Хусейну в наличии у него химического оружия. Эту ампулу, как выяснилось, изготовили сами американцы в свободное от глобальной борьбы за демократию время» («2000». 25.01.2008). Ирония в дискурсе – способ имплицитного выражения оценки, отделения «своих» от «чужих», привлечения внимания аудитории. Игровая природа иронии подтверждает театральность как одно из основных свойств политического дискурса [Кашкин, Шилихина 2009].

Нередко косвенная, но вполне определенная оценка формируется на основе фразеологизма, в том числе жаргонного характера: «Но Юлии Владимировне хоть кол на носу теши», «Но пока весь кошмар происходящего будет ими осознан, еще немало розовых макарон будет намотано на уши избирателя, пытающе-

гося обнаружить в магазинах «дефляцию», в государственных машинах – «ревальвацию» национальной валюты, а в приватизации – «национализацию...» («2000». 15.08.2008).

Активны оценочные номинации перифрастического характера: *доморощенная Эвита Перрон, политическая крошка Цахес, заклятая союзница, главный завхоз и главный жрец, «оранжевый» Гамлет, мукачевский Макиавелли*. Политические онимы – прагматически маркированный класс слов. Выбор номинаций, в том числе перифрастических, воздействует на сознание адресата политической коммуникации, формирует у него желательное для адресанта эмоциональное состояние [подробнее см.: Соболева 2009].

Прием нарушающих принцип соответствия совмещаемых языковых единиц контрадикторных построений нацелен на игру с собственным знанием и на установление особых отношений с адресатом: «*Идеологи дискутируют монологами*», «*Какой замечательный некролог! С ним бы жить и жить!*», «*Трудно что-нибудь предвидеть, тем более будущее*» – названия разделов одной статьи (В. Овдин, Армия без защиты // «2000». 4.07.2008). Сочинитель такого рода фраз демонстрирует «право на построение координат бытия» [Карасик 2009], и «проверка на истину» лежит в знании социальных фактов.

Можно обратить внимание на прием экспликации в тексте оговорок, точнее, квазиоговорок, строящихся на основе фонетической и (или) словообразовательной близости сталкиваемых слов. Такого рода политическое шаржирование как особый вид антифразиса используется в публикуемых из номера в номер статьях Критикана Политиканова (Еженедельник «2000»): «*И депресс... простите, прогресс экономики, и рассвет дуракрат... виноват, демократии, и прочая... т.е. я хотел сказать – стабильность властей в управлении подведомственным населением. Вся клиника... извините, классика украинской действительности: поиск виновных, наказание невиновных, награждение непричастных и прочие преступления без наказания*».

Персуазивность – основная иллюкутивная установка субъектов политических действий. Персуазивность – это направленность на адресата, подчиненная выполнению стратегических задач. Под стратегией понимается «коммуникативная категория, представляющая собой процесс планирования и реализации автором текста языковых способов корректировки модели мира адресата» [Власян 2007: 27]. Названные языковые средства и приемы участвуют в создании персуазивного эффекта, и их выбор зависит от конкретных установок исполнителей. Небуквальные значения, проявленные в метафоре, иронии, других косвенных речевых актах, являются базовыми для прагматики политического дискурса, и умение строить тексты по-

средством активизации небуквальных значений можно считать значимым показателем компетентности политиков и пишущих о политике журналистов в использовании языка.

Политическая афористика, которая «фиксирует в своей семантике обширный пласт знаний, отражающих опыт бытия Homo politicus» [Шейгал 2004: 153], продолжает оставаться семиотически проявленным агентом политической коммуникации. Так, на Форуме стран СНГ в Казахстане предметом внимания СМИ 22 мая 2009 года стали два афоризма: «Амбиции уходят с деньгами» (В. Путин) и «Украина побеждает в дополнительное время» (Ю. Тимошенко). Рефлексивность и очевидная спонтанность такого рода высказываний не уменьшает их сигнификативной глубины, так как за ними стоит множество знакомых обществу политических реалий.

Ряд признаков политического дискурса, тех, которые непосредственно вытекают из природы власти (конкурентная борьба, манипулятивность, сокрытие правды и др.), будет всегда: эти признаки вне времени. Облагораживанию политической коммуникации могут способствовать другие стратегии: формирование достоверного образа политика; акцент на действительно актуальных для народа проблемах; разоблачение «двойных стандартов»; избегание фрагментарного способа подачи информации, создающего информационный шум; отказ от манипулирования социологическими опросами; стремление к объективной интерпретации новостной информации и многое другое. Как представляется, любые действия по такому эволюционному вектору скажутся на политическом дискурсе положительно, то есть уменьшат долю агрессивности, лжи и манипулятивности.

Политическая личность непрерывно трансформируется под влиянием того поля деятельности, в которую она оказывается включенной. Проблемы политического лидерства, коммуникативных ресурсов различных институтов власти привлекают внимание представителей разных областей гуманитарного знания. Показательно, что исследователи стремятся учесть специфику постсоветских государств [Політика в особах 2008; Ганжуров 2007]. Харизматичность политических лидеров оказывается индикатором состояния общественного сознания, его многослойности и изменчивости. Народ находится в ожидании новых лиц и личностей в политике – более молодых, более образованных, амбициозных, но и реалистичных. Можно обратить внимание на такой прогноз: «Фаворитами в эволюционном отборе будут здоровые люди, достаточно эгоистичные, чтобы при необходимости солгать, достаточно умные, чтобы ценить правду, и достаточно совестливые, чтобы насколько возможно помогать другим» [Леонова 1996]. Применительно к большинству современных политиков даже такая компромиссная модель в полной мере неприложима, то

есть эволюционный «отбор» продолжается. И если он завершится благополучно, могут произойти изменения в самом образе политика. Уже сейчас можно говорить о некоторых политиках как дискурсивных личностях. Такую личность, например, формируют действия политиков в сайтах с интерактивным общением в режиме онлайн. Интернет дает возможность реализовать установку на интерактивное (дискуссионное) общение. Далеко не каждый политик может претендовать на звание Интернет-фигуры: этот статус могут получить так называемые тысячники (тысячник для Живого Журнала – главный показатель значимости Интернет-фигуры). В перспективе диалогическая речевая деятельность окончательно вытеснит политические монологи, и именно на этом пути (интерактивном, с открытой обратной связью) может вырабатываться ответственная политика, в которой нуждаются в той или иной мере все постсоветские государства.

«В этом мире всё реклама, кроме некролога» – своеобразный афоризм нашего времени (заметим, к слову, что и некролог может быть имиджевой рекламой для его составителя). Рекламный дискурс многое сделал и продолжает делать для изменения состояния общественного сознания, для выработки новых моделей поведения, в том числе – вербального. Реклама в центр внимания ставит потребительский интерес, культивирует желание одномоментного результата, успеха любой ценой. Такого рода установка, насаждаемая фактически в режиме нон-стоп, не может не влиять на общественное сознание. Основное воздействие когнитивного характера со стороны рекламного дискурса – изменение соотношения ценностей. Причем ценности высшего порядка интерферируются в быт, в культ еды и всяческого комфорта. Доминирует понятие кайфа, драйва (напомним кайф, kef – араб. состояние опьянения от употребления гашиша; безделье; состояние всякого рода удовольствия; драйв – состояние приятного возбуждения, удовольствия, первоначально – от употребления наркотиков). Кайф-удовольствие – далеко не то же самое, что гедонизм или дионисийство в понимании, скажем, Пушкина или Вяч. Иванова. Это просто кайф как таковой, физиологический, без культурной рефлексии. «Агрессивная самопрезентация» (И.А. Стернин) рекламы не безобидна для формирования агрессивности в обществе как едва ли не доминирующей реакции на события. Меняются этические детерминанты добра и зла, сдержанности и напористости и т.д. Существование и сущность в рекламе инверсируются. Правду, правильность ищут вовне, а не внутри, и поступки могут совершаться как ответ на импульсы, идущие от внешнего мира.

Молодое поколение хранит вербальную информацию, поступающую из рекламного дискурса. Некоторые рекламные выражения становятся «ритуальными идиомами», функциональ-

но приближаются к словам междометного характера и служат для нерасчлененного выражения (псевдо)эмоциональных реакций на окружающую действительность. Деконтекстуализация рекламных формул и выражений ослабляет познавательную способность, обедняет чувства. В то же время фразы из рекламных текстов, будучи прецедентными высказываниями, активно включаются в современные политические тексты: Несколько примеров: «Фрейд и Маркс в одном флаконе», «Легализуем. Недорого. Обращаться в кабмин», «Тогда мы идем к вам», «...надо бы как-то смягчить свою позицию и как минимум пожевать что-нибудь в момент, когда это лучше, чем говорить» (примеры из газет).

Рекламный креатив связан с поиском более эффективных носителей рекламы. Показателен факт непрекращающегося увеличения рекламных носителей: книги, кинофильмы, мусорные баки, обнаженные человеческие тела (коммерческий боди-арт), разного рода розыгрыши (life-placement) – все это входит в пространство и режим жизни современного человека. Каждый новый тип рекламного носителя связывается с конкретным сегментом аудитории. Разрабатываются новые формы работы с клиентами. Переключение на новую стратегию и новые методы подачи рекламы сказывается на структуре, риторике, языке рекламных текстов. Креатив на рекламном рынке грозит изменением ряда составляющих рекламного дискурса, хотя бы потому, что новые поколения потребителей рекламы, не знающие дефицита и получившие возможность выбора, перестанут реагировать на настойчивые зазывы и будут отзываться лишь на умные профессиональные советы. Поскольку инвективный характер рекламы вызывает очевидное напряжение со стороны потребителей, предвидится развитие дискурсивных форм увещевания и, следовательно, «изобретение» все новых и новых приемов манипуляции.

Позиционирование расширяет границы понятия «реклама» и постоянно требует разработки новых технологий интеграции разных видов информации и разных видов речевых действий, стимулирующих активность адресата. В этих условиях сформировалась особая языковая личность – личность копирайтера. Начало формирования такой личности относится к 90-м годам прошлого века, что показано в романе В. Пилевина «Generation «П». Вот несколько фрагментов из этого произведения: «Если бы в те далекие годы ему сказали, что он, когда вырастет, станет копирайтером, он бы, наверно, выронил от изумления бутылку «Пепси-колы» прямо на горячую гальку пионерского пляжа»; «... а в России задачей копирайтера было законопатить мозги заказчику»; «Именно в этом и заключался смысл его занятия – приспособливать западные рекламные кон-

цепции под ментальность российского потребителя». К началу нового века профессиональная психология личности копирайтера уже сложилась. В статье Влада Васюхина «Жуй с нами» [2002: 23] названы признаки такой закулисной, но достаточно влиятельной языковой личности: «Время от времени я работаю на конвейере. Я копирайтер. Это звучит гордо, но многие не въезжают. А потому чертовски приятно на вопрос: «Чем кормишься? – ответить небрежно: «Да так, копирайтерствую». ... Вот и коперайтер – это всего лишь текстовик. Но «текстовик» звучит совсем не пафосно, по-совковому. Что он может предложить поколению пепси – «Храните деньги в сберегательной кассе» и «Летайте самолетами Аэрофлота»? А копирайтер – те же уши, но в другом разрезе. Это в его светлой непредсказуемой голове рождаются глагол «сникерсни», или словосочетание «суперпробивной вкус», или фраза вроде «новая концепция жизненного пространства» (даже если речь идет о модели сливного бачка). Он придумывает сценарии телевизионных роликов, названия для разных товаров и услуг, и за одно, максимум два слова, часто лежащие на поверхности, огребают сумасшедшие деньги. Один мой коллега хвастался: «Мне за одно название для пива заплатили больше, чем «Вагриус» Лимонову – за целую книгу!».

Копирайтеры становятся влиятельными игроками на языковом поле освобожденного от цензуры постсоветского пространства. Они – устроители языковой игры, лежащей в основе клипового мышления, строящегося на «остаточном литературоцентризме». Появляются слоганы-дегенераты типа «Пар костей не Ламент», «У наших ушки на макушке! Дисконт на гаражи-ракушки!» и под.

Прогнозирование в науке несет долю риска, но именно у науки есть право рисковать, прогнозируя. Основное направление изменений мы связываем с приспособлением языка, его стилистических ресурсов к новым потребностям общества. Нормативная неустойчивость принципов отбора и сочетания языковых средств, приоритет установки на успешность воздействия все более утверждает микширование как норму текстоустройства и оказывается стимулом для рождения новых жанровых форм в публицистике, в научном дискурсе и даже в наиболее консервативном деловом. Соперничество языковых маркеров успешности коммуникации с рекомендациями в области традиционной стилистической нормы, основывающейся на стилистическом согласовании единиц текста, создает «зону напряжения», но выигрыш первой позиции очевиден.

Процессы транспонирования, миграции языковых средств из других коммуникативных сфер, как кажется, будут нарастать – прежде всего за счет экспансии диалогических форм

речи разговорного характера (в том числе и в традиционно монологических формах и стилях речи). В качестве композиционной, а вместе с ней и риторической доминанты утвердится интеракциональность с разными видами адресант-адресатных отношений. Трансцендирование монологического *я* в интеракциональное *мы* – ведущая форма презентации совместности адресанта и адресата. Иначе говоря, дискурсивные действия во многих коммуникативных сферах (политической, рекламной, маркетинговой, управленческой) будут безальтернативно организовываться по фактору адресата. Языковая личность адресанта и языковая личность адресата окажутся максимально сближенными. Нарастание такого рода тенденции может принципиально изменить традиционный тезис о том, что употребление слова подчинено говорящему, осуществляющему выбор и отвечающему за него.

Фактор адресата значим и для моделирования в разных видах публичных действий проблемной ситуации (проблема для всех и проблема для целевой аудитории рождает разные виды речевых действий). Также с адресатом прежде всего связан аргументативный дискурс как своеобразный речевой алгоритм выхода из проблемной ситуации. В цепь аргументов в этом случае должен быть вовлечен адресат как полноправный участник коммуникативных действий.

Описание лингвистических средств управленческого дискурса – одна из насущных задач современности. Ее выполнение потребует от лингвиста знаний из области психологии, социологии, маркетинга, риторики. Маркетизация всех сфер общественной жизни [Лассан 2009] стимулирует формирование новых дискурсивных практик, в которых отчетливо проявляется тенденция к совмещению маркетингового и лингвосомиотического начал (сравним: афоризм как лингвокультурный феномен и слоган как позиционирующий, имиджевый и далее по мере внедрения в общественное сознание брендовый текст; сильная позиция текста как такового и ее специфическое назначение в рекламном тексте – кода текста, или эхо-фраза).

Для профессиональной коммуникации особенно важны речевые стратегии и тактики партнерства, корпоративности. «Конструирование модели предпринимательского поведения и становится наиболее ответственной задачей общества, претендующего на развитие» [Мальковская 2004: 68]. Задачи бизнес-коммуникации всегда прагматические, и в технологии общения включаются как вербальный план, так и множество невербальных компонентов (жесты, позы, перемещения, вокальные признаки речи и др.) [Романов, Ходырев 2001]. Такого рода синтез организует паттерны как некие новые фреймы, внедряемые в сознание коммуникантов-суггесторов. Паттерны – сознательная поэтапная «подстройка» к партнеру коммуникации че-

рез действия по определенному плану (сценарию), структурирование коммуникативных действий, выполнение которых предполагает успешный результат. Приведем несколько паттернов, рекомендуемых предпринимателям, настроенным на успешный бизнес: Паттерн «Закрепление ключевого высказывания»: 1. Произнесите ключевое высказывание. 2. Посмотрите на одного из слушателей. 3. Сделайте паузу. 4. Утвердительно покачайте головой. 5. Слегка улыбнитесь. 6. Продолжите выступление. Паттерн «Вызов доверия»: 1. Медленный темп. 2. Громкость умеренная. 3. Интонация интимно-доверительная [Ребрик 2004: 192-193]. Судя по всему, лингвистам, занимающимся проблемами культуры общения, придется конкретизировать (вплоть до алгоритмов) ситуации общения с тем, чтобы преодолевать дистанцию между внеситуативными рекомендациями относительно тактик и стратегий речи и конкретизированным ролевым поведением в условиях новых для социума рыночных отношений. В то же время встает вопрос: в какой степени витальны (приемлемы) алгоритмы паттернов для славянской ментальности, ориентированной на поведенческий тип реактивной культуры, характеризующийся гибким отношением к коммуникативному поведению и на игнорирование порядка [Клименко 2006: 145].

В профессиональном общении проявленной оказывается гендерная маркированность коммуникантов. Ролевое поведение гендеров исследователи соотносят с различиями в психологии, мировосприятии и в социокультурном опыте. Женская коммуникативная стратегия предполагает беседу, повышенное внимание к обратной связи, в то время как мужская чаще всего ограничивается передачей или получением информации без особого внимания к обратной связи; мужчины гораздо больше женщин склонны к публичным выступлениям, что соответствует их нацеленности на индивидуальный успех; женщины легко меняют коммуникативные роли, проявляя психологическую гибкость; женщина в общении сочетает рациональное и интуитивное, в то время как мужчина больше настроен на объективные оценки положения дел. В целом мужские коммуникативные стратегии ориентированы на вектор соперничества, доминирования, женские – на вектор взаимодействия и партнерского сотрудничества [Барышникова 2005: 126; Горошко 2002]. Ролевые «игры» мужчин и женщин в личной и деловой сферах по большей части описываются без учета национальных традиций, и рекомендации психологов проявляют установку на универсализацию моделей поведения, что можно рассматривать как одно из проявлений фактора глобализации в области коммуникаций [Романова (Лемайте) 2001; Эйтвин., Бриза 2000; Самоцкина 2001]. Очевидно, что гендерный фактор в постсоветском обществе претерпел качественные изменения: идеология равенства

мужчин и женщин сменилась подчеркиванием выгодной коммуникативной значимости половых различий. Изучение гендерного дискурса, стратегий фреймирования гендера в СМИ, в рекламных текстах, в отечественных и зарубежных кинофильмах требует активного сотрудничества представителей разных областей гуманитарного знания [Воронова 2009].

Во всех публичных дискурсах и в дискурсах маркетингового характера возрастет роль обратной связи: отклик – это оценка усилий, успеха, то есть рейтинг и имидж проявляются в отклике, в оценке воспринимающего. Именно обратная связь должна стать предметом повышенного интереса социологов, психологов, социальных психологов, политологов, лингвистов.

Получат развитие новые виды интеграции научных знаний и дисциплин. В связи с расхождением продуктивной установки автора – творца текста и рецептивных возможностей читателя можно прогнозировать развитие методологии и методик экспертных дискурсов: в микшированном и манипулятивном тексте смыслы бывают замаскированными, и возможность вариативной интерпретации событий, их оценок требует психолингвистической экспертизы, которая по мере нарастания асимметрии между названными установками имеет тенденцию превращаться в лингвистический конфликт и трансформироваться в судебную лингвистическую экспертизу как особую герменевтическую процедуру [Кузьмина 2008; Кондрашова 2008; Доронина 2008; Кара-Мурза 2009].

Наиболее существенная интеграция предвидится, как нам представляется, в синтезе признаков маркетингового дискурса с разными формами и видами СМИ-дискурса. Дискурсивное пространство СМИ все более заполняется проектными манифестациями. Разработка проектов принадлежит, как правило, науке, а сам проект – бизнесу. Их общность – в установке на социально ориентированное коммуникативное воздействие. Проект нужно продвинуть (ключевые слова проекта – промоушн, раскрутка), значит, особым образом организовать информацию. В проекте нечто выступает в роли товара, будь это человек, идея и т.д., с тем, чтобы этот товар был узнаваем, идентифицирован.

Понятие «успешная коммуникация» скорее всего вытеснит понятие «правильная коммуникация» (с точки зрения ортологической нормативности), что может изменить само представление о коммуникативных девиациях и привести к новому квалификационному повороту в этой области деонтологических предписаний.

Новые информационные технологии существенно изменяют письменную речь, такие ее признаки как развернутость, соблюдение причинно-следственных связей, логичность, аргументированность и, наконец, нормативность, конвенциональность. Вырисовывается перспек-

тива развития системы сжатых текстов – текстов с опорой на коммуникативную ситуацию без непосредственной представленности коммуникантов, с упрощенной синтаксической структурой, многочисленными клише, произвольными, нарушающими традиционные нормы языка новообразованиями. Культивирование момента актуальности в сжатом тексте создает благоприятные условия для естественного синтеза подготовленного и спонтанного, преднамеренного и непреднамеренного. Все это активизирует действие категории кода и текста, ее проявление в специфических условиях, когда сокращение текста будет сопровождаться созданием новых кодов.

Постепенно накапливаются изменения в понятийном аппарате «новой» лингвистики. Внимание к разным видам компетенций – языковой, риторической, социо-культурной, этнической, межкультурной и зонтичной когнитивной не просто расширило представление о языковой личности, но потребовало смены парадигмы, поскольку «научный концепт «языковая личность» потерял свой эвристический заряд в свете накопившихся разысканий в области анализа дискурса» [Баранов 2006]. Понятие «языковая личность», так много давшее лингвистам, социолингвистам, педагогам, существенно дополнится дериватами «семиотическая личность», «дискурсивная личность», которые вместе с неизмеримо большим количеством признаков адекватности и успешности пребывания человека в объемном информационно-коммуникативном пространстве нового века.

Понятие «компьютерный человек» со временем будет наполняться новыми смыслами, в чем убеждает нас поведение молодого поколения, выросшего с компьютером как с нянькой-кормилицей (любопытный случай, рассказанный журналистами: ребенок, сбежав из дома, оставил родителям записку в виде смайлов).

Новые типы дискурсов, новые конфигурации языковых единиц в тексте требуют нового инструментария анализа, способного учесть эту множественность, новизну и многоаспектность. Дискурс-анализ даёт исследователю возможность объединять семантические характеристики с семиотическими и риторическими, рассматривать категории текста (информативности, эмотивности, интегративности, интертекстуальности и др.) в особом ракурсе, учитывать этнопсихологические, этнокультурные проявления в их соотношении с процессами глобализации и т.д. Дискурс-анализ – это всегда открытия в смежных областях знания о мире.

Какими будут медиа- и другие дискурсы через несколько лет? Как они будут проявлять европейскую или какую-то иную идентичность? Что останется в наших дискурсивных действиях от сложившихся в национальной культуре этических концептов? Ответы на эти и многие другие волнующие постсоветское общество вопро-

сы даст только время. Но и через время ответы на такого рода вопросы вряд ли могут быть окончательными и непротиворечивыми.

ЛИТЕРАТУРА

Анисимова А.Т. Конфликт и толерантность в контексте экологии общения // Речевая деятельность. Языковое сознание. Общающиеся личности: тезисы докладов XV Междун. симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. – М.; Калуга, 2006. С. 13-14.

Астафурова Т.Н., Олянич А.В. Лингвосемиотика власти: знак, слово, текст. – Волгоград: ИПК ФГОУ ВПО ВГСХА «Нива», 2008. 244 с.

Афаневич Т.В. Манипуляция как деформация межличностного взаимодействия // Личность – слово – социум. Материалы VIII междун. науч.-практ. конф. – Минск: Пакус плюс, 2008. Ч. 1. С.5-7.

Баранов А.Г. Семиотическая личность: кодовые переходы // Речевая деятельность. Языковое сознание. Общающиеся личности: тезисы докладов XV Междун. симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. – М.; Калуга, 2006. С. 30-31.

Барышникова Г.В. Эффективное профессиональное общение: гендерная парадигма // Профессиональная коммуникация. Проблемы гуманитарных наук: сб. науч. тр. Филология, лингвистика, лингводидактика. – Волгоград, 2005. Вып. 1. С. 123-126.

Васюхин Влад, Жуй с нами // «Огонёк». 2002. № 14.

Власян Г.Р. Проблема коммуникативной стратегии в лингвистике // Языки профессиональной коммуникации: сб. ст. Третьей междун. науч. конф.: В 2 т. – Челябинск, 2007. Т. 1. С. 26-29.

Воронова Л.А. Фрейм-анализ как метод гендерных исследований СМИ // Общественная повестка дня и коммуникативные практики: материалы Всероссийской науч.-практ. конф. – М.: МГУ. С. 327-330.

Ганжуров Ю.С. Парламент України в політичній комунікації. – К.: Україна, 2007. 352 с.

Горошко Е.И. Гендерная проблематика в языкознании // Гендерный калейдоскоп. – М.: ИЯ РАН, 2002. С. 508-542.

Гречко Т., Майданович Т. Супермаркету новостей – 15 лет // «2000». 20.06.2008.

Доронина С.В. Сведение и мнение в текстах СМИ: проблемы экспертной оценки переносных значений слов // Язык средств массовой информации как объект междисциплинарного исследования: материалы II Междун. науч. конф.– М., 2008. С. 473-476.

Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы, защита. – М.: ЧеРо, 1987. 216 с.

Дубровская О.Н. Формирование средствами массовой информации общественного мнения (на материале сложных речевых событий) // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. Власть и речь. – Изд-во Саратовского ун-та, 2004. Вып. 4. С. 91-97.

Иссерс О.С., Рахимбергенова М.Х. Этностереотипы «чужого» и их фреймовая организация в российских СМИ // Современная политическая лин-

гвистика: проблемы, концепции, перспективы: сб. науч. тр. – Волгоград, 2009. С. 68-77.

Кайда Л.Г. Композиционная поэтика публицистики: учеб. пособие. – М., 2006. 144 с.

Кара-Мурза Е.С. Лингвистическая экспертиза как процедура политической лингвистики // Политическая лингвистика / Гл. ред. А.П. Чудинов. – Екатеринбург, 2009. Вып. 1 (27). С. 47-72.

Карасик В.И. Абсурд в политической риторике // Современная политическая лингвистика: проблемы, концепции, перспективы: сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 2009. С. 22-35.

Кашкин В.Б., Шилихина К.М. Зима всегда приходит неожиданно (ирония в политической коммуникации) // Современная политическая лингвистика: проблемы, концепции, перспективы: сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 2009. С. 291-301.

Клименко Е.О. Лингво- и социокультурный концепт «management/менеджмент»: российско-американские параллели. – Волгоград, 2006. 216 с.

Кондрашова Д.С. Теория сегментной репрезентации дискурса как средство повышения объективности семантической экспертизы текстов массовой коммуникации. // Язык средств массовой информации как объект междисциплинарного исследования: материалы II Междун. науч. конф. – М., 2008. С.187-190.

Корнилов В. С кем воюет Украина? // «2000». 07.09.2007.

Кочубей Л. Виборчі технології: навч. посібник. – К.: Український центр політичного менеджменту, 2008. 332 с.

Кузьмина Н.А. ИмPLICITные смыслы медиатекста в аспекте судебных исков // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: межвуз. сб. науч. работ. – Орёл, 2008. Вып. 6. С. 244-252.

Леонова Г. Эволюция лжи // «Огонёк». – 1996. № 27.

Лассан Э.Р. О жизни метафор, которыми мы живём // Современная политическая лингвистика: проблемы, концепции, перспективы: сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 2009. С. 5-21.

Леонтович О. Ведение в межкультурную коммуникацию: учеб. пособие. – М., 2007. 368 с.

Макарова В.В. Тактики убеждения в российском политическом дискурсе // Текст – дискурс – картина мира: межвуз. сб. науч. тр. – Воронеж, 2007. Вып. 3. С. 165-174.

Мальковская И.А. Знак коммуникации. Дискурсивные матрицы. – М., 2004. 240 с.

Общественная повестка дня и коммуникативные практики СМИ: материалы науч.-практ. конф. – М.: МГУ, 2009. 500 с.

Олянич А.В. Презентационная теория дискурса. – Волгоград: Парадигма, 2004. 507 с.

Олянич А.В. Потребности – дискурс – коммуникация. – Волгоград: ИПК ФГОУ ВПО ВГСХА «Нива», 2006. 224 с.

Панарин И.Н. Информационная война, PR и мировая политика. Учеб. пособие для вузов. – М.: Горячая линия – Телеком, 2006. 352 с.

Політика в особах. Політичне лідерство на пост-соціалістичному просторі: національний і регіона-

льный контексти / За заг. Ред.. Ф.М. Рудича. – К.: Парламентське вид-во, 2008. 352 с.

Ребрик С. Презентация: 10 уроков. – М.: Изд-во Эксмо, 2004. 200 с.

Романов А.А., Ходырев А.А. Управленческая риторика: учебник для студентов экономических специальностей. – М.: Лилия, 2001. 216 с.

Романова (Лемайте) Кристина. Мужчина и женщина: психология служебных отношений. – М.: Рипол Классик, 2001. 383 с.

Самоцкина Н.В. Мужчина глазами женщины, или О мужской психологии. – М.: Изд-во Института Психотерапии, 2001. 192 с.

Синельникова Л.Н. Роль концепта *толерантность* в формировании демократического общества // Синельникова Л.Н. Жизнь текста, или Текст жизни: избранные работы в 3-х т. – Луганск, 2005. Т. 2. С. 182-193.

Синельникова Л.Н. Коммуникативное пространство адресант-адресатных отношений в современном публицистическом дискурсе // Вісник Луганського нац. ун-ту ім. Тараса Шевченка. 2008. № 17 (156). С.10-25.

Соболева И.А. Современные политические ономы и ценностные предпочтения социума // Наукові зап. Луганського нац. ун-ту: зб. наукових праць.

Пред'явлення світу в гуманітарних дискурсах ХХІ століття. – Луганськ, 2009. Вип. VIII. С. 227-236.

Стернин И.А. Толерантность и коммуникация // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. С. 331-345.

Трошева Т.Б. Рассуждение // Стилистический энциклопедический словарь русского языка [Под ред. М.Н. Кожинной]. – М.: Флинта: Наука, 2003. С. 321-328.

Филлипс Л., Йоргенсен М.В. Дискурс-анализ. Теория и метод [Пер. с английского]. – Харьков: Гуманитарный Центр, 2004. 336 с.

Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000): монография. 2-е изд. – Екатеринбург, 2003. 238 с.

Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. – М.: Гнозис, 2004. 326 с.

Шейгал Е. И. Политические фантомы: слова и реалии // Современная политическая лингвистика: проблемы, концепции, перспективы: сб. науч. тр. – Волгоград, 2009. С. 35-54.

Эйтвин Г., Бриза О. Имидж современной женщины. – М.: Рипол Классик, 2000. 608 с.

© Синельникова Л.Н., 2009

Червиньски П.
Катовице, Польша

**ЯЗЫК СОВЕТСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ:
СЕМАНТИКА ПОЗИТИВА
В ОБОЗНАЧЕНИИ ЛИЦ (3)**

УДК 81'27
ББК Ш 100.3

Аннотация. Статья содержит дальнейшую разработку фрагмента системной модели, лежащей в основе советского образа и представления действительности в отношении позитивных признаков человека. Основу модели составляют параметры, выводимые из значений слов и словоупотреблений, характерных для языка советского времени. Описываемая модель показана в действии и отражениях для семантики слов, называющих человека с точки зрения необходимых советской системе и в нем продуцируемых свойств. В своей семантике и отношении к месту в модели описываются номинативные единицы параметра, определенного как отмеченность (партиец, первогвардеец, сын страны Советов, блокадник, сталинградец, фронтовик, чернобылец и др.). Представленная как многоуровневая система может служить примером идеологических и политических (пропагандистских, манипулятивных) вербально-концептуальных и смысловых построений.

Ключевые слова: язык советской действительности, обозначения лиц, семантика позитива, советская языковая картина мира, язык и идеология, парадигматическая модель описания.

Сведения об авторе: Червиньски Петр, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка.

Место работы: Силезский университет.

Контактная информация: ul. Grota-Roweckiego, 5, 41-206, Sosnowiec, Poland.

E-mail: czerwinski.piotr@gmail.com.

Chervinsky P.
Katowice, Poland

**LANGUAGE OF THE SOVIET REALITY:
SEMANTICS OF POSITIVE
IN DESIGNATION OF PERSONS (3)**

ГЧТИИ 16.21.27
Код ВАК 10.02.01

Abstract. The article contains a subsequent development of a fragment of system model underlying the Soviet image and representation of reality concerning the positive attributes of man. The basis of model consists of parameters deduced from the meanings of words and word-usage, characteristic of language of the Soviet time. The described model is shown in operation and its reflections for semantics of words naming man from the point of view of necessary to the Soviet system and in him produced properties. In their semantics and position in the model there are units of parameter defined as marking (partieц, первогвардеец, сын страны Советов, блокадник, сталинградец, фронтовик, чернобылец and so on). The introduced multilevel system can serve an example of ideological and political (of propaganda, manipulation) verbal-conceptual and semantic constructions (paradigms).

Key words: language of the Soviet reality, designation of persons, semantics of a positive Soviet language world picture, language and ideology, paradigmatic model of description.

About the author: Chervinsky Petr, doctor of philology, professor, head of the chair of Russian language. Place of employment: Silesian University.

Рассмотренные в предыдущей статье [Червиньски 2009/2] на примере слов автозаводец, воин-малоземелец, молодогвардеец, корчагинцы, люди труда и т.п. значения признаков продолжают относимые к тому же основанию в описываемой системе номинативные единицы военмор (военный моряк), военлёт (военный летчик), красногалстучник, советские люди (советский человек), новый человек, партиец, первогвардеец (военнослужащий первой гвардейской стрелковой дивизии), сын страны Советов (рабочего класса). Особенность их значений определяется отношением к воздействующей, воспитывающей, формирующей называемого человека среде, которое (отношение) характеризуется в связи с этим как информатив (лат. *informo, informatum* 'формировать, создавать; образовывать'; 'обучать, воспитывать').

Дальнейшее внутреннее подразделение в ряду передаваемых указанными единицами значений можно было бы произвести на основании ряда характеристик, учитывающих их дифференцирующие соотношения. Основой такого деления должна послужить проявляющая себя каким-то определенным образом, на-

ходящим свое отражение в семантике интересующих нас различительных признаков, воспитывающая среда, вырабатывающая, предполагающая и требующая должное отношение к обществу и системе, советской действительности и делу социализма у называемого человека, которая (воспитывающая среда) была взята основанием для разбираемого информатива [Червиньски 2009/2: 62]. Необходимо напомнить, что речь в данном случае идет о подразделении 4-го уровня описываемой модели. Первым уровнем был признак отмеченности в ряду надделенности, при-надлежности, нужности и т.п. [Червиньски 2009/1: 135], вторым – отношение окружения и наведения (индуктива), третьим – рассматриваемая воспитывающая среда (отношение информатива), к семантике проявления-действия которой и были отнесены обозначенные слова (военмор, военлёт, красногалстучник, восемь общим числом), разделение которых с выведением семантических признаков, релевантных информативу, и будет предметом предлагаемого описания.

В целях более сжатого и не такого подробного, как это было ранее, определения семан-

тических признаков, поскольку принципы и характер лежащей в основе их обнаружения процедуры был уже ранее представлен, дальнейший анализ, предполагающий целостное описание парадигмосистемы, имело бы смысл производить с опорой на признаки, актуальные для выбираемого основания. Рассматриваемые в связи с этим советизированные лексемы предполагается характеризовать не как целостно действующие в своем семантическом проявлении единицы, а вершинно, в повороте, активизации их семантики к интересующему в тот или иной момент описания основанию. Оправдывается такой заинтересованно не объективный подход к семантике слова, как уже говорилось, выбранной для данного описания задачей, его специфичностью. Слова служили и будут служить материалом для целей наглядности представления, объектом и смыслом которого будет система, определяемая как модель, фрагмент модели семантического кода языка советской действительности. Предметом предполагаемого описания и будет этот семантический код, в вербальной семантике позитивного обозначения лиц себя проявляющий и обнаруживающий.

При определении интересующих нас подразделяющих признаков четвертого уровня можно и следовало бы идти с двух, друг к другу направленных и взаимосоотносимых, сторон – от актуальных и релевантных к данному основанию (информативу воспитывающей среды) вершинных сем разбираемых слов, с одной стороны, и от работающей в описываемой парадигмосистеме основы, сущности данного основания, с другой. Для наглядности, таким образом, нас интересует та воспитывающая среда (отраженной в советском языковом сознании советской, опять же, действительности), которая воспроизводит и создает тех и таких, точнее признаки, им приписываемые, кого называют словами военмор, военлёт, красногалстучник, советские люди (советский человек), новый человек, партиец, первогвардеец, сын страны Советов (рабочего класса). Конкретнее – те различия и проявления в ней, которые отображаются в актуализированных их вербальной семантикой признаках, удовлетворяющих требованиям предписываемой для среды парадигмосистемы.

Объединяющими признаками семантики обозначений разбираемой группы слов (параметр отмеченности (I) в отношении влияния окружения (II) как формирующей среды (III)) можно было бы считать идею вынесения, выставления – то, чем страна, люди, продуцируемая ими система могут и должны гордиться. Гордость эта проявляется в двух отношениях: человек как вбирающий в себя от среды, как показатель того, чем она, эта среда, для человека есть, и человек (вобравший от нее в себя, рожденный ею), в первую очередь и в основном

воспринимаемый и определяемый как ей от себя затем дающий. Противоположение это является ни чем иным, как воплощением в новом материале (на новой плоскости, экране) признаков исходности / направленности основания предыдущего, определенного как поощряемая деятельность (иммутатив) общего для них в параметре отмеченности показателя окружения-наведения (индуктива).

Проявление признака вбирания в себя можно наблюдать в словах, как номинативных единицах, военмор, военлёт, красногалстучник, первогвардеец. Проявление давания от себя – партиец, советский человек, новый человек, сын страны Советов. Проявление, хотелось бы еще раз подчеркнуть, оговорив, признака, воспринимаемого в качестве ведущего и предпочтительного, не единственного и не исключаящего чего-то другого (каких-то других), особенно в употреблении, но нас интересуют собственно признаки, а не семантика или употребление единиц. Рассматриваемая как основание в описываемой системе воспитывающая, формирующая, воздействующая и действующая среда существует, таким образом, как то, что пропитывает собой и порождает человека желаемых определенных свойств (его ментальный, условно мыслимый в языковом сознании, образ, продукт) и как то, что, породив, создав, воспроизведя такого человека, предполагает, допускает, индуцирует в нем способность желательного воздействия на других, на окружение, и от себя. В этом смысл указанного противоположения для IV уровня (см. схему ниже).

Не вдаваясь в подробности, дальнейшее подразделение признаков, отображаемых в рассматриваемых словах, можно было бы представить как значения позиции 1 с переходом в 2 в первогвардеец (1 → 2); 2 с переходом в 3 для красногалстучник (2 → 3); 3 с переходом в 4, но в обратном направлении вектора от себя во вне и на него извне для военлёт (4 ← 3) и в таком же обратном 4 с переходом в 5 для военмор (5 ← 4). И, соответственно, без незначимых для проекции значений второго ряда (давание): партиец (2), советский человек (3), сын страны Советов (4), новый человек (5).

I уровень: отмеченность

II уровень: окружение (индуктив)

III уровень: воспитывающая должное отношение среда (информатив)

IV уровень: вбирание / давание

V уровень: векторность от себя (носителя, признака) вовне / на него извне

VI уровень: позиционность 1, 2, 3, 4, 5 | 1, 2, 3, 4, 5

VII уровень: 1 → 2; 2 → 4; 4 → 5; 5 → 4 | 1 ← 3; 2 ← 4; 3 ← 4; 4 ← 5; 5 ← 4

VI и VII в возможных для них значениях как позиции активизации (1), готовности, (2), поддержки, ведения за собой, ударной силы (3), обеспечения силы выхода, ее сохранения, ук-

репления, (4), достижения в результате, действовании (5).

Поскольку этот фрагмент описываемой модели был уже ранее нами рассмотрен [Червиньски 2009/2], его объяснение и анализ применительно к выявляемым признакам в их отношении к словам опускаем, тем более что для понимания действия определяемого основания (воспитывающая должное отношение среда) в парадигмосистеме подобное процедурное объяснение немного дает.

Одна из задач затеянного исследования состояла в том, чтобы на основе семантики слов языка советской действительности в обозначении лиц выявить и описать парадигмосистему, организованный по типу грамматики семантический код, дающий возможность не только увидеть его процедурное действие с проявлением в семантике слова, механизмах вербального порождения и восприятия (генеративно-перцептивная база, фрагмент ее, советского языкового сознания), но и представить специфику фрагмента когнитивной модели языка советской действительности. Той модели, которая составляет основу указанных механизмов порождения и восприятия, но основу не процедурную, а мировоззренческую, в связи с чем оценочную, фильтрующую, включающе-выключающую объекты, позиции, отношения, в конечном итоге, системоценностную. Модели, наделенной способностью не столько давать представление об окружающем мире, сколько организовывать его для сознания по своему, необходимому для нее, усмотрению, выполняя функцию регуляции и продуцирования в отношении носителей как ее самоё, так и ее, как неизменное следствие и сопутствие, языка. Определение специфики советского отношения к миру, интересующего и проявляющегося для нас в советскости языкового сознания и языка, предполагает исследование не объявляемых или известных черт и сторон всего того или части того, что можно бы называть советским, а черт и сторон, нередко не осознаваемых либо до конца, действующих подспудно и мимо воли, не как наборы, скажем, каких-либо утверждений, оценок и установок, а как парадигматико-синтагматический механизм производства и восприятия речевых и ментальных фигур.

Изучаемый таким образом и описываемый предмет можно видеть и наблюдать в проявлении двух взаимосвязанных проективных расположений, имеющих отношение одно к языковой, плана своего содержания и выражения, кодовой парадигме, другое – к ментальной, мировоззренческой, аксиологической и также кодовой, собственных плана содержания и выражения, но не вербального, а внутреннего, даваемого скорее в ощущениях, сенситивного. Если специфика действия скрытого генеративно-перцептивного смыслового кода языка советской действительности дает представление о

речевых механизмах и речевом проявлении, о коммуникативных и реактивных особенностях носителя изучаемого языка (советской действительности), то специфичность того другого, ментально-аксиологической парадигмы носителя (носителей) советских значений и приоритетов, может явно или неявно представлять все то, что ближе к экзистенциально-оценочным, в том числе и моторным и поведенческим, проявлениям. Интерпретирующая и ориентирующая отмеченная (советски) способность субъекта как бы раскладывается и проявляет себя в двух взаимно соотносимых и дополняемых режимах – не осознаваемых либо не полностью осознаваемых механизмах речи и полуосознаваемых, не до конца либо неверно и искаженно осознаваемых механизмах существования, понимаемого в плоскости того, что и как должно быть и есть, и того, на что и какую возможно и допустимо либо желательно-предпочтительно давать от себя реакцию. В механизмах, иными словами, своего в ней, в действительной жизни советской действительности, участия, действия либо недействия в ней.

То первое, языкового кода, отчасти в смешении со вторым, кода экзистенциального, поскольку такого смешения было в определенном смысле не избежать, в последовательном разграничении двух взаимно накладывающихся в советском языковом и не только языковом сознании парадигм и не состояла задача, это первое для разбираемого основания третьего уровня (информатив – среда) отчасти было показано на примере рассмотренных восьми слов (первогвардеец, партиец, красногалстучник и т.п.). Доста-точное и понятное для представления языкового кода, оно в своих признаках (особенно после пятого уровня) выглядит невыразительно, мало информативно и механистично для представления идейно-мировоззренческого, а следовательно, экзистенциального, аксиологического, интерпретирующего действительность и предлагающего, задающего ориентацию в ней компонента. Мало понятными могут выдаться следствия из описанных признаков для представления советской специфики восприятия действительности и советского воображения о ней.

В связи с этим, поскольку подобное представление ее когнитивного образа, как парадигмы (условного) существования, входило в нашу задачу, хотя скорее пунктирное, по некоторым представимым верхам, ибо более или менее полное описание было бы предпочтением нереальным для осуществления в рамках задуманного, постольку попробуем, в рассуждениях и неизбежных следствиях к предполагаемой парадигме такого образа, на отобранных для представленного основания информатива-среды примерах показать особенности этой второй парадигмы.

В последовательности интересующего нас в данный момент представления речь пойдет о

лице, человеке, вписываемом языковым сознанием в круг значений советского – для действительности, оценок, системы ценностей, для него самого. Человеке, обозначаемом, называемом применительно, в плоскости к его отмеченной позитивно и поощрительно характерности в наличии признаков, обусловленных, задаваемых (заданных, отраженных) в нем под воздействием (также советского) широко понимаемого окружения (советского воздуха, атмосферы советского бытия), проявляемого в данном случае в плоскости, в отношении действующей на человека, воспитывающей, питающей, формирующей, обрабатывающей его в соответствующем направлении и виде среды. Вопрос может (и следует для каких-то других и более общих задач) быть поставлен в том отношении, что именно представляет собой в таком описательно-парадигматическом повороте эта самая, с признаками советскости, формирующая и воспитывающая человека среда. И вопрос такой, если для наших задач не прямо решать и ставить, то следует все же задумываться над ним и где-то внутренне, подразумевая, иметь в виду. Но вопрос, другой, приближенный к нашему материалу, соотносимый с поставленным, можно, однако, ставить и разрешать по-другому. Не чем является или что представляет собой искомая формирующая и специфическая в своей советскости окружающая человека среда, а какие признаки ее, как параметра, основания находят свое отражение и воплощение в семантике разбираемых слов, что, в свою очередь, воплощается и отражается в парадигме валентностно-позиционных соотношений описываемой модели когнитивного основания смыслового кода языка советской действительности.

Начнем свои рассуждения в этом заявленном нами ключе с двусторонне направленного представления от среды и от человека как данной среды производное. Кого создает среда, с одной стороны, и кто создается такой средой, в каком отношении его направленный и следующий из среды семантический признак проявляется в нем его отмеченное, позитивно желательное и поощряемо одобряемое в ее, среды, восприятии и оценке. Если слово партиец, к примеру, интерпретировать как обозначение того, кто воспринимается как воспитанный, выращенный советской действительностью, советской средой, под ее воздействием и влиянием, проявляющий себя в ней, отмеченный в том отношении, что он, обладая определенными свойствами, выделяется ими подчеркнуто положительно на фоне других, то набор этих свойств способен дать представление об искомом как требуемом для среды. Набор этих признаков можно было бы определить как наличие (приписываемое со стороны окружения) вследствие принадлежности, отнесенности к выделяемо отмеченной общественной группе (коммунистической большевистской партии), особо-

го отношения к социальной среде, которое регулируется, предопределяется, мотивируется задачами, целями, ролью и взятым на себя обязательством, проявлением, миссией в обществе и социальной среде данной группы. Определяется данное отношение устойчиво формирующимся представлением о том, что партиец, партийный – это тот, кто должен быть (беззаветно) преданным делу партии, показывать пример для всех остальных, проводить в сознание масс, направлять их на выполнение тех задач и целей, которые партия ставит перед советским обществом на пути задуманного все той же партией строительства коммунизма как окончательной цели и фазы общественного развития (*opus finitum*). Все это вместе взятое вписывает определяемое значение в семантику разбираемой парадигмо-системы в целом. В отношении рассматриваемого ее фрагмента, привязывающего значение к отмеченности как параметру первого уровня через окружение второго и воспитывающую среду для третьего, интерес представляет вершинное сочетание (беззаветной) преданности делу партии, все остальное, оставляя за скобками и переводя в более общий и крупный план.

Тем самым, рассматриваемая и определяемая воспитывающая среда предстает как то, чему придается, предписывается нечто, обозначаемое как дело коммунистической большевистской партии, без которого данная среда не была бы данной средой. Отсюда вопрос: каким образом, как и в каком отношении можно было бы описать это самое дело и что понимать под (беззаветной) преданностью этому делу применительно к человеку? Среда, не случайно поэтому названная воспитывающей и формирующей, для того чтобы удовлетворять задаваемым условиям, отвечая требованиям возможности включения в себя, вбирания и обеспечения в каком-либо результате реализации этого дела, должна быть активизированной, заряженной, организованной, направляемой. Иными словами, должна быть динамизированно целеустремленной средой. Дело партии, следовательно, можно воспринимать как целеустремление, направляемое ею, т.е. партией, к среде. Преданность – как включение себя, своей активности, растворение в общем и большем, охватывающем, также активно и целеустремленно заряженном и потому заряжающем в своем направлении к среде. Этим большим и заряжающим является партия, выступающая, проявляющая себя в данном случае как целеполагающая, энергетизирующая соответствующим напряжением сила по отношению к воспитывающей среде, действующей по этой причине на человека необходимым и должным, целенаправленным в перспективную точку, образом.

В связи со сказанным, партиец может быть определен как отмеченный, выделяющийся в

данной среде отношением к группе, причастной к знанию и осуществлению общего и единого для среды, предписываемого ею целеустремления, задаваемой, сообщаемой цели самой среды. Среда советской действительности, имея цель и направленность, проявляемую и обнаруживаемую в ней через значение партийца, предполагает, тем самым, отнесение данного признака в условиях разбираемого второго, когнитивно-экзистенциального, кода к параметру, приближающемуся по своему значению и характеру к валентности, которая была нами определена в предыдущих статьях как позиция 2 (готовность, заряджение, направленность, аккумуляция собираемой к выходу из состояния покоя в точке исхода (1) силы).

Среда советской действительности в отношении трех других того же ряда номинативов (советский человек, сын страны Советов, новый человек), отмечаемых идеей распространения внутреннего заряда в среде в противоположность абсорбции, характерной для первоохранителя, красногалстучника, военлёта и военмора того же параметра (I) и оснований (II и III уровней), может быть охарактеризована для большей наглядности в сопоставлении. Советский человек определяется и воспринимается в отношении данной среды как такой, который отмечен особой моралью служения обществу, людям, идеям, предполагающим то, о чем говорилось в связи с партийцем по поводу динамизированного устремления среды к поставленным партией целям. Соотношение между партийцем и советским человеком, тем самым, можно по этому основанию воспринимать как соотношение направляющего и направленного, вобравшего, принявшего, воспитанного и потом и затем отдающего, распространяющего от себя, включенного в общее продвижение массы задействованной и задействуемой среды. Активным, вершинным признаком данной номинативной единицы в ее обозначаемом будет особым образом организованная, устроенная мораль, предполагающая согласие и отдавание, предание себя сообщаемому в своем поступлении делу как *opus finitum* в своем перспективном конце. Мораль, определяемая обычно как совокупность норм и принципов поведения, приближает нас к идее поддержки возможности осуществления того, что задумано (точка исхода 1), поддержки выхода направляемой аккумулятивной силы (точка готовности 2). То есть к позиции 3 в валентностном устройстве рассматриваемой парадигмосистемы. Характеризуемой советской среде приписывается такая мораль, которая должна быть общей, единой и предполагать возможность развития, продолжение в виде поддержки того, что в качестве цели направленности было определено у партийца.

Сына страны Советов можно воспринимать и определять в интересующем нас отношении как человека особого склада, полученного в

результате начавшегося движения к цели в среде. Среда его создает и воссоздает, производит, но смысл его присутствия и существования в ней можно интерпретировать как ее, среды, обеспеченность и гарантия продолжения, возможность развития того, той валентностно-позиционной и системно-ролевой идеи, которая была нами определена как свойственная советскому человеку. Сын страны Советов – порождение среды окружения советской действительности в том отношении, что является, выступает обеспечением, защитой, предохранительной, во времени, оболочкой, гарантией экзистенциальной неотвратимости создаваемой среды. Данные признаки относят его к позиции 4 определяемого основания в системе.

Нового человека как представление в применении к все той же советской среде можно было бы определить как ее достижение, ее заявляемый и достигаемый в своей отмеченной исключительности результат. Речь, таким образом, можно вести о позиции результата (5). Новый человек, воспринимаемый как человек нового типа, нового, по сравнению с прежним, досоветским, и внесоветским, отношением к жизни, это человек достижения, человек коммунистического будущего, ростки и проявления которого можно сейчас уже наблюдать в советских людях, воспитываемых в духе товарищества, коллективизма, отсутствия эксплуатации и эгоистического паразитизма. Вершину подобно к воспитывающей в человеке подобные качества советской среде, можно увидеть как продолжение в позиции результата (5) признаков сына страны Советов (4) с валентностным продвижением от партийца (2) через советского человека (3).

Номинативные единицы другого ряда, объединенные общей идеей абсорбции в себе свойств советской среды (в чем и состоит их отмеченность), а не эманации, распространения от себя, как в четырех предыдущих, могут быть расположены в последовательности, предполагающей статичность точек исхода (1), готовности (2), поддержки выхода (3) и обеспечения надежности (4) проявления абсорбируемых свойств.

Точку исхода отображает первоохранитель как тот, кто, будучи 'военнослужащим первой гвардейской стрелковой дивизии' [Мокиенко, Никитина 1998], воплощает в себе идею овеянности ее доблестью и славой. Первоохранитель для языкового сознания – это прежде всего вынесение, отделение от общего, то, на что надо равняться, но что, как вынесенное и выдвинутое, недостижимо и идеально, как отвлеченный, абстрактный верх, вершина и идеал. Во внутреннем, ощущаемом, чувствительном отображении способное быть представленным устремленностью по вертикали недостижимого, предполагаемо предписываемого желания быть та-

ким же, похожим, в каких-то чертах походить, с возвращением от него, от этого верха, в идее обогащающего, облагораживающего, очищающего, придающего смысл начала-исхода-цели (↓).

Красногалстучник, в своей отмеченности в среде, может быть определен в отношении особого поведения, проявления в действии, отличающего его на фоне других. Красногалстучником делает пионера его отнесенность к так называемой красногалстучной команде, к тем, кто своим внешним видом, распознаваемостью, ношением красного галстука заявляет о своей заряженной советской идеей готовности быть, не щадя своих сил, служить, отдавать себя делу строительства будущего. Если в первом случае, с первогвардейцем, себя проявляла идея вынесенности, отделения от остальных, недостижимости для каждого, кто таковым не является, в языковом ощущении – вертикали, то в этом втором, с красногалстучником, можно было бы говорить о горизонтали, проявляющей себя в приобщенности, отнесении к таким же, как он, и подобным себе (красногалстучная команда), к которым каждый, при соответствующем желании и подготовке, настроенности (признаки позиции 2), мог бы себя отнести. Эта внутренняя, заложенная идея своей приобщенности целому, беспокойной команде, с проявлением, отражением выхода из себя на других вовне, полагающая стремление центробежно-центростремительное, для заявленной горизонтали могла бы себя отразить в направленности в одну и в другую стороны – своей приобщенности группе и выхода с ней из нее вовне (↔). Идея, поддерживаемая смыслом известного лозунга Пионеры – беспокойные сердца!, имеющим отношение к рассматриваемому значению.

И, наконец, военлёта и военмора можно интерпретировать, в определяемом ключе, как отмеченных в советской среде и советской средой в отношении выполнения долга по защите ее воздушных границ и морских рубежей. Военлёт при этом предполагает направленность вертикали – вверх и вперед [Червиньски 2008: 125], с обращением к защищаемому, а также поддерживаемому и поддерживающему подобную устремленность низу (↓) – советская территория, пространство внутреннего, земля, в валентностом проявлении поддержки выхода направляющей и направленной силы, т.е. позиция 3. Военмор, соответственно, направленность горизонтали от себя, от своей территории вовне, в пространстве обтекаемых сушу морских границ, с подкрепляющим, обеспечивающим безопасностью, защитностью, надежностью, возвращением в обратном своем движении (↔), с соответствующим валентностным проявлением значения позиции 4.

Семантические проявления-признаки характеризуемого основания воспитывающей долж-

ное отношение среды на примере рассмотренных обозначений можно представить в виде таблицы, начинающей себя проявлять с IV уровня:

I уровень: отмеченность

II уровень: окружение (индуктив)

III уровень: воспитывающая должное отношение среда (информатив)

IV уровень: распространение (эманация) / абсорбция (порядок разделяющих признаков обусловлен семантическими особенностями основания воспитывающей, советской среды, их значимостью и актуальностью в ней)

<i>эманация</i>	<i>абсорбция</i>
1.	1. отделенное (слава, доблесть), на что надо равняться, начало: первогвардеец (↓)
2. целеустремление: партиец	2. решительность приобщения-выбора: красногалстучник (↔)
3. согласующаяся (поддерживающая идею) мораль: советский человек	3. поддержка выхода (воздушных границ) в выполнении защитного долга: военлёт (↓)
4. гарантия ее неотвратимости: сын страны Советов	4. обеспечение безопасной надежности: военмор (↔)
5. ее воплощенный типаж: новый человек	
в проекции к своей перспективе – opus finitum достижаемого завтра	

Обобщая выведенное, развитие семантических признаков позитива советской действительности применительно к обозначению лиц можно было бы на основании всего описанного в данной и двух предыдущих статьях представить в виде последовательности, отображающей некоторую валентностную цепочку, смысл звеньев которой, в зависимости от проекции к новым параметрам, может приобретать обращенный к данному основанию вид. Каждый из этих признаков представляет идею заложенной в языке советской действительности необходимости (категории оптатива) для человека, составляющих в своей совокупности внутренний категориальный смысл, развиваемый и отображаемый в статике и динамике – парадигматике и синтагматике определяемой парадигматической системы. Уточнение признаков имеет условный и приблизительный вид, требующий и предполагающий в дальнейшем выведение кода, также в определенном смысле условного, способного внутренне непротиворечивым и достаточным образом представить и показать характер позитивно заряженных советизированных, применяемых к человеку и не случайных в своей повторяемости и отраженности соотношений. В разбираемых значениях отмеченности повторяют себя расположения признаков, выведен-

ные для параметра наделенности [Червиньски 2009/2], приобретая при этом несколько иной, обращенный к отмеченности и ее составляющим вид (отличительность, окружение в проекциях инкорпоратива, иммутатива и информатива, т.е. два из пяти возможных в проекции к трем экранам). Тем самым, выведенные в параметре наделенности 1) самоотверженность, отказ от себя во имя идеи и общего дела; 2) заряженная силой и волей готовность к действию ради этого; 3) мобилизация и вовлечение себя и других в необходимое проявление-действие; 4) надежность преданной, верной силы, опора действия, то, на что можно и нужно рассчитывать для достижения результата; 5) обеспечиваемая необходимыми качествами обладателя результативность проявления-действия, направленного на достижение поставленной цели (революционное преобразование общества, социалистическое строительство, формирование нового человека и т.п.) – способны в группе отмеченности приобретать приблизительно следующий вероятный и допустимый вид применительно к перспективному общему в *opus finitum*:

1) исключительность основания-истока – свет человечеству – человечность высших идей – зарождения новой эры – гордое имя и слава начала – вынесение;

2) индукция знаний верного действия – величие – образец подражания – горение – особая атмосфера причастности – целеустремленность;

3) неотклонение от избранного пути – непомерная сила – ориентированность – напряжение – постоянство преемственности – мораль и идейность высокого долга;

4) забота и попечение о людях, народах – прокладывание пути – светлый образ самого высшего – страстность действия – неопровержимое доказательство верности – неотвратимость;

5) верховность – высшая форма итога – умение побеждать – воплощенное достижение.

Матричное представление рассматриваемых признаков в их соотношениях, предполагая последовательно уровневый и углубляемый характер, имеет в своей основе различия двух-, трех-, четырех-, пяти- и семивалентного устройства, каждое место, позицию, валентность которого можно рассматривать и определять в отношении реального (реализованного в вербальной семантике) и потенциального (возможного и/или предполагаемого к реализации, допускаемого, подразумеваемого, обусловливаемого семантикой контекстов и словоупотреблений). С этим связывается подвижность, неполная определенность, интерпретируемость и субъективность перцепции исследуемой семантики языка советской действительности, как, впрочем, всякого языка, но в данном случае обуславливаемые валентной и уровневой сдвигаемостью, перемещаемостью, обращаемостью

смыслов позиций рассматриваемой парадигмосистемы. С одной стороны, релевантные ей, проявляющиеся на вербально-семантическом уровне смыслы (определяемые в ходе исследования семантические признаки) имеют свойственный ей, типизированный, характер, т.е. специфично отмечены, с другой, они, как валентностные и соотносимые, не специфичны, концептуально неточны, а потому для сознания недостаточно ясны и определены. Будучи скорее сенсорно-моторными проявлениями, действуя нередко как вербально оформляемые побуждения, а не обозначения объяснимых и ясных признаков, они потому и закрыты, невосприимчивы для когнитивного представления. Свойственная им неявная сопровождаемость, своего рода аккордность, аккомпанированность, когда звучащее, вербализуемое, хотя и не всегда до конца выражаемое, предполагает знание-ощущение связанного, совместного с ним чего-то другого и не одного, также является следствием их воздействующей чувствительности, составляет особенность, нередко усиленную, предполагает необходимость определения серий, валентных последовательностей с необязательным достоверным отображением чего-то ясного для семантики слов. Все это необходимо учитывать при описании, тем более что излишне дробящая смыслы подробность, не до конца к тому же определяемые, в разных проекциях и комбинациях соотносимые, в какой-то момент становится неизбежным препятствием пониманию. Выходом может быть описание системы как действующей в своих значениях и подзначениях парадигмы в условном и приблизительном соотношении с семантикой слов и лишь затем, на ее основе, возможное, соотносимое с ней, ее особенностями и значениями, описание системного и узואльно-го в семантике советского слова.

Отдавая, тем самым, вследствие сказанного, себе отчет в неизбежной подвижности и приблизительности описываемой сенсорной семантики, обратимся к значениям следующего, третьего, основания отмеченности – опыта-приобщения (обдуктива). К этому основанию были отнесены слова блокадник, сталинградец, фронтовик, чернобылец, афганец, льготник, заслуженный (как почетное звание, присваиваемое за заслуги в какой-либо области – агроном, артист, врач, мастер спорта, учитель и пр.), дояр-пятитысячник, доярка-миллионерша, доярка-трехтысячница, мать-героиня, отличник, панфиловцы. Характеризация советского приобщения-опыта, находящего свое отражение на примере отобранных слов, сводится в исследуемой парадигмосистеме к внутреннему коррелятивному противоположению для обозначаемого человека того, что является следствием пережитого, через что он прошел, чего был участником, тому, что составляет его заслугу, чего он добился своим непосредственным проявлением-действием. Соотношение исходности

и направленности иммутатива, вбирания и давания (абсорбции / эманации) информатива предыдущего основания в опыте-приобщении приобретает характер соотношения вмещающей втянутости (блокадник, сталинградец, фронтовик, чернобылец, афганец, льготник, панфиловцы) и обретенного достижения (заслуженный, дояр-пятитысячник, доярка-миллионерша, доярка-трехтысячница, мать-героиня, отличник).

На основе вмещающей втянутости можно было бы, выделив, установить, что опыт советского приобщения, приобщения к тому, что советское, а потому и накладывающее на человека советской историей и действительностью отпечаток особой, советской, отмеченности (ибо об этом по данному основанию в данном параметре речь) состоит в различии того, что в подобном совместном объединяющем опыте отличается блокадника от сталинградца, того и другого от фронтовика, первых трех от чернобыльца, афганца, панфиловца или льготника. Установление этих отличий имеет, с одной стороны, условный и неочевидный характер, с другой, регулируется валентным движением выводимой системы и потому может быть воспринято как отображение, реализация для вербальной семантики потенциально возможного в ней, не специального и не специфичного для самих этих слов, своими востребуемыми системой вершинными сторонами лишь обращенными к ней. И, наконец, есть еще одно обстоятельство, влияющее на характер того или иного дифференцируемо соотносимого в какой-то подгруппе значения – место в концепции представления советской действительности для языкового сознания его (представления) носителей в отношении человека. Кем и чем является называемый человек для носителя данного представления, каково его место в том, что воспринимается, определяется как позитив отраженного в людях образа, впечатления, ощущения советской действительности, ее сенситива.

Попробуем на примере указанных в предыдущем абзаце лексических единиц выбрать, с учетом сказанного, те признаки, которые будут определять характер вмещающей втянутости опыта-приобщения. Оттолкнемся для большей наглядности от семантики самих этих слов. Блокадник – человек, переживший блокаду Ленинграда в 1941-1943 годах, тот, кто жил в осажденном городе, ощутивший на себе весь ужас войны, изоляции, голода, надеявшийся в полном отчаянии и безнадежности, оторванности от всех остальных, от (советской) страны, не сражавшийся, но остававшийся вместе со всеми советским, своим (в представлении позитивно заряженного, а потому идеологически аранжированного, образа советской действительности для сознания носителей). Остававшийся несмотря ни на что, вопреки всему – горький опыт пережитой невозможности для

себя ничего и никакого иного (опыта кроме советского), отпечаток в душе проживания жизни в смерти и отсюда возврат в начало, обращение, своего рода вспять, как проверка на прочность, к исходу, истоку того, что советское как свое человеческое, единственное возможное, для себя и в нем, как то, что держит и оставляет и остается в прожитом опыте и, в конечном счете, в душе. Жизнь – как витальное проявление, устремление, начало и одновременный конец земного существования, в стечении, совмещении начала-конца – приравняется упрямой ангажирующей прерогативой в блокаднике к тому, что советское, советское = жизнь в ее точке конца и начала, конца как начала, но не развернутого далее, а свернутого, как сгусток, аккумуляция, застывший в душе отпечаток-ком. Свернутое в ком и единственное, единственно возможное, хотя бы и тлеющее, для жизни, поскольку то, что вне, за границей охватывающего блокадой кольца, есть не советское, противоположное, альтернативное и враждебное, вражеское, несущее смерть и сама воплощенная смерть. Вмещающая втянутость опыта-приобщения в показанном проявлении места блокадника в восприятии образа советской действительности для советского языкового сознания связывается, таким образом, с представлением обращения к единственному возможному как началу-истоку (позиция 1 пятивалентного соотношения), а советский опыт и приобщение к нему в человеке может быть интерпретирован в отношении витального проявления-ощущения советской действительности как человеческой жизни (человеческих жизней).

Сталинградец, в условиях сказанного, как тот, кто участвовал в обороне города, воин и житель, сражавшиеся в нем до конца, своей непреклонной волей, готовностью отстоять и отстаивать каждый дом, каждую пядь советской земли до конца, в едва ли не самой кровавой и страшной по силе уничтожения битве второй мировой войны, решающей для судеб страны и мира, сумели показать, проявить несгибаемую силу воли и непоколебимость советского человека, свойственные ему и в нем проявляющиеся в моменты особой опасности, связываемой с угрозой существования советской действительности, советской жизни и советской страны. Все это позволяет предположить позицию 2 в отношении разбираемого основания витального приобщения-опыта.

Фронтовик как тот, кто во время войны оказался на фронте, был под обстрелом, на передовой, воевал, отличился и вышел, пройдя все возможное и невозможное, близкий от смерти, благодаря которому удалось победить, удержаться и выжить, в контексте языкового сознания советской действительности воспринимался и определялся тем, кто, вынеся фронт и войну на своих плечах, обеспечил свободу и

жизнь всем советским людям. Значения, связываемые с понятиями о передовой, о фронте, о ведении военных действий в непосредственной близости от врага и, наконец, о победе, полученной в результате приложенных неимоверных усилий с риском для жизни, дают возможность, в качестве профилирующих и ведущих, предполагать активизацию признаков позиции 3 (поддержка осуществляемого выхода ударной силы, приложение сил). Значения признаков позиций 4 и 5 (обеспечения и достижения, в связи с семантикой сохранения жизни и победы) можно рассматривать как последующие и проективные. Последовательность проекций фронт – защита отечества – победа, релевантных для фронтовика, со всеми следующими из них подзначениями (наступательность, выход вперед, на рубеж, позиция рубежа, близость носителя жизни к смерти, советского человека к врагу, ударная сила такого выхода – в отношении фронта; обеспечение и сохранение, предохранение от уничтожения существующего, имеющегося, того, что составляет витальный смысл советского бытия – в отношении защиты отечества и достижение, обретение необходимого результата – в победе), обращаясь вокруг позиций 3, 4 и 5, предполагает в качестве главной для данного слова ту, которая апеллирует к фронту. Будучи определяющей, в комбинаторном своем отношении позиция 3 выступает как мотивация и как средство по отношению к 4 и 5, позициям, важным для реализации окончательной и объемлющей цели (*opus finitum*) советского существования, т.е. как обеспечение того, что служит возможности достижения, не являясь сама таковым.

Из приведенного рассуждения относительно отражения позиций в общей семантике советизированно ориентированного слова можно сделать вывод о роли значений и под-значений позиций в их сочетаниях применительно к референтному и(ли) сигнификативному, а с этим политизированного, идеологизированного, воспитывающего, пропагандистского и др. компонентов вербальной семантики для языкового сознания. Позиция 3 для фронтовика может быть охарактеризована как позиция релевантная прежде всего в отношении референта. В то время как 4 и 5, имея в большей степени ассоциативно-коннотативный и сигнификативный характер, дают возможность для реализации ангажируемых апеллятивных и дидактических, воспитательных, смыслов. Вписываемость семантики слова советизированного языка в воспитательную сверхзадачу, использование языка и слов языка в их расширенно-уточненных сопровождениями значениях, имеющих не контекстный, а закрепленный характер, в подобно-го рода, к тому же еще отличающихся своим постоянством, целях, – делают этот язык не просто идеологизированным, каким его принято определять, не только языком идеологии и ритуала, но и культура. Свойство, дающее возмож-

ность предполагать, без углубления в тему, закрытость семантики для непосвященных и не своих, что отнюдь не одно и то же и означает, помимо наличия не объявляемого многослойного *sacrum*, необходимость знания и проживания-опыта для верного понимания и ориентации в вербальной, со свойствами невербальной, семантике. Со свойствами невербальной, поскольку, не скажем, что наделенной магической, как в собственно ритуалах и культах, но намагниченной функцией, с последствиями нередко экзистенционального ряда и вида. Эти знание и проживание-опыт, дифференцированные по уровню и отношению к *sacrum*, дают возможность по-разному и вместе с тем с различным характером уточнения и достоверности понимать, точнее было бы говорить, ощущать, но это не в каждом случае, семантику слов и отдельного слова. Различные и в чем-то существенном общие знание и переживание-опыт, накладываясь на язык, сочетаясь и согласуясь с ним, способны давать различные при своем взаимодействии с ним, т.е. с языком, результаты. Попробуем показать это на следующем примере.

Так же как определение предыдущего слова, предполагало, как неизбежное, понимание, чем был фронт во время войны 1941-1945 гг. и, соответственно, фронтовики, фронтовик, как ее участники, для советских людей в их, представляемом для них как общие, знания и переживания черныбыльца, необходимо предстать, чем должны были быть (не обязательно были, поскольку важна в данном случае категория опатива, а не индикатива) для советских людей черныбыльца и Чернобыль. Как факт катастрофы, которой не удалось ни предвидеть, ни избежать, ни, в конечном итоге, в ее последствиях устранить, Чернобыль обнаружил в своем воздействии на сознание, в том числе и языковое, советского человека значение в известном смысле переворотное, став, подкрепленный апокалиптическими аллюзиями (звезда Польша) и перестроечными сопровождениями, свидетельством, видимым знаком конца. Среда, экология, окружение, подвергшись неотвратимому действию сил, вызванных к жизни советским строем, его людьми, их достижениями и трудом, и вырвавшихся из-под контроля, высвободившихся в своем стихийном и разрушительном, неуправляемом, как оказалось, и уничтожающем тех, кто их создал, начале и действии, эти советские, по своему существу, экология и среда стали внутренним выражением идеи пассивной жертвы, посвящаемой и приносимой во имя каких-то, кому-то нужных и проповедуемых идей. Не столько, если быть точным, сознательно и намеренно приносимой и посвящаемой жертвы, сколько жертвы в силу неотвратимых последствий и обстоятельств, неконтролируемой неизбежности, головоутиательства, бездарности, неспособности и т.д. и т.п.

всех тех, кто решает, стоит у руля и руководит, кто направляет и от кого зависит. То есть, как неизбежное следствие, самой, таким образом организованной и работающей, так вот устроенной советской системы. Ощущение в этом опыте-переживании, а затем и осознаваемое, формулируемое средствами массовой информации, положение жертвы и жертвенности, распространившись на всех, почувствовавших себя, как тогда об этом писалось и говорилось, заложниками системы, наиболее полное свое воплощение получило в представлении о чернобыльцах – равно как тех, кто более других и в первую очередь пострадал, так и тех, кого на подобную пробу выставили, т.е. участников ликвидации последствий чернобыльской катастрофы (оба значения см. [Толковый словарь русского языка конца XX в.]).

Функция позиции 4 – обеспечение безопасности проявившейся силы выхода (созданием АЭС в данном случае), ее поддержка, предохранение, сохранение, гарантия безопасности и надежности, – рассчитываемая на своих героев, чернобыльцев-ликвидаторов, и тех, кто защита, охрана, ограда по месту, оберегающая капсула направляемой силы и общего организма, кто поставлен на этом посту, чернобыльцев – жителей города и работников электростанции, эта функция обнаружила сбой, показала свою неспособность. Те, кто защитники и с этим герои, кого привычно было видеть и чувствовать как надежные руки и верные сердца, кто не подведет, защитит, отведет и предотвратит, обеспечив победу и достижение, даже в самых трудных и невозможных, превышающих человеческие возможности (но не для большевиков и не для советских людей!) обстоятельствах, эти защитники и герои, оставшись и будучи ими, не предотвратили и не смогли, в силу своей человеческой ограниченности, предотвратить катастрофы, поставившей под вопрос само человеческое, а с этим и неизменно советское, существование. Триумфального шествия не получилось, вынеся из всего этого социального опыта ставшую вдруг очевидной публичную мысль о заложничестве, невозможности выбора и обреченности человека в системе, подчиняющей его себе и его перемалывающей, приносящей в жертву своим желаниям и амбициям, своему оптимизму, заставляющей о себе к тому же еще говорить и думать в желательном для себя ключе, далеком, если не прямо противоположным тому, чем она в действительности, индикативе, по-настоящему есть.

Вторую группу слов разбираемого основания обдуктива (советского опыта-приобщения), третьего для отмеченности как параметра в описываемой парадигмосистеме, составляют афганец, льготник, панфиловец. Слова эти в их интересующем нас отношении, прежде чем сопоставить между собой, с тем чтобы выявить

вершинные притяжения к исследуемой системе, имеет смысл определить в каком-то объединяющем их отличии от рассмотренных перед этим блокадника, сталинградца, фронтовика, чернобыльца. Семь уровней описания [Червиньски 2009/2], позволяющих довольно подробно определить дифференцирующие семантические признаки сопоставляемых семем, могут по-разному и не всегда непременно учитываемым образом находить свое отражение в раскрываемой системе. Преследуя цель описать либо, по крайней мере, выйти на описание ментальной и сенситивной, даваемой в ощущениях, парадигмы советского языкового сознания, отталкиваясь от средств советской вербальной семантики, интерпретируемой в понятиях смыслового кода, – преследуя подобную цель как желательную, необходимым виделось бы не столько последовательное обнаружение признаков каждого уровня из семи предложенных, сколько определение того, чем является в парадигме советского представления тот или иной разбираемый параметр и основание. С тем чтобы далее, на этой основе стараться увидеть специфику воплощаемых в вербальной семантике признаков разбираемой парадигмосистемы. Применительно к определяемому ее фрагменту вопрос надлежало бы ставить в том отношении, в каком советские приобщение и опыт способны себя различать таким образом, каким один ряд слов может выразить для себя в каком-то отличии от другого такого же ряда. Что составляет семантику специфичности этого опыта в некотором отличии, себя обнаруживающем в одной и в другой группе слов. Вопрос можно и, видимо, следует также поставить еще в одном отношении, способном предложить интересующий ключ – приобщение к чему в переживании советской витальной действительности объявляют себя, с одной стороны, те признаки, которые были замечены в четырех рассмотренных блокаднике, сталинградце, фронтовике, чернобыльце по сравнению и в отличие от трех других (афганце, льготнике и панфиловце).

Искомое противоположение можно было бы определить как такое, которое, с одной стороны, предполагает внесение, внедрение, включение в переживание, вчувствование и сочувствование, своего рода эмпатию и симпатию, адаптацию, аккомодацию советского приобщения-опыта для первых четырех слов и выдвижение, вынесение, отделение от себя, дистинкцию, дизъюнкцию и сецессию для трех вторых.

Попробуем теперь уточнить и несколько объяснить семантику сказанного. Опыт советского приобщения к носителям определенного, в данном случае идеей отмеченности, позитива предполагает (для большей точности – предполагал) их восприятие для себя и социальной советской среды, не входящей в сферу очерчиваемой отмеченности, по крайней мере в двух

отношениях. Либо как к тем, в ком видят как бы других себя, к кому ощущается адаптивное и присваивающее, сочувственное (эмпатическое) и уподобляющее, служащее примером и образцом (симпатическое), притягивающее и воздействующее, настраивающее, в том числе и пропагандистской системой, отношение. Отсюда возможны и правомерны такие определения, как адаптация, от лат. *adapto, atum* 'приспособлять, прилаживать', *apiscor, aptus sum* 'достигать, доходить'; 'постигать, усваивать', и аккомодация, от лат. *accommodo* 'прилаживать, привешивать'; 'приноравливать, сообразовывать, приспособлять, согласовывать'. Либо, с другой стороны, отношение вынесения, как к тем, кто отделен, ни в чем не похож и не может никак быть похож на других, существующий по этой причине в себе для себя, в силу невозможности, неприменимости, неприложимости – дистинктивности его такого особого, а потому и не уподобляющего и не адаптируемого, не симпатического, переживания-опыта. Так он воспринимается, этого вида опыт, и так же передается, в таком оформлении и внутреннем, заряженном, сопровождении средствами пропаганды. Отсюда уместными были бы такие определения для него, как дистинкция, от лат. *distinctio* 'разделение'; 'различение, распознавание'; 'специфичность, отличительный признак, отличие'; *di-stinguo, stinctum* 'размечать, отделять, разделять'; **stinguo* 'колоть'; дизъюнкция, от лат. *disjunctio* 'разобщение, обособление'; 'различие, несходство, расхождение'; *disjunctus* 'отдаленный'; 'не находящийся в связи, отличный, противоположный'; *disjuncto, junctum* 'разобщать, отделять'; 'удалять, отклонять'; 'проводить отличие, не смешивать'; или сецессия, от лат. *secessio* 'отход в сторону'; 'отделение, уход'; *secessus* 'удаление, уединение'; *se-cedo, cessum* 'уходить, удаляться'; 'отделяться, отходить, откалываться'.

Афганец 1 (Разг. Участник войны в Афганистане 1979-1989 гг. [Толковый словарь русского языка конца XX в.] и ср.: афганцы 2. Разг. О советских воинах, принимавших участие в военных действиях на территории Афганистана (1980-1989) [БТС]), в рассматриваемом ключе, мог бы определяться как тот, кто, воспринимаемый в его дистинктивности в отношении пережитого опыта, в советском своем приобщении тяготеет к позиции 3 – ударной, вынесенной вперед, за рубеж, из себя, поддержки осуществляемого выхода прилагаемой силы, а также и, как обратное, воспринявший, испытавший, переживший на себе такой же ответный удар (невольная жертва выносимых вперед, за пределы необходимого и достаточного, т.е. защитного, силовых и ударных амбиций советской системы). Панфиловец (ПАНФИЛОВЦЫ, вцев, мн. (ед. панфиловец). Воин 316-й стрелковой дивизии, героически сражавшийся под командованием генерал-майора И.В. Панфилова в Московской битве. БЭС, 967 [Мокиенко, Никитина

1998]), также отдельный и дистинктивный в своем пережитом опыте, воплощает собой идею необходимого обеспечения проявившейся силы защитного выхода, предохранения, сохранения, оправдания, укрепления (позиция 4 в описываемой парадигмосистеме). И, соответственно, льготник, как имеющий льготы, делающие его непохожим, отделяющие его от других, воплощает собой в определенном смысле опытно переживаемую идею советского достижения, результата (5).

Рассмотренные значения приобщения-опыта (обдуктива), как третьего основания отмеченности, можно представить в следующей схеме:

I уровень: отмеченность

II уровень: приобщение-опыт (обдуктив)

III уровень: вмещающей втянутости

IV уровень: адаптация / дистинкция (воспринимаемого приобщенного опыта)

<i>адаптация</i>	<i>дистинкция</i>
1. советская жизнь в ее точке конца и начала: <i>блокадник</i>	1.
2. несгибаемая сила воли и непоколебимость: <i>сталинградец</i>	2.
3. выход на передовую с целью обеспечения того, что составляет витальный смысл советского существования: <i>фронтовик</i>	3. удар-испытание долгом: <i>афганец</i>
4. предотвращение неотвратимой гибели: <i>чернобылец</i>	4. обеспечение необходимой защиты: <i>панфиловец</i>
5.	5. результатив возможного отделенного получения: <i>льготник</i>

Определение соотношений внутри обдуктива обретенного достижения для таких слов, как заслуженный, дояр-пятитысячник, доярка-миллионерша, доярка-трехтысячница, мать-героиня, отличник, имеет смысл начать с представления о том, чем является каждый из них в прокламируемой проекции советского приобщения-опыта, каково их возможное и полагаемое место в персонифицированном позитиве советской действительности. Для начала можно было бы разделить рассматриваемую группу слов на две последующие, в одну из которых попали бы заслуженный, мать-героиня, отличник, а в другую, соответственно, дояр-пятитысячник, доярка-миллионерша, доярка-трехтысячница. Основанием такого деления было бы становление-состояние обретенного в достижении для первой подгруппы и движущаяся, развивающаяся, не завершающая себя соразмерность, мерность достигнутого обретения для второй. Указанное основание имеет смысл рассмотреть в двух проекциях-

отношениях. Применительно к схеме пяти позиций, уже себя проявившей как исходное и направленное, исходность / направленность, поощряемой деятельности окружения-индуктива [Червиньски 2009/2] и в приложении к определяемым в подгруппах словам.

В первом таком отношении, применительно к пяти позициям, можно было бы говорить об особенностях обретенного достижения как о чем-то имеющем процессуальный характер, о том, что способно к движению, изменению положения, которое может быть измеряемо и отмечено, фиксируемо в какой-то своей отметке и оформлении, своем таком виде как данность. Иными словами, чтобы быть, стать заслуженным, или матерью-героиней, или отличником, равно как и доярком-пятитысячником или дояркой-миллионершей, необходимо такого своего состояния, положения достичь. При этом должен произойти, состояться такой момент, который и станет моментом отметки (не будем говорить, поскольку это в данном случае не имеет значения, с точки зрения или с позиции и в представлении кого, кто арбитражно решает, определяет, меряет и назначает такое отмеченное в определяемом лице состояние). До этого времени, положения, метки лицо не является (не считается, не определяется) как заслуженный, мать-героиня, отличник, дояр-пятитысячник, доярка-миллионерша, становясь таковым именно с определенного времени-места. Различие между первой и второй подгруппой указанных слов сводимы к позиции 3 и 4 рассматриваемого отношения как движения-процесса для обретенного достижения. Позиция 3 предполагала бы идею обретенно передвигающейся, остановленной как бы на данный момент, в данной точке, отмеченной меры – вот сейчас, на данное время человек этот является доярком-пятитысячником (надоил, надаивает по пять тысяч литров молока от коровы в год), или дояркой-трехтысячницей (надоила, надаивает по три тысячи литров), или дояркой-миллионершей (миллион литров в год от всей группы своих коров). Но к этому он должен был перед этим идти и стремиться и этого достигать. До этого времени и точки в своем таком продвижении он им таким не был, такой своей меры в себе, для себя не достиг. Во времени вероятного будущего, к этому необходимо добавить, он должен, для того чтобы сохранить такой свой достигнутый результат и быть тем, чем является на сегодняшний день, делать столько же и не меньше, а если меньше, то им не будет, а если больше, то может, способен оказаться и стать уже кем-то другим, с большей мерой и в большем своем отмечаемом для него достижении. Позиция 4, с другой стороны, отмечает достигнутое не столько как перемещаемую и вероятную в ином своем отношении и(ли) измерении меру, сколько как состояние, положение уже обретенное и свойственное, опреде-

ляющее и характеризующее человека в какой-то им перед тем уже преодоленный, осуществленный момент (пересечение отделяющей данное положение от другого черты). В силу ли собственных, отмечаемых заслуг (заслуженный), в силу ли осуществленных и необратимых, не могущих быть теперь иными действий для матери-героини, в силу ли внутренних качеств, способностей человека, делающих и определяющих его как отличника. Если кто-то заслуженный на сегодняшний день и стал уже им, или мать-героиня, равно как и в определяемом отношении и смысле отличник (поскольку это его характеризующая, а не отмечающая меру черты), то он уже не заслуженным, не матерью-героиней, также как и не отличником в принципе быть не может. Смена такого их положения-статуса предполагала бы становление другим человеком – через лишение звания, скажем, в заслуженном, преобразении отличника производства или учебы в кого-то другого, с утратой, потерей его самого для себя самого и т.п.

Исходность – направленность позиций 1 и 2 поощряемой деятельности рассмотренного ранее окружения-индуктива [Червиньски 2009/2] переходит, тем самым, в процессуально воспринимаемом характере обретенного достижения для опыта-приобщения (обдуктива) в позиции отмечаемо-поощряемой меры приложения сил (3) и преодоленного отмечаемой чертой становления-состояния (4). Данное положение позволяет, с одной стороны, говорить о возможности проявления трех других потенциальных позиций для данного основания (1, 2 и 5), характеризуя его природу как внутренне динамическую, и о развитии, с другой стороны, и опять-таки внутреннем, соотносимых между собой, реализованными своими позициями, с идеей перехода-подхвата (от 1 – 2 к 3 – 4), тех или иных, согласующихся поэтому по природе своей, оснований внутри парадигмосистемы.

Размещение по позициям точек ориентированных к схеме смыслов представляемых слов в отношении отмечаемой меры можно было бы представлять как обусловленно соотносимое, т.е. такое, для данного случая, которое предполагает развитие общей идеи удоев, рекордов доения и т.п. применительно к прокламируемой проекции советской действительности. Дояр-пятитысячник, в этой связи, мог бы восприниматься как значимо, ударно высокая мера желательного приложения сил (позиция 3), направляемых к полному и необходимому обеспечению молоком, молочными продуктами и товарами сельхозпроизводства советских людей. В указанном представлении можно увидеть отображение также других позиций: направляемых (2) к обеспечению (4). Молоко, молочные продукты, другие товары сельхозпроизводства, имеющие пропагандистски и реально определяемое, постоянно к тому же по-разному актуализируемое, значение для советской дей-

ствительности также могли бы быть вписываемы в позиционные отношения, соотносясь с тракторами, автомобилями, самолетами, танками и т.д. и т.п. в системе общего представления советской языковой картины мира. Интересующие нас дояр, доярка и др., безусловно, связанные с представлением общего как его, соответствующие, проекции и отражения, в рассматриваемом здесь фрагменте оборачиваются, однако, не к трактору и не к молоку, и даже не к осуществляемым ими рекордным удоям, а друг к другу, в соотношении ими самими в себе, для себя отмечаемых свойств применительно к основанию обретенного достижения для советского приобщения-опыта (обдуктива). При такой постановке вопроса дояр-пятитысячник будет отличаться, в сенсорике приобщения-опыта, от доярки-трехтысячницы тем, что, если в нем воплощает себя ударно высокая мера необходимо-желательного для обеспечения граждан молочной продукцией, приложения сил, то в ней ее, несколько меньшая, мера и для того же будет восприниматься, в сопоставлении с ним, скорее, как обеспечивающая (позиция 4) и поощряемая. Немаловажным для ощущения соотносимого в позициях 3 и 4 смысла является также и то, что дояр и что доярка, по-скольку доение воспринимается как профессия женская (обеспечивающая функция в отношении социальной роли), а потому применительно к ней как доярке ничем специфическим, помимо количественного определения, отмечаться не будет, что и находит свое отражение в идее обретенного ей достижения. Дояр-мужчина, в контексте советского знания, предполагает особую значимость, а потому и необходимость большего проявления силы с его стороны (ударность, позиция 3), по сравнению с привычной дояркой. Доярка-миллионерша, в контексте определяемых соотношений, могла бы рассматриваться как достижение максимально возможного мыслимо допустимого результата (позиция 5). Субъективно трудно себе представить нечто большее, чем миллион, в отношении надоенного одним человеком, к тому же женщиной, советской труженицей. Это своего рода высший возможный и достижимый предел для данной профессии, а потому и реализуемый, не случайно, но в силу закладываемой идеи типичности, в слове доярка, не дояр. Дояр-миллионер мог бы вызвать, с одной стороны, представления совершенно иного рода (обладатель, скажем, миллионов рублей), а с другой, быть следствием непосредственного соотношения с такой же миллионершей-дояркой, выступая не как узальное, но как контекстное словоупотребление.

Аналогичным образом можно было бы отнести, применительно к становлению-состоянию обретенного достижения, отличника, как проявленную в нем идею ударного приложения сил, к позиции 3; мать-героиню, в ее отношении к детям, как обеспеченному, сохра-

ненному и поддержанному ею, тем самым, советскому будущему (охрана и ограждение, гарантия продолжения) – к позиции 4; и заслуженного – как воплощенный, итоговый результат отмечаемого достижения – к позиции 5. Вся разбираемая группа выглядела бы тогда следующим образом:

I уровень: отмеченность

II уровень: приобщение-опыт (обдуктив)

III уровень: обретенного достижения

IV уровень: модулятив (мера приложенных сил) / фактитив (становление-состояние)

<i>модулятив</i>	<i>фактитив</i>
1.	1.
2.	2.
3. ударно высокая мера приложения сил: <i>дояр-пятитысячник</i>	3. максимум достигаемого осуществления: <i>отличник</i>
4. необходимость полного обеспечения: <i>доярка-трехтысячница</i>	4. обеспечение сохранности и продолжения: <i>мать-героиня</i>
5. максимум мыслимо достижимого результата: <i>доярка-миллионерша</i>	5. итоговый результат: <i>заслуженный</i>

Следующим, четвертым в порядке развития, основанием рассматриваемого параметра отмеченности будет основание положения, или ситуатива. Особенность соотносимых с ним семантических признаков проявляется в том, что они раскрывают типичные для советского образа жизни, советской действительности и советского существования отношения, обусловливаемые положением, местом, позицией, статусом, исполняемой должностью (но как местом и положением), отнесенностью к некоей группе – как к тому, что накладывает печать, служит меткой и средством распознавания человека в общей структуре, в общественном организме, позволяя правильно и адекватно к нему относиться, его оценивать, воспринимать и о нем судить. Фактически речь здесь идет о месте для человека как способе селективного и правильным образом ориентированного отношения к нему, как в целом, так и в какой-либо данный, востребуемый в связи с чем-то, с какими-то обстоятельствами, момент. В известном смысле такие места и позиции можно бы интерпретировать как социальные роли, но мы останемся и будем придерживаться избранного для описания пятивалентного соотношения, которое, в продолжение к предыдущим трем (отличительность, окружение, приобщение-опыт), предполагает проекцию для четвертого какого-то своего советского положения, или ситуатива.

Поскольку слов, относимых условно к данному основанию, выделилось довольно много, попробуем для начала разбить их на группы, или ряды, уяснив себе признаки, профилирующие в том или ином отношении, советское по-

ложение, состояние, или ситуатив. Одним из таких оснований, предполагающих группу, могло бы быть нечто, дающее представление об особом, объясняющем исключительность обозначаемого лица в советской системе, положении. Социальная мотивация исключительности такого его положения, значения которой будут раскрыты на последующем уровне, могла бы себя отразить в семантике слов такого ряда: первоочередник, лимитчик, остронуждающийся, дети (как те, которым все лучше).

Вместе с другим основанием могло бы ввести себя представление об особенностях советского положения, предполагающих нечто свое и собственное, отличающее систему советского общественного бытия от чего-то иного, вносящее в обиход социального существования признаки нового состояния для человека: безотрывник, выдвигенец, сезонник, совместитель, молодой специалист, нуждающийся, кремлевский горец, гость (гости нашего города), дети (разных народов), боевой друг и товарищ, дружище (лесоруб, работающий с бензопилой «Дружба» [Мокиенко, Никитина 1998]), крылатый земледелец, очередник, первостроитель президент (рабочих и крестьян), полноправный труженик, соцсовместитель, съемщик (ответственный).

Следующее основание предполагало бы некую дополнительную, супплементарность, в отношении социального положения человека, а также знания и представления о нем. Дополнительность эта имеет, может иметь, двуправленный смысл: в отношении обозначаемого лица, как его еще одна характеристика, по принципу «к тому, кто он есть, он еще и вот это другое», и в отношении самой советской общественной, социальной системы, не требующей, но допускающей, предполагающей, позволяющей в каких-то случаях, на какой-то момент, для каких-то своих дополнительных целей, еще одно проявление и общественное лицо в отношении человека. К этому ряду можно было бы отнести, из выбранных, такие слова: вечерник, заочник, втузовец, вузовец, рабфаковец, дзержинец, воин-интернационалист, красный офицер, пэтэушник, профкнижник, красный юнкер.

Еще одно основание предполагает возможность говорить об особенности положения обозначаемого лица в социальной структуре, его отделенности и обособленности, выделенности и вынесенности в отношении и на фоне всех остальных: горкомовец, завкомовец, исполкомовец, комитетчик, обкомовец, парткомовец, райкомовец.

И, наконец, последнее основание сводилось бы к уточнению его положения в отношении свойственной ему, приписываемой, отличающей его от других и прочих общественной деятельности, проявлению в этой деятельности: женорг, ответработник, партработник, райком-

щик, женделегатка, сотрудник (научный, младший, старший).

Мотивирующая исключительность советского положения предполагает проекциями следующие вероятные подзначения: 1) несомненность прав получения, приобретения положенного, в первую очередь, перед всеми, раньше всех остальных – первоочередник; 2) положение, состояние получения, обладания определенным правом, правами вследствие, в результате возможного, допустимого, но ограниченно норматива – лимитчик; 3) потенциальность возможного получения, мотивированная намеренность, обуславливаемая «силой нужды» (от него, от того, кому что-то положено) – остронуждающийся; 4) положение, состояние, предполагающие предпочтение, исключительность в силу возраста, незащищенности, развития, вероятного проявления в будущем ожидаемой отдачи и полноты, в силу их становления, роста – дети (все лучше детям).

Указанные соотношения внутри основания исключительности, назовем ее эксцептивом, вводят новое представление о пятивалентном характере сопологаемых значений: несомненность, тяготеющая по своему смыслу к начальной точке, к исходу (позиция 1); ограниченный норматив, что можно было бы отнести, с учетом внутренней логики его характера, к точке последующего, т.е. направленности, заряженности, готовности (позиция 2); потенциальность, собственно говоря, укрытая в ней потенция силы, в отношении ощущаемой, переживаемой «нужды» (позиция 3); компенсация недостающей, в силу незащищенности и развития, становления, полноты (позиция 4). Позиция 5, таким образом, остается незанятой. Параметром основания исключительности, получившим развитие на примере рассмотренных слов, было бы отношение к получению, обладанию, мотивируемые правом (правами), вводимыми, предполагаемыми, налагаемыми советскими обстоятельствами. В первом случае это право первоочередника, т.е. первого в ряду остальных, ставшего первым, оказавшегося первым, появившегося раньше других (по ряду и череде, в последовательности, цепочке, в поступательном наступлении, серии, проявлении, объявлении, становлении одного за другим – секвенция, градуальность, ранжирование). Во втором – это право нормой предполагаемого, накладываемого в силу условий ограничения (ограничительный норматив), которому должен соответствовать данный субъект. В третьем, как уже говорилось, таким правом оказывается сила его нужды, потенция обусловленной положением необходимости (потенциальностный реквизитив). В четвертом – право своего рода перспективного компенсатива. Каждый из этих указанных признаков, связанный с представлением мотивирующей исключительности положения, следует из особенностей некоторых советских

концептуальных мотивов, руководящих в советском обществе и ориентирующих языковое сознание его представителей на восприятие определенных вещей. Речь, тем самым, идет о фрагменте того состояния советской языковой картины мира, которое вводит в сознание ее носителей представление о том, что и почему может или должно отличаться правами в отношении получения, приобретения в первую очередь, в иной очередности, не в общей последовательности, не так, как у остальных. Данные отношения, естественно, не исключают возможности проявления для каких-то других, однако в материале выбранных слов себя не проявивших, соположений и связей.

Основание свойственности, своеобразности нового вероятного положения человека (адъюнктива), порождаемого, накладываемого, вносимого советским строем, советскими отношениями для него, могло бы также далее подразделяться по пяти валентно соотносящимся признакам. Первый из них можно было бы сформулировать в представлениях отделенности, обособленности, невозможности или несвойственности, всем остальным – как того и такого, кто здесь от начала, истока, кто первый строил и создавал (позиция 1): первостроитель; того и такого, который является представителем, пусть и высшим, руководящим и направляющим новое общество, новый общественный строй и его ведущие социальные группы и классы (позиция 2): президент (рабочих и крестьян); того и такого, который сидит на своем верху, все видит, все знает, все имеет и всех имеет – высшая точка прилагаемой силы (позиция 3): кремлевский горец; того и такого (таких), которых необходимо встретить и проводить, познакомив их с достижениями, обеспечив, тем самым, себе в их лице одобрение, защиту на будущее и поддержку при каких-нибудь там условиях и на случай чего (позиция 4): гость (гости нашего города).

Второй такой признак укладывался бы в представление об особой готовности, заряженности, предрасположенности к дополнительно предполагаемому проявлению, действию, налагающему специфические обязанности и требующему мобилизации, включения либо соответствия им (выделенность намерения свойственности) – в отношении точки исхода, выхода из состояния «покоя» прежнего, до выдвигания, положения, потянутой призывности доверием и ответственностью (позиция 1): выдвигенец; в отношении способности требующему особых усилий проявлению действительным образом себя проявлять (позиция 2): совместитель; в отношении того, кто работает, не покладая сил, проявляет себя в полную меру (позиция 3): безотрывник; в отношении того, кто, действуя периодически, время от времени, тем самым не полно, не в полную меру, но все же каким-то необходимо достаточ-

ным, хотя бы и не поощряемым, образом, обеспечивает своей работой, участием некое общее дело (позиция 4): сезонник.

Третий признак дает представление высокой меры и полноты проявления – начинающего как исходного (позиция 1): молодой специалист; летящего, а потому ощущаемого в своем направляемом, намеревающемся устремлении вверх, к вертикали (мобилизация и готовность позиции 2): крылатый земледелец и проявляющего себя в максимально возможном осуществлении сил (позиция 3): полноправный труженик.

Четвертый признак регулирует для основания свойственности отношения состояния и социальной позиции – применительно к точке начала-исхода как объясняющей его неустроенность, недостаточность, требуемость для удовлетворения, восполнения (позиция 1): нуждающийся; применительно к следованию, порядку, готовности, приготовлению, ожиданию к удовлетворению (позиция 2): очередник; применительно к его способности, умению, роли, значимой полноте для советского общества предоставляемых возможностей (позиция 3): соцсовместитель; применительно к поддержанию, оправданию и оправданности такой его специфической, свойственной, роли, для социального организма, советского коллектива, жилищно-кооператива (позиция 4): ответственный съемщик.

Пятый признак, представленный наименьшим числом, регулирует представления, укладываемые в отношения достижения, осуществления, реализации в действовании – применительно к значению начала-исхода (позиция 1): дети (разных народов); полноты проявления силы (позиция 3): дружбист и поддержки, обеспечения, сохранения и надежности (позиция 4): боевой друг и товарищ.

Основание дополнительности, супплементарности (супплетива), разделялось бы в следующих отношениях: с точки зрения дополнительности обучения-производства (социального (само)развития, его направленности – позиция 2), в проекциях к меньшей, исходной (1) – заочник и большей, заряженной, ангажируемой (2) такой направленности – вечерник; с проявлением большей (3), с учетом участия в общественном производстве, силы – втузовец либо меньшей, поддерживающей, обеспечивающей будущее страны (4) – вузовец; с точки зрения дополнительности общественного проявления-участия (позиция 3), в проекциях его исхода-начала (1) – пэтэушник; нацеленного намерения (2) – рабфаковец и получения – (само)обеспечения (4) – профкнижник; с точки зрения обеспечивающей общественное существование, состояние поддержки (позиция 4), в проекциях к началу-исходу (1) – дзержинец; намерению, ожиданию, направлению, приготовленности (2) – воин-интернационалист; полноте проявления силы использования (3) – красный

офицер и поддержки, обеспечения тыла (4) – красный юнкер.

Основание отделенности, выделенности, вынесенности на фоне всех остальных (сепаратив) укладывалось бы, соответственно, в отношения двух рядов – ведущего и направляющего (позиция 2) и сопровождающего и поддерживающего (позиция 4) соположения применительно к общей идее осуществления воли и власти. С проекциями первого ряда соотносимых по степени мер проявления первого как исходного и минимального (1) – райкомовец, следующего за ним второго, над ним, и как намерение, готовность (2) одновременно, служить, подчиняться, последующему – горкомовец, более высокому над тем и другим в своей полноте (3) проявлению общего смысла обладания как ведения и направления (руководства) – обкомовец, с тем чтобы найти свое основание и поддержку, обеспечение в точке (4) – исполкомовец. Проекция второго ряда (позиция 4) предполагают в значениях отношения к точке 2 – носитель отмеченной власти как ею заряженный (зараженный) в ее направляющем волю, характер его положения сепаративе: комитетчик; к точке 3 – как выражение наибольшей по силе идеи типично советского сепаратива, отделяющего его от других в парткомовце и к точке 4 – как воплощение идеи поддержки, обеспечения себя осуществляющей власти: завкомовец.

Расположение внутри последнего, пятого, основания, предполагающего отношение к проявлению в деятельности (своего рода действие-задействие, узитатив), с учетом, отчасти, уже рассмотренного, виделось бы в отношении двух не соотносимых рядов – нацеленности (позиция 2), с проекциями к точке 2, как организатор и руководитель (женорг), к точке 3, как выразитель женской позиции, воли и полноправный участник организованного социального действия (женделегатка) и к точке 4, как исполнитель, поддерживающее и обеспечивающее, винтик в общественном организме (научный сотрудник, с внутренним подразделением позиций на 3 и 4 – старший, младший) и (позиция 3) полноты допустимой реализации, с проекциями, соответственно, к точке 2, направленность и готовность, заряженность, озабоченность, озадаченность (ответработник), к точке 3, в ее вершинности к приложению сил, со всеми отсюда последствиями к обязанностям и возможностям (партработник) и к точке 4, обеспечивание, раздобывание, бегание, работник на все и на вся (райкомщик).

Рассмотренное четвертое основание параметра отмеченности – советского положения, состояния (ситуатива), можно было бы показать обобщенно в его проявлениях следующим образом:

I уровень: отмеченность

II уровень: положение-состояние (ситуатив)

III уровень:

(1) исключительность (эксцептив) –

(2) свойственность (адъюнктив) –

(3) дополнительность (супплетив) –

(4) отделенность (сепаратив) –

(5) задействованность (узитатив)

IV уровень:

1. исключительность:

1 секвентная несомненность (первоочередник) –

2 ограниченный норматив (лимитчик) –

3 потенция силы нужды (остронуждающийся) –

4 компенсация недостающего (дети, которым все самое лучшее)

2. свойственность:

1 отделенность –

2 выделенность намерения –

3 представление высокой меры и полноты проявления –

4 состояние социальной позиции –

5 реализация в действии.

V уровень:

1 отделенность

(1) первого: первостроитель

(2) высшего направляющего: президент (рабочих и крестьян)

(3) сидящего наверху: кремлевский горец

(4) обеспечивающего поддержку внешнего: гость (гости нашего города)

2 выделенность намерения – в отношении

(1) призванности: выдвигенец

(2) готовности к проявлению: совместитель

(3) проявления в полную меру: безотрывник

(4) периодически проявляемого обеспечения: сезонник

3 представление высокой меры и полноты проявления

(1) начинающего: молодой специалист

(2) устремленного вверх: крылатый земледелец

(3) максимального: полноправный труженик

4 состояние социальной позиции – применительно к

(1) требовности восполнения: нуждающийся

(2) следованию к удовлетворению: очередник

(3) значимой полноте возможностей: соцсовместитель

(4) оправданию роли: ответственный съемщик

5 реализация в действии – в отношении

(1) начала будущего: дети (разных народов)

(3) полноты проявления: дружибист

(4) обеспечение надежности: боевой друг и товарищ

IV уровень:

3. дополнительность:

2 направленность (само)развития –

3 проявление-участие –

- 4 обеспечивающая поддержка
V уровень:
2 направленность (само)развития
(1) меньшего как исходного: заочник
(2) большего как ангажированного: вечерник
(3) большего в своем участии-проявлении: втузовец
(4) меньшего как обеспечивающего: вузовец
3 проявление-участие – в проекциях
(1) начала-исхода: пэтэушник
(2) нацеленности намерения: рабфаковец
(3) получения-(само)обеспечения: профкнижник
4 обеспечивающая поддержка – в проекциях
(1) начала-исхода: дзержинец
(2) направленного намерения: воин-интернационалист
(3) полноты проявления силы использования: красный офицер
(4) обеспечения тыла: красный юнкер
IV уровень:
4. отделенность:
2 ведущего и направляющего –
4 сопровождающего и поддерживающего
V уровень:
2 ведущее и направляющее
(1) минимально исходного: райкомовец
(2) последующего второго и намеренного к третьему: горкомовец
(3) более высокого к обладанию: обкомовец
(4) обеспечивающего: исполкомовец
4 сопровождающее и поддерживающее
(2) заряженного носителя власти: комитетчик
(3) наибольшей по силе идеи ее воплощения: парткомовец
(4) воплощение идеи ее поддержания: завкомовец
IV уровень:
5. задействованность:
2 нацеленности –
3 полноты допустимой реализации
V уровень:
2 нацеленность
(2) организующего и направляющего: женорг
(3) выразителя женской позиции и воли как участника организованного социального действия: женделегатка
(4) обеспечивающего движения исполнителя: научный сотрудник
VI уровень:
(3) полноты: старший
(4) обеспечения: младший
3 полнота допустимой реализации
(2) направленность: ответработник
(3) вершинность в приложении сил: партработник
(4) обеспечение раздобывания: райкомщик

Последним, пятым, основанием отмеченности, второго параметра описываемой парадигмосистемы, будет основание советского достижения (сукцессива), представляемое семантической признаковой, отображенных в словах ворошиловец (ворошиловский стрелок), ворошиловский всадник, значкист (ГТО), кандидат наук, краснознаменец (человек, награжденный орденом Красного Знамени), лауреат, орденосец, персональный пенсионер, передовой, лучший по профессии, ленинский стипендиат, хлебороб-стоцентнеровик, чемпион жатвы.

Представление о достижении (сукцессиве) можно было бы уложить в соотношениях реализованного рывка, прорыва, ведущего и стоящего впереди (позиция 1) – лауреат, передовой, лучший по профессии, чемпион жатвы; достижения осуществленной попытки, пробы как реализованного намерения (позиция 2) – ворошиловец (ворошиловский стрелок), ворошиловский всадник, значкист (ГТО); достижения надежного обеспечения, гарантии продолжения и развития, продвижения вперед (позиция 4) – кандидат наук, ленинский стипендиат, хлебороб-стоцентнеровик; достижения увенчания и обретения (сукцессив сукцессива, возможный осуществленный итог, результат – позиция 5) – краснознаменец, орденосец, персональный пенсионер.

Прорыв как исход ведущего и предстоящего определялся бы соотношением начальной точки (1) для передового – как того, кто достиг каких-либо результатов раньше других, стал первым, вышел в начало, вперед; точки отмеченно значимого реализованного в достигнутом результате намерения (2) для лучшего по профессии – как того, кто в своей заряженной на выполнение планов, стоящих и появляющихся заданий готовности отмечен как наиболее выраженный в полноте достижения для данной профессии отношении; точки достигнутой в своем пике, возможной для реализации в испытании (в данном случае жатвой), наибольшей на фоне других полноты (3) для чемпиона жатвы; точки достигнутого, итогового результата (5) для лауреата.

Проба реализованного намерения могла бы получить свое воплощение в точках – того, кто, сдав соответствующие нормы по верховой езде, обнаружил намеренную готовность (заряженность силы, ассоциирующейся в своем ощущении, сенситиве, с конем) к потенциальному проявлению, использованию в предполагаемом действии (2) – ворошиловский всадник; того, кто достиг полноты возможного (стрельба, способность метко и целно стрелять – как реализация независимости и силы в отношении всякой потенциальной цели, владение, управление ею, способность по своему усмотрению ею самой и ее положением, экзистенцией, располагать, полнота ощущения своей над ней власти – 3) – ворошиловец (ворошиловский стрелок и одновременно, возможно, вороши-

ловский всадник); того, кто отмечен в своей готовности защищать, оборонять, быть поддержкой, обеспечением вероятного выдвижения силы (с предполагаемой проекцией к военному и трудовому использованию, на обоих этих фронтах, как едином и нераздельном в советском мировоззренческом представлении – 4) – значкист ГТО.

Надежность обеспечения и гарантия продолжающегося развития могла бы подразделиться по точкам (1) для ведущего и вперед смотрящего, первого, лучшего, образцового, отмечаемого как таковой – ленинский стипендиат; (2) для реализованного в своем намерении готовящегося к дальнейшему потенциальному продвижению, намеревающегося двигаться дальше – кандидат наук (потому он и кандидат); (4) для обеспечивающего, снабжающего, того, кто своим трудом и высокими показателями обеспечивает страну, государство зерном (семантика хлеба, зерна как поддержки и подкрепления) – хлебороб-стоцентеровик.

Достижение обретения в отмеченном увенчании (сукцессив советского сукцессива) можно было бы уложить в соответствии точек (2) – как отмеченной мобилизации, осуществившей себя готовности, силы реализованного намерения: краснознаменец; (3) – как отмеченной полноты: орденосеиц и (4) – как отмеченного в своем жизненном результате, итоге обеспечения (материальное выражение поддержки поддерживавшего, обеспечивавшего общий и полный советский успех): персональный пенсионер.

Описанное для пятого основания второго параметра (сукцессива отмеченности) обобщенно и схематично можно представить следующим образом:

I уровень: отмеченность

II уровень: достигнутость

III уровень:

(1) прорыв ведущего –

(2) проба реализованного намерения –

(4) надежность обеспечения и гарантия продолжающегося развития –

(5) увенчание в обретении

IV уровень:	(1) прорыв	(2) проба	(4) надежность	(5) увенчание
(1) опережение:	<i>передовой</i>	–	<i>ленинский стипендиат</i>	–
(2) заряд:	<i>лучший по профессии</i>	<i>ворошиловский всадник</i>	<i>кандидат наук</i>	<i>краснознаменец</i>
(3) пик:	<i>чемпион жатвы</i>	<i>ворошиловский стрелок</i>	–	<i>орденосеиц</i>
(4) обеспечение:	–	<i>значкист ГТО</i>	<i>хлебороб-стоцентеровик</i>	<i>персональный пенсионер</i>
(5) результат:	<i>лауреат</i>	–	–	–

Были рассмотрены, описаны и распределены в своих соотношениях семантические признаки четырех из пяти оснований отмеченности как параметра определяемой парадигмосистемы семантики языка советской действительности (первое основание отмеченности было описано в предыдущей статье). Последующие параметры будут предметом дальнейшего рассмотрения.

ЛИТЕРАТУРА

Большой толковый словарь русского языка. (БТС) [Гл. ред. С.А. Кузнецов] – СПб., 2000.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Толковый словарь языка Совдепии. – СПб., 1998.

Толковый словарь русского языка конца XX в. Языковые изменения. [Гл. ред. Г.Н. Складаревская] – СПб., 1998.

Червиньски П. Семантика советского позитива в контексте продуцируемого представления действительности (на материале обозначения лиц) // Политическая лингвистика. 2008. № 3 (26).

Червиньски П. Язык советской действительности: семантика позитива в обозначении лиц // Политическая лингвистика. 2009. № 1 (27).

Червиньски П. Язык советской действительности: семантика позитива в обозначении лиц (2) // Политическая лингвистика. 2009. №2 (28)

© Червиньски П., 2009

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Бушев А.Б.
Тверь, Россия

ЯЗЫК, ГОВОРЯЩИЙ О СОЦИУМЕ: РУССКИЙ МЕДИЙНЫЙ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ДИСКУРС ОБ ЭКОНОМИКЕ

УДК 81'27

ББК Ш 100.3

Аннотация. В рамках изучения текстов об экономике дискурсивными методами статья рассматривает два вида русского дискурса об экономике – в масс-медиа и художественной литературе. На данном материале демонстрируется социолингвистическая роль языка, анализируются языковые особенности исследуемого дискурса (новые концепты, эвфемия, оценочность, макаронический характер) – проливающие свет на языковую личность современных действующих лиц российской экономики и политики. Автор рассматривает дискурс в рамках интерпретативной модели «актуализация – автоматизация», значительное внимание уделяя проблемам стереотипизации суждений в дискурсе, сводящей к нулю его ценность.

Ключевые слова: экономический дискурс, социолингвистика, варваризмы, стереотипы, макаронический язык, эвфемизмы, семиотика, масс-медиа.

Сведения об авторе: Бушев Александр Борисович, кандидат филологических наук, доцент.

Место работы: Филиал Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического университета в городе Твери.

Контактная информация: 170037, г. Тверь, ул. Орджоникидзе, д. 25"В".

E-mail: alex.bouchev@list.ru.

Множатся работы, в русле Л.С. Выготского и Ж. Пиаже утверждающие и демонстрирующие, что язык накладывает определенную структуру на реальность, задает способ видения объекта [Губаева 1995, Кирилина 2005, Хитарова 2005, Glasersfeld 1998]. В современном социуме приобретает значение риторика как средство деконструкции манипулятивной роли отдельных дискурсивных практик, например, глобальных СМИ. Идея применимости риторико-герменевтических техник анализа для выявления ключевых смыслов в сообщениях глобальных масс-медиа развивается нами в русле поиска стереотипов в материалах глобальных медиа при освещении социальной действительности. Нами в современном социально-политическом дискурсе выделены техники клиширования, использования аксиологической лексики, эвфемии, перифразирования, повторов в качестве языковых особенностей медийного социально-политического дискурса, позволяющих продвигать стереотипы через глобальные СМИ [Бушев 2004, 2005, 2006]. Оказалось, что сам дискурс социальной науки и практики должен подвергаться изучению. Это особенно касается его языковых особенностей. Нами разрабатывает-

Bushev A.B.
Tver, Russia

LANGUAGE THAT DESCRIBES SOCIUM: RUSSAIN MEDIA AND BELLES-LETTRES DISCOURSE ON ECONOMICS

ГЧТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.01

Abstract. The paper sheds light upon two types of economic discourse – the mass media economic discourse and belles-lettres. The paper analyses social and cultural implications of macaronic inclusions in the Russian language of Russian modern bilingual business professionals, it discusses the characteristic traits of the discourse and dwells on its cultural value. Having this material under scrutiny, the author presents the analysis of linguistic characteristics of modern Russian discourse on economics in general shedding light upon barbarisms, vulgarisms, stereotyped and creative usage of the language.

Key words: sociolinguistics, modern Russian discourse, barbarisms, vulgarisms, stereotypes, creativity in the language, economics, semantics, metaphors, euphemisms, global mass media.

About the author: Bushev Alexander Borisovich, candidate of philology, associate professor.

Place of employment: The Branch of Saint-Petersburg State Engineering and Economy University in Tver.

Address: 170037, g. Tver, ul. Ordzhonikidze, d. 25"В".

E-mail: alex.bouchev@list.ru.

ся описание феномена «стереотипии в социальном дискурсе». Этот феномен присутствует в любом языке, но особенно четко проявляется в русском языке в эпоху кардинального изменения социальной реальности, характерного для конца двадцатого столетия.

Объектом наших исследований является медийный, внешнеполитический, правовой, религиозный дискурс. **Предметом** настоящей работы является экономический дискурс. Участниками системы коммуникации в данном случае являются специалисты и неспециалисты, подобно юридическому дискурсу. Экономический медийный дискурс – это пример дискурса специалистов для неспециалистов. **Материал** исследования представляет собой статьи отечественных и глобальных медиа и русские художественные тексты, связанные с экономикой, портретирующие ее действующих лиц. Материал анализируется при помощи **метода дискурс-анализа** – метода, используемого социальными науками для выявления и оценки того, что характерно для данной речи и только для нее, выявляющего весь спектр отношений и интересов, стоящих за словом, использующего старый, аристотелевский арсенал риторики и

методики стилистического анализа. Метод все активнее берется на вооружение представителями социальных наук в условиях смены методологических парадигм социальных наук, в условиях лингвистического поворота в гуманитарном знании двадцатого века.

Цель исследования – охарактеризовать языковые знаки, выделяемые в таком дискурсе с целью введения в заблуждения, камуфлирования неприятной истины, ретрансляции общепринятого, индоктринации новых ценностей; представить примеры роли некоторых языковых феноменов как типичных факторов социально-политического дискурса глобальных масс-медиа и художественного дискурса об экономической реальности. Материал и предмет характеризуются новизной связи с недавним возникновением самого феномена глобальных интерактивных масс-медиа, в связи с качественно изменившимся характером глобального и российского медийного дискурса, в связи с появлением современного художественного дискурса по заявленной проблематике. Цель, задачи и выводы предприняемого исследования могут быть охарактеризованы как достаточно **актуальные** для выработки оптики по прочтению медийного дискурса, для понимания социально-политического дискурса в образовательной и общественной практике.

Обращает на себя внимание принципиальная новизна современного медийного экономического дискурса на русском языке, в устах русской языковой личности не имевшего аналогов до семидесятых годов двадцатого века. Так, в середине семидесятых годов начали изучать в рамках Торговой палаты маркетинговые идеи. Были переведены на русский язык работы, ставшие библией маркетинга (например, Ф. Котлера). Маркетинг был институализирован, приняты его идеи – продавать то, что потребляется, а не потреблять то, что производится [Кеворков 2008]. Сам маркетинговый подход был нов. Дальнейшее развитие характеризуют изменения в потреблении, развитие сервисной экономики, крушение социалистического планового хозяйства, отпуск цен и т.д., укоренение идеи потребителя, диктующего действия производителя, идея экономической свободы и частной собственности (бывшей табу, ее стыдливо заменяли *личной собственностью* еще на жизни ныне живущих поколений) [История экономического учений 2005].

Характерна смена парадигмы экономического мышления, смена концептов. Обращает на себя внимание, что в учебном экономическом дискурсе нет ссылок – за редким исключением – на отечественные работы периода послевоенного времени до начала перестройки. Работы Н.Д. Кондаратьева о больших циклах оказались актуальнее работ армии экономистов, имевшихся в стране на момент объявленного перехода к свободному рынку. Показательно широкое заимствование работ

Чикагской школы, самих понятийных категорий.

На языковом уровне новизна концептуального аппарата проявляется в многочисленных **транслитерациях** (*кейс-стади, транзакция, супервизирование, бренд, маркетинг-менеджмент, дилеры, дистрибьюторы, холдинг, логистика, трейд-маркетинговые акции, промоакция, мерчандайзинг...*).

Характерно формирование гибридных терминов, содержащих экзотизмы, показательная неясность понятий, скрывающихся за широко применяемыми **аббревиатурами**: *CRM-система, PR-акции, в2в, BTL-деятельность, FMCG-холдинг, CEO*, Как говорится, *sapienti sat*. Их непрозрачность для восприятия усиливается именами собственными, часто эпонимами, часто в латинской графике (*Nikkei Dow-Jones Average, London Stock Exchange, AMEX, New York Stock Exchange, Clearing House*).

Приведем пример, как сами понятийные категории, концепты могут быть заимствованы.

Понятие *УТП* – *уникальное товарное предложение* – калька английского *selling point USP* – впервые было изложено в работах известного американского рекламиста Р. Ривса в его книге «Реальность в рекламе».

Иной пример. Сам концепт «*корпоративное управление*» является новым. Двадцать лет назад бессмыслен был текст следующего типа: *Реализация корпоративным секретарем своих основных функций – обеспечение созыва, подготовки и проведения общего собрания акционеров*.

Новы и сложны **концепты** экономического дискурса. Корпоративное управление – сложный концепт. С учетом имеющихся определений данного понятия, можно выделить в качестве участников системы корпоративных отношений менеджеров, различные группы и категории акционеров и т.н. «другие заинтересованные группы» (кредиторы, персонал, партнеры, местные сообщества, власти и пр.), а в качестве основной задачи – обеспечение деятельности компании в интересах указанных участников этих отношений. Так, английский термин *stakeholders* получает эквивалент на русском: *иные заинтересованные группы*.

До акционирования предприятий в эпоху перестройки вне вокабуляра и понятийного аппарата русской языковой личности находился, например, столь простой сегодня концепт «*владелец контрольных пакетов акций*».

Наряду с общераспространенными терминами (например, **спрос**) обращает на себя внимание терминологическая насыщенность экономического дискурса [Корпоративный секретарь 2005]:

В соответствии с вступившим в силу в декабре 2004 г. Приказом федеральной службы по финансовым рынкам, российские биржи должны разработать и принять новые правила листинга, которые, в частности, преду-

считают, что для включения в **котировальные** листы категории А первого и второго уровней их **эмитенты** обязаны соблюдать наиболее важные из рекомендаций Кодекса корпоративного поведения.

Характерны также большое количество имен собственных, эпонимов, многочисленное количество различных теорий (*экономический империализм, теория институционализма, продолжатели Хайека, неоклассики, кейнсианство, чикагская школа, Фридмен, модель Харрода-Домара, модель ISLM, вальрасианская теория равновесия, новая теория роста Ромера и Лукаса, и т.д.*). **Прецедентные имена и тексты** воспринимаются в качестве коллективного знания адресатов и адресантов этого вида медийного дискурса. Надуманная **аббревиатурность** (*поставляем в ценах СИФ, ведем расчеты в ценах ФОБ*), увлечение различными индексами (часто эпонимы) тоже заставляют выглядеть текст «иностранным».

Особенности дискурса – новизна, большое количество заимствованных мировых идей и концептов, проявляющееся в заимствовании терминов, транслитерации, калькировании, неясность семантики общих терминов, характерная для социального дискурса в целом (*laissez faire, кейнсианство* понимается по-разному разными исследователями). С этим связаны и переводческие трудности – необходимость избегать нагромождения транслитераций, толковать эпонимические названия, понимать семантику термина. Упреки в сложности, непонятности выступлений в СМИ справедливо адресуются экономистам, выступающим с объяснениями и прогнозами в масс-медиа.

Переводоведческую проблему представляет перевод неассимилированных слов и заимствований. Характерной приметой выступает сегодня использование множества транслитерированных и транскрибированных терминов из английского языка – *дисбурсментский счет, аудит= ревизия, авуары= денежные средства, акт сюрвейера= наблюдателя, супервизирование, аутсайдер, диверсификация экспортной базы, ликвидность, банковская интервенция, консорциум, холдинг, банк-ремитент, бартер, бенефициар, брокер, брокераж, чартер, валоризация, капитализация, толлинг, дисконт, тендер, клиринг, менеджер, маркетинг, брэндинг, франчайзинг, франшиза, лизинг, мониторинг, мерчандайзер, варрант, котировка, локаут, преференциальные льготы, ноу-хау лицензиара, брокерские операции, консигнационные операции, онкольная операция (on call), опцион, бонусное отчисление, банк, расположенный в оф-шорном финансовом центре, хеджер, фондовый рынок, гудвил, консолидированный, солидарный, субсидиарный, консигнационный агент, флуктуации рынка, маржинальный доход, депозитарий, детеншен, дилер, ризлтер, дистрибьютер,*

дивиденд, дисконтер, ипотека, презентация, рецессия, римесса (remittance), роялти, свинг, свог, тайм-чартер, таксатор (tax-collector), тендер, транзит, трансферт, фондирование, форфейтинг, фри-аут, хайринг, инжиниринг. Впечатление неродного русского текста, текста переводного характера создается при помощи нагромождения **калек**: *ориентация, продвинутый, позиционирование, стратегическое видение, клиент-центрированный, корпоративная культура, идентификация, установление контактов с потребителями, укрепление лояльности потребителей, агенты, делегирование полномочий, скорректировать имидж, потребительская панель, ранжирование поставщиков, аспекты лояльности в бизнесе.*

Злоупотребление англоязычной терминологией маскирует отсутствие самостоятельного мышления, усвоение истин извне, без критической оценки, пустоту речи, скрывающуюся за оригинальным, не всегда доступным декодированию «фасадом»: *промоушен, комиссионер, индемнитет, конвенционный, консигнация, консорциум, контрагент, контракт «продакшн шеринг», контроферта, конъюнктура, котировка, транзиция, лаг, ликвидность...* Наблюдается засилие и повседневной иностранной лексики, в том числе сниженной, употребляемой к месту и не к месту – *нюсмейкер, секьюрити, хедлайн, ридер, бибиситтер, кастинг, киллер, промоушен, мерчандайзинг, фандрайзинг, маркетинг, брэндинг, менеджер (вместо продавец).* Вплоть до смешного: «Ильич – бренд нашего города» об Ульяновске.

Подобно транслитерации варваризмов к сходным семантическим явлениям в газетах мы относим необоснованно частое и не вызванное объективными потребностями речевого поведения **калькирование** англоязычных терминов, особенно терминов-словосочетаний: *валюта, привязанная к доллару (currency pegged to dollar), расширять продажу (expand = extend sales), платеж против аккредитива (payment against a L/C), оценка по критерию цена-качество (cost effectiveness = рентабельность), одобренный банк (approved bank), длинные кредиты (long money), колеблющаяся валюта (fluctuating currency), свободно плавающая валюта (freely floating currency), пролонгированный (продленный вексель) (extended = prolonged bill), оживление рынка (revival of the market), отмывание денег (laundering of the money), разводнение акционерного капитала (watering of shares), вертикальная маркетинговая система, неосязаемые активы (nontangible assets), вялость рынка, (slackness = dullness = sluggishness of the market), на давальческой основе (on a give and take basis).*

Калькирование наблюдается и в манере построения фразы, что доказывает обильные заимствования в менталитете в сфере менеджмента: «Доставка может быть осуществлена

с завода... Мы размещаем заказы... Мы (существуем) на рынке... Возможно, мы сможем дать Вашей компании большие заказы... Драматически изменить стиль... Доставьте на наш адрес...»

Необходимость объяснительного перевода может быть связана с недостаточной популярностью транслитерированного заимствованного термина:

Бидер = участник торгов.

Бэквадэйшн = биржевая игра на повышение.

Дамнификация = причинение ущерба (*damnification*).

Демпинг = *dumping* = продажа товаров по искусственно заниженным ценам, например, с целью проникновения на рынок.

Деривативы, дериваты – производные финансовые инструменты, например, опционы, фьючерсы.

Дивиденд = часть прибыли предприятия, распределяемая между акционерами.

Ремитент = лицо, на чье имя переводится вексель.

Фьючерс = срочная сделка купли-продажи биржевых товаров по действующим ценам с оплатой в будущем.

Оценим потенциал метафоризации при создании терминов (семантический способ словообразования), нуждающийся в расширительном толковании реалии на русском языке при вхождении в концептуальную систему языка:

Flower bond амер. «цветочная облигация», казначейская облигация, принимаемая налоговыми властями в уплату налогов на наследство по номинальной стоимости.

Chinese wall «китайская стена» – разграничение функций между отделами брокерской компании, занятыми инвестиционной деятельностью, и отделами, занимающимися куплей-продажей ценных бумаг.

Daisy chain «гирлянда», фиктивная торговля ценными бумагами между дилерами.

Linkage = линкидж – покупка/продажа контрактов на одной бирже с последующей покупкой /продажей на другой.

Fill-or-kill order – приказ брокеру купить или продать финансовый инструмент, который должен быть немедленно исполнен или аннулирован.

Bulldog securities = ценные бумаги «бульдог», выпущенные на лондонском рынке нерезидентами.

Sweetener = «подсластитель», повышение привлекательности ценной бумаги.

Ошейник – фиксированный максимум и минимум процентной ставки в облигационном займе.

Даун-тик – сделка с ценными бумагами ниже цены предыдущей следки.

На основе выделения некоторых типических особенностей многих видов медийного дискурса известно, что наличествующие в нем мета-

форы, варваризмы, эвфемизмы (и особенно их обилие) способствуют таким явлениям, как переиначивание смысла, замена привычных русскому языку и русскому сознанию слов эвфемистичными (часто опять-таки иностранными) понятиями также работает на затуманивание смысла, внесение вполне осознанной путаницы. На это же работают перифразы, нелепые штампы, слова на случай, неологизмы, затертые слова слова-синонимы с различной коннотацией («олигарх»; «реструктуризация» = «передел собственности»).

Отдельного обсуждения в связи со своей функциональной ролью оценки заслуживает такое явление, как **эвфемия**. Приведем примеры из глобального экономического дискурса 2009 года: бонусы = *executive remuneration* = *bonuses* = *overcompensation*; продукты для бедных = *low income food*; спекулятивные аферы = *risky spending*; долги, которые сложно получить = *toxic assets* = *troubled assets*; отсутствие финансовой дисциплины = *loose fiscal policy* = *financial malaise*... Поражает огромное количество языковых знаков такого рода в новостном глобальном потоке.

Ситуативной может быть **отрицательная коннотация эвфемизма**, так, в современной ситуации глобального экономического кризиса ей явно наделяется коллокация *mortgage-related assets* (*активы, связанные с ипотекой*). **Эвфемизмы** создает стереотипы: оценим семантический потенциал «завсегдаев дискурса» слов и коллокаций *пересмотреть тарифы, дестабилизация, депрессия, стагнация, перестройка, ускорение, дефляция, рыночная экономика, инфляция, бездефицитный бюджет*. Иногда в массовом сознании некоторые «безобидные» слова и фразы становятся сигналами опасных действий, грозящих благополучию масс: *реформа ЖКХ, пенсионная реформа*. С этим связан **язык политической корректности**. Оценим примеры: *рецессия, постепенный рост цен и зарплаты* = *инфляция, затишье на рынке* = *отсутствие сделок, бюджет увеличивается* = *вам это будет дороже, малопривилегированные люди* = *люди, попавшие в сложные жизненные обстоятельства* = *нуждающиеся* = *люди, лишённые жизненных благ*.

Примерами эвфемизмов изобилует медийный экономический дискурс. Ряд стереотипных фраз представляют собой эвфемизмы типа *сжатие денежной суммы, усиление контроля за тарифами, реформа ЖКХ, реструктуризация естественных монополий, рыночная экономика, попытки макростабилизации, коррупция, диспропорциональное развитие*.

Наряду с этим используются **понятия с широкой, четко неопределенной семантикой** (напр., *институционализм, свободный рынок, открытое демократическое общество, дерегулирование, либерализация, диспаритет цен*). Зададимся вопросом, что стоит за сле-

дующими фразами: *институциональный подход, человеческий фактор, свободная конкуренция, приватизация, отказ государства от роли экономического субъекта, бездефицитный бюджет, фондовый рынок, необратимость реформ, цивилизация?! Их семантика чрезвычайно широка.*

К **стереотипиям** относятся и частые штампы, клише, повторы типа *трансформация, переходный период, реструктуризация, финансовая стабилизация, спекулятивный капитал, расчет доходности и риска, профицит, адаптация, динамика, трансформация, консолидация, антикризисная программа*. Так в СМИ рождаются тексты, где слова пустые, а фразы трескучие, как горох: *стабильность, стабилизировать, субсидирование, инвестирование...*

В результате семантических сдвигов происходит **десемантизация привычных языковых единиц** (напр., *оздоровление экономики*), изменение их смысла (напр., *аренда, право хозяйственного ведения = частная собственность, новый русский, социально ориентированная рыночная экономика*).

Явление эвфемии и феномен стереотипии (штамп, клише) также, наряду с затертой метафоризацией, являются текстовыми маркерами автоматизации (Я. Мукаржевский); затертости смысла такого дискурса (сознательной или подсознательной) способствует и неясная семантика ряда **рекуррентных коллокаций**: *failed countries, humanitarian catastrophe*.

Обсуждаемый нами в социально-политическом дискурсе **феномен скрытой и явной оценочности** требует внимательного изучения в связи с социальной значимостью и в дидактике, и в риторике, и в юрислингвистике. В экономической теории нейтральной оценкой присуща изначально нейтральным терминам (типа *равновесие, совершенная конкуренция*). «*Естественный уровень инфляции*» – сказывается семантика слова «естественный». И вот уже такой уровень понимается как «неизбежный, желательный, оптимальный прирост».

Остановимся подробнее на таком конституенте современного политического дискурса, как **аксиологическая лексика**. Исследования этого вербального пути представления стереотипов смыкается с исследованиями интеллектуально-информативной и прагматической функции языка, исследованиями выражения в языке информации второго рода – проявлениями эмоциональной, волюнтаривной, апеллятивной, контактоустанавливающей и эстетической функций языка с выражением субъективного отношения говорящего к предмету высказывания, собеседнику и ситуации общения. Мы не только называем понятие (денотативное значение), но и «второй части сообщения, связанной с условиями и участниками общения, соответствует коннотация, куда входят эмоциональный, оценочный, экспрессивный и стилистический ком-

поненты значения» [Арнольд 2002: 154]. Характерна и **семантическая иррадиация**: присутствие хотя бы одного эмоционального слова придает эмоциональность всему высказыванию. Оценочная лексика характерна для описания общественной жизни и политических событий и нередко использует разные виды переносных значений, в то время как прямые значения нейтральны.

Стереотипизированные формы мнений и суждений по социально-политическим вопросам трактовались У. Липпманом как своего рода «выжимки» из господствующего свода общепринятых морально-нравственных правил доминирующей социальной философии и потока достаточно тенденциозной политической пропаганды и агитации.

Роль стереотипов – и позитивная и негативная. Стереотипы, как известно, «экономичны» для сознания и поведения, они способствуют известному сокращению процесса познания и понимания, быстрому принятию решений. Они не способствуют точности и аналитичности познания, но ускоряют возможности поведенческой реакции на основе прежде всего эмоционального принятия и неприятия информации, ее «попадания» или «непопадания» в жесткие рамки стереотипа. Там, где стереотип, можно обойтись без анализа, без мыслительной работы, без особо ответственного индивидуального решения. Д.В. Ольшанский дает следующую характеристику роли стереотипа: «Упрощая процесс социально-политологического познания, стереотипы ведут к построению достаточно примитивного и плоскостного политического сознания – как правило, на основе многочисленных предубеждений, что подчас редуцирует социально-политического поведение до набора простейших, часто неадекватных эмоциональных реакций» [Ольшанский 2001: 82].

Исследованиями политических психологов продемонстрировано, что существует два основных истока формирования стереотипов:

1. Ограниченный индивидуальный и групповой опыт и ограниченность информации, субъективность, избирательность, влияние установок, слухов, ореол, первичность, новизна явления.

2. Целенаправленная деятельность СМИ и политической пропаганды.

Законы массовой коммуникации требуют усредненно-обобщенного, стереотипизированного общения: сам акт трансляции, например, некоторой политической идеи на массовое сознание возможен только в форме определенных стереотипов. Процесс тиражирования социально-политической информации, имеющий целью вызвать в сознании и политическом поведении людей сколько-нибудь однородную, стереотипную реакцию, возможен только посредством использования информационных стереотипов, вызывающих, в свою очередь, соответствующую

щие психологические и поведенческие стереотипы у реципиентов.

Стереотип предусматривает единство двух компонентов: знания (когнитивно-информационный компонент) и отношения (эмоционально-чувственный и оценочный компонент): *дружественный народ, правящая клика, оплот демократии*.

Когнитивные составляющие стереотипа обычно отличаются тем, что информация, на которой основаны последние, соотносится не с соответствующим объектом, а главным образом с другими знаками. Говоря языком семантики, важными оказываются не только отношения денотата, дезигната и референта, а синтагматические отношения в тексте и экстралингвистические знаки.

В стереотипе есть центр (стержень) и периферия. Известно, что люди автоматически домысливают, добавляя в своем восприятии в отношении объекта те характеристики, которые им навязываются («услужливо подсказываются») устоявшимися стереотипами.

Паролем может выступать одно слово-символ (*демократ, партократ, стагнация, перестройка, прораб перестройки, олигарх*), лозунг («*Вся власть Советам!*»). Стереотипы представляют собой мощнейшее средство манипулирования сознанием отдельных индивидов, групп и масс в политике.

Емкое определение стереотипа представляет Д.В. Ольшанский [2001:85]: «...содержательно стереотип можно определить как постоянное декларирование и навязывающиеся людям стандартные единообразные способы осмысления и подходы к социально-политическим явлениям, объектам и проблемам, как общественно-политические каноны и «истины» – нормы, ценности и эталонные образцы политического поведения, постоянно повторяемые и используемые политической элитой, поддерживаемые и распространяемые массовыми информационно-пропагандистскими средствами, подкрепляемые карательными органами в целях удержания основной массы членов общества в единообразном нормативно-послушном состоянии. В содержательно отношении совокупность подобных стереотипов составляет идеологию или идейно-политическую основу данного общества».

Стереотипы подразделяются на «наши» и «ложные» согласно манипулятивно-идеологической точке зрения. Говорят о различии социально-политических систем по степени стереотипизации сознания и поведения людей, присущей демократической системе большей свободе выбора. Роль стереотипов велика в социализации, символизации. Пассивный зритель, интеллигентный потребитель участвует в феномене, который называется символическая политика – выборе своих стереотипов и интериоризации приемлемых мнений.

Интересны проблемы выработки стереотипов. Так, например, исследования возрастных

психологов показывают, что по мере когнитивного и морального созревания у подростков нарастает неприятие политических условностей: чем выше интеллект, тем критичнее подростки к существующему обществу и его политической системе.

Политическое отчуждение в социуме тоже связано с ролью стереотипов. Мы наблюдаем две основные тенденции, в борьбе которых происходит процесс политической социализации – демократизация, включение в политическую жизнь, рост политического самосознания, и напротив, отчуждения человека от государства, политических институтов, процессов принятия решений – добровольное или насильственное политическое отчуждение граждан, апатия и цинизм, недоверия к власти и официальной политике.

Чтение «квалифицированной прессы» типа журнала THE ECONOMIST с целью профессионального анализа позволяет выявлять стереотипы, говорить о **представлении идеологического взгляда на проблемы**. Стоит только «кликнуть» материалы иностранного качественного журнала, как сразу находишь стандартные строки социальных репрезентаций облика России:

*The country is heading for **regeneration, stagnation and decay**...It strives to live on civilized terms with its neighbors... **Dismal standards of Russian history... physical, cultural and moral decay... revival... the communist monopoly of power and the planned economy collapsed together... the beginnings of independent life in many spheres... Freed from **totalitarian controls**, the energy and brains brought changes for the better... There's room for public-spiritedness... **the crippling fear of the gulag**... instead of being isolated or bombarded with propaganda, millions... well-connected people started **clawing back power straight away**... changes for the better are often stopped in their tracks by **greedy bureaucrats**... the state dislikes criticism and opposition... Many Russians still hanker for the certainties, real or imagined, of the past: tradition, authority and unity, rather than experiment, competition and pluralism... The third trend is accelerating **decline**. Nobody in Russia's political or economic elite has seriously tried to halt the downward slide that underlay the SU's defeat in the cold war... Most of what the SU built was **shoddy**... Modern Russia **lacks the money and willpower** to sustain even that unimpressive standard... Things built during the Soviet era are **crumbling, leaking, rusting and rotting**... **Spills, collapses and fires** that in other countries would cause a huge public outcry are shrugged off as everyday events... The education system is corroded by low salaries and **corruption**... Russians are simply **dying out: smoke-ridden, drink-soused lifestyles, together with unchecked infectious diseases** have created a demographic **abyss**... **organized crime** became a feature of everyday life... **hot money from abroad*****

piled into flimsy stocks and bonds, culminating in the default, devaluation and banking collapse of the financial bubble of 1998... the country must embrace markets, private property, a stable, convertible currency, regular elections and freed to travel abroad...

На проблемы представления идеологического в тексте необходимо взглянуть при помощи «оптики» герменевтики. Об этом размышляет С.Г. Кара-Мурза. Он рассуждает следующим образом. Наука создала интеллектуальные инструменты, полезные для человека, который строит защиту против манипуляции – методологический подход толкования текстов. В XIX веке герменевтика стала общеприкладным методом и очень расширила круг объектов. Понять смысл текста можно лучше, чем сам его автор. Герменевтику широко используют в «археологии знания» – поиске истинных смыслов тех главных понятий, которые лежат в основе цивилизации Запада (например, дух и тело, индивидуум, свобода, деньги, недвижимость, преступность). Особое место занимает герменевтика в той части философии, которая занята критикой идеологии как главного средства господства и социальной власти в современном мире. Понятно, что язык идеологии, созданный как замена религии в атеистическом обществе промышленной цивилизации (? – А.Б.), для того и служит, чтобы внедрять в сознание скрытые смыслы. Поэтому для герменевтики всякий идеологический текст является прекрасным полем приложения сил. При овладении мастерством интерпретации важно приобретение рефлексивной культуры, **осмысление проявления стереотипизации материала и мнений**. Это важная аналитическая аксиологическая техника приобретает только при осмыслении достаточного количества систематизированного материала, тематически подобранного (что прекрасно предоставляется системами поиска и системами систематизации и отсылок в Интернет). Велика роль ответственности в риторической задаче такой коммуникации. Привлечь внимание должны особенности текстопостроения. Г.М. Стрелковский считал, что и в этом жанре авторы стараются избегать специальных эмоционально окрашенных выражений и оборотов речи. Эмоциональность и экспрессивность и здесь достигаются косвенными средствами – многократные повторы, синонимия, аргументация, идеологическая основа, широкое использование эвфемизмов, клише, словесного камуфляжа, использование патриотизма, воздействия на общечеловеческие чувства, эквилибристика словами, побудительная характеристика, методическое развитие мысли каждого последующего предложения из предыдущего. Тогда рождается анализ учета интертекстуальности («так говорят»).

Многие оперативные термины представляют из себя убеждающие метафоры, а не стро-

гие понятия. Широко распространены классические экономические метафоры «невидимая рука», «ночной сторож», «психология *laissez-faire*» (тут в семантике термина участвует и компонент «офранцузивания»: согласимся, что это понимается не так, как буквальный перевод «делайте, что хотите»). Существуют и мировоззренческие метафоры – *свободный рынок, открытый рынок, открытое общество*. В утверждении «*переходный период*» кроется признание ситуации приемлемой в силу временного характера. Перечислим расхожие, банальные метафоры общественно-политического дискурса об экономическом кризисе последних месяцев лета 2009 года: *economy is in bad shape; to set politics aside; to beef up the state of the intelligence; tax cut; American voters have spoken clearly; a weight has been lifted from my shoulders; a huge burden of expectations; amid a sea of supporters; running neck in neck; the clock is already ticking; to bury the hatchet; swing state; redesign the future; a new capitalism should be built out of today ruins; the shares are sliding; no-casino capitalism; chasing profits; slide into recession; removal of the trade barriers...*

Современное состояние языка очень поучительно и много говорит о современном социуме. Развитие русского языка позволяет отслеживать все те процессы, которые происходят в социодинамике, в психоистории, в динамике социальных представлений, в общественной морали на фоне цивилизационного слома, грандиозной социальной мобильности, социальной динамики, расширения объема информации, на который *volens nolens* отвечает человеческое сознание.

Так, второй группой примеров для настоящей статьи является макаронический язык в российском социуме (на примере бизнесменов-биллингов). Из вышеуказанных процессов, характерных для современного русского языка, в статье показательными примерами иллюстрируются варваризация и жаргонизация. Часть из новых заимствований привносятся в язык в силу того, что не существует слов для самих понятий (*сканнер*), часть как эвфемизм («*фандрайзинг*» вместо «*идти по миру*», «*секьюрити*» вместо «*обслуга*»), часть из дурной моды отказываться от своего. Никто не призывает отказываться от реалий, от экзотизмов, от терминов, от вполне вошедших в русский язык и нашедших в нем свое лицо заимствований. Но при этом характерны и не простые заимствования, а такие, которые говорящие воспринимают как не совсем родные. Необоснованные варваризмы по сути дела выступают метафоризацией престижности.

Социальные изменения в современном российском обществе вызвали невиданные изменения и в разговорном русском языке. Современная беллетристика, где язык, по меткому выражению В.В. Виноградова, олитературива-

ется, также не может не отражать эти изменения. Это, например, феномен сниженности, вульгаризации речи – мы называем его *феномен новой разговорности*. Это особая лингвоцентричная креативность – *новый фольклор*, отражением которого являются реклама и эстрада, даже масс-медиа.

Феномен билингвальности в современном российском бизнесе (русский плюс английский, официально продекларированные международными компаниями в качестве кредо), отражает современная российская беллетристика – книги С. Минаева «Duxless» и «The Телки» [Минаев 2008]. Главный герой указанных романов – бизнес-профессионал из международной компании в Москве.

Разговорный язык вестеринизированных героев пересыпан английскими словами:

- – *И ты собираешься уехать в Штаты?*

– *Еще пару лет, honey. Получу head of purchasing, осуществляю some investments и все. Быстро сделать карьеру и состояние можно только в России, you know, а делать investments и жить я хочу в America.*

Язык как романа, так и героев воплощает их ценности. Это мир менеджмента, имеющего вестеринизированный флер.

- – *Ты решил отменить совещание?*

– *Management meeting? Совещание? Нет, honey, солнце мое. Просто тут у меня ... – you know – порезал десну. Да мне тут на reception desk ... секретарши дали drug... из аптечки.*

• *Когда тебе дадут пост партнера, ты будешь исполнять same tricks.*

• *Это слишком overestimated проблема, – говорит одна из героинь подруге.*

• *Компания Вадима купила в сериале продакт-плейсмент для своих духов.*

• *Ленка. Я тебя умоляю. Все cool. Лена, relax, что такого произошло?*

• *Клавишей Escape мне служили книги, привезенные мамой из Russia.*

Это компьютеризированный мир, мир дивайсов:

• *В аттаче – текст статьи. Дома открываю почту, вытираю сотню писем спама. Отвечаю на какие-то каменты в своем ЖЖ.*

«Экспаты» и «люди мира» – населяющие мир мультинационального бизнеса – показаны в качестве социальной группы в романах С. Минаева. Это мир, за который не грезится даже прыгнуть. Флажками этого мира являются *маркет-ресерч, филд-репорт, сейлз, аутсорсинг*. Кумиры находятся на Западе, в его речи отражаются пласты варваризмов, заимствований и англицизмов, являющихся синонимами престижности, продвинутости, знакомства с европейской культурой, потребления западных продуктов.

• *Prada Vogue café, Chateau Margaux, Vuitton, Plaza Athenee, Chivas Regal, Челси –*

позывные тусовки, сигналы, посылаемые «продвинутым». Не обойтись без *Wi Fi* – для понимающего достаточно. В романах фигурируют персонажи гламура – *Ян Шрагер и Стив Рабелл, Филипп Старк...*

Сложные образцы игры слов, интертекста, часто макаронического – признак городской культуры современного российского мегаполиса:

- *Как закалялся «style»*
- *Москва – город менеджеров на hold-е.*

Здесь читают глянец – *меню удовольствий GQ и Vogue, обсуждают party, night-people, spa-салон, сумки Tod's, товары Pal Zelier, i Paul & Shark и «все эти нескончаемые cartier – tiffany- alainsilberschtain».*

Соответственны аллюзии:

• *Из-за алчной неврастенички, вообразившей себя Хербом Ритцем.*

• *А на полу валяется дубленка, как в том клипе у Боно из U-2.*

• *Дальнейшее происходит как в боевиках Гая Риччи.*

Наш герой – Хомо брэндикус. Он – англо-ман, если под этим понимать знатока современной американской музыкальной культуры. В его голове играет Moby – «*We're all made of stars*».

Для нашего героя характернее совсем иной ассоциативный ряд:

• *Двух молоденьких студентов, похожих на Кайли Миноуге.*

• *Как в клипе Satisfaction Benassi.*

Показательны аллюзии к фильмам:

• *Я хочу оказаться героем, которого играл Ривер Финикс в «Моем собственном Айдахо».*

Статус героя демонстрируют дорогой костюм, дорогая машина, дорогой телефон. Рядом с ним – *блондинистая сучка в чем-то прадогуччиподобном*. Бутылка в ресторане предумышленно поставлена на стол так, *чтобы большая часть зала могла видеть, что чувак лениво потягивает тысячу гринов*. Сам герой беспощаден к своему окружению:

Что изменяет их? Что изменяет их лица. Манеру поведения и сознание? По моему мнению, пространство внутри Садового кольца вечерами превращается в некое подобие компьютерной игрушки, населенной людьми-пустышками... они превратились в тени людей. В некое подобие невидимок, которые могут выходить из дома только в ночное время суток, когда искусственное освещение скрывает то, что под оболочкой из макияжа, платья «Prada», джинсов «Cavalli» или костюма «Brioni» – скрыта пустота. Безусловно, гораздо легче замотать внутреннюю пустоту дресс-кодом и сидеть мумией в каком-нибудь кафе «Пирамида» или баре «Рамзес».

Одна из тем романов – замороженность миром «молодых профессионалов»

(уирриэ). Система брэндов служит для идентификации «свой – чужой» в мире мумий.

Статус подчеркивают вещи и брэнды:

На мне серый, в бледно-розовую полоску костюм от «Canali», однотонная розовая рубашка от «Paul Zileri», запонки, коричневые ботинки «инспектор», также от Zileri. Я ношу часы, предпочитая следить за временем с помощью Nokia 8800 за тысячу долларов. Последние четыре года я устраиваю в гостиницах скандалы, если не нахожу в ванной любимой пасты Lacalut. Мне 27 лет. Я ни разу в жизни не ел вермишели «Роллтон».

Американизм воплощают в его мире музыка, брэнды, клубы, компании, экспаты, люди, живущие или застрявшие где-то *in between*.

Идеал карьеры для молодого менеджера мультинациональной компании типичен:

Ты возглавишь какой-нибудь департамент Wall Mart, я продолжу работу в финансах в BONY, Citybank или JP Motgan Chase.

Погоня за статусностью – одно из составляющих жизненной программы молодого профессионала: герой предпочитает рестораны японской или итальянской кухни, скорее из-за социального статуса.

Среди людей, которые *сосредоточены на карьере аудитора то ли в PriceWaterhouse, то ли в Deloÿt*, в качестве составляющих компонентов обязательны *взнос на новую квартиру, уродливый монолит в районе Бауманской, 120 квадратных, запонки Paul Smith, Vermentno из Bolgheri от Antinori, Золотая AmEx, знакомств с престижными брэндами Patrick Hellman, Tiffani, Ferragamo, Lacques Dessange, Tony & Guy.*

Соответственен **стиль жизни**:

Посещает фитнес Dr. Looder, клубы, не пропускает распродаж в магазинах ЦУМ, «Остатки сладки», «Подуум», делает французский маникюр и эпиляцию голеней в «Персоне ALB», предпочитает городские кафе типа «Этаж» или «Курвуазье», имеет зеленый «Mini-Cooper»...

Экспаты и люди мира – населяют мир мультинационального бизнеса.

Вот типичное воспоминание из детских глазурного журналиста:

Прикольные вещи из детства – вспоминается «Faserland» Кристиана Крахма. Хотел было выдать эту историю за свою. Да боюсь, не проканиает за sweet tetos.

Лижешь задницы придуркам из центрального офиса. Выгуливаешь их по клубам, чтобы они подтвердили твою лояльность компании и написали правильный report... А потом твоя, типа, девушка еще и выговаривает тебе за это! Fuck, а не для вашей ли совместной жизни ты крутишься, как сраная белка.

Все мы – герои бесконечного клипа из Fashion TV.

Корпорация – это фабрика, где объектом

производства служат продажи, маркетинг, бюджет, статус, дистрибуция, корпоратив, бонусы, клиненты, компании. Это Мир, за который не грезится даже прыгнуть. Флажками этого мира являются *маркет-ресерч, филд-репорт, сейлз, аутсорсинг*. Обитатели его могут быть ироничны и полуобразованны даже в своей системе координат.

Тренинг по тайм-менеджменту – это что за херня такая!

В корпорации серьезно значима проблема соответствовать стандарту менеджера среднего звена, однажды навязанному тебе непонятно кем.

И хотя об одном из героев когда-то влюбленная в него женщина говорит: «ненавидел всеобщее погружение в западную модель», в тусовке они вынуждены играть по правилам. Из уст одного из героев выходит сожаление о том, что так ведут себя люди, получившие образование, ставящее системное мышление выше системного потребления.

Дикий снобизм – неперенный атрибут личности, гонящейся за брэндами. Наш герой – Хомо брэндикус.

Тусовка показана как работа, работа светского журналиста – фрилансера.

Автор постоянно по-снобистски ироничен, он разделяет под орех всех и вся:

Главный финансовый тренд этого года – выход на IPO. Город попугаев. Так и с IPO – впечатление такое, что сегодня даже хозяйева десяти палаток «Куры гриль» мечтают выйти на IPO!

Налицо и противоречивость, амбивалентность думающего героя: «я очень хочу, чтобы здесь все изменилось. Чтобы гаишнику не нужно было давать денег, чтобы хорошие дороги, чтобы таможенники на прилете из Милана не выворачивали чемоданы, чтобы чиновник не ассоциировался с вором, чтобы приход пожарника в офис не означал бы «бутылку коньяка и соточку зелени». Чтобы лицом русской моды был Том Форд, а не Зайцев, чтобы нашу музыку ассоциировали не с Пугачевой, а с «И-2», чтобы все угорали не над шутками Галкина или Коклюшкина, а над юмором Монти Пайтона».

Его кумиры на Западе, в речи отражаются пласты варваризмов, заимствований и англицизмов, являющихся синонимами престижности, продвинутости, знакомства с европейской культурой, потребления западных продуктов.

Наш герой – Духless, на щите которого словно написано «Буду работать за еду и шмотки. А ниже логотип Dolce & Gabbana».

Мир глянца, субкультура глянца – в центре многих описаний:

Ты начинаешь свой день с кофе и неспешно выкурившей сигареты под Blur Pulp Radiohead, Cure, Oasis, Nirvana, Pearl jam, Smashing

Pumpkins, Linkin Park, Garbage.

Герой-англоман, если под этим понимать знатока современной американской музыкальной культуры:

«Я похож на Джастина Тимберлейка, хотя мечтаю выглядеть, как Джим Моррисон. Мои кумиры – Курт Кобейн, Микки Рурк и Моррисси. Ну еще немного Тулак Шакур. Нашу тусовку предал только Билли Корэна, возродивший «Smashing Pumpkins».

Достаю из шкафа бутылку «Dewars», залпом накапываю стакан. Вставляю в плеер диск с концертом Моррисси «Who put “M” in Manchester»

Мир музыки выступает как позывные: *Земфура, МакСум, Shinead O'Connor, Cardigans, Bryan Ferri – теперь твои любимые исполнители, не говоря о George Michael.*

Западничество – манифест героя:

Я не могу позволить себе, чтобы в моей машине на заднем сиденье валялась книга с названием «Комбат атакует» или «Спецназ выходит на связь». Я не смотрю бригаду. Не люблю русский рок. У меня нет компакт-диска Серегы с «Черным бумером». Я читаю Уэльбека, Эллиса, смотрю старое кино с Марлен Дитрих. И свои первые деньги я потратил не на «бэжу» четырехлетней, как у пацанов. А на поездку в Париж.

Кстати, обратный перевод макаронических текстов представляет собой проблему: они теряют стилистическую характеристику «неродные» на языке-рецепторе при обратном переводе. Существующая, например, практика перевода учебных материалов требует осмысления. Возьмем учебник в области экономики и управления в туризме – он полон транслитерированных заимствований. Не вполне укоренившихся в языке и имеющих русские аналоги: *инкаминговый туризм, теории нейминга, туроперейтинг, дестинация, рекреационные возможности, кейтеринг...* Практика перевода деловой корреспонденции заставляет вдумываться в языковую и культурную идентичность переводчиков.

На языковом уровне, отражающем социальные реалии, наряду с вторгающейся в язык варваризацией идет жаргонизация – широкое присутствие арготизмов, молодежного сленга, компьютерного сленга (*аккаунт, анлимитед, аппгрейд, апдейт, аттач, бластер, браузер, брандмауэр (то же, что и фейрволл – пояснение), инсталляция, интерфейс, кластер, коннект, крэкер, кулер, курсор, кэш, мейлер, модем, модератор, монитор, нотбук, патч, портал, принтер, провайдер, слэш, сканер, стимулятор, сэмплы, трэкбол, утилиты, флоп, хакер*). С ней соотносительны проблемы вторжения в разговорный язык «общего жаргона», жаргонизованности просторечия молодого поколения. Просторечие насыщено жаргоном, общим жаргоном. Жаргон заполонил СМИ, литературу.

Характерно, что ряд заимствований пере-

осмысляется в языковой игре. Результаты варваризации в языке вовлекаются в процесс построения жаргонизмов: *«черный нал», «маржа» («margin»), «карга» («cargo»)*. Показателен лингвоцентризм жаргона: *аська, батоны, винды, варез, винт, доска, ламер, юзер, мать, мастдай (mustdie), оффтопик, пень, писюк, прокси, рулез, сидюк.*

Показателен лингвоцентризм современного молодежного жаргона. При изучении общеполодежного жаргона, складывавшегося в конце 1980-х и начале 1990-х годов, а также языка различных групп молодежи, а именно компьютерщиков, музыкантов, диггеров, путешественников автостопом, байкеров, спортивных фанатов и многих других – обращают на себя внимание как метафоризация и переосмысление (семантические способы), так и транслитерация слов:

Акум, активный флип, Алик (мобильные телефоны фирмы Alkatel), битая трубка, биллинг, блютуз, голозуб, синезуб, браузер, вапиться (пользоваться WAP-режимом), ваять мэски, вибра, гнумас, горюче-смазочные материалы(GSM), Жаба (Java), кирпич(телефон, имеющий большие массу и линейные размеры), красный глаз(IrDA), лыжа, мотор, моторулез, нетбизя (network busy), нюша, ночка, чухня, перешивать (перепрограммировать интегральную микросхему памяти сотового телефона), распиновка (описание назначения контактов разъема сотового телефона, роуминг, Семен, Сима, соньерик, Филипп, хот-биллинг, ШАР-ЖПРС (просторечное название функции WAP-GPRS).

За последние годы язык в целом, а именно пласт молодежной лексики и жаргона обогатились следующими прописавшимися транслитерированными и не всегда приспособленными по форме к нормам русского языка заимствованиями:

Бишура (от англ. be sure – тест на подтверждение беременности, от надписи на упаковке); сейшн, беби, найсовый, агарейдить, аскер, аскасть, байкер, байк, берздей, бестовый, беспрайсовый, блэковка, блэк, бразер, брейкер, задринчить вайну, вайф, винды, виндовский, войс («Войс был молодой, звонкий, веселый»), выдринкать, герлы, гуд, даун, дарлинг, драйв, дринкать, дэнс, заинсталлить, задринчить, заслипать, засэйшенный, зафачить, трузера на зипперах, ивнинг, интерсейшен, искейпнуть, кантри («Поехали на кантри!»), крейзи-хаус, лайкать, лейбл, мани, мессидж, миксовать, милитэр, мэновый, мэйкатьсь, мэйло, найтовать, нью-вейвщик, олдovsky, отпринтить, оффачить, оффэйсовать, парента, пати, перенайтать, пипл, поспикать, прайзовый, прайс, проаскнуть, пэрэнс, рейв, релакснуться, рингануть, флет, сконнектиться, спикать, тин, трэшер, фазер-мазер, фак-сейшн, файновый, фэн, фейс, френд, форэвер, форин, фейсушник, хич-хайк,

шузы.

Характерна специфическая манера речи – американизированные интонации типа *rising tune*, характер обращения СМИ и других отправителей публичной речи со своей аудиторией (*пиплы, хай*).

Исследования вышеуказанных феноменов позволяют отчетливо видеть новый ракурс социолингвистики – перевыражение социальности в языке и формирование языком социальности и культуры. Показателен интерес, демонстрируемый филологической наукой не столько к системе языков, сколько к носителю языка в современных условиях, исследование проливает свет на то, чем является современная языковая личность россиянина. Материалом является совокупность текстов, характерной для деятельности языковой личности в современный период во всем жанрово-стилевом, тематическом и концептуальном многообразии. Свет на изучение современной языковой личности россиянина проливают исследования коммуникативного поведения (И.А. Стернин), ценностей (Н.Е. Покровский, Т.Д. Венедиктова, Н.А. Нарочницкая, Н.И. Лапин, Ю.С. Степанов, Д.С. Лихачев), мультикультурализма (В.А. Малахов) и межкультурной коммуникации (Л.Н. Гришаева, Т.В. Цурикова, Т.Д. Грушевицкая, А.П. Садохин, А.Л. Мясоедов, А.В. Павловская, О.А. Леонтович), этнолингвистики (Н.И. Толстой, М.А. Копыленко), лингвокультурологии и лингвострановедения (Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, Л.Г. Веденина, Чернов, Г.Д. Томахин, А. Рум, Дж. Поуви), когнитивной лингвистики и концептологии (Ю.С. Степанов, В.И. Карасик, В.В. Воробьев, З.Д. Попова, И.А. Стернин), исследования дискурса, психолингвистики и психолингвистики развития и двуязычия, прагматики, языкового сознания, герменевтики (Г.И. Богин), риторики (Ю.В. Рождественский, В.И. Аннушкин), социолингвистики (Н.Б. Мечковская), гендерной лингвистики, политической лингвистики (А.П. Чудинов), метафорики (Дж. Лакофф и его многочисленные последователи), переводоведения (Т.А. Казакова, В.Н. Комиссаров, А.В. Федоров, В.Г. Гак), лингвистики текста, социальной и культурной антропологии (С.Г. Тер-Минасова), лингводидактики (В.В. Сафонова, Н.Д. Гальскова), стилистики, семантики, диалога и его стратегий, коммуникативной лингвистики, речевого этикета (Н.И. Формановская), исследование прецедентных текстов (Д.Б. Гудков, В.В. Красных), профессиональной коммуникации, языка художественной литературы, модельных языковых личностей (В.И. Карасик), исследования коммуникации (Н.Б. Мечковская), кросс-культурные исследования семантики (М.А. Кронгауз), исследования фразеологии (В.Н. Телия), билингвальные исследования переводоведов и типологов (А.Л. Пумпянский, Б.А. Абрамов, В.Г. Гак, В.Д. Аракин).

Этот интерес и к среднему россиянину – но-

сителю русского языка, и к идеальному носителю языка не ограничивается русской национальной личностью и уж тем более фольклорной языковой личностью. Это связано с вопросами глобализации, с культурными и человеческими контактами, с языковыми контактами, с резко возросшим темпом жизни, сменой общественно-политических реалий в России. Показательна эклектика национального сознания, эклектика национальной идеологии. Конституция РФ прямо провозглашает отсутствие в России единой государственной идеологии. Куда там гр. Уварову и его современным последователям с триадой «православие – самодержавие – народность»! А.А. Зиновьев назвал наше общество «рогатый заяц» – смесь западной идеологии, советизма и дореволюционной идеологии. (Этому есть проявления и на языковом уровне: *Кадетский корпус располагается на улице Советская, идут, гимназисты с улицы Желябова смотреть «Индиану Джонс», коммунисты из атеистов стали верующими коммунистами*, при всей критике «*кошмарных девяностых*» мы пользуемся ельцинской конституцией и основными завоеваниями девяностых, с удовольствием ездим на Запад, кишащий врагами, мечтающими, как ослабить Россию, денежные средства российское правительство хранит в чужих чулках и т.д.)

Современная языковая личность россиянина представляет собой поликультурную личность, в основании которой находится русская национальная личность. Наблюдения и описания показывают значимость других языков и культур в языковой жизни современного носителя русского языка. Национальная картина мира неизбежно дополняется другими картинами мира, преобразуется у большинства представителей российского социума. Показательна успешность личностей, демонстрирующих эмпатию других культур, двуязычие, вырабатывающих лингвокультурологическую компетенцию. Здесь теоретическую основу этого явления представляют мультикультурализм, межкультурная коммуникация, европейская языковая полтика и лингводидактика, множественная идентичность (национальная, культурная, корпоративная, гендерная, социальная, семейная, часто пересекающиеся). В связи с фактором времени исследования ценностей русских, базирующихся на исследовании классической литературы, религиозной философии, фразеологии, В.И. Даля, фольклористики имеют лишь историческое значение: такими были россияне. Есть реликты этого в картине мира современных представителей нашего социума. Однако новыми в современной картине мира (и это находит отражение в том числе и в языковой картине мира) являются целые пласты менталитета (*концепты суд присяжных, акционер, социальное государство, прайваси, папарацци, экуменизм, агностицизм, Евросоюз, маркетинг, менедж-*

мент, космос, мегаполис и мн.др.).

Относительный и абсолютный билингвизм, учет фактора многоязычности России, учет миграции не позволяют говорить о том, что все члены российского социума обладают исключительно национальной картиной мира. Ее дополняет их национальная идентичность, глобальная англоязычность. Увеличение культурных контактов, влияние их на систему образования, открытое общество, знание как классических, так и массовых культур зарубежных стран, влияние транснациональных культур профессиональных страт (субкультура компьютерщиков), деятельность системы образования по воспитанию эмпатии и понимания межкультурного диалога, реалии Интернет общения оказывают куда как большее влияние на языковую личность россиянина. Воздействуют коммуникация в невербальных искусствах, классическая и поп-музыка. Скажем, языковой коррелят – множество освоенных заимствований слов, новых концептов русской языковой личности.

Настоящий этап экономических преобразований в России характеризуется декларативным и фактическим отказом от административно-командного типа экономики и планирования, декларацией и внедрением принципов рыночного поведения, мышления. Так как собственных специалистов по рынку двадцать лет назад не было, широко и порой заимствовались и индоктринировались принципы экономики государства с рыночным хозяйством. Несмотря на критику свободного рынка в последние годы, критику неприменимости модели западного экономического образования, образование типа программ MBA остается престижным и востребованным, а ряде отраслей экономической деятельности – банковское дело, биржевое дело, маркетинг, франчайзинг – единственно возможным. Усвоение знания осуществляется путем индоктринации концептов, критического заимствования на практике. Международный компонент особенно актуален, так как невозможно подготовить менеджера по западным лекалам в российском пересказе, ибо этот путь отрицает качество образования менеджера.

Так, любое определение маркетинга зиждется на следующих ключевых понятиях: *needs, wants and demands, products, utility, value and satisfaction, exchange, transactions and relationships, markets, marketers*. Показательны эквиваленты основных форм организации бизнеса и их аналоги в отечественной деловой культуре – *individual proprietor ship, sole trader, sole proprietor, plc, franchising*. Специфика банковского обслуживания выражается в тождественных ходовых концептах – *credit card, account debit card, electronic cash tills, computer on-line banking, merchant banks*. Средства оплаты – *cash, cheque, credit, standing order, hire purchase*. Документы одинаковы: *коносамент = bill of lading, инкассо, счет-фактура = invoice*.

Основные концепты экономической науки стандартны – *inflation, cost-push inflation, demand-pull inflation, marketing management, advertising, societal marketing*. Стратегии ценообразования лишь получают перевод в русском языке – *cost-plus pricing, price discrimination, pricing strategies*.

Итак, в русском языке просто появляются общепринятые эквиваленты вышеназванных терминов, переводы их дефиниций. Это магистральный путь расширения концептуальной системы экономики в силу вышеуказанных условий.

Языковые знаки исследуемого дискурса могут выступать как актуализации. В нашей работе нами обсуждается мифологизация идей при помощи метафор, продемонстрированная А.Ф. Лосевым в работе «Диалектика мифа». Нами показано, что метафоры поэта и политика принципиально разнятся, поскольку разнится тип дискурса (функциональный стиль), разная языковая личности адресанта и адресата, разные цели, разные смыслы, наличествует или отсутствует фактор массового адресата, налично разная языковая личность политика и художника. Многие (едва ли не все) метафоры политики банальны, стереотипны. Притчами говорил и Христос. Какова особенность политических и гражданских метафор?? Почему эти метафоры так легко номинировать (Дж. Лакофф)?!

Избитая метафоризация известна в дискурсе многих социально-гуманитарных наук, в том числе в экономическом: *крупный скачок, сжатие денежной массы, макроэкономическая стабилизация, попытки макростабилизации, валютный коридор, черный вторник, раскручивание рынка ГКО, прозрачность / непрозрачность экономики, широкие деньги*.

Избитая метафора традиционно привлекала внимание исследователей как риторическое средство, и, если в художественном тексте это средство сказать что-то новое, построить неявно данный смысл, вызвать рефлексию читателя, то в области социального дискурса метафоры в силу своих семантических особенностей – камуфлируют действительность. «Еще в горбачевскую перестройку, когда ясности на предмет, а чего мы хотим, было еще меньше, чем сейчас, элементы «новояза» явили себя в абсолютной метафоричности в социально-политической тематике: *«темный тоннель, в конце которого свет (по иным версиям – тьма), обустроенность, шок, шоковая терапия, обвал, обвал рынка ГКО, беспредел, ближнее (дальнее) зарубежье* [Сидоров 2003].

Все вышесказанное приводит к разделению метафоризации и актуализации (не всякая метафора значима). Основанием в славистике являются труды прагматов, вообще функциональной формальной стилистики.

Вот эквивалент товара деньги со всем известными своими функциями. *Деньги жгут руки, шальные, легкие, приходят, уходят, ле-*

тят в толпу, на ветер, тянут карманы... Известны случаи как образных метафор (типа *white elephant, bear, bull*), так и метафорических рефлексов (типа *gobble, grope, float, greed-for surplus labor, hobble, hopping, waiver, target, tailor-made, peg, wear, trust, trim, turnover, tug of war, turnkey, windfall, wrap-up* и т.п.), так и семантического способа словообразования. Известны и присущие даже письменному дискурсу «экономикс» жаргонизмы (*grand, half –a –bar, haggle, jawboning* = переговоры с целью достижения согласия о приемлемом росте зарплат; *kite* = дутый вексель; *nest egg* = сбережения, денежный фонд).

Простое перечисление существующих феноменов не проливает света на функции метафор в экономическом дискурсе. Из них явно видятся оценочная, персуазивная, экспрессивная, образная, информационная.

Метафоризация может быть свойственной и терминам типа *hot money* = горячие деньги, *to top up* = ликвидировать убыточное предприятие; *naked option* = «голый аукцион» – т.е. необеспеченный от неблагоприятного движения цен.

Так, например, фразеологизмы могут выступать как актуализации комического. Фразеологизмы есть в широком смысле слова метафоризации, весьма неожиданные, культуроспецифические, актуализирующие новые смыслы. Такова их функция в дискурсе. Смыслы, актуализирующие комичную оценочность, представлены в следующей дроби текста (лексические корреляты – метафоризированные фраземы):

Нестандартны метафоризации, актуализирующие смысл «комическое», оценочность:

На М. Горбачева обрушились потоки жесткой критики, «партократы» уже чувствовали запах приближающегося пожара, дали волю своему раздражению... Но когда вконец измотанный Горбачев поставил вопрос о своей отставке с поста Генерального секретаря, члены ЦК дрогнули, испугались своей «смелости», и стали даже просить Горбачева остаться на капитанском мостике. Именно на этом Пленуме была потеряна последняя возможность сбросить с ног изношенные в конце горбачевские лапти и попробовать пойти, как встарь, босыми ногами по росистой траве. Но сил уже не было... мало кто заметил, что на Пленуме забыли, что собрались для того, чтобы наметить пути развития страны. Наступал маразм.

Без труда выделив в вышеприведенном отрывке фразеологизмы и вообще метафоризированные фраземы, исследователь теории текста не может не отметить их функцию **актуализации определенных смыслов комичной оценочности**. Продемонстрированные примеры свидетельствуют о концентрированной трактовке в метафоризированном образе демонстрируемого смысла, особом приеме пробужде-

ния рефлексии – актуализации.

В качестве актуализации может выступать сниженность языка. Характерно, что на арготизированном языке заговорил новый кинематограф: *базар, крутой, мочилово, брателло, грохнул*. Важна только уместность такого языкового знака.

Характерный молодежный сленг большинством слушателей воспринимается как оригинальное стилистическое явление: *стебаться, приколист, зажигать, колбаситься, препод, гасилово, стипуха*. Как разговаривать с представителями финансовых структур, М. Арбатова однажды инструктировал один генерал: *«Когда пойдешь разговаривать с крутыми, объясняй им так: «За вами – синие, за нами – спецура. Вы – в семье, мы – в семье. Ну зачем двум семьям ссориться из-за какой-то депутатской корочки? Я ни слова не поняла, но стонала от удовольствия».*

Эту же тенденцию актуализированных сниженных или даже обценных единиц демонстрирует четырехтомная книга известного приватизатора А. Коха и не менее известного журналиста И. Свиначенко «Ящик водки» [Кох 2002]. Книга – записи бесед, состоявшихся за двадцатью бутылками водки между ее главными героями. Они обсуждают события нашей истории и своей жизни в 1981-2001 годах. Неизвестный рецензент был категоричен: «Старый поделщик Чубайса Кох решил, видимо, что светлый образ правого вождя не нуждается в услугах наемных пиарщиков. Альфред Рейнгольдович порадовал народ изданием своих пьяных базаров... Результат просто потрясающий! Вздумай Кох разложить перед дверьми избирателей свои носки – он и то вряд ли достиг бы большего эффекта». Но все не так просто.

В современном повседневном языке россияне характерны широкое заимствование элементов рекламы, слоганов, политического новояза. Возрастает личностное начало в речи, активнее взаимодействуют книжная и разговорная речь, наличествует языковая игра («Любишь кататься – о катись на фиг»), юмор (о серьезных вещах говорим с улыбкой), карнавализация, при этом не экономится понимание (из подтекста игру необходимо понимать), наличествуют элементы коллективного языкового сознания (презентемы, логоэпистемы, лингвокультуремы, фигуры знания, интертекстемы). Вот как шутит современный русский язык: *Деньги не пахнут, потому что их отмывают*. Для сегодняшнего состояния языка, вырвавшегося из-под спуда запретов и нормирования, характерным оказалось жонглирование прецедентными текстами (логоэпистемами), карнавализация, творческое начало. Творческое начало проявляется в создании иронических неологизмов: *катастройка, лжурналист, попу-лизатор, прихватизация, Садовное кольцо, мэриози, карма*. Характерна снисходительность языка к

чужим словам, перестраиваемым при помощи норм родного языка: *видик, сидюшник, бмешушка, Емеля*. Лингвоцентризм присущ даже жаргону как отражение рефлексии над языком; лингвокреативность присуща даже неологизмам: *аська, батоны, винды, вarez, винт, доска, ламер, юзер, мать, мастдай(mustdie), оффтопик, пень, писюк, прокси, рулез, сидюк*. Политическая риторика тоже играет с прецедентными текстами массовой культуры – появляются фразы, делающие запоминающиеся выступления первых лиц России, ярких публичных карнавальных политиков. Грубость на отечественном телевидении («*У кого нет миллиарда – пусть идет в ж***. Ну все, главное слово прозвучало*»), запоминающиеся фразы (*лягу на рельсы; Начать, процесс пошел, раздрай, мочить в сортире, жевать сопли*) можно также рассматривать как стремление к актуализации. Сюда же стоит относить и более сложные речевые фигуры. Так, лидер политической партии, тоскующей о былом, демонстрирует следующий каламбур (*rip*): «*Раньше и жаловаться можно было – РАЙком, а теперь АДминистрация*».

При этом в связи со смыслом комического привлекают внимание **языковые средства оценки**. Оценка вершится не только и не сколько в речевых актах прямой оценки («*Это негодай*»). Или, например, в лекциях по литературе В.В. Набокова даны прямые и косвенные пристрастные оценки (ср. об Элиоте: «*Это мошенник даже худший, чем смешной Томас Манн*»). Разработка теории актуализации, начатая в филологии русскими формалистами и прагматиками, должна быть продолжена. Актуализация, изучаемая первоначально в художественном дискурсе, характерна и как средство выражения и оценки в иных, нехудожественных видах дискурса с художественной установкой.

Подводя итоги исследованию стереотипий в экономическом дискурсе, сделаем следующие выводы:

1. Выявленная языковая специфика (концептуальные заимствования, транслитерации, актуализации) характеризует явления, типичные для дискурса с воздействующей установкой, и влияет на категории профессионального мышления.

2. Реципиент общественно-политического и медийного экономического дискурса нуждается в оптике, по его прочтению, делающей видной стереотипии, трескотню, пропагандистскую шелуху, отлетающую при первом пристальном

рассмотрении, символизацию и мифологизацию – явления, характерные для дискурса с воздействующей установкой.

ЛИТЕРАТУРА

Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык. – М.: «Флинта», 2002. С. 344.

Бушев А.Б. Наука о языке и вульгаризация речи в СМИ // Российская наука и СМИ: Сб. статей [Под ред. Ю.Ю. Черного]. – М., 2004. С. 121-129.

Бушев А.Б. Неориторические исследования // Русская речь в современном вузе: Материалы Второй международной научно-практической интернет-конференции [Отв. ред. д.п.н., проф. Б.Г. Бобылев]. 15 октября – 15 декабря 2005 г., ОрелГТУ. – Орел: ОрелГТУ, 2006. с. 245-254.

Бушев А.Б. Современные особенности языка российских СМИ (социолингвистические заметки) // Вестник ЦМО МГУ, № 5. Часть 1-2. «Филология. Культурология. Методика». – М.: Ред. Изд. Совет МОЦ МГ, 2005. С. 67-72.

Губаева Т.В. Словесность в юриспруденции. – Казань, 1995.

История экономических учений [Под ред. В. Автономова и др.]. – М.: ИНФРА-М, 2006. 784 с.

Кеворков В.В., Кеворков Д.В. Практикум по маркетингу. – М.: «КНОРУС», 2008. 544 с

Кирилина А.В. Исследование языка в свете постмодернистской философии // Стилистика и теория языковой коммуникации: Тезисы докладов конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора МГЛУ И.Р. Гальперина. – М., 2005. С. 34-35.

Корпоративный секретарь в системе корпоративного управления компании [Под общей ред. И.В. Беликова]. – М.: Имперіум-пресс, 2005. 424с.

Кох А., Свиаренко И. Ящик водки: В 4 т. – М.: «ЭКМО», 2002.

Минаев С. Duxless. The телки. – М., 2008.

Ольшанский Д.В. Основы политической психологии. – М.: СПб.: «Питер», 2001.

Сидоров В. Крапива на языке // Отечественные записки. «Советская Россия» 28 август 2003 года. Вып. № 24.

Хитарова Е.Г. Дискурсивные структуры экологической тематики в лингвистическом и правоведческом аспектах (на материале русской и английской публицистики). Автореф. дис...канд филол.наук. – Краснодар, 2005.

Glaserfeld, Ernst von. Radical Constructivism: A Way of Knowing and Learning – London: RoutledgeFalmer, 1998.

© Бушев А.Б., 2009

Садуов Р. Т.
Уфа, Россия

Saduof R. T.
Ufa, Russia

ГРАФИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА
КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ АМЕРИКАНСКОГО
ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

GRAPHIC LITERATURE
AS A CONSTITUENT PART
OF THE US POLITICAL DISCOURSE

УДК 81'27

ББК Ш 100.3

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19

Аннотация. Целью данной статьи является определение места и роли графической литературы в политическом дискурсе США. В статье дан краткий обзор истории возникновения и развития графической литературы, приведены примеры ее использования в различных сферах жизни общества. Особое внимание в статье уделено рассмотрению графической литературы в контексте политического дискурса США, где она активно используется политическими лидерами для достижения ряда целей. При этом графическая литература рассматривается как креолизованные тексты, объединяющие в себе графическое и литературное начала, что способствует увеличению их суггестивного потенциала.

Abstract. The aim of the article is to specify the place and the role of graphic literature in the political discourse of the US. The article informs about the emergence and development of graphic literature, gives examples of its use in various social spheres. Special attention is given to graphic literature in the US political discourse, where it is used by political leaders to achieve a number of aims. Graphic literature is regarded as creolized texts that include both graphic and literary arts, which results in enhancing their suggestive abilities.

Ключевые слова: политический дискурс США, графический роман, креолизованный текст, Барак Обама.

Key words: the US political discourse, graphic novel, creolized text, Barack Obama.

Сведения об авторе: Садуов Руслан Талгатович, аспирант.

About the author: Saduof Rouslan Talgatovich, post-graduate student.

Место работы: Башкирский государственный университет.

Place of employment: Bashkir State University.

Контактная информация: 450077, г. Уфа, ул. Достоевского, д. 106, кв. 36.

E-mail: rtsf@bk.ru.

Целью данной статьи является определение места и роли графической литературы в политическом дискурсе США. При этом основной разновидностью графической литературы, представленной в США, является комикс, который и явился объектом исследования данной статьи. Для достижения поставленной в исследовании цели необходимо решение следующих задач:

- 1) дать определение понятию «комикс»;
- 2) определить роль и значение жанра комикса в жизни общества;
- 3) обозначить цели использования комикса в политическом дискурсе США;
- 4) проанализировать типичные примеры использования комикса в политическом дискурсе США.

Теоретической базой статьи послужили работы российских и зарубежных исследователей графической литературы.

Комикс – это «форма визуального искусства, состоящая из картинок, объединенных с текстом в виде «баллонов» или надписей рядом с изображением» [Зими́на]. Комиксы представляют собой явление массовой культуры. В том или ином виде они встречаются во многих странах под разными названиями: «bilderbogen» в Германии, «bande dessinée» во Франции, «fumetti» в Италии, «manga» в Японии, «comic book» в США [Из истории комикса]. Даже в СССР, где комикс официально считался примитивным искусством, существовал свой аналог детских нарисованных

историй – «Мурзилка», «Веселые картинки» и ряд других.

Необходимо обратить внимание на то, что комиксы появились еще в Средневековье. Первые упоминания о создании историй в картинках относятся к XII веку, когда буддийский монах Тоб нарисовал четыре юмористические истории, рассказывающие о животных, изображавших людей, и о буддийских монахах, нарушавших устав. Эти истории представляли собой четыре бумажных свитка с рисунками тушью и подписями к ним. Ныне они хранятся в монастыре, где жил Тоб [Зими́на]. В Европе и на Руси прародителем комикса было лубочное искусство, являвшееся, по сути, видом народного творчества [Комикс в образовании: есть ли польза от дела?].

Тем не менее, родиной комикса как массового явления стали Соединенные Штаты. Именно там во времена Великой депрессии зародился данный жанр. Безработные мультипликаторы были, своего рода, первопроходцами в этой области – их нанимали редакторы газет для создания коротких рисованных юмористических историй и карикатур. В дальнейшем из этих историй выросла целая индустрия [Зими́на].

Слово «комикс» произошло от английского «comic» (смешной, веселый). Однако, мнение, что комикс – это веселое произведение, ошибочно. М.С. Костюхина, кандидат филологических наук, доцент кафедры детской литературы РГПУ, поясняет, что тематика и проблематика

комикса могут быть очень серьезными: «С помощью графической литературы <...> можно рассказать о чем угодно. Но в основе поэтики жанра лежит ирония. А в иронии, бесспорно, главенствует интеллектуальное начало» [Костюхина]. Игорь Колгарев, российский комиксист, автор рисованных историй на христианские мотивы, считает, что «один из главных мифов в сознании людей в нашей стране, это то, что комиксы должны быть обязательно смешными». Далее он приводит статистику: «Если подсчитать соотношение юмористических комиксов в мире к другим комиксам, то оно будет едва ли не как 20 к 80-ти процентам. Комиксы могут быть как юмористическими, так и серьезными, трагическими. Многих смущает само слово “комикс”, которое будто бы изначально диктует им быть юмористическими. Но это ошибочное мнение» [Колгарев]. В подтверждение этих слов Ирина Арзамасцева, доцент кафедры русской литературы XX века Московского государственного педагогического университета, приводит в пример протестантские, католические средства массовой информации, которые «очень активно используют комиксы как средство ознакомления людей с христианскими сюжетами» [Комикс в образовании: есть ли польза от дела?]. Аналогичные примеры приводит и Игорь Колгарев: «На Руси исстари существовал наш отечественный, русский жанр комиксов, называемый “лубок”. Примечательно, что первые лубки были в виде бумажных икон, библейских картинок, на темы “Жития святых”, то есть носили откровенно религиозный характер. Знаменитыми мастерами их слыли Павла Берында, монах Илия, Василий Корень. Такие лубки нередко распространялись в народе бесплатно, при содействии богатых монастырей» [Колгарев].

Таким образом, комикс является древним жанром, который на протяжении нескольких веков использовался и до сих пор используется в разных сферах жизни общества для достижения дидактических, просветительских, суггестивных и некоторых иных целей.

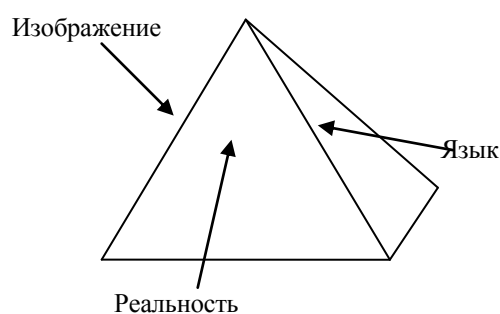
Необходимо оговориться, что комикс – это не только изобразительное искусство, но и литературное. Так, С.С. Зими́на отмечает: «Манга [японский комикс] составляет от трети до половины всей публикуемой в Японии печатной продукции. Она уважаема и как форма изобразительного искусства, и как литературное явление, и, так как авторы манги ничем не ограничены в полёте своей фантазии, существует великое множество произведений самых разных жанров и для всех возрастов» [Зими́на].

В европейской и американской традициях также существует тенденция разделять в комиксах текст и рисунок. Михаил Заславский, автор, историк и переводчик комиксов, отмечает: «Сценарий оценивается как литературное произведение, а к графике применяется искусствоведческий подход. <...> Существуют уникальные исследования Уилла Айснера и Скотта МакЛауда

да. Они детально разбирают роль знаков в комиксах, согласование всех его элементов в единое целое, вопросы ритма» [Комикс в образовании: есть ли польза от дела?].

Тем не менее, несмотря на то, что оба вида искусства в графическом романе оцениваются по отдельности, комикс – это единый жанр, где литература и графика связаны между собой. Так, Скотт МакЛауд в классической работе «Understanding Comics» пишет, что «необходимость в существовании единого языка комикса приводит нас к тому, что слова и картинки становятся одной стороной одной и той же монеты» (перевод наш – Р.Т.) [Scott McCloud]. Автор показывает соотношение изображения, языка и действительности в виде трехгранной пирамиды:

Схема 1. Соотношение реальности, изображения и языка в комиксе (по С. МакЛауду)

Как видно, в представлении МакЛауда язык и изображение являются равноправными, неотделимыми друг от друга сущностями, которые объединяются в стремлении отобразить реальность. Последнее замечание особенно важно. С.С. Зими́на пишет: «Американские комиксы всегда отражают время читателя. Читая американский комикс мы всегда знаем какие это примерно годы и какая политическая обстановка окружает героев. <...> В комиксах всегда можно найти предметы быта, соответствующие времени: телевизоры, радио, машины и пр.» [Зими́на].

О взаимопроникновении двух видов искусств говорят и исследователи креолизованных текстов. По своей структуре и содержанию комиксы относятся именно к этой группе текстов, поскольку сочетают в себе помимо вербального компонента еще и невербальный [Анисимова 2003: 8]. Креолизованные тексты, таким образом, – тексты, фактура которых состоит из негомогенных частей: вербальной (языковой/речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык) [Сорокин, Тарасов 1990: 180]. При этом названные части являют собой единое целое. Л.В. Головина считает, что изображение в креолизованном тексте накладывается на вербальный текст и их взаимодействие приводит к созданию общего смысла креолизованного текста [Головина 1986].

Таким образом, полноценное исследование креолизованного текста непременно должно

включать в себя анализ обоих аспектов комикса – графического и литературного. Только в этом случае исследование может обрести законченный вид.

Равноправное положение литературной и графической составляющих комикса нашло отражение в том, что на смену «комиксу» очень быстро пришел термин «графический роман», который употребляется ныне более широко, поскольку, во-первых, является более нейтральным и может включать в себя разные виды и подвиды комиксов (непосредственно американский комикс, японскую мангу, итальянские fumetti и т.д.), а, во-вторых, точнее отражает его двойственную графическо-литературную сущность. М.С. Костюхина в своей статье «Этот несерьезный комикс» даже выделяет комикс в отдельный вид искусства – графическую литературу [Костюхина].

Необходимо оговориться, что в настоящей статье наряду с «комиксом» используются такие понятия, как «графический роман» и «графическая литература». Данные термины используются как синонимичные. Тем не менее, понятие «графический роман» является приоритетным, поскольку более полно отражает суть данного явления, подчеркивая наличие в комиксе как графического, так и литературного начал.

Следовательно, из вышесказанного можно заключить, что графический роман является самостоятельным видом творчества, объединяющим в себе наглядность нарисованных образов и убедительность литературного искусства. Серьезность, с какой западный мир подходит к комиксам, выражается в том, что Франция и Бельгия, например, зачислили комикс в «реестр» официальных искусств, лучшие работы этого жанра выставляются в Лувре. А с 1960-х годов во Франции функционирует еще и Центр изучения графической литературы, занимающийся исследованием комикса [Костюхина].

Соединенные Штаты являются одной из стран, где графический роман занимает важное место в жизни общества. «Американец проводит всю свою жизнь в компании одних и тех же героев, может строить свои жизненные планы исходя из их жизни. Эти герои переплетены с его воспоминаниями, начиная с раннего детства, они – его самые старые друзья. Проходя вместе с ним через войны, кризисы, смены места работы, персонажи комиксов оказываются самыми стабильными элементами его существования» [Завьялова]. Комикс стал целой индустрией, в которой работают сотни художников и сценаристов, многие из которых стали известны на весь мир: Уилл Айснер, Скотт МакЛауд, Боб Кейн, Билл Фингер, Фрэнк Миллер – лишь некоторые имена из этого списка. По сценариям графических романов ставятся кинофильмы («Супермен», «Бэтмен», «Человек-паук», «Город грехов» и т.д.). А подвиги героев комиксов косвенно оказывают влияние на американскую действитель-

ность. Так, в результате «борьбы» Супермена с печально известным Ку-клукс-кланом, последний потерпел поражение не только в вымыслах, но и в реальности: герой комикса полностью разрушил мистический ореол вокруг преступной деятельности организации, лишив ее как старых членов, так и притока новых. Комикс о Человеке-пауке изменил судебную систему США: именно в нем появилось устройство, которое позднее стало использоваться для слежения за преступниками, отпущенными на свободу и находящимися под домашним арестом [Juddery].

Неудивительно, что комикс стал частью политического дискурса США. Видится, что использование графического романа в политике имеет несколько целей:

- Обретение политическим деятелем популярности;
- Информирование населения;
- Воздействие на читающую комиксы аудиторию.

Первая цель – обретение популярности – выражается в том, что посредством комикса политический деятель становится ближе простому человеку, потому что появляется на страницах знакомого ему издания. Так, 44 президент США Барак Обама в ходе своей предвыборной кампании рассказал, что является поклонником комикса [Барак Обама стал героем комикса о Человеке-пауке]. Более того, он стал героем ряда графических романов. Первым комиксом, где появился нынешний президент, был «Licensable Bear™» №4. За ним последовал «Savage Dragon» №137, где Барака Обаму впервые можно увидеть на обложке комикса. Во время предвыборной кампании были изданы еще два графических романа: «Presidential Material: Barack Obama» Джеффа Мариотта и «Obama: The Comic Book» Рода Эспиноза. Уже после своего избрания Барак Обама появился в популярном комиксе о Человеке-пауке – «The Amazing Spider-Man» №583. Далее последовали три комикса, где задействован вновь избранный президент: «Savage Dragon» №145, «Youngblood» №8, «Thunderbolts» №128 [Barack Obama (comic character)]. В ближайшем будущем планируется издать еще два комикса с участием Барака Обамы: «Drafted: One Hundred Days», «Barack the Barbarian» [Manker].

Необходимо отметить, что Барак Обама – не первый и не единственный политик, который появляется на страницах графических романов. Во время Второй мировой войны Франклин Рузвельт стал персонажем комиксов, в которых супергерои сражались с Гитлером. Несколько раз в комиксах появлялись и Джон Кеннеди, и Рональд Рейган [Colton]. В серию был запущен проект «Female Force», который включает в себя ряд комиксов о женщинах в современной политике. Их героями являются Мишель Обама, жена 44 президента США, госсекретарь США Хиллари Клинтон, экс-кандидат в вице-президенты США

от Республиканской партии Сара Пэйлин, а также Кэролайн Кеннеди, дочь убитого президента США Джона Кеннеди [Первая леди США станет героиней комиксов].

Вторая цель – информирование населения – выражается в том, что комикс в доступной и понятной форме может рассказать о политическом деятеле. Именно с такой целью запущена серия «Female Force», и именно с такой целью издан комикс «Presidential Material». Последний был задуман как состоящий из двух частей: одна из них посвящена Бараку Обаме, вторая – Джону МакКейну. Оба представляют собой историю жизни двух основных кандидатов на пост президента США с детских лет до начала предвыборной кампании.

В настоящее время в мире графических романов существуют две тенденции: комиксы мемуарные, рассчитанные на взрослую аудиторию, и традиционные комиксы про супергероев, рассчитанные в большей степени на подростковую аудиторию. Авторы «Presidential Material» сознательно выбрали второй вариант, чтобы биография президентов была усвоена и молодым поколением американцев [What's behind McCain and Obama's comic timing?]. С другой стороны, издатели рассчитывали, что необычность самого проекта, как и нестандартная форма преподнесения материала, привлекут и взрослое население, и даже тех, кто вообще не читает комиксы. Так, Скотт Данубер, редактор компании «IDW Publishing», которая занималась выпуском данного издания, надеется, что «люди, которые обычно не покупают комиксы, придут в магазины, чтобы купить этот комикс» (перевод наш – Р.Т.) [Dobuzinskis]. И ожидания редактора оправдываются: тиражи комиксов раскупаются посредством сети Интернет еще до появления на прилавках [Мишель Обама станет героиней комикса].

Третья цель использования графического романа в политике – воздействие на читающую аудиторию. Ирина Арзамасцева считает, что комикс обладает большим потенциалом: «Он [комикс] превосходно доносит до сознания людей информацию, он – прекрасный информатор. Другое дело, что это за информация. Пока комиксы насыщают информацией легковесной, развлекательной. Но комиксы способны оказывать влияние на сознание человека, может быть, даже большее, чем литература, хотя это влияние более грубое, прямолинейное» [Комикс в образовании: есть ли польза от дела?]. Графический роман, действительно, может оказывать на читателя сильное воздействие, поскольку сочетает в себе сразу два вида искусства: словесное и графическое. При этом «воздействие» понимается как социально-психологическая активность, «направленная на людей и их группы с целью изменения психологических характеристик личности, групповых норм, общественного мнения, настроений и переживаний» [Крысько 2006: 325]. То есть «воздействие» имеет своей

целью повлиять на мысли и чувства тех, кто этому воздействию подвергается.

Прежде всего, следует отметить характер лексики графических романов, использующихся в политическом дискурсе. Текстовая составляющая таких комиксов более обширна [Boucher]. При этом лексика в них достаточно простая, как в любом графическом романе [Комикс в образовании: есть ли польза от дела?]. В результате, политический комикс является литературой, доступной широким слоям американского общества.

Кроме того, существует мнение, что первые комиксы (комиксы про Супермена) изначально основывались на библейском рассказе о Самсоне и на истории Моисея. В подтверждение этой гипотезы художник Алан Олдрич на выставке «Народ Книги, супергерои и еврейская культура» представляет ранние комиксы о Супермене, где главный герой изображен в библейских сандалиях [Дорфман]. Данный факт является особенно примечательным, поскольку в этом случае графический роман переходит в плоскость литературы, основанной на мифологических сюжетах. И даже если оставить в стороне связь сюжетов первых комиксов с библейскими сказаниями, представляется важным обратить внимание на типичные для комиксов темы. Так, характерной для большинства графических романов является тема противостояния добра и зла. Главный герой, обладающий положительными качествами и сверхспособностями (что отличает его от всех остальных) противостоит злодею, воплощающему в себе абсолютное зло, и в конце истории побеждает его. На пути героя непременно возникают препятствия, преодолевая которые, он становится сильнее и опытнее. Данная смысловая структура напоминает сюжет типичного мифа, либо структуру политического мифа, «мифа, используемого для реализации политических целей: борьбы за власть, легитимизации власти, осуществления политического господства» [Цуладзе 2003: 56]. Исследователь Г.Почепцов считает, что миф является своего рода «готовым сценарием», содержащимся в сознании людей: «Миф предстает пред нами как сценарий развертывания имиджа, в котором сразу заполняются до этого пустые роли друзей и врагов главного героя. Миф является целой конструкцией, в этом его принципиальная выгода, поскольку большое число нужных характеристик теперь будут всплывать автоматически. В случае подключения мифа уже нет необходимости порождать как бы целые тексты, можно только намекать, подсказывая существенные характеристики, подводящие массовое сознание к тому или иному мифу» [Почепцов 2001: 105-106]. Именно поэтому миф удобен: достаточно лишь намекнуть на него, и характеристики действующих лиц сами «вспоминаются» в сознании аудитории.

А. Цуладзе в своей книге «Политическая мифология» разбирает структуру мифа и рас-

крывает характеристики, которыми обладают его действующие лица. Главными персонажами являются герой и его смертельный враг, злодей. Оба находятся в постоянной борьбе друг с другом, борьбе, которая порождает действие в мифе. Без действия не может существовать ни один миф.

Цуладзе перечисляет следующие характеристики героя:

- Необычное происхождение. Герой должен «прийти извне», отличаться от той среды, в которой он собирается действовать. При этом до своего появления он странствует, ищет свое предназначение и цель в жизни.
- Герой не может обойтись без препятствий. Он всегда должен решать определенные задачи, преодолевать испытания.
- Герою благоволят сверхъестественные силы.
- У героя есть какое-то отличительное качество или метка.
- Герой должен совершать подвиги.
- У героя обязательно должна быть своя миссия, предназначение, высший смысл существования [Цуладзе 2003: 155-175].

Все эти качества присутствуют у главного героя комикса «Presidential Material: Barack Obama», комикса, рассказывающего биографию Барака Обамы. Начинается он с того, что автор раскрывает значение имени кандидата в президенты:

E.g. His name, Barack, was also his father's, and means «**blessed**» [Mariotte 2008].

В словаре «Longman Dictionary of Contemporary English» глагол «to bless» определяется, в том числе как: «to make something holy» и «if God blesses someone or something he helps and protects them». Прилагательное «blessed»: «holy» (святой, праведный) [Longman Dictionary of Contemporary English]. Представляется, что понятие «blessed» чрезвычайно важно для американского политического дискурса. Джордж Сантаяна в классической работе «Характер и мировоззрение американцев» отмечает: «Они [американцы] традиционно вовлечены в религию и проявляют большую осведомленность в ней, чем любая другая нация» [Сантаяна 2003: 14]. Поэтому в глазах электората лексема «blessed» дает преимущество любому, кто является носителем данной характеристики либо использует его в своем лексиконе. Благодаря комиксу Барак Обама становится человеком, от рождения наделенным такой характеристикой, как «blessed», и даже заканчивает он свои речи схожим образом, каждый раз используя лексему «blessed»:

E.g. Thank you. **God bless you and God bless the United States of America** [Obama 2009b].

E.g. Thank you, **God bless you, and God bless America** [Obama 2009c].

E.g. Thank you. **God bless you, and may God bless the United States of America.** Thank you [Obama 2009d].

Кроме того, помимо значения имени, автор комикса сообщает о том, что Обама тесно сотрудничает с церковью:

E.g. Organizing in the community, Obama found himself in many churches, **working hand-in-hand with the clergy** [Mariotte 2008].

Таким образом, герою комикса благоволят высшие силы, и все его действия также получают благословение и оправдание перед Богом и людьми.

Далее, в соответствии с характеристиками, которыми должен обладать мифологический персонаж, автор всячески подчеркивает, что Барак Обама имеет необычное происхождение:

E.g. From his youngest days, Barry, the name he went by as a child, **never quite fit in anywhere.** Mixed-race children were rare in the early 1960s, even in Hawaii [Mariotte 2008].

Текст комикса указывает, что кандидат в президенты всегда отличался от окружающих. И не только цветом кожи (*mixed-race children were rare in the early 1960s, even in Hawaii*), но и своим внутренним миром. Его мать, как сообщается в комиксе, старалась привить ему такие качества, как честность, справедливость, независимость суждений, умение говорить прямо:

E.g. She [mother] wanted her son to know that honesty was important. His father was an honest man. **Honesty, fairness, straight talk, independent judgment** – these were crucial traits for a man to have [Mariotte 2008].

Кроме того, Обама с ранних лет получал разностороннее образование:

E.g. From 1961 he attended Fransiskus Strada Asisia, a catholic school, followed by two years at Public elementary school Menteng No.1, a predominantly Muslim school, as well as correspondence courses, the streets, his mother's lessons and the **books and records about the civil rights movement** she gave him [Mariotte 2008].

Вследствие чего и обрел свою уникальность:

E.g. Once again, **he was unique, different** from those around him [Mariotte 2008].

Особенно примечательно, что в комиксе упомянуты книги и пластинки об общественных движениях в защиту гражданских прав. Автор таким образом пытается сказать, что кандидат в президенты с детских лет постигал мир вокруг себя сквозь призму различных точек зрения, и в том числе тех, кто боролся за справедливость.

Обращает на себя внимание то, что рисунок, соответствующий приведенной цитате, изображает, как мама протягивает юному Бараку пластинку с Мартином Лютером Кингом, известным борцом за права афроамериканского населения в США, на обложке. Известно, что изображение имеет неоднозначное влияние на восприятие текста. Когда реципиент воспринимает текст без изображения, он склонен приписывать ему характеристики в соответствии с собственными знаниями, ассоциациями, системой ценностей. В случае, когда тексту сопутствует изображение,

реципиент извлекает из текста только те характеристики, которые ему приписывает это изображение [Анисимова 2003: 13]. В этой связи следует отметить, что Мартин Лютер Кинг является знаковой фигурой как для американского общества в целом, так и для политического дискурса Барака Обамы: кандидат в президенты часто ссылается в своих речах на этого выдающегося общественного деятеля, а одна из речей была полностью посвящена ему – «Dr. Martin Luther King Jr. National Memorial Groundbreaking Ceremony» [Dr. Martin Luther King Jr. National Memorial Groundbreaking Ceremony]. Таким образом, текст комикса говорит о том, что Барак Обама читал книги и слушал пластинки об общественных движениях в защиту гражданских прав, а изображение прямо указывает на то, кто был примером для кандидата в президенты – Мартин Лютер Кинг.

Продолжая говорить об уникальности кандидата в президенты, автор комикса указывает, что даже люди, которых Обама выбирал в друзья, всегда отличались от окружающих:

E.g. There he became friends with other multi-racial students... some of whom resented being called black, and didn't want to have to choose one part of their racial heritage over others simply because of their skin colour [Mariotte 2008].

E.g. We weren't indifferent or careless or insecure, we were **alienated** [Mariotte 2008].

Далее автор пишет об испытаниях, которые выпали на долю героя, о том, как кандидат в президенты прошел нелегкий путь искания себя:

E.g. He <...> **tried to figure out where he belonged**. He was experimenting with tobacco, alcohol, pot and cocaine [Mariotte 2008].

После несчастья, которое произошло в его семье, Обама много думал о своем предназначении:

E.g. Barack took the rest of the day off and walked the streets of Manhattan <...> **thinking about the necessity of doing what his heart told him he should**, while he had time [Mariotte 2008].

Позднее, когда Обама стал работать в социальной сфере, ему приходилось выслушивать много историй из жизни людей, с которыми он работал, и это также повлияло на его жизненную позицию:

E.g. **These stories helped him find the sense of purpose** he had been seeking for so long [Mariotte 2008].

Таким образом, в результате непрерывного внутреннего искания и борьбы герой обретает цель жизни.

Схожим образом автор графического романа «Presidential Material: John McCain» рассказывает о Джоне МакКейне как о супергерое из мира комиксов. Начинается комикс с описания ханойской тюрьмы, куда попал тогда еще офицер армии США, летчик МакКейн, сбитый во время одной из многочисленных операций во Вьетнаме. История повествует обо всех мучениях, которые пережил кандидат в президенты:

E.g. Long enough for him to be assigned his own cell. Where he sits. And will continue to sit. For over thirty months. Alone. In pain. In solitary [Helfer 2008].

Изначально, даже само его существование было под вопросом. Ранения были настолько тяжелы, что МакКейн выжил только чудом:

E.g. The fact that he has survived at all came as a surprise to the poorly trained, ill-equipped North Vietnamese medics; they believed he was already too far gone to be saved. But against all odds, McCain survived. Despite the prison's pitiable accommodations, sadistic guards, primitive medical facilities, and subsistent rations, all of which seemed to conspire to hinder any prospect for his eventual recovery, John McCain survived [Helfer 2008].

Далее на протяжении всего комикса автор рассказывает о детстве МакКейна и суровой школе жизни, которую он прошел: об академии, о нескольких авиакатастрофах, пленении, перипетиях личной, а затем и политической жизни [Helfer 2008].

Как утверждает А. Цуладзе, второй неотъемлемой составляющей любого мифа является антагонист героя, то есть его смертельный враг [Цуладзе 2003: 174]. В комиксах «Presidential material» ни один из кандидатов не имеет противника: оба проходят через определенные испытания, но ни один не сражается с конкретным врагом. Тем не менее, комикс организован таким образом, что враг оказался бы даже лишним: сами кандидаты неявно противопоставлены друг другу. Это выражается в том, что обложки комиксов являются зеркальным отражением: кандидаты на пост президента смотрят друг на друга на фоне неба и американского флага. Причем небо и флаг позади Барака Обамы окрашены в синий, цвет Демократической партии США, чьим представителем является Б. Обама. Небо и флаг позади Джона МакКейна окрашены, соответственно, в цвет Республиканской партии США – красный. Необходимо отметить, что цвет является одним из важнейших элементов креолизованного текста. И в данном случае цвет выполняет символическую функцию, отражая принадлежность кандидатов к разным политическим силам [Анисимова 2003: 59-60]. Выражается противостояние и словесно. Комикс о Джоне МакКейне заканчивается словами: «And may the best man win» [Helfer 2008]. Видится, что такая концовка комикса привносит дух соперничества в отношении двух кандидатов, как будто их биографии – рассказ о двух оппонентах, которые еще сойдутся в схватке. Таким образом, в комиксах такого рода нет нужды противопоставлять героям врагов: обе биографии кандидатов представлены как поступательное развитие кандидатов в их стремлении занять пост президента США. И в этом заключается главное противопоставление в комиксе «Presidential Material»: сами кандидаты являются антагонистами.

Следовательно, авторы комиксов намеренно старались приблизить сюжеты «Presidential ma-

terial» к типичным героическим сюжетам графических романов. И в этом смысле, они даже рассуждают о том, чья биография является более героичной и, как результат, лучше подходит для комикса. Так, Джефф Мариотт, автор комикса о Б. Обаме, признался в интервью газете «Los Angeles Times», что «в жизни МакКейна были моменты, которые ложатся на страницы комиксов куда проще, чем жизнь Обамы» [Boucher].

Следует добавить, что рисованные биографии Барака Обамы и Джона МакКейна внешне также схожи с историями супергероев. Как уже было сказано выше, авторы комиксов намеренно выбрали для графических романов о кандидатах в президенты классический вид комикса о супергероях, а не мемуарный, который бы больше подходил в данном случае по жанру, чтобы сблизить биографии кандидатов со сказаниями о героях.

Комикс про Человека-паука, в котором появляется Барак Обама («The Amazing Spider-Man» №583), значительно короче рассмотренных выше: он состоит всего из пяти страниц. Тем не менее, этого достаточно, чтобы «вписать» президента в вымышленный мир графического романа. На одной из страниц комикса можно увидеть Б. Обаму вместе с Человеком-пауком. Президент произносит фразу «Thanks, partner» (по сюжету Человек-паук спасает Б. Обаму) [Wells]. Одной лишь этой фразой Обама ставит себя и свое дело в один ряд с делами супергероя, кумира миллионов американцев. Далее, в самом конце комикса, Человек-паук говорит следующее: «It looks like Washington is in CAPABLE hands» [Wells]. Тем самым, главный герой комикса дает понять, насколько он доверяет президенту.

Примечательно, что эти слова похожи на слова другого героя графической литературы, Супермена. В комиксе с участием Джона Кеннеди (Superman No.170) супергероиней говорит следующее: «After all, if I can't trust the **President of the United States**, who **can** I trust?» [Superman and President John F. Kennedy]. Супермен не мешкая прилетает к президенту по первому зову, полностью ему доверяет, оказывает любую помощь.

Супергерои никогда не ставят под сомнение правильность политики президента. Для них все, что делает глава страны, – верно и сомнению не подлежит. Виктор Гуружалов, заведующий отделом научно-методической педагогики Государственной Третьяковской галереи, пишет: «Легкость, с которой ребенок усваивает содержащуюся в комиксе информацию, создает у него иллюзию того, что он постиг сущность мира. Все основные, узловые моменты процесса, явления или события вычленены, наглядно представлены. Процесс познания не требует от ребенка ни особого усилия, ни личного участия в акте открытия. В комиксе все уже кем-то открыто, осмыслено и представлено. Рассматривая и изучая комикс, ребенок не ищет ответов на вопро-

сы, не пытается докопаться до истины, сути вещи и в этом смысле он пассивен, усваивает уже готовую информацию» [Комикс в образовании: есть ли польза от дела?]. Таким образом, подростковая аудитория (в первую очередь), для которой супергерои являются образцом для подражания, усваивает точку зрения своих кумиров, превращаясь в сторонников президента. Кроме того, комиксы с участием реальных лиц сочетают в себе как действительность, так и вымысел. Графический роман становится тем «местом», где заканчивается одно и начинается другое. Часто детям сложно отличить мир реальности и фантазии. В результате, президент становится не только действительно существующей фигурой, но и персонажем, функционирующем в мире грез читателей комикса, а значит, личностью легендарной. Следовательно, графический роман является способом воздействовать на аудиторию, поскольку позволяет политическому деятелю стать одним из действующих лиц вымышленного произведения.

Подводя итог, имеет смысл повторить, что целью данной статьи являлось определение места и роли графического романа в политическом дискурсе США. Представляется, что в данной сфере графическая литература имеет три основных назначения: использование комикса для обретения собственной популярности, информирование населения, воздействие на читающую комикс аудиторию. И хотя графический роман на протяжении уже многих лет является частью политического дискурса (в комиксе появлялись такие выдающиеся фигуры, как Франклин Рузвельт, Джон Кеннеди, Рональд Рейган), тем не менее, в настоящее время наблюдается повышенный интерес политиков к жанру комикса. Это выражается в появлении множества комиксов с участием 44 президента Америки Барака Обамы (на настоящий момент таких комиксов существует восемь), а также целой серии комиксов «Female Force» с участием выдающихся женщин современной эпохи.

Представляется, что причиной такого интереса к жанру графического романа является его популярность среди американского населения и, одновременно, высокий суггестивный потенциал: посредством комикса политический деятель может закрепить свой авторитет у читающей графическую литературу аудитории. С помощью комикса политик получает возможность оказывать воздействие, используя одновременно два канала восприятия – текстовое и изобразительное. При этом текстовая составляющая может быть организована в соответствии со структурой мифа, что, в свою очередь, еще больше увеличивает суггестивный потенциал комикса.

Таким образом, графическая литература, наряду с печатными изданиями и телевидением, становится частью политического дискурса США, поскольку служит интересам политических деятелей. Графический роман является уни-

кальным средством воздействия на аудиторию и повышения собственной популярности среди населения, поэтому видится, что тенденция использования комикса в политических целях получит свое дальнейшее развитие и сможет привести к частичной политизации графической литературы, где наряду с мифологическими супергероями получают возможность действовать реальные персонажи действительности.

ЛИТЕРАТУРА

Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов) – М.: Издательский центр «Академия». 2003. 128с.

Барак Обама стал героем комикса о Человеке-пауке URL: www.etoday.ru/2009/01/barack-obama-spiderman-comics.php (дата обращения: 24.08.09).

Головина Л.В. Влияние иконических и вербальных знаков при смысловом восприятии текста: Автореф. дис... канд. филол. наук. – М. 1986.

Дорфман М. Наш, еврейский, суперменч // Русские страницы Лонг-Айленда. URL: www.russiandenver.50megs.com/supermench.html (дата обращения: 24.08.09).

Завьялова Д. История комикса // Электронный журнал «Циркуль». URL: www.cirkul.info/culture/527 (дата обращения: 24.08.09).

Зими́на, С.С. Сравнение американских и японских комиксов, начиная с истории и индустрии, заканчивая графическими и сюжетными различиями URL: www.zhurnal.lib.ru/z/zimina_s_s/manga.shtml (дата обращения: 24.08.09).

Из истории комикса URL: www.greencatcomics.ru/info2.html (дата обращения: 24.08.09).

Колгарев И. Комиксы могут быть серьезными // Газета «До и после Рождества Христова». URL: www.doposle.ru/?id=1618 (дата обращения: 24.08.09).

Комикс в образовании: есть ли польза от дела? [подготовила С. Максимова] // Народное образование. 2002. № 9 (1322). С. 131.

Костюхина М.С. Этот несерьезный комикс // Электронная версия газеты «Литература». URL: www.lit.1september.ru/article.php?ID=200700711 (дата обращения: 24.08.09).

Крысько В.Г. Социальная психология: Курс лекций. – М.: Омега-Л. 2006. 352 с.

Мишель Обама станет героиней комикса // проект «Рокфеллер». URL: www.rokf.ru/oddties/13113.html (дата обращения: 24.08.09).

Первая леди США станет героиней комиксов // «Взгляд» деловая газета. URL: www.admin.vz.ru/news/2009/3/21/267354.html (дата обращения: 24.08.09).

Почепцов Г. Имиджелогия. – М.: Рефл-бук. 2001. 656с.

Сантаяна Дж. Характер и мировоззрение американцев. – М.: Идея-пресс. 2003. 176с.

Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция. – М.: Наука. 1990. 227с.

Цуладзе А. Политическая мифология – М.: Эксмо. 2003. 384с.

Barack Obama (comic character) // Wikipedia: The Free Encyclopedia. URL: www.en.wikipedia.org/wiki/

Barack_Obama_(comic_character) (дата обращения: 24.08.09).

Boucher G. John McCain and Barack Obama comics are an October surprise // Los Angeles Times. URL: www.latimesblogs.latimes.com/herocomplex/2008/10/john-mccain-and.html (дата обращения: 24.08.09).

Colton D. Obama, Spider-Man on the same comic-book page // USA Today. URL: www.usatoday.com/life/books/news/2009-01-07-obama-spiderman-comic_N.htm (дата обращения: 24.08.09).

Dobuzinskis A. McCain and Obama comic book biographies hit stands // Reuters. URL: <http://www.reuters.com/article/politicsNews/idUSTRE4969EQ20081007> (дата обращения: 24.08.09).

Helfer A. Presidential Material: John McCain: Комикс [ред. Scott Danuber]. – IDW Publishing, 2008.

Juddery M. 5 Comic Superheroes Who Made a Real-World Difference // mental_floss magazine. URL: www.blogs.static.mentalfloss.com/blogs/archives/20794.html (дата обращения: 24.08.09).

Longman Dictionary of Contemporary English. – Harlow: Pearson Education Limited. 2001.

Manker R. Barack Obama comic books: “Barack the Barbarian” and “Drafted: One Hundred Days” // Chicago Tribune. URL: www.chicagotribune.com/news/nationworld/chi-talk-barbarian-04apr04,0,6684937.story (дата обращения: 24.08.09).

Mariotte J. Presidential Material: Barack Obama: Комикс [ред. Scott Danuber]. – IDW Publishing, 2008.

McCloud S. Understanding Comics (summary) // Wikibooks. URL: www.en.wikibooks.org/w/wiki.phtml?title=Transwiki:UnderstandingComics (дата обращения: 24.08.09).

Obama B. Dr. Martin Luther King Jr. National Memorial Groundbreaking Ceremony // Barack Obama. 2009a. URL: www.obamaspeeches.com/093-Martin-Luther-King-Memorial-Groundbreaking-Ceremony-Obama-Speech.htm (дата обращения: 24.08.09).

Obama B. Obama Inaugural Address / Barack Obama. 2009b. URL: www.obamaspeeches.com/P-Obama-Inaugural-Speech-Inauguration.htm (дата обращения: 24.08.09).

Obama B. Obama’s Remarks On Mortgage Crisis / Barack Obama. 2009c. URL: www.cbsnews.com/blogs/2009/02/18/politics/politicalhotsheet/entry4809296.shtml?tag=contentMain;contentBody (дата обращения: 24.08.09).

Obama B. Obama's Speech To Congress / Barack Obama. 2009d. URL: www.cbsnews.com/stories/2009/02/24/politics/main4826494.shtml?tag=contentMain;contentBody (дата обращения: 24.08.09).

Superman and President John F. Kennedy. URL: <http://www.fortunecity.com/tattooine/asimov/20/past5.html>.

Wells Z. The Amazing Spider-Man [ред. Stephen Wacker]. – Marvel, 2009.

What's behind McCain and Obama's comic timing? // Guardian.co.uk. URL: www.guardian.co.uk/books/booksblog/2008/oct/08/comics (дата обращения: 24.08.09).

© Садуов Р.Т., 2009

Калыгина М. Ю.

Новоуральск, Россия

**МЕТАФОРИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ
МИГРАЦИИ В МЕДИАДИСКУРСЕ
РОССИИ, ВЕЛИКОБРИТАНИИ И США**

УДК 81'27

ББК Ш 100.3

Аннотация. Одним из важных социальных явлений в мире является миграция. Как журналисты концептуализируют мигрантов и иммиграцию в СМИ? В статье представлен сопоставительный анализ доминантных метафор, характеризующих миграцию в медиадискурсе России, Великобритании и Америки.

Ключевые слова: Когнитивная лингвистика, концептуальная метафора, миграция, сопоставительный анализ

Сведения об авторе: Калыгина Мария Юрьевна, аспирант, ассистент кафедры гуманитарных и социально-педагогических дисциплин.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Контактная информация: Россия, 624130, Свердловская обл., г. Новоуральск, ул. Ленина, д. 102, к. 39.

E-mail: kmiu77@mail.ru

В последние годы лингвистическое исследование медиакommunikации превратилось в одно из наиболее перспективных направлений развития гуманитарного знания, что непосредственно связано с возрастанием роли СМИ на современном этапе развития цивилизации [Будаев, Чудинов 2007].

Одним из важных социальных явлений в мире является миграция. Миграция – это «массовое перемещение, переезд населения из одного места жительства в другое в силу экономических причин, из-за национальных притеснений, природных бедствий и катастроф» [Толковый словарь русского языка начала XXI века. 2006: 588].

Не только политики, экономисты, но и обыватели признают неизбежность использования мигрантов для решения важнейших проблем общества – демографической стабильности, баланса спроса и предложения на рынке труда и пр. Наряду с бесспорными плюсами (такими, как приток экономически активного населения в трудоспособном возрасте), миграция достаточно часто является и фактором дестабилизации в местных сообществах.

Специальные исследования показывают, что в странах Европы и США «иммиграция» входит в число пяти ведущих тем, изучаемых специалистами по метафоре [Будаев, Чудинов 2009]. В Северной Америке ведущими сферами-мишенями являются: Политика, Войны в Ираке, Субъекты политической деятельности, Терроризм и теракты, Иммиграция. В Европе тема иммиграции занимает четвертое место: Европа, Евросоюз; Политика; Субъекты политической деятельности, Иммиграция, Международные отношения [Будаев, Чудинов 2007]. В России проблемы иммиграции стоят не менее

Kalygina M. Yu.

Novouralsk, Russia

**METAPHORICAL REPRESENTATION
OF MIGRATION IN MEDIADISCUOURSE
OF RUSSIA, GREAT BRITAIN AND THE USA**

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.20

Abstract. Migration is one of the burning social phenomena in the world. How do reporters conceptualize migrants and immigration in mass media? The article presents the contrastive analysis of the dominant metaphors which represent migration in the media discourse of Russia, Great Britain and the USA.

Key words: Cognitive linguistics, conceptual metaphor, migration, contrastive analysis.

About the author: Kalygina Mariya Yuryevna, post-graduate student, assistant of the department of the human and socio-pedagogical disciplines.

Place of employment: Ural State Pedagogical University.

остро, чем в других странах, однако российские исследования по метафорическому моделированию иммиграции единичны, да и в существующих публикациях «иммиграция» является сопутствующей темой исследования. Если учесть, что в центре метафорической экспансии обычно оказываются феномены, которые привлекают наибольшее внимание соответствующего социума, то приходится констатировать, что в России проблемам иммиграции уделяется слишком мало внимания [Будаев 2008].

Среди европейских исследований в этой области выделяется публикация Доктора наук Лизы Эль Рефайе из университета Кардифа, Великобритания, «Метафоры, которыми мы дискредитируем: об иммигрантах в статьях австрийских газет» [El Refaie 2001], посвященная изучению метафорического представления курдов-иммигрантов, ищущих убежища в Италии в 1998 году. Иммигранты представлены нахлынувшей водной стихией, преступниками, армией вторжения.

На фоне публикаций по метафорическому представлению современной иммиграции в США выделяется статья Дж. О'Брайена [O'Brien 2003]. Исследователь проанализировал метафоры в дебатах начала XX в., посвященных вопросу об ограничении иммиграции в США. Как оказалось, еще в начале XX века для концептуализации иммиграции использовались образы организма, природных стихий, войны, животных, трудноперевариваемой пищи – образы той же сферы-мишени, которые фиксируют американские исследователи в современной политической коммуникации. Метафоры данных понятийных сфер служили оружием для деморализации иммигрантов в глазах общественности и представляли их угрозой для социума.

Исследование Бетины Фемен, бакалавра гуманитарных наук университета Хопкинса в г. Балтиморе, штат Мэриленд, США, «Репрезентация иммигрантов в приграничных штатах в публикациях СМИ во время промежуточных выборов 2006 года» [Fairman 2007] посвящено описанию образа испаноязычных иммигрантов в газетах приграничных штатов и в центральной американской прессе. Так, на периферии иммигранты изображаются *жертвами* или *пассивными актерами* в историях об иммигрантах, тогда как в национальной прессе испаноязычные иммигранты позиционируются как *большая демографическая сила и рынок, с увеличивающейся покупательской способностью*.

Работа Валери Харди, бакалавра гуманитарных наук университета Джорджтауна, Округ Колумбия, США, «Метафорический миф в репрезентации испаноязычных иммигрантов» [Hardy 2003] освещает дебаты в прессе вокруг голосования за Предложение 63 (Proposition 63) на референдуме в штате Калифорния в 1986 году. Данный документ предлагал сделать английский язык единственным официальным языком штата. Метафорический образ языка и испаноязычных иммигрантов отражается в концептуальных метафорах *язык – это средство национального единения и нация – это сотканная скатерть*.

В монографии профессора калифорнийского университета г. Лос-Анджелеса, США, Отто Санта Аны [Santa Ana 2002] рассматривается метафорическое представление иммиграции из Латинской Америки по материалам калифорнийской газеты «The Los Angeles Times». Автор подразделяет выявленные метафорические модели (метафорические системы) на три группы: *окаzionaliальные (загрязнение среды, огонь)*, *вторичные (вторжение, болезнь, бремя)* и *доминантные (опасные водные потоки, животные)*. Метафоры концепта ОПАСНЫЕ ВОДЫ, по мнению исследователя, скрывают индивидуальные особенности жизни иммигрантов и их сообществ. *Пугающий сценарий беспорядочных движений воды может закончиться разрушающими потоками и наплывающими волнами смуглых лиц*.

В основе нашего исследования метафорической репрезентации миграции в медиадискурсе России, Великобритании и США лежит когнитивный подход, согласно которому метафора является важным явлением в познании и восприятии окружающего мира. Изучение метафор помогает лучше понять образ мышления, национальную картину мира, подлинные мотивы поведения членов того или иного социума.

В данной работе мы провели сопоставительный анализ концептуальных метафор, объединенных сферой-магнитом «миграция» в медиадискурсе России, Великобритании и США. Посредством сплошной выборки из электронных версий популярных СМИ России (Рос-

сийская газета, Комсомольская правда, Аргументы и Факты), Великобритании (Guardian, Evening Standard, Telegraph, Daily Express) и Соединенных Штатов Америки (New York Daily News, USA Today) было выделено 108, 85 и 107 метафорических образований соответственно. Отобранные метафорические единицы были разделены на группы согласно предложенной профессором Чудиновым А.П. классификации метафорических моделей.

Таблица 1. Частотность концептуальных метафор со сферой-магнитом «миграция» в политическом дискурсе России, Великобритании и США.

Россия		Великобритания		США	
вид метафоры	%	вид метафоры	%	вид метафоры	%
стихии	15	стихии	24	стихии	21
милитарные	14	спорта, игры	12	милитарные	20
дома, строения	13	экономические	11	дома, строения	17
морбиальные	11	морбиальные	11	спорта, игры	7
физиологические	10	криминальные	9	фитоморфные	7
механизма	7	милитарные	7	морбиальные	6
экономические	7	физиологические	6	физиологические	6
криминальные	5	дома, строения	5	механизма	3
спорта, игры	5	театра	5	экономические	3
зооморфные	4	зооморфные	4	криминальные	4
религиозные	4	религиозные	4	религиозные	3
родства	3	механизма	2	театральная	3
фитоморфные	2	фитоморфные	-	зооморфные	1
сексуальные	1	сексуальные	-	родства	-
театральная	-	родства	-	сексуальные	-

На основании количественных данных мы установили, что наиболее часто в публикациях российских, британских и американских авторов представлены метафоры понятийной сферы «Стихия», где МИГРАНТЫ – СТИХИЙНОЕ БЕДСТВИЕ.

Доминирование метафор понятийной сферы «Стихия» объясняется тем, что миграция носит стихийный, беспорядочный, непредсказуемый характер, при этом обладает достаточной массивностью и разрушительной силой, что убедительно демонстрируют метафоры фрей-

ма «Движение воды»: поток, приток, всплеск, отток, огромная волна:

Россия – 15%

1. *Так реальна ли «угроза неиссякаемого притока китайских безработных в Восточную Сибирь и на Дальний Восток?* [Чичкин А. 100 миллионов китайцев остались без работы]

2. *Кстати, и в Россию ведь туча «гостей» понаехала.* [Баранов А. Сценарий афинских бунтов может повториться в других странах Европы и в России]

3. *Очевидны и неизбежны две вещи. Первая – Россию в ближайшем будущем ждет всплеск иммигрантской экспансии. Чему способствуют и наши необъятные границы с бурлящей Азией, и наши исторические многонациональность и многоконфессиональность (чего, кстати, изначально не было у той же Франции).* [Чугаев С., Чижиков М., Марков Б., Асламова Д.. Европа переходит в ислам?]

Великобритания – 24%

4. *MIGRANT MECCA: Immigrants are flooding an English town.* Мекка для мигрантов: иммигранты наводняют английский городок. [Whitehead T. SHOULD BRITAIN PUT A TOTAL STOP ON IMMIGRATION?]

5. *The numbers reflect the huge wave of migrant workers from the former communist bloc after the EU expanded in that year.* После того, как Европейский союз расширил свои границы, цифры зафиксировали огромную волну рабочих-мигрантов из стран бывшего коммунистического блока. [Whitehead T. SHOULD MIGRANTS BE BARRED FROM TAKING BRITISH JOBS?]

6. *An influx of immigrants from violent countries is contributing to gang warfare, police have warned.* Приток иммигрантов из неблагополучных стран провоцирует столкновения бандитских группировок, предупреждает полиция. [Immigrants from war-torn countries 'fuelling gang crime']

США – 21%

7. *During the 1990s, despite a steady stream of illegal immigrants, the U.S. crime rate plunged.* В 90-е годы, несмотря на непрерывный поток нелегальных иммигрантов, уровень преступности в США снизился. [Powers K. Immigrants become target for all of society's ills]

8. *"One of the rules of immigration history is that whenever there is inflow, there's outflow," says Mark Wyman, an immigration historian and author of "Round-trip to America: The Immigrants' Return to Europe."* «Одним из правил истории иммиграции является то, что если существует приток, то есть и отток», говорит Марк Виман, историк, занимающийся вопросами иммиграции, автор книги «Поездка в Америку и обратно: возвращение иммигрантов в Европу» [Talbot M. AMERICA: LOVE IT 'N' LEAVE IT IMMIGRANTS' KIDS OFTEN CAN'T RESIST THE TUG OF THE OLD COUNTRY]

9. *With the flood of Cubans and other Central American immigrants, he would have seen Miami change from a Southern American town to a satellite South American state.* С потоком кубинцев и других

иммигрантов из Центральной Америки он бы увидел, как Майами превратился из небольшого городка на юге Америки в южноамериканский штат-сателлит. [Gregory Ch. A history of fighting over language // USA TODAY, May 15th, 2008 //http://www.usatoday.com]

На втором месте по частотности употребления в российских и американских публикациях находятся военные метафоры, а в британских – метафоры спорта и игры.

Концептуальная метафорическая модель МИГРАЦИЯ – это ВОЙНА подчеркивает категоричность и решительный настрой наций в отношении мигрантов, так как военные метафоры обладают мощными векторами тревожности, агрессивности и опасности. С другой стороны, частое использование метафор данной понятийной сферы связано с тем, что Россия имеет богатое военное прошлое, а Америка склонна показывать свое превосходство на мировой политической арене с помощью военных вмешательств в конфликты других государств.

Россия – 14%

10. *Только после этого печального случая по общежитиям пошли первые целенаправленные рейды.* Выяснилось, что десятки высотных общаг полностью окупированы вьетнамцами. [Саливанова А., Шалимова Ю. В Москве растет подпольный китай-город.]

11. *Это реальные тематические страшилки – расшифровка мартовских сводок.* В цифрах дело выглядит еще животиснее. В прошлом году в московские суды было направлено 121 дело об изнасилованиях. В 79 случаях обвиняются рабочие парни, нелегально приехавшие из ближнего зарубежья [Шалимова Ю. Изнасилованная Москва]

США – 20%

12. *Barletta said: "I've done as much as I can fighting illegal immigration as the mayor of a city. I need to take this fight to Washington, because that's where the problem needs to be fixed."* Барлетта заявила: «Как мэр города, я сделала все, что смогла, сражаясь с нелегальными иммигрантами. Я хочу перенести эту схватку в Вашингтон: именно там должна решиться проблема с нелегалами». [The Associated Press. Anti-illegal immigration mayor running for Congress]

13. *Incredibly, former House speaker Newt Gingrich declared that "the war here at home" against illegal immigrants is "even more deadly than the war in Iraq and Afghanistan."* Невероятно, бывший спикер Ньютон Джингридж заявил, что «война против нелегальных иммигрантов» здесь, дома, более беспощадна, чем в Ираке и Афганистане». [Powers K. Immigrants become target for all of society's ills]

Концептуальная метафорическая модель МИГРАЦИЯ – это ИГРА имеет негативный прагматический потенциал, так как игра изначально воспринимается как имитация деятельности. Так, из публикаций британских СМИ видно, что в стране остро стоит проблема с нелегальными мигрантами, так как правительство не может разработать адекватных ситуации зако-

нопроектов, а лишь «охотится» за нелегалами и «выигрывает призовые очки».

Великобритания – 12%

14. *When immigrants are in work, they are taking our jobs; when they are out of work, they are a burden on the welfare state. Immigrants can't win: they are damned if they do and damned if they don't.* Когда иммигранты работают, они отнимают у нас рабочие места; когда они без работы, они являются обузой для системы социального обеспечения. Иммигранты не могут выиграть: ...[Legrain Ph. Foreigners aren't grabbing 'British' jobs]

15. *Police are hunting illegal immigrants who acquired genuine British passports with the help of two corrupt civil servants.* Полиция охотится за нелегальными иммигрантами, которые приобрели подлинные британские паспорта с помощью двух коррумпированных чиновников. [Police hunt illegal immigrants after civil servants helped them get passports]

На третьем месте по количеству употреблений в России и США стоят метафоры дома. В Великобритании – морбиальные и экономические метафоры. Дом является важнейшим культурным концептом в человеческом сознании, а концептуальная метафорическая модель ГОСУДАРСТВО – это ДОМ относится к числу моделей, на материале которых можно наиболее наглядно продемонстрировать воздействие политических событий на образы политического языка [4]. В российских СМИ государство предстает рачительным хозяином, который создает единое миграционное окно, миграционный терминал, огромную шлюзовую камеру для бывших соседей по советской коммуналке, не желающих отправляться на свалку миграционных отбросов. Позитивный прагматический потенциал метафоры дома внушает нам мысль о том, что российское государство заботится о мигрантах, создавая для них условия для выживания. Однако, метафоры «бывшие соседи по советской коммуналке», «свалка миграционных отбросов» обладают векторами конфликтности и агрессивности, что позволяет сделать вывод о нежелательности пребывания мигрантов в России:

16. *Государство станет более рачительным хозяином, начнет считать деньги и откажется от ненужных трат. Олимпиада в Сочи? Вот это нет – это все-таки престиж страны* [Кафтан Л. Эксперты предсказывают: что ждет Россию в 2009 году]

17. *С тех пор как экономический кризис обрушился на Россию, Казанский вокзал, откуда отправляются поезда в Таджикистан, Узбекистан и Киргизстан превратился в огромную шлюзовую камеру* [Мийо Л. Мигранты вынуждены уезжать из России на родину]

18. *Петербург — это город, где живут петербуржцы. Если в Петербурге будут жить самаркандцы, он перестанет быть Петербургом, но и Самаркандом не станет. Он превратится в свалку миграционных отбросов* [Садулаев Г. Рай для гасгарбайтера]

19. *18 лет назад мы стали суверенным государством. Чем живут сегодня и как относятся к*

нам бывшие соседи по советской «коммуналке»? [Рябцев А. От кого не зависит Россия]

Американцы видят свое государство домом с крепким фундаментом, с хорошо охраняемыми дверями и коридорами, через которые нелегальным мигрантам очень трудно попасть внутрь. Таким образом, прослеживается негативное отношение к нелегальным мигрантам:

20. *The new enforcement plan is not yet convincing and must be improved. But it is built on a credible foundation.* Новый план еще не доработан и нуждается в поправках. Но он построен на надежном фундаменте [Ghost of '86 failure haunts bid for immigration reform]

21. *Here's a simple analogy: Your home is your personal space. You have a door to control who comes into your house. If someone tries to enter without your permission, you call 911 or you defend your property. Either way, the laws guarantee you the right to privacy and control of your home.* Вот простая аналогия: Ваш дом – это Ваше личное пространство. У Вас есть дверь, чтобы контролировать, кто входит в дом. Если кто-то пытается войти без Вашего разрешения, Вы звоните 911 или защищаете Вашу собственность. В обоих случаях законы гарантируют Вам право на частную жизнь и защиту дома. [Albaugh D. Voices of Immigration]

22. *If all goes well, the focus soon will turn to negotiations with the House, where Republicans are gripped by the fantasy that America can build enough barriers and hire enough border guards to stop illegal immigrants from coming in search of work.* Если дальше все пойдет хорошо, то скоро в центре внимания окажутся переговоры с Палатой, где республиканцы тешат себя мечтой, что Америка в состоянии выстроить достаточно барьеров и нанять достаточно пограничников для предотвращения нелегальной миграции, прибывающей в поисках работы. [AMERICA DEMANDS, IMMIGRANTS SUPPLY]

Развитие международных экономических отношений в мире способствует появлению экономической метафоры. В метафорической модели МИГРАНТЫ – это ТОВАР образно используется лексика, обозначающая товарно-денежные отношения. Как видно из таблицы 1, экономические метафоры присутствуют и в российском, и в американском, и в британском политическом дискурсе. Однако только у британцев данный вид метафоры входит в тройку наиболее часто встречающихся в СМИ. Мигранты предстают дешевой рабочей силой, дебетом и кредитом в балансовом отчете Британии, источником благосостояния, в который Британия готова принять миллионы иностранцев, приносящих прибыль в виде налогов и готовых взяться за любую черную работу. Данная метафорическая модель обладает концептуальным вектором напряженности, в ней отражается равнодушное и расчетливое отношение к мигрантам.

23. *It is the economics of the lunatic asylum to import millions of foreigners to carry out the work which could be done by the 5.5 million Britons who are paid*

by the State to remain unemployed. Это политика сумасшедшего дома: импортировать миллионы иностранцев для выполнения работы, которую могли бы делать 5.5 миллионов Британцев, но которые вместо этого получают пособия по безработице от государства. [McKinstry L. HOW WORKING CLASSES ARE BETRAYED BY LABOUR'S LUNATIC IMMIGRATION POLICY]

24. *Economists claim immigration is already a net moneyspinner for Britain, because it brings in workers who pay tax and do jobs others do not want.* Экономисты заявляют, что иммиграция уже является всеобъемлющим источником благосостояния для Британии, поскольку рабочие, приезжающие в страну, платят налоги и готовы выполнять работу, на которую другие не идут. [Leapman B. Immigrants may pay BJS500 to enter Britain]

25. *Tomorrow night's Dispatches, presented by news anchorman Jon Snow, discloses which immigrant communities are a 'debit' and which a 'credit' on Britain's balance sheet.* Завтра вечером в политической программе Диспатчиз ведущий новостей Джон Сноу расскажет, какие иммиграционные сообщества являются «дебетом», а какие – «кредитом» в «британском балансовом отчете». [MPs fear C4 documentary on the cost of immigrants will fuel race hatred]

Образы, представленные концептуальной метафорической моделью МИГРАЦИЯ – это БОЛЕЗНЬ объединяются концептуальными векторами агрессивности и тревожности, в них отражаются обеспокоенность, безысходность, и вместе с тем раздражение на неспособность государства решить проблему с нелегальными мигрантами.

26. *Shadow health secretary Dr Liam Fox claimed infections brought in by foreigners had made London "the TB capital of the western world".* Министр здравоохранения Доктор Лайэм Фокс заявил, что инфекции, занесенные в страну иностранцами превратили Лондон в «столицу туберкулеза всего западного мира». [Leapman B. Tories plan health checks on immigrants]

27. *HOW WORKING CLASSES ARE BETRAYED BY LABOUR'S LUNATIC IMMIGRATION POLICY.* О том, как безумная миграционная политика государства ставит под удар рабочий класс. [McKinstry L. HOW WORKING CLASSES ARE BETRAYED BY LABOUR'S LUNATIC IMMIGRATION POLICY]

28. *"It is ludicrous to prevent those wanting to leave to do so. The immigration system in this country is truly mad.* Нелепо останавливать тех, кто хочет уехать. Иммиграционная система в этой стране действительно «не в себе». [Illegal immigrants arrested at Dover – while trying to LEAVE Britain]

Анализируя наиболее часто встречающиеся метафорические модели со сферой магнитом «миграция» в СМИ России, Велико-

британии и США, можно сделать вывод, что явление миграции в этих трех странах носит стихийный, беспорядочный, непредсказуемый характер, что подтверждается наиболее часто встречающимися метафорами стихии. Самодержавие и богатое военное наследие России отражается в метафорах дома, строения и милитарных метафорах, тогда как родина футбола и белых воротничков в большей степени мыслит метафорами спорта, игры, экономическими и морбиальными метафорами.

ЛИТЕРАТУРА

Будаев Э.В., Чудинов А.П. Методологические грани политической метафорологии // Политическая лингвистика. 2007. № 1 (21).

Будаев Э.В., Чудинов А.П. Лингвистическая со-ветология как научное направление // Политическая лингвистика. 2009. № 1 (27).

Будаев Э.В. Семантический параллелизм политических метафор // Политическая лингвистика. 2008. № 3 (26).

Будаев Э.В., Чудинов А.П. Метафора в политической коммуникации. – М., 2008.

Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000): Монография – Екатеринбург, 2001.

Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика 2006: 588.

El Refaie E. Metaphors we discriminate by: Naturalized themes in Austrian newspaper articles about asylum seekers // Journal of Sociolinguistics. 2001. Vol. 5. № 3.

Fairman B. Newspaper coverage of immigrants in border states during the 2006 midterm election: A Thesis for the degree of Master of Arts. – Baltimore, Maryland, 2007.

Hardy V. Metaphoric Myth in the Representation of Hispanics: A Thesis for the degree of Master of Arts. – Washington, 2003.

O'Brien G.V. Indigestible Food, Conquering Hordes, and Waste Materials: Metaphors of Immigrants and the Early Immigration Restriction Debate in the United States // Metaphor and Symbol. 2003. Vol. 18. № 1.

Santa Ana O. Immigration as Dangerous Waters: The Power of Metaphor. From Brown Tide Rising: Metaphors of Latinos in Contemporary Public Discourse (Austin, TX: University of Texas Press, 2002).

<http://www.guardian.co.uk>

<http://www.express.co.uk>

<http://www.standard.co.uk>

<http://www.telegraph.co.uk>

<http://www.times.com>

<http://www.kp.ru>

«Российская газета» – Центральный выпуск №4562 от 15 января 2008 г. URL: <http://www.rg.ru>

© Калыгина М.Ю., 2009

Герашенко М. Б.
Белгород, Россия

**МЕХАНИЗМЫ ТРАНСФОРМАЦИЙ
РЕАКТИВИЗИРОВАННОЙ ЛЕКСИКИ
РУССКОГО ЯЗЫКА НА РУБЕЖЕ XX-XXI ВВ.,
НОМИНИРУЮЩЕЙ РЕАЛИИ
И ПОНЯТИЯ СФЕРЫ ПОЛИТИКИ
И ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА**

УДК 81'373

ББК Ш 100.3

Аннотация. В статье анализируется системная организация реактивизированных наименований общественно-политической лексики (возвращенных из пассивного в активный фонд языка на рубеже XX-XXI веков). Производится реконструкция процессов внутрисловной деривации – описываются особенности расширения объема смысловой структуры некоторых лексем во время их реактивизации.

Ключевые слова: реактивизация, русский язык, семантические изменения, динамика смысловой структуры лексемы, политическая лексика.

Сведения об авторе: Герашенко Майя Борисовна, аспирант кафедры русского языка и методики преподавания.

Место работы: Белгородский государственный университет

Контактная информация: 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85.

E-mail: Gerashchenko@bsu.edu.ru.

Geraschenko M. B.
Belgorod, Russia

**THE MECHANISMS OF TRANSFORMATION
OF REACTIVATED LEXIS,
WHICH ARE NOMINATED POLITICAL
REALITIES AND CONCEPTS
AT THE TURN OF THE XX–XXI C.**

ГСНТИ 16.21.27, 16.21.47

Код ВАК 10.02.01

Abstract. The article describes system organization of reactivated political lexemes (lexemes which were recovered from the passive language stock to the active usage at the turn of the XX–XXI c.). The processes of derivation are reconstructed and the features of broadening of the semantic structure of lexemes during their reactivization are characterized.

Key words: reactivization, Russian language, semantic changes, dynamics of the semantic structure of the lexeme, political lexis.

About the author: Geraschenko Maja Borisovna, post graduate student of the chair of Russian language and methods of teaching.

Place of employment: Belgorod State University.

В начале 1990-х годов в языковой картине мира россиян произошли значительные перемены. Разрушение и отвержение всего, что носило элементы советской идеологии, совершалось очень стремительно (на уровне языка это манифестировалось многочисленными фактами архаизации и деактуализации лексических единиц с соответствующей семантикой). При этом предпринимались попытки нахождения иных ориентиров для жизни: наряду с присвоением идеалов и ценностей цивилизации Запада возвращались русские дореволюционные традиции. Лексика русского языка, будучи адаптивной, динамической системой, приспособляемой носителями языка к условиям их жизни, со временем стала обновляться не только с помощью новых многочисленных заимствований и неологизмов, но и благодаря притоку слов, возвращающихся из пассивного фонда русского литературного языка. Реактивизированная лексика (возвращенная из архаичного в активный запас русского языка в новейший период его функционирования) постепенно включилась в основной словарный состав, обогащая или заменяя средства вербализации различных концептов.

В словнике реактивизированной лексики (более 650 единиц), составленном нами на основе выборки из различных словарных изданий, выделено 11 тематических групп возвращенных слов, в значениях которых с наибольшей полнотой отразились изменения, происшедшие в России. Реактивизированная лексика

оказалась связана с различными сферами деятельности россиян (среди них: религия, верования; экономика; духовные традиции общества; образование; искусство, массовая культура, развлечения; социальное устройство; народная медицина и целительство; армия и органы безопасности; судебное дело). Отметим, что реактивизированные лексемы, номинирующие реалии и понятия сферы политики и государственного устройства, занимают 13,8% от общего количества анализируемых слов. На основании тематической классификации общественно-политической лексики нами были смоделированы ранее существовавшие семантические оппозиции, возвращенные в лексическую систему в процессе реактивизации слов, охарактеризованы вновь образованные корреляции, становящиеся частью современного семантического спектра.

Особый интерес для анализа представляют лексико-семантические группы наименований явлений, связанных с государственным устройством (субъектов, органов и форм местного и государственного управления). После возвращения в употребление применительно к новой российской действительности этим словам суждено было следовать разными путями в своем дальнейшем развитии: отдельные лексемы за несколько лет стали утвержденными номенклатурными наименованиями; другие получили широкое распространение в общественно-политическом лексиконе и СМИ, но в официальных документах до сих пор не употребляются.

ся; остальные (в основном, это слова, номинирующие явления областного и городского значения) официально приняты лишь частью субъектов РФ.

1) Официальная номинация:

<u>Офици.</u>	=	<u>Офици.</u>
Глава Российской Федерации <small>(согл. Конституции РФ, глава 4, ст. 80)</small>		Президент РФ
Федеральное Собрание РФ <small>(согл. Конституции РФ, глава 5, ст. 94)</small>		парламент РФ
Нижняя палата Федерального собрания РФ <small>(согл. Конституции РФ, глава 5, ст. 96)</small>		Государственная Дума РФ

2) Неофициальная номинация:

<u>Офици.</u>	—	<u>Неофици.</u>
Председатель Правительства РФ <small>(согл. Конституции РФ, глава 6, ст. 110)</small>		премьер-министр
Председатель Совета Федерации или Государственной Думы РФ <small>(согл. Конституции РФ, глава 5, ст. 101)</small>		спикер
Совет Федерации РФ <small>(согл. Конституции РФ, глава 5, ст. 95)</small>		Сенат
Член Совета Федерации РФ <small>(согл. Конституции РФ, глава 5, ст. 98)</small>		сенатор
Член Федерального Собрания РФ <small>(согл. Конституции РФ)</small>		парламентарий
Депутат Государственной Думы РФ <small>(согл. Конституции РФ, глава 5, ст. 97)</small>		думец

3) Смешанная номинация:

<u>Офици.</u>	//	<u>Офици./Неофици.</u>
Глава администрации субъекта РФ		губернатор
Глава администрации города		мэр
Администрация города		мэрия
Орган местного самоуправления		муниципалитет

Как видно из сопоставления, возвращенные слова, дублирующие уже существующие слова и словосочетания, образовали соответствующие синонимичные корреляции. Последняя группа слов: *губернатор, мэрия, мэр, муниципалитет* – приобрела официальный статус в некоторых регионах России, но показателем нестабильности данного употребления становится их смешанное употребление с другими лексическими единицами. Например: Интернет-сайт *муниципалитета* города Томска (<http://www2.admin.tomsk.ru>) наряду с официальным наименованием *администрация* г. Томска. Или же: официальный сайт *органов городского самоуправления* Ярославля (<http://www.city.yar.ru>) при закреплённом названии *муниципалитет* г. Ярославля. В Белгородской области официальным наименованием

главы администрации области является реактивизированное слово *губернатор*, а словосочетание *мэр г. Белгород*, согласно нормативным документам, равнозначно словосочетанию *глава администрации г. Белгорода*.

Также реактивизировались слова, родственные вышеперечисленным, со значением «пребывание в должности»: *губернаторство, президентство, премьерство, чиновничество*. Образовались новые синонимичные ряды с возвращенными лексемами: *клерк – чиновник – государственный служащий; департамент – отдел – ведомство*. В круге возвращенных слов, обозначающих собственно политические реалии, выделяются несколько иерархически устроенных лексико-семантических групп:

В начале 90-х годов прошлого века реактивизировались номинации лиц и групп лиц, имеющих взгляды, противостоящие существующей политической ситуации: *бастующий, забастовщик, политзаключенный, пикет*; и соответственно – номинации форм протеста против существующей ситуации в стране: *забастовка, пикетирование*. Возвратились номинации национальности с оттенком торжественности: *великороссы, великорусы*. Слово *россияне* сегодня стало официальным обозначением граждан Российской Федерации. Ср. изменения в словарных пометах толкования слова *россиянин*: *россиянин-0 – «старин., офици. торж. Русский, гражданин российский» (ТСУ); россиянин-0 – «высок. устар. Русский» (МАС); россиянин-0 – «устар., чаще высок. То же, что русский» (ОШ); россияне-0 – «жители, граждане России» (БТС, ТСЯИ).*

Особо нужно отметить реактивизацию слов лексико-семантической группы «Номинации общественного настроения»: *вольнодумство, депрессия*; «Номинации состояния общества: *безвременье, самостийность* (возрожденный украинизм); «Номинации массовых волнений»: *беспорядки, смута*. В основном, данные слова возродились в языке СМИ для придания тексту

эмоциональной выразительности, ср.: *Я продолжаю беседу с исследователями проявлений вольнодумства на советских выборах Ольгой Эдельман и Владимиром Козловым* (Радио «Свобода», 13.04.2004). *Смешно слушать наших ученых, когда они всерьез говорят о «самостийности России»* [по отношению к Европе – Г.М.] (Агентство политических новостей, 26.12.2005). Расширение валентностных связей реактивизированных слов в языке массмедиа на примере лексемы *безвременье* описано нами в отдельной статье [Геращенко 2008]. Результатом данной работы стало выделение новых смыслов и новых контекстов употребления лексемы *безвременье*, которые свидетельствуют об активной лексикализации его деривационного значения, затухании «внутренней формы».

Кратко охарактеризовав основные лексико-семантические группы реактивизированной лексики, связанной со сферой политики и государственного устройства, обратимся к анализу динамики смысловой структуры некоторых реактивизированных лексем и сравним ее лексикографическое отображение в словарях дореволюционного, советского и новейшего времени издания. Поясним, что под смысловой структурой слова нами понимается иерархически организованная система, в которой все элементы взаимосвязаны сетью характерных для нее отношений. Эта структура может анализироваться на уровне целого словарного слова (лексемы) как системы лексико-семантических вариантов (ЛСВ, или семем), связанных между собой прежде всего парадигматическими и эпидигматическими отношениями. Слово как система семем в работе нами обозначается термином лексема, а его структура термином смысловая (семантическая) структура лексемы. Моделированию деривационных процессов в смысловой структуре лексем возвращенных слов предшествовали следующие операции: 1. Количественный и качественный анализ смысловой структуры лексем в разные периоды. 2. Определение статуса лексико-семантических вариантов – выделение утраченных, новых и актуализировавшихся ЛСВ. 3. Реконструкция процесса деривации – сравнение смысловых структур лексем, определение динамики ЛСВ от исходных значений к производным. В настоящей работе мы рассмотрим развитие смысловой структуры возвращенных лексем *пикет*, *парламент*, *волость*, *дума*, *либерал*, *губернатор*.

1. Интересна динамика смысловой структуры лексемы слова *пикет*. От исходного дореволюционного значения *пикет-1* – «небольшой отряд воинов, стоящий на страже» (ЦС) в советское время было образовано производное значение *пикет-2* – «в капиталистических странах – группа бастующих рабочих, дежурящая у ворот предприятия, чтобы не пропускать на работу штрейкбрехеров, колеблющихся и т.п. (по-

лит.)» (ТСУ). В результате семантического сдвига архисема «отряд» в пределах одного лексико-семантического класса модифицировалась в архисему «группа», изменились дифференциальные семы: *воины* → *бастующие рабочие*; *стоящий на страже* → *дежурящий у ворот предприятия*.

После реактивизации ЛСВ *пикет-2* трансформируется в ЛСВ со значением «группа людей, стоящая у правительственных и административных зданий с плакатами и лозунгами в знак протеста против чего-л. или в защиту каких-л. политических и экономических требований». Основой деривации выступает семантический сдвиг: в новом значении изменяются дифференциальные семы при сохранении интегральной семы «группа людей», утрачиваются лимитирующие семы периферийной зоны смысловой структуры этой семемы «в капиталистических странах» (социокультурная сема, ограничивающая функции ЛСВ) и «политика» (стилистическая сема, ограничивающая сферу употребления). Отметим, что в последние годы слово приобретает еще одно значение *пикет-3* – «акция протеста, проводимая у правительственных и административных зданий (обычно с плакатами и лозунгами)» (ТСХХI). Механизм деривационного акта в данном случае основан на метонимизации: в структуре нового значения появилась архисема «акция», а сема «группа людей...» стала дифференциальным компонентом.

Словарные толкования слова *пикет* показывают, что расширение смыслового объема у основного ЛСВ лексемы *пикет-1* сопровождалось утратой в советское время дореволюционного значения *пикет-2* – «карточная игра» (Даль), а также трех (фактически омонимичных) значений, представленных только в ТСУ и более нами ни в одном из ранних или поздних словарей в качестве ЛСВ одного слова не зафиксированных: *пикет-3* – «мера ж/д пути, десятая часть километра (ж.-д.)» (ТСУ); *пикет-4* – «точка местности, высота которой определяется при геодезической съемке (геодез.)» (ТСУ); *пикет-5* – «небольшой деревянный кол с номером, забиваемый в землю при нивелировке... (геодез.)» (ТСУ). По-видимому, в ТСУ эти значения в одну лексему объединены без оснований, поскольку они, будучи заимствованными из двух французских слов-омонимов, согласно большинству критериев разграничения многозначности и омонимии, в русском языке так же представляют собой омонимы по отношению к слову *пикет* (в основном общеупотребительном значении) и именно так отражены в изданиях, современных Толковому словарю Д.Н. Ушакова и более поздних словарях. Итак, в ходе вековой эволюции лексема *пикет* сохранила свое основное значение «небольшой сторожевой отряд, пост» и в результате двух семантических сдвигов, а также метонимизации обрела еще два новых ЛСВ: «протестующая группа людей», «акция протеста».

2. Лексема **парламент**, будучи до начала XX века моносемантом, приобрела в советский период дополнительное значение «название некоторых международных съездов, организаций» (ОШ), которое в дальнейшем не получило широкого распространения в речи и вскоре утратилось. Однако после реактивизации слова **парламент** его богатый семантический потенциал обеспечил употребление данной лексемы в новых значениях: 1) при бывшем и современном основном значении «высший представительный орган государственной власти» (ТСЯИ) появилось особое употребление «шутл. О шумном собрании людей, где много споров и эмоций» (БТС); 2) в значении «высший представительный орган городского самоуправления» (ТСХХI), образованном от ЛСВ₁ в результате семантического сдвига (*местный парламент, региональный парламент* и др.). В этой связи представляется спорной точка зрения Н.В. Черниковой на приведенные примеры употребления слова **парламент**: подобные сочетания исследователь называет некорректными, считая, что они произвольно «расширяют» и «обедняют» системное значение слова, не отвечают нормам семантического согласования языковых знаков (речь идет также об употреблении типа *губернатор Санкт-Петербурга, президент Калмыкии, сельская дума*) [Черникова 2008: 30]. Мы полагаем, что образование подобных словосочетаний свидетельствуют о многогранном усвоении возвращенного слова носителями языка.

3. Слово **волость** было употребительным в средние века для обозначения области, находившейся под управлением князя, затем до 1929-1930 гг. приобрело еще один ЛСВ для номинации сельского округа в составе уезда. В советское время обе эти семемы стали неактуальны – в периферийной зоне ЛЗ появилась стилистическая лимитирующая сема «*историческое*», ограничивающая время функционирования в составе языка. Третью жизнь слово **волость** обрело после 1991 года, когда в результате очередного административно-территориального деления страны были обозначены сельские поселения, получившие соответствующие наименования, например: *Добручинская волость, Юшкинская волость, Носовская волость, Тулинская волость* и др. Таким образом, по прошествии многих этапов развития структура слова **волость** стала включать три ЛСВ, имеющих общую архисему «*территориальная единица*». Отметим, что два значения слова отличаются дифференциальными семемами «*под управлением князя*» (ЛСВ₁), «*в составе уезда*» (ЛСВ₂). В составе третьей семемы, образованной путем цепочечной внутрисловной деривации, эти семы утрачиваются, а на первый план выходит денотативная сема ЛСВ₂-прототипа «*сельская*», и добавляется историко-культурная лимитирующая сема «*в некоторых*

областях», ограничивающая периферийную зону семемы: *волость-3* – «низшая сельская административно-территориальная единица» (ТСЯИ), «... в некоторых областях» (ТСХХI).

4. Аналогичное расширение смысловой структуры лексемы происходит со словом **дума**. В последние годы оно употребляется не только в значениях *дума-1* – «мысль, размышление», *дума-2* – «эпико-лирический жанр фольклора», *дума-3* – «название некоторых законодательных учреждений Российской Федерации; люди, входящие в состав таких учреждений; здание, в котором находится такое учреждение», *дума-4* – «в древней Руси: совет бояр, земских, выборных»; но и конкретизируется в качестве сокращенного наименования Государственной Думы (ТСЯИ, ТСХХI). В лексеме **дума** изменился порядок следования ЛСВ в словарных статьях: в дореволюционных словарях первым было представлено значение «собрание чинов для производства государственных или гражданских дел» (ЦС), а затем следовали ЛСВ со значениями «размышление» и «лирическое стихотворение». В советскую эпоху, в связи с упразднением думы как государственного учреждения, соответствующий ЛСВ слова **дума** в словарных статьях был помещен на последнее место. Такое описание структуры лексемы сохраняется в лексикографической практике и в настоящее время, несмотря на изменившийся статус обозначаемой реалии, что можно объяснить и укоренившейся традицией и обычным отставанием словарей от речевой практики носителей языка.

5. Материалы исследования показали, что ЛСВ слов, приобретенные в советское время под влиянием различных причин, в результате реактивизации не только уходили в пассивный фонд или подвергались переосмыслению, как было показано выше, но и могли закрепляться в языке, вытесняя или дополняя дореволюционные семемы, ср.: *либерал-3* – «разг. Тот, кто либеральничает, занимается вредным попустительством» (МАС); *либерализм-4* – «преступная снисходительность, попустительство (нов. неодобрит.)» (ТСУ); *потомственный-3* – «принадлежащий к семье, из поколения в поколение занимающейся каким-л. делом, ремеслом» (МАС); В современном русском языке слова в представленных значениях активно употребляются.

Сужение структуры лексем **либерал, либерализм** в период реактивизации не связано с утратой приобретенных советских значений, а вызвано объединением нескольких ЛСВ в составе одного, ср. толкования лексемы **либерал**: *либерал-1* – «сторонник либерализма» (ТСУ), *либерал-2* – «член либеральной партии; против. консерватор» (ТСУ); *либерал-3* – «в языке дворянской и буржуазной среды – свободомыслящий человек» (ТСУ); и современное представление: *либерал-0* – «сторонник политики

либерализации общественных отношений; свободомыслящий человек» (ТСЯИ, ТСХХI).

6. Слово *губернатор*, семантика которого в последние годы неслучайно привлекала внимание многих лингвистов, пожалуй, наилучшим образом отражает влияние внешних факторов на состояние семантической структуры слов. Будучи до 1917 года моносемантом и употребляясь в значении «правитель губернии» (ЦС, СЯ), лексема *губернатор* в результате семантического сдвига обрела в ТСУ три варианта значения, объединенных одинаковой архисемой и различающихся составом дифференциальных сем. В МАС они трансформировались уже в четыре отдельных ЛСВ: *губернатор-1* – «начальник губернии в дореволюционной России» (МАС), *губернатор-2* – «высшее должностное лицо в некоторых колониях» (МАС), *губернатор-3* – «высшее должностное лицо в каждом из штатов США и латино-американских республик» (МАС), *губернатор-4* – «высшее должностное лицо в каждой провинции, департаменте Бельгии и Испании» (МАС). Сегодня в смысловой структуре лексемы *губернатор*, по нашим наблюдениям, можно четко выделить три семемы: дореволюционную, зарубежную (объединяющую вышеуказанные ЛСВ₂, ЛСВ₃, ЛСВ₄) и новую, приобретенную в результате реактивизации: *губернатор-0* – «глава администрации региона России, являющегося субъектом Федерации» (ТСХХI). Деривационный акт в последнем случае представляет собой семантический сдвиг и состоит в изменении дифференциальных сем исходного дореволюционного ЛСВ₁ при сохранении интегральной семы («глава // начальник») в результирующей семеме.

В заключение отметим, что изучение процесса реактивизации политической лексики в диахронии с привлечением данных толковых и энциклопедических словарей, словарей иностранных слов имеет важное значение для определения типов изменений в семантике реактивизированных слов. Сопоставление толкований одного и того же слова в разные периоды

его исторического развития создает основу для дальнейшего изучения эволюционного характера смысловой структуры рассматриваемых лексических единиц. Материалы толковых словарей демонстрируют заметные изменения в иерархии дефиниций слов этого поля и иллюстраций к ним.

ЛИТЕРАТУРА

Большой толковый словарь русского языка [Под ред. С.А. Кузнецова]. – СПб.: Норинт, 1998.

Словарь русского языка: В 4 т. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1957-1961.

Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка [Под ред. Н.Ю. Шведовой]. – М.: Рус. яз., 1991.

Словарь иностранных слов и научных терминов. [Составил А.Е. Яновский]. Вып. 1, 2. – СПб., 1905.

Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика [Под ред. Г.Н. Складневской]. – М.: Эксмо, 2007.

Толковый словарь русского языка [Под ред. проф. Д.Н. Ушакова]. Т. 1-4. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1934-1940.

Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения [Под ред. Г.Н. Складневской]. – СПб.: Фолио-Пресс, 1998.

Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской академии наук: В 4 т. – СПб.: В типографии Императорской Академии Наук, 1847.

Черникова Н.В. Лексико-семантическая актуализация как средство отражения изменений в русской концептосфере (1985-2008 гг.). Автореф. дис. ... доктора филол. наук; Московский госуд. обл. ун-т. – М., 2008.

Герашенко М.Б. Употребление реактивизированной лексемы «безвременье» в языке СМИ // Журналистика и медиаобразование – 2008: сб. трудов III Междунар. науч.-практ. конф. (Белгород, 25-27 сентября 2008 г.): В 2 т. Т. II. – Белгород: БелГУ, 2008. – С. 187-191.

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1-4. – М.: А/О Издат. группа «Прогресс», «Универс», 1994.

© Герашенко М. Б., 2009

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК – ПОЛИТИКА – КУЛЬТУРА

Квят А.Г.
Омск, Россия

СВОЙ СРЕДИ ЧУЖИХ: МИФОТЕХНОЛОГИИ РЕКЛАМНОГО ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ

УДК 659.123.4
ББК Ш 107

Аннотация. Рекламная процедура позиционирования рассмотрена в аспекте лингвокогнитивного механизма категоризации. Исследован функциональный потенциал категорий 'СВОЙ' – 'ЧУЖОЙ' в современной рекламе, описаны различные способы репрезентации этого бинарного архетипа в рекламном тексте.

Ключевые слова: реклама, позиционирование, категория, бинарный архетип, модель мира.

Сведения об авторе: Квят Александра Георгиевна, аспирант кафедры теоретической и прикладной лингвистики.

Место работы: Омский государственный университет.

Контактная информация: 644033, г. Омск, ул. Красный путь, д. 74, кв. 9.

E-mail: akvyat@yandex.ru.

Kvyat A.G.
Omsk, Russia

FRIEND AMONG FOES: MYTHOTECHNOLOGIES OF ADVERTISING POSITIONING

ГСНТИ 16.21.27
Код ВАК 10.02.19

Abstract. Advertising procedure of positioning is viewed from the aspect of cognitive-linguistic mechanism of categorization. The article outlines functional potential of binary archetype 'FRIEND' – 'FOE' and various means of its representation in current advertising.

Key words: advertising, positioning, category, binary archetype, world model.

About the author: Kvyat Alexandra Georgievna, post-graduate student of the chair of theoretical and applied linguistics.

Place of employment: Omsk State University.

В современной теории маркетинга весьма популярна метафора товаров, конкурирующих между собой не на магазинных, а на когнитивных «полочках». «В сознании потребителя имеются некие ментальные ячейки, соответствующие отдельным товарным категориям. Наглядно это можно представить в виде шкафа с большим количеством отдельных стеллажей. Каждый стеллаж соответствует какой-то товарной категории. А отдельные полки заполняют конкретные товарные марки» [Ткаченко 2007: 52]. Когнитивный механизм категоризации, в процессе которого сознание «сводит бесконечное разнообразие своих ощущений и объективное многообразие форм материи и форм ее движения в определенные рубрики, т.е. классифицирует их и подводит под такие объединения – классы, разряды, группировки, множества, категории» [КСКТ: 45-46], играет роль базового закона человеческого мышления, и восприятие всевозможных товаров и услуг потребителями, безусловно, также подчиняется этому закону. Рассматривая лингвокогнитивный механизм рекламного позиционирования в аспекте понятия категоризации, невозможно обойти вниманием такой прием рекламного воздействия, как манипулирование категориями 'СВОЙ' – 'ЧУЖОЙ', представляющими собой так называемый «бинарный архетип» [Уваров 1996].

Многочисленные этнографические и антропологические исследования показывают, что бинарная логика была имманентна человеческому сознанию еще на самых ранних стадиях его развития: «Бинарные оппозиции в архаической культуре служат для установления отно-

шений двух символических средств, чьи явные противоположные качества или количества предполагают, в понятиях ассоциативных правил культуры, семантическую оппозицию» [Тернер 1983: 37]. Согласно концепции структурной антропологии К. Леви-Стросса, мифологическая логика основана на бинарных оппозициях «жизнь – смерть», «мужское – женское», «свой – чужой», «верх – низ» и т.п. [Леви-Стросс 1983]. М.С. Уваров называет принцип антиномий универсальным семиотическим кодом европейской культуры: «Рассуждая в общем плане, можно сказать, что различные варианты бинарного дискурса (отличающиеся, в основном, по формам возможного синтеза противоположностей) присущи духовному опыту человечества в целом, причем европейская традиция выражает этот опыт в наибольшей степени в том смысле, что она имеет явную тенденцию к "заострению" противоположных сторон отношения (тезиса и антитезиса) при достаточно неопределенном (первоначально) стремлении к синтезу» [Уваров 1996: 34].

По наблюдениям О.С. Иссерс, базовые когнитивные категории часто встречаются в персуазивном дискурсе, причем особенно популярна в нем дихотомия «свой – чужой»: «Продуктивность этой категории объясняется ее гибкостью, удобством и простотой в плане манипуляции сознанием» [Иссерс 1999: 45-46]. Как отмечает Ю.С. Степанов, «это противопоставление, в разных видах, пронизывает всю культуру и является одним из главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения» [Степанов 2001: 126].

Категории 'СВОЙ' – 'ЧУЖОЙ' изучались с точки зрения лингвокультурологии [Степанов 2001; Красильникова 2005] и политической лингвистики [Баранов, Казакевич 2001; Шейгал 2000; Милевич 2003; Канчани 2007], а В.В. Василькова относит их к числу основных «мифотехнологий» рекламной коммуникации [Василькова 2001]. Очевидно, воздействующая сила этой категориальной пары заключается в ее соотносительности с бинарным архетипом «добро – зло»: «Оппозиция *свой-чужой* – один из важнейших культурных концептов, во многом формирующий картину мира различных народов, поскольку вместе с другими бинарными противопоставлениями (*верх-низ, правое-левое, далеко-близко*) в конечном счете реализуют архетипическую оппозицию – *доброе-злое (благоприятное-неблагоприятное)*» [Милевич 2003: 110].

В рекламных текстах, задачей которых является позиционирование товара или услуги, категории 'СВОЙ' – 'ЧУЖОЙ' в основном выполняют функцию **дифференцирования, или отстройки от конкурентов** (для вас, потребителя, наш продукт – «свой», то есть привычный, надежный, безопасный и т.п., а продукт конкурентов – «чужой», которого следует избегать). В этом случае рассматриваемый бинарный архетип принимает форму оппозиции 'МЫ' – 'КОНКУРЕНТЫ'. Категория 'КОНКУРЕНТЫ' может быть выражена инвективными ярлыками: *В нашем городе действуют около 135 компаний, предлагающих пластиковые окна. Среди них есть солидные производители, однако есть и дилеры, многие из которых – фирмы-однодневки, чья недобросовестность мешает работе серьезных учреждений. Мощенники активизируются летом и зарабатывают на установке окон немалые деньги. * Придут «умельцы» и врежут счетчик в систему. Намного дешевле, чем, предположим, у нас. Но ни один инспектор водоканала или тепловых сетей его не регистрирует и не примет ваших показаний, если монтаж выполнен не по правилам.*

Чаще всего категория 'КОНКУРЕНТЫ' репрезентируется в рекламных текстах посредством определений «обычные», «традиционные», «прочие», «другие», «разные»: *В отличие от традиционных жирных зимних кремов структура Orlane практически невесомая. * Очень важно, что сцепление пломбировочного материала с зубом, обработанным бесконтактным способом, гораздо сильнее, чем при традиционной методике.* В отличие от инвективных ярлыков, довольно редких в современном рекламном дискурсе, подобные дефиниции сами по себе нейтральны, и выражаемая ими оценка определяется контекстом (ср., например, контекстуальное значение слова *другой* в двух текстах: *Поэтому у вашей рекламы больше шансов, что ее заметят, и она не затеряется в другой газете со множеством рекламных*

*блоков. * В Омске открылось немало бутиков, специализирующихся на продаже товаров какой-то определенной фирмы. Кто-то по старинке шарахается от известных имен, тем не менее с любопытством рассматривая красиво оформленные витрины. Но, как ни странно, большинство из нас чаще все-таки отдает предпочтение несколько другим магазинам. Знакомьтесь, один из бутиков торгового комплекса «Айсберг» – «Новый стиль»).*

Можно выделить два способа сообщения нейтральным определениям отрицательной оценочности: семантическое заражение ключевого слова от фоновых лексем (*традиционные жирные зимние кремы; загрязненная поверхность обычного конвектора*) и создание анти-тетических конструкций (например, «в отличие от товара А товар В обладает свойствами С»).

Явление семантического заражения, описанное Е.С. Копорской как контекстуальное «означивание» слова [Копорская 1982], связано с понятием ментального лексикона, то есть «совокупности знаний, группирующихся вокруг слова, и всех сведений, вытекающих из осознания его связей с другими словами и другими оперативными единицами сознания» [Кубрякова 2006: 332]. Нейтральные репрезентанты категории 'ЧУЖОЙ' приобретают негативную оценочность в результате активации смысловых связей, характерных для других элементов ментального лексикона реципиента.

В анти-тетических конструкциях оппозиция 'МЫ' – 'КОНКУРЕНТЫ' задается прагматической пресуппозицией, которую можно обозначить как «презумпция рекламного сравнения». Инференция адресата базируется на его знаниях о том, что любое сопоставление продукта с конкурентами всегда происходит по принципу «подтасовки карт»: «Содержание данного приема заключается в отборе и тенденциозном преподнесении только положительных или только отрицательных фактов и доводов при одновременном замалчивании противоположных» [Грачев, Мельник 2001: 58]. Подобный механизм речевого воздействия был описан Ч. Ларсоном как стратегия «интенсификации», то есть акцентирования своих достоинств и чужих недостатков [Larson 1995]. Иначе говоря, функцию имплицата в подобных конструкциях выполняет сам факт сравнения, точнее, его языковые индикаторы («в отличие», «по сравнению» и т.п.). Существует особая разновидность рекламных текстов, основанных на этом приеме лингвокогнитивного воздействия, – в американском рекламоведении она называется «side-by-side comparison» (букв. «параллельное сопоставление»). В качестве примера можно привести журнальную рекламу стирального порошка «Ласка». Модуль разделен на две части: слева находится заголовок: *Каждая стирка – риск?*, справа: *Ласка – стирка без риска!*; слева изображена женщина в шерстяном кардига-

не со следами многочисленных стирок, справа – она же, но кардиган на ней выглядит как новый; слева под фотографией – текст: *Изделия даже после первой стирки часто теряют форму, скатываются, становятся колючими, линяют и выглядят заношенными, справа: Изделия после стирки Лаской сохраняют форму, не вытягиваются и не садятся, не скатываются, остаются мягкими и пушистыми, сохраняют яркие цвета и выглядят великолепно* (дополнительный фактор обострения противоречия 'СВОЕГО' и 'ЧУЖОГО' – параллелизм синтаксических конструкций).

В противопоставлениях с тем или иным объектом рекламы ярлыки «обычные», «традиционные», «прочие», «другие», «разные» приобретают черты эвфемизмов, заменяющих генерализирующие обороты «все остальные», «все другие» и т.п. Теория рекламы признает такие сверхобобщения неэтичными, но на практике категория 'КОНКУРЕНТЫ' очень часто вербализуется с применением эффекта генерализации: *Непохожий на все другие издания журнал «Ридерз Дайджест» – плод кропотливой работы художников и дизайнеров. Менее радикальная разновидность этого приема – использование эвфемистических конструкций со словами-маркерами «большинство», «многие», «некоторые»: Средства Нутрилоджи, в отличие от большинства питательных кремов, обладают очень нежной, нежирной и легко впитывающейся текстурой. * Оздоровление в бочке сейчас предлагают многие. Но только в фитоцентре «Прасковья», единственном в городе и области, работают по уникальной методике Прасковьи Яковлевны Посевской и используют травы и бальзамы, собранные в Хакасии и экологически чистых районах. * Некоторые фирмы идут на различные уловки, например, предлагают пластиковое окно за четыре тысячи рублей.*

Иногда категория 'ЧУЖОЙ' репрезентируется неконкретным актантом «кто-то»: *Омское ипотечное агентство подготовит и проведет сделку тогда, когда это нужно Вам, а не в надуманные сроки, и вряд ли кто-то сможет оформить кредит быстрее. * Нельзя разрушать свои суставы всю жизнь, а затем быстро вылечить их за один курс! Если кто-то обещает вам такое, можете смело разворачиваться и уходить.* Т.М. Николаева относит подобные высказывания с неопределенным референтным индексом к числу основных ресурсов «лингвистической демагогии» [Николаева 1988].

Учитывая негативные последствия «тирании выбора» (термин маркетолога Дж. Траута) и закон экономии ментальных усилий, авторы рекламных текстов нередко делают акцент на трудности выбора конкретной марки, представляя категорию 'КОНКУРЕНТЫ' словами и словосочетаниями, актуализирующими смысл 'ко-

личество': *Современную женщину окружает море косметических средств, а проблемы все равно остаются – с волосами, кожей и ногтями. * Я попробовала очень много средств для похудения. * На фармацевтическом рынке представлено немало «очищающих» продуктов. * До сих пор для лечения атеросклероза рекомендовали соблюдение диеты, прием поливитаминов, препаратов, улучшающих кровообращение, снижающих давление, улучшающих эластичность стенок сосудов и снижающих вязкость крови, то есть целый комплекс мероприятий и препаратов.*

Во многих рекламных текстах категория 'КОНКУРЕНТЫ' воплощается косвенно, через указание тех или иных атрибутов, характерных для товаров или услуг конкурентов: *Еще одно отличие от «закусочных» – в «Сбарро» не разогревают привозные полуфабрикаты, а именно готовят: проходит весь технологический процесс – от свежих продуктов до готовых блюд, в чем гости могут убедиться лично (...)* Допустим, для первого обстоятельного знакомства вам будет вполне достаточно всего 99 рублей! Заметьте – за эти деньги вы получаете не отдельный кусок пиццы или легкий салатик, а полноценный комбо-обед. * *Окна для Сибири? Только 6 + 74! 6 воздушных камер внутри профиля создают шесть препятствий на пути холода. Шесть – это больше, чем три или пять! 74 мм – такая ширина окна – это более «толстая» защита, чем 60-70 мм.* Высокая эффективность этого приема объясняется тем, что конкуренты в тексте прямо не называются (что позволяет избежать юридической ответственности), но их имидж дискредитируется при помощи когнитивных операций над моделью мира адресата, через обращение к его фоновым знаниям. Например, в нижеследующем тексте для создания образа 'ЧУЖОГО' копирайтер апеллирует к скрипту 'ПОСЕЩЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО МЕДИЦИНСКОГО УЧРЕЖДЕНИЯ': *Можно с утра пораньше занимать очереди для сдачи анализов крови, мочи, слюны. Несколько часов просидеть у кабинета в очереди к специалисту... Можно целый месяц посвятить этим героическим хождениям, но так и не узнать причину своего недомогания и не получить желаемого здоровья. Мы предлагаем простой способ обследования всего организма в течение 1-1.5 часа по методу имаго-диагностики.* Еще один пример использования этой модели – реклама «Инновационной бизнес-группы», опубликованная с подзаголовком «Ипотека в вопросах и ответах»: – *Увидел объявление «Ипотека без подтверждения доходов, без первоначального взноса с процентной ставкой 10.47% годовых». Скажите, это добросовестная реклама, ведь такой ипотечной программы не существует. – Скорее всего, рекламодатель объединил в своей рекламе сразу*

три программы, но на расшифровку места не хватило. Классический рекламный прием имитации обратной связи в данном случае выполняет функцию «удвоения» косвенности высказывания: негативная информация о конкуренте «Инновационной бизнес-группы» приписана абстрактному читателю, а образ «недобросовестного рекламодателя» реконструируется по цитате из прецедентного текста – рекламного объявления банка-конкурента.

Вторая функция бинарного архетипа 'СВОЙ' – 'ЧУЖОЙ' заключается в **поляризации модели мира потребителя**: «"Чужие" могут быть своего рода абстракцией, чучелом (strawman, как называют американцы), позволяющим обозначить положительный и отрицательный полюсы» [Иссерс 1999: 202]. На этот раз оппозиция 'СВОЕ' – 'ЧУЖОЕ' принимает вид более конкретного противостояния 'ДРУГ' – 'ВРАГ'. Когда носителем ярлыка 'ВРАГ' становится проблема, которую должен решить рекламируемый продукт, или какой-либо объект, не являющийся его прямым конкурентом, сам товар или услуга в соответствии с эффектом контраста воспринимается более позитивно. Э. Райс считает создание «образа врага» первым шагом в разработке стратегии позиционирования: «Шаг 1. Враг. Чтобы создать успешный бренд, необходимо определить своего врага» [Райс, Райс 2005: 2]. Подобная тактика часто применяется в рекламе товаров для здоровья: *У сердца много врагов: высокое давление, ишемия, стенокардия, атеросклероз. С годами «плохой» холестерин забивает артерии, поток крови замедляется, и сердце просто перестает справляться со своими обязанностями, в буквальном смысле «обессиливает». Где взять силы слабому сердцу? Принимайте Атероклефит! * Вам мешают жить ваши жировые клетки? Ваши жировые клетки слишком хорошо устроились? Вы устали всех их кормить, Вам тяжело, а их все больше и больше? Надо что-то менять! Пора подумать и о себе! Похудейте в «Вите»! * Попадая в организм, вирусы гриппа и ОРВИ сразу же начинают поражать здоровые клетки. Жизнь превращается в сущий кошмар. Арбидол: остановить и обезвредить вирус.* Человек и паразиты: кто кого? «Тройчатка Эвалар» сражается на вашей стороне и победит! Паразиты живут в каждом из нас. Они не только в желудочно-кишечном тракте, порой они пожирают головной мозг, печень, легкие... В тройном составе «Тройчатка Эвалар» – экстракты трав с противопаразитарным эффектом. Они сражаются не только с «непрошенными гостями», но и со всем их «родом до седьмого колена». Ведь паразиты смертельно боятся только горечей, которых в нашей повседневной пище огромная нехватка. В двух последних примерах образ врага усилен использованием военной метафоры (остановить и обезвредить; сражается, победит).*

Еще один пример такой поляризации – реклама ипотечной программы «Нет аренде» банка «УралСиб», где категория 'ВРАГ' представлена в образе трех характерных типажей арендодателей:

Персонажам, изображенным в гротескно-шаржевой манере, приписаны следующие реплики: «Теперь мы родственники: все-таки в моей квартире живет!»; «Обживаетесь потихоньку? Не забывайте – Вы не у себя дома!»; «Деньги вперед! И чем дальше, тем больше!». Интертекстуальное вкрапление дает возможность либо апеллировать к негативному опыту реципиента, либо, в случае отсутствия у него соответствующих фоновых знаний, внедрить их в его модель мира. Образ врага усиливается комментарием: *Они живут за Ваш счет. Их интересуют только Ваши деньги. Они следят за каждым Вашим шагом.* В качестве альтернативы банк «УралСиб» предлагает реципиенту стать «хозяином собственной жизни» ('хозяин' – маркер категории 'СВОЙ'): *Каждый день, каждый месяц, каждый год Вы вы-*

брасываете деньги на ветер. Как именно? Снимаете квартиру. Возможно, «это удобно», так «меньше хлопот» и даже «дешевле». Может быть. Но, расплатившись с хозяином съемной квартиры, Вы кладете деньги ему в карман, а оформив ипотечный кредит в банке «Уралсиб» – становитесь хозяином собственной жизни. Очевидно, что приведенный текст лишь формально ориентирован на дифференцирование (частные арендодатели не являются прямым конкурентом банка), в то время как истинной его задачей является примитивизация модели мира, сведение ее к вечному противостоянию категорий добра и зла.

Постоянно прогрессирующая тенденция к «уплотнению» рекламного дискурса, выражающаяся в количественном и качественном развитии рекламоносителей на фоне «перцепционной усталости» современного потребителя, затрудняет подбор аргументов в пользу того или иного продукта, но эксплуатация глубинных когнитивных структур потребительского сознания значительно повышает эффективность рекламного текста. Бинарный архетип 'СВОЙ' – 'ЧУЖОЙ', на наш взгляд, является мощным лингвокогнитивным ресурсом рекламного позиционирования. В текстах, ориентированных на отстройку от конкурентов, категория 'ЧУЖОЙ' может быть репрезентирована как инвективными ярлыками, так и нейтральными определениями, приобретающими негативную оценочность в антитетических конструкциях или путем семантического заражения. Еще одна распространенная схема вербализации категории 'ЧУЖОЙ' – упоминание в рекламном тексте определенных атрибутов, характерных для продукции конкурентов. Даже если отстройка от конкурентов по каким-либо причинам не входит в задачи рекламиста, манипулирование категориальной парой 'СВОЙ' – 'ЧУЖОЙ' позволяет ему акцентировать преимущества продукта за счет эффекта поляризации модели мира.

ЛИТЕРАТУРА

Баранов А.Н., Казакевич Е.Г. Парламентские дебаты: традиции и новации. Советский политический язык (от ритуала к метафоре). – М.: Знание, 1991. 148 с.

Василькова В.В. Мифотехнологии в рекламной коммуникации // Ритуальное пространство культуры: Материалы международного форума. – СПб.: Изд-во СПб. Философского общества, 2001. 451 с.

Грачев Г. Мельник И. Манипулирование личностью: Организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия. – М.: Эксмо, 2003. 384 с.

Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи: Монография. – Омск, 1999. 288 с.

Канчани П. Оппозиция «свои – чужие» как прагматическая доминанта политического дискурса. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2007. 24 с.

Копорская Е.С. Семантические преобразования слова, контекстуально стимулируемые и контекстуально нестимулируемые // Русский язык. Текст как целое и компоненты текста. Виноградовские чтения. Вып. VI. – М., 1982. С. 154-166.

Красильникова Н.А. Метафорическая репрезентация лингвокультурологической категории СВОИ – ЧУЖИЕ в экологическом дискурсе США, России и Англии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2005. 22 с.

Краткий словарь когнитивных терминов [Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина]. – М., 1996. 245 с.

Кубрякова Е.С. О ментальном лексиконе: лексикон как компонент языковой способности человека // Актуальные проблемы современной лингвистики [Сост. Л.Н. Чурилина]. – М.: Флинта: Наука, 2006. С. 327-342.

Леви-Стросс К. Структурная антропология. – М.: Наука, 1983. 535 с.

Милевич И. Дайджест – коммуникативная территория «чужого» (по материалам прессы современной Латвии) // Современная политическая лингвистика: Материалы международной научной конференции. – Екатеринбург, 2003. С. 110-112.

Николаева Т.М. Лингвистическая демагогия // Прагматика и проблемы интенциональности. – М.: ИНИОН АН СССР, 1988. С. 154-165.

Райс Э., Райс Л. Восемь шагов раскрутки бренда с помощью пиара // PR в России. 2005. № 5. С. 2-5.

Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. – М.: Академический проект, 2001. 991 с.

Тернер В. Символ и ритуал. – М.: Наука, 1983. 277 с.

Ткаченко Н. Технологические основы рекламного креатива // Рекламодатель: теория и практика. 2007. № 1. С. 52-57.

Траут Дж. Новое позиционирование. – СПб.: Питер, 2001. 192 с.

Уваров М.С. Бинарный архетип. Эволюция идей антиномизма в истории европейской философии и культуры. – СПб.: Изд-во БГТУ, 1996. 214 с.

Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. – М.; Волгоград: Перемена, 2000. 367 с.

Larson Ch. Persuasion: Reception and Responsibility. – Belmont, California: Wadsworth Publishing Company, 1994. 449 p.

© Квят А. Г., 2009

Скворцов О. Г.

Екатеринбург, Россия

**СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ
В ИССЛЕДОВАНИИ СЕМАНТИЧЕСКОЙ
СФЕРЫ «LIGHT/DARKNESS»
В ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ**

УДК 81'27

ББК Ш 100.3

Аннотация. В статье рассматриваются особенности сопоставительного направления в зарубежных исследованиях, посвященных семантической сфере «свет/тьма». Основное внимание уделяется сопоставлению ведущих концептуальных метафор и лингвокультурологической характеристике соответствующих образов.

Ключевые слова: семантическая сфера; сопоставительная лингвистика; когнитивная лингвистика; метафора; лингвокультурология; «свет/тьма».

Сведения об авторе: Скворцов Олег Георгиевич, проректор по научной и инновационной деятельности, кандидат филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей лингвистики и межкультурной коммуникации.

Место работы: Институт международных связей (г. Екатеринбург).

Контактная информация: 620026, г. Екатеринбург, ул. Карла Либкнехта, д. 33, оф. 40.

E-mail: ims@ims-ural.ru.

Skvortsov O. G.

Ekaterinburg, Russia

**CONTRASTIVE APPROACH IN THE RESEARCH
OF THE SEMANTIC SPHERE
«LIGHT/DARKNESS»
IN FOREIGN LINGUISTICS**

ГЧТИ 16.21.51

Код ВАК 10.02.20

Abstract. The author considers in the article the peculiarities of contrastive linguistics in the works of foreign writers devoted to the semantic sphere «light/darkness». Special attention is paid to the comparison between leading conceptual metaphors and cultural-linguistic characteristic features of the corresponding images.

Key words: semantic sphere; contrastive linguistics; cognitive linguistics; metaphor; lingvocultural studies; «light/darkness»

About the author: Skvortsov Oleg Georgievich, vice-rector for academic and Innovative activities, candidate of philological sciences, professor, head of the department of general linguistics and cross cultural communication.

Place of employment: Institute of international relations (Ekaterinburg).

Place of employment: Institute of international relations (Ekaterinburg), d. 33, of. 40.

Историография исследования семантической сферы «Light/Darkness» во многом повторяет историю теоретической эволюции лингвистической науки. Исследование этой сферы было связано с методологией риторики и стилистики, компонентным и дискурсивным анализом, эвристиками когнитивной и гендерной лингвистики, а также многими другими методологическими подходами. В нашем предшествующем обзоре [Скворцов 2009] были рассмотрены особенности риторического направления в исследовании названной семантической сферы. В настоящей статье речь пойдет о **сопоставительных и типологических** исследованиях, в которых семантическая сфера «Light/Darkness» была рассмотрена на материале различных языков.

Именно сопоставительная лингвистика, по мнению целого ряда зарубежных специалистов, способна решить задачу верификации гипотезы об экспериенциальной природе и универсальности концептуальных метафор рассматриваемой семантической сферы. Поэтому значительная часть современных публикаций в этой области направлены на обнаружение аналогов концептуальных метафор, выявленных Дж. Лакоффом и его единомышленниками на примере английского языка, в других языках мира. Вместе с тем множество западных исследований в той или иной степени продолжают традиции риторического направления, особенно ярко представленного в трудах Майкла Осборна и его последователей [Osborn 1962, 1967, 1977 и др.].

Так, З. Ковечеш указывает на употребление метафор света для концептуализации счастья в таких генетически и типологически разных языках как английский (HAPPINESS IS LIGHT), венгерский и китайский [Kövecses 2000: 164-165]. Автор задается вопросом, как могло случиться, что в таких разных языках и культурах счастье концептуализируется одинаково? Маловероятно, что это сходство возникло в результате заимствования или случайного совпадения. Наиболее достоверным объяснением представляется универсальная мотивация этого сходства, основанная на общечеловеческом опыте, в духе теорий воплощенного разума и экспериенциального реализма, активно развиваемых Джорджем Лакоффом, Марком Джонсоном и их единомышленниками. Схожие выводы были получены при сопоставительном анализе метафорической концептуализации учения в Великобритании, Ливане и Китае. Сотни студентов из этих стран использовали понятие света для осмысления процесса учения [Cortazzi et al. 2008].

Богатый иллюстративный материал по сопоставлению английских и китайских метафор представлен в монографии Нинга Ю [Yu 1998]. Автор показывает, что английские метафоры HAPPINESS IS LIGHT и SADNESS IS DARKNESS имеют свои аналоги в китайской культуре. Для китайского языка столь же характерно описывать счастье через образы света, а грусть – с помощью метафор тьмы. К похожему выводу приходит исследователь, обнаруживший сходство между метафорами с семантикой света и тьмы в английском и тайском языках [Ukosakul 2003].

Испанские исследователи провели детальный сопоставительный анализ лексико-семантических полей «Light» (в английском языке) и «Luz» (в испанском языке) и пришли к выводу об их большом сходстве, что, по мнению авторов, подтверждает гипотезу Дж. Лакоффа о существовании в сознании человека универсальных образ-схем [Faber, Pérez 1993].

Если универсальность обнаруживается в столь далеких друг от друга языках, то вполне предсказуемыми оказываются результаты сопоставления метафор света и тьмы в родственных английскому германских языках. Необходимо отметить, что выводы о сходстве метафорических проекций в семантике германских лексем, относящихся к сфере света/тьмы, были сделаны еще в докогнитивной лингвистике. В рамках *лингвистической типологии* эти проблемы разрабатывались в работах О. Виберга [Viberg 1983, 1984] и А. Лерер [Lehrer 1974]). Хотя схожие с когнитивными изысканиями выводы получали исследователи, придерживающиеся разных теоретических установок (как до становления когнитивистики, так и после) [Boase-Beier 1994; Breithaupt 1995; Kahrs 2000; Klug 1986; Malmkjær 2004; Pache 1973; Villwock 1983 и др.], именно с популяризацией идей когнитивной лингвистики связан возросший интерес к семантике света и тьмы в германских языках.

Так, С. Сьерстрем [Sjöström 1999] показывает, что характерное для английского языка описание знания и объяснения посредством метафор света и освещения, невежества посредством метафор тьмы, а понимания с помощью образов визуального восприятия, столь же характерно и для шведского языка. Используя большой фактический материал, автор констатирует, что степень подобия моделей развития полисемии в двух языках очень высока. Объясняя это языковой и культурной близостью английского и шведского языков, С. Сьерстрем в качестве перспективы предложил сопоставить метафоры германских языков с генетически далекими и культурно близкими, финскими метафорами и генетическими и культурно далекими китайскими метафорами.

Метафоры, представляющие знание как свет и незнание как тьму, фиксирует Г. фон дер Липпе при сопоставлении прессы на немецком, норвежском и датском языках [Lippe 2004]. Автор отмечает интересные случаи совмещения таких метафор с особенностями конструирования национальной идентичности. К примеру, датские журналисты до сих пор придерживаются традиции принижать норвежцев, чья страна некогда была под властью датских королей. Датчане склонны ассоциировать свою страну с равниной, освещенной солнцем образования, а Норвегию представлять горой, погруженной в ночную тьму безграмотности [Lippe 2004: 392].

Тамаш Киспал поставил задачу изучить способы метафорической концептуализации жизни в немецких идиомах. В немецком языке тоже задействована метафора, концептуализирующая жизнь как свет (LEBEN IST LICHT), но в идиомах немцы используют этот образ только для счастливой жизни, что придает метафоре вид POSITIVES LEBEN IST LICHT. При этом автор считает метафору LEBEN IST LICHT вариантом более общей метафорической схемы жизни как цикла (LEBEN ALS ZYKLUS), которая может реализовываться через понятия света и тьмы, дня и ночи, смены времен года [Kispál 2008]. В другом исследовании Тамаш Киспал выявил в немецкой фразеологии концептуальную метафору NEGATIV IST DUNKEL [Kispál 2004].

Ту же немецкую метафору NEGATIV IST DUNKEL, но уже в паре с антонимичной метафорой POSITIV IST HELL изучила Х. Бальдауф, посвятившая исследованию когнитивных метафор в немецком языке специальную монографию [Baldauf 1997]. Х. Бальдауф посчитала, что предложенных Дж. Лакоффом и М. Джонсоном трех групп метафор (ориентационные, онтологические, структурные) недостаточно и вынесла примеры переносного употребления лексем *hell/dunkel* в группу так называемых «атрибутивных метафор» (Attributsmetaphern) [Baldauf 1997: 83]. В эту группу были включены метафоры, основанные на непосредственном сенсорном опыте и используемые для концептуализации абстрактных феноменов. В отличие от онтологических метафор атрибутивные метафоры не привносят в описание абстракций границы физического мира. При таком подходе метафоры *hell/dunkel* оказываются в одной группе с метафорами *warm/kalt, stark/schwach, schwer/leicht*.

В более узком контексте немецкие метафоры NEGATIV IST DUNKEL и POSITIV IST HELL рассматривал Ф. Зурманн, который ограничил материал для анализа дискурсом пожилых людей, имеющих проблемы со здоровьем [Surmann 2005]. Схожий подход применила Ю. Баркфельт в монографии, посвященной изучению способов метафорического конструирования образа депрессии в немецком языке [Barkfelt 2003]. Проводя исследования на примере дискурса больных клинической депрессией, Ю. Баркфельт не только выявляет немецкую метафорическую модель DEPRESSION IST DUNKELHEIT, но и ищет пути использования потенциала метафор света и тьмы для достижения психотерапевтического эффекта.

Метафоры NEGATIV IST DUNKEL и POSITIV IST HELL, а также LICHT IST POSITIV, но уже в «христологическом» дискурсе изучил Рубен Циммерманн [Zimmermann 2004]. Исследователь отдельно рассмотрел оппозицию *Licht-Finsternis*, часто актуализируемую именно в религиозном дискурсе, в отличие от оппозиции *Licht-Dunkel*, больше присущей обыденному языку. Схожие

выводы были получены в монографии И. Хартла, посвященной теологической метафорологии [Hartl 2008] и в монографии о метафорике Катарины Регины фон Грайфенберг, но уже в идиолектном аспекте [Pumplun 1995].

Дополнительные подтверждения того, что концептуальные метафоры NEGATIV IST DUNKEL (FINSTERNIS) и POSITIV IST HELL (LICHT) пронизывают самые разные сферы немецкоязычной коммуникации, привел Х. Бэртш, исследовавший способы метафорического конструирования образа Европы и Евросоюза в швейцарской прессе [Bärtsch 2004], и К. Коль, изучившая метафорические средства немецкой поэтики [Kohl 2007].

Несколько иначе сформулировал семантическую оппозицию света и тьмы в семантике немецкого языка Р. Шмитт [Scmitt 2000]. Автор указал на дихотомию *Licht* и *Schatten*, задействованную при концептуализации понимания и эмоций. Эта дихотомия проявляется в немецких словах и выражениях *einleuchten*, *ein lichter Moment*, *mir geht ein Licht auf*, *ein heller Kopf*, *eine Erleuchtung*, *ein Geistesblitz*, *strahlen*, *verfinstern*, *eine Stimmung aufhellt*, *sich verdüstern* и др.

Помимо сопоставления семантики света и тьмы специалисты уделяют внимание различиям в плане выражения. Эти различия оказались наиболее актуальными для исследователей в области **теории перевода**. Примером служит исследование английского перевода стихотворения немецкой поэтессы Розы Ауслендер «Damit kein Licht uns liebe» [Boase-Beier 1994]. Исследователь считает, что переводчики должны стремиться не только к передаче смысла, но и сохранению стилистических особенностей. Вместе с тем различия в плане выражения даже у родственных языков создают для следования этому постулату большие трудности. Для практического примера было выбрано стихотворение Розы Ауслендер, творчество которой обычно считается относительно легким для перевода, и которое содержит много образов, связанных со светом (*Sterne*, *Mond*, *Licht*, *Sonne*, *Sonnenfinsternis*). Как показывает анализ, в немецком оригинале важную роль играет синтаксический, фонологический и семантический повтор, который невозможно сохранить при переводе в виду различий в плане выражения. К примеру, в завершении стихотворения используются образы *Sonne* и *Sonnenfinsternis*, которые используются и для семантического противопоставления образов солнца и затмения, и для продолжения характерного для всего произведения повтора. Но это не просто повтор ради некоего общего принципа воспроизведения ассонансов и аллитераций, а поэтический способ противопоставления света и тьмы. И хотя слово *eclipse*, английский эквивалент немецкого слова *Sonnenfinsternis*, передает смысл, теряется характерный для стихотворения повтор созвучных корней. Схожие позиции занимают

исследователи прозаических переводов. В частности, К. Мальмкьер в том же ключе обсуждает стилистические нюансы перевода рассматриваемой лексики с датского на английский [Malmkjær 2004].

В рассмотренных выше исследованиях вопрос об универсальности концептуальных метафор, объективирующихся в метафорических выражениях с семантикой света и тьмы, решался преимущественно положительно. Однако некоторые исследования свидетельствуют о наличии культурной специфики в семантике этой сферы в духе идей лингвистической относительности. Эту группу изысканий можно отнести к **лингвокультурологическому направлению**. В зарубежной лингвистике нет однословного термина-синонима для области исследований, называемой в России лингвокультурологией. Эту область научных изысканий принято обозначать как *cultural studies in linguistics* (культурные исследования в лингвистике). Вместе с тем это расхождение относится к плану выражения, и применение термина лингвокультурология здесь уместно в виду совпадения предмета исследований обоих направлений.

Так, сравнение семантики света и тьмы в английском и японском языках показало, что выводы об универсальности не следует абсолютизировать. Категориальные представления о свете и тьме закреплены в японском языке иначе, чем в английском. В японском языке выделяются несколько степеней темноты, что закреплено в соответствующих лексемах. Также различается концептуальное содержание японских и английских лексем, выражающих понятие тени и религиозные смыслы [Kimie 2008].

Еще более контрастные различия наблюдаются при сопоставлении семантики, связанной со светом и тьмой, в английском и полинезийских языках [Keesing 1997; Shore 1996]. В последних даже базовые концепты, связанные с опытом человека, имеют культурную специфику. К примеру, понятия «верх/низ», «мужской/женский», и «светлый/темный» используются для описания понятий «к морю/на сушу», «священный/мирской» и «чистый/грязный», что нехарактерно для германских языков.

Как показывают обзоры Э.В. Будаева и А.П. Чудинова, антитеза «света/тьма» весьма характерна для политической коммуникации во многих странах, связанных с христианской культурой, причем свет всегда связан с позитивом, а тьма – с негативом; свет всегда связан со знанием, пониманием, а тьма – с непониманием, незнанием, неспособностью правильно относиться к политической реальности [Будаев, Чудинов 2007; Будаев 2008; Будаев, Чудинов 2009].

Дополнительные данные о лексемах семантической сферы «Light/Darkness» предоставляет **диахроническая лингвистика**. Как показы-

вает анализ англосаксонского, среднеанглийского и ранненовоанглийского этапов в развитии английского языка, метафоры NEGATIVE IS DARK и POSITIVE IS LIGHT были характерны для всех этапов его эволюции, что расширяет положения об универсальности этих концептуальных метафор не только в кросс-культурном, но и в диахроническом измерении. Вместе с тем диахронические данные демонстрируют, что некоторые из метафорических выражений, объективируемых рассматриваемые концептуальные метафоры, были устойчивы на протяжении времени, другие на определенном этапе становились более употребительными, третьи уходили на задний план [Ron Vaz 2006]. Схожие выводы получил Петер Крисп [Crisp 2001], обратившийся к анализу концептуальных метафор в английских средневековых аллегориях. Это изыскание подтвердило, что метафоры тьмы были столь же распространены в средние века, как и в наше время.

Диахронический анализ не ограничивается исследованием динамики семантики метафор света и тьмы. В публикации Р. Холла представлен детальный анализ древнеанглийских сложных существительных с семантикой тьмы [Hall 1987]. Тщательный анализ позволил уточнить семантику англосаксонских существительных *ælmurgan* и *gūðmyrce*.

Как показывает настоящий обзор, исследование семантической сферы «Light/Darkness» проводилось с использованием самых разнообразных методологических подходов. При этом нередко приходится наблюдать совмещение подходов. К примеру, установки гендерной лингвистики могут быть реализованы как в риторико-стилистическом, так и в когнитивном изыскании. Литературоведческий анализ может проводиться как с помощью методов когнитивной поэтики, так и на основе традиционной стилистики. Квантитативный анализ лексем может одновременно сочетать методы когнитивной и корпусной лингвистики и т.д. Поэтому подходы это не строго ограниченные участки научных изысканий, а круги Эйлера, нередко между собой пересекающиеся, что особенно заметно в периоды смены методологических предпочтений исследователей. Вместе с тем методологический синтез – закономерная черта развития современной лингвистики, эволюционирующей в сторону интердисциплинарности исследований. Лингвисты все чаще стали совмещать методологические разные подходы, надеясь получить новые результаты и увидеть прежде скрытые аспекты анализируемых явлений.

ЛИТЕРАТУРА

Будаев Э.В., Чудинов А.П. Лингвистическая советология как научное направление // Политическая лингвистика. 2009. № 1 (27).

Будаев Э.В. Семантический параллелизм политических метафор // Политическая лингвистика. 2008. № 3 (26).

Будаев Э.В., Чудинов А.П. Методологические грани политической метафорологии // Политическая лингвистика. 2007. № 1 (21).

Дейнан Э. Метафоры. Справочник по английскому языку [Пер. с англ. С.Г. Томахина]. – М.: Астрель; АСТ, 2003. 256 с.

Скворцов О.Г. Риторическое направление в исследовании семантической сферы «Light/Darkness» (по материалам политической коммуникации) // Политическая лингвистика. 2009. № 2 (28). С. 41-45.

Baldauf Ch. Metapher und Kognition. Grundlagen einer neuen Theorie der Alltagsmetapher. – Frankfurt am Main: Peter Lang, 1997. 357 S.

Barker W. Lunacy of Light: Emily Dickinson and the Experience of Metaphor. – Carbondale, Ill.: Southern Illinois University Press, 1991. 218 p.

Barkfelt J. Bilder (aus) der Depression. Metaphorische Episoden über depressive Episoden: Szenarien des Depressionserlebens. – Konstanz: Hartung-Gorre, 2003. 498 p.

Bärtsch Ch. Metaphernkonzepte in Poesstexten. Das Verh ältnis der Schweiz zu Europa und zur Europäischen Union: Abhandlung zur Erlangung der Doktorwürde der Philosophischen Fakultät der Universität Zürich. – Zürich: Universität Zürich, 2004. 233 s.

Bhatia A. Religious metaphor in the discourse of illusion: George W. Bush and Osama bin Laden // World Englishes. 2007. Vol. 26, № 4. P. 507-524

Boase-Barter J. Translatig repetition // Journal of European Studies. 1994. Vol. XXIV. P. 403-409.

Breithaupt F. Echo. Zur neueren Celan-Philologie // MLN. German Issue. 1995. Vol. 110. № 3. P. 631-657.

Conceptual Metaphor Home Page. URL: <http://cogsci.berkeley.edu/lakoff/MetaphorHome.html>

Cortazzi M., Jin L., Bahous R., Bacha N. More than a journey: Metaphors for learning in China, Lebanon and the UK. Paper presented at the “7th International Conference on Researching and Applying Metaphor (RaAM 7)” on “Metaphor in Cross-Cultural Communication,” held at the University of Extremadura, Spain, 2008.

Crisp P. Allegory: conceptual metaphor in history // Language and Literature. 2001. Vol 10. № 1. P. 5-19.

Hartl J. Metaphorische Theologie: Grammatik, Pragmatik und Wahrheitsgehalt religiöser Sprache. – Berlin; Hamburg; Münster: LIT Verlag, 2008. – 520 s.

Faber P., Pérez Ch. Image Schemata and Light: A Study of Contrastive Lexical Domains in English and Spanish // Atlantis. 1993. Vol. XV. № 1-2. P. 117-134.

Hall J. R. Two Dark Old English Compounds: *ælmurgan* (Andreas 432a) and *gūðmyrce* (Exodus 59a) // Journal of English Linguistics. 1987. Vol. 20. № 1. P. 38-47.

Jarosh L. Constructing the Dark Continent: Metaphor as Geographic Representation of Africa // Geografiska Annaler. Series B: Human Geography. 1992. Vol. 74. № 2. P. 105-115.

Kahrs P. Thomas Bernhards frühe Erzählungen: Rhetorische Lektüren. – Würzburg: Königshausen & Neumann, 2000. 239 s.

- Keesing R. Constructing space in Kwaio (Solomon Islands) // Referring to Space: Studies in Austronesian and Papuan Languages [Ed. By G. Senf] – Oxford: Clarendon Press, 1997. P. 127–141.
- Kimie M. Light and Darkness in English and Japanese // Kiyou. 2008. № 33. P. 149-169.
- Kispál T. Leben ist eine Reise mit dem rollenden Stein und dem Moos. Sprichwörter in der kognitiven Metaphertheorie // Res Humanae Proverbiorum et Sententiarum: Ad honorem Wolfgangi Mieder / Csaba Földes (Hrsg.). – Tübingen: Gunter Narr Verlag, 2004. S. 129-139.
- Kispál T. Die metaphorische Konzeptualisierung des Lebens in deutschen Idiomen. Paper presented at Internationale Konferenz “Phraseologie: global – areal – regional” veranstaltet vom Germanistischen Institut der Universität Helsinki und von der Europäischen Gesellschaft für Phraseologie, 13.8.–16.8.2008.
- Klug Ch. Simultane Widersprüche: Ein Interpretationsvorschlag zum Werk Thomas Berndhars, dargestellt am Beispiel “Finsternis”-Metapher // Lili. Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik. 1986. – Bd.16 S. 132-137.
- Kohl K. Poetologische Metaphern: Formen und Funktionen in der deutschen Literatur. – Berlin: Walter de Gruyter, 2007. 754 s.
- Kövecses Z. Are there any emotion-specific metaphors? // Speaking of Emotions. Conceptualization and Expression / Ed. by A. Athanasiadou, E. Tabaskowska. – Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1998. P. 127-151.
- Kövecses Z. Happiness: A Definitional Effort // Metaphor and Symbolic Activity. 1991. Vol. 6. P. 29-46.
- Kövecses Z. Metaphor and Emotion: Language, Culture, and Body in Human Feeling. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 240 p.
- Kövecses Z. Metaphor: A Practical Introduction. – Oxford: Oxford University Press, 2002. 285 p.
- Lakoff G., Turner M. More Than Cool Reason: a Field Guide to Poetic Metaphor. – Chicago; London: University of Chicago Press, 1989. 230 p.
- Lippe G., von der. Media Image. Sport, Gender and National Identities in Five European Countries // International Review for the Sociology of Sport. 2002. Vol. 37. № 2-3. P. 371-395.
- Malmkjær K. Translational stylistics: Dulcken’s translations of Hans Christian Andersen // Language and Literature. 2004. Vol. 13. № 1. P. 13-24.
- Osborn M. Archetypal Metaphor in Rhetoric: The Light-Dark Family // Quarterly Journal of Speech. 1967a. Vol. 53. P. 115-126.
- Osborn M. Patterns of Metaphor Among Early Feminist Orators // Rhetoric and Community: Studies in Unity and Fragmentation / Ed. by G. M. Hogan. – Columbia: University of South Carolina Press, 1998. P. 3-6.
- Osborn M. The Evolution of the Archetypal Sea in Rhetoric and Poetic // Quarterly Journal of Speech. – 1977. Vol. 63. P. 347-363.
- Osborn M. The Evolution of the Theory of Metaphor in Rhetoric // Western Speech. 1967b. Vol. 31. P. 121–131.
- Osborn M., Ehninger D. The Metaphor in Public Address // Speech Monographs. 1962. Vol. 29. P. 223–234.
- Pache W. Ein Ibsen-Gedicht Im Doktor Faustus // Comparative Literature. 1973. Vol. 25. № 3. P. 212-220.
- Pumplun C. M. Begriff des unbegreiflichen: Funktion und Bedeutung der Metaphorik in den Geburtsbetrachtungen der Catharina Regina von Greiffenberg (1633-1694). – Amsterdam; Atlanta: Rodopi, 1995. 344 s.
- Ron Vaz P. Coloring the World of Anglo-Saxon Emotions // The Historical Linguistics – Cognitive Linguistics Interface. – Huelva: Universidad de Huelva, 2006. P. 245–258.
- Schmitt R. Fragmente eines kommentierten Lexikons der Alltagspsychologie: Von lichten Momenten, langen Leitungen, lockeren Schrauben und anderen Metaphern für psychische Extremzustände. Unveröffentlichter Text, Version vom 1.5.2000 URL: <http://www.hs-zigr.de/~schmitt/aufsatz/grenzen.htm>.
- Shore B. Culture in Mind: Cognition, Culture, and the Problem of Meaning – Oxford: Oxford University Press, 1996. 432 p.
- Sjöström S. From Vision to Cognition. A Study of Metaphor and Polysemy in Swedish // Cognitive Semantics: Meaning and Cognition [J. Allwood, P. Gärdenfors] – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1998. P. 67-86.
- Surmann V. Anfallsbilder: Metaphorische Konzepte im Sprechen anfallskranker Menschen. – Würzburg: Königshausen & Neumann, 2005. 422 s.
- Ukosakul M. Conceptual metaphors motivating the use of Thai ‘face’ // Cognitive linguistics and non-Indo-European languages [Ed. by E. H. Casad, G. B. Palmer]. – Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2003. P. 275-303.
- Viberg Å. A universal lexicalization hierarchy for the verbs of perception // Papers from the 7th Scandinavian Conference of Linguistics [Ed. by F. Karlsson] – Helsinki: University of Helsinki Press, 1983. P. 260-275.
- Viberg Å. The verbs of perception: A Typological Study // Explanations for Language Universals / Ed. by B. Butterworth, B. Comrie. – Berlin: Walter de Gruyter, 1984. P. 123-162.
- Villwock J. Metapher und Bewegung. – Frankfurt; Bern: Peter Lang, 1983. 403 s.
- Yu N. The Contemporary Theory of Metaphor: A Perspective from Chinese. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1998. 278 p.
- Zimmermann R. Christologie der Bilder im Johannesevangelium: Die Christopoetik des vierten Evangeliums unter besonderer Berücksichtigung von Joh 10. – Tübingen: Mohr Siebeck, 2004. 551 s.

РАЗДЕЛ 4. ИЗ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Будаев Э.В.

Нижний Тагил, Россия

О ТРЁХ НАПРАВЛЕНИЯХ АМЕРИКАНСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ В СЕРЕДИНЕ XX ВЕКА

УДК 81'27

ББК Ш 100.3

Аннотация. Введение к рубрике «Из истории политической лингвистики» дает краткую характеристику трех статей в контексте их отношения к исследовательским направлениям политической лингвистики в США в сер. XX в.

Ключевые слова: политическая лингвистика, количественная семантика, психоанализ, политический символизм/

Сведения об авторе: Будаев Эдуард Владимирович, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков.

Место работы: Нижнетагильская государственная педагогическая академия.

Контактная информация: 622031, Свердловская обл., г. Нижний Тагил, ул. Красногвардейская, д. 57.

E-mail: aedw@rambler.ru.

Budaev E.V.

Nizhny Tagil, Russia

ON THREE TRENDS IN US POLITICAL LINGUISTICS IN THE MIDDLE OF XX CENTURY

ГЧНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19

Abstract. The paper reviews three articles published in the section «From the history of political Linguistics» as far as they represent three trends in US political linguistics in the middle of XX century.

Key words: political linguistics, quantitative semantics, psychoanalysis, political symbolism/

About the author: Budaev Eduard Vladimirovich, candidate of philology, associate professor of the chair of foreign languages.

Place of employment: Nizhny Tagil State Social and Pedagogical Academy.

В очередном выпуске рубрики «Из истории политической лингвистики» представлены три статьи: «Пропаганда: история слова» Э.У. Феллоуза, «Сталин глазами Политбюро» Н. Лейтеса, Э. Бернаут и Р. Гартхоффа и «Использование символов в политике» Р. Кобба и Ч. Элдера. Все статьи относятся к области политической лингвистики, но каждая из них связана с определенной школой лингвополитических исследований в США в сер. XX в.

Одним из нововведений политической лингвистики того времени стало расширение исследовательского инструментария за счет методов **количественной семантики**. Основоположителем этого направления можно считать Г. Лассвелла, продемонстрировавшего эвристический метод в серии исследований, среди которых наиболее известна коллективная монография «Language in Politics: Studies in Quantitative Semantics» [Language in Politics 1949]. Г. Лассвелл и другие исследователи на основе анализа политической коммуникации выявляли различные взаимозависимости между семантической языковых единиц, их частотностью и политическими процессами (на русском языке см. [Лассвелл 2006, 2007а, 2007б; Лассвелл, Блюменсток 2007; Якобсон, Лассвелл, 2007]).

Примером использования возможностей количественной семантики служит публикуемая в данной рубрике статья Эрвина У. Феллоуза «Пропаганда: история слова» (в оригинале [Fellows 1959]). Применение приемов контент-анализа позволяет Э. Феллоузу проследить изменения в истории слова *propaganda* по двум критериям: коннотации и сфера употребления. Автор показывает, что первоначально слово *propaganda* использовалось в католическом дискурсе в словосочетании *de propaganda fide*

(святое братство, призванное распространять веру посредством миссионерской деятельности) и обладало мелиоративными коннотациями. В первой половине XX в. *propaganda* ассоциируется с мировыми войнами и приобретает пейоративные коннотации. В поствоенный период основной сферой употребления термина становится политика, что сопровождается сменой резко пейоративных коннотаций более мелиоративными оттенками.

Вторая статья рубрики «Сталин глазами политбюро», написанная Н. Лейтесом в соавторстве с Р. Гартхоффом и Э. Бернаут, была впервые опубликована в 1951 г. [Leites et al. 1951], но до сих пор активно цитируется социологами, лингвистами-советологами, политологами, психологами. Широкий междисциплинарный интерес к этой статье связан с тем, что ее авторы обратились к анализу корреляций психологических типов и политического языка. Такой подход позволяет рассматривать это научное изыскание в качестве примера **психоаналитического** направления в политической лингвистике. Авторы статьи проанализировали основные образы, используемые членами Политбюро для описания Сталина, и предположили корреляцию между степенью «политической приближенности/удаленности» от генсека и предпочтением того или иного образа.

Автор статьи, Натан Лейтес, был известным экспертом по Советскому союзу, который предоставлял информацию о советской политической элите правительству США. Такие задачи ставились перед ним как перед сотрудником корпорации РЭНД, известном научно-исследовательском центре в Калифорнии, изучающем проблемы международных отношений и национальной безопасности, научно-технические и

военные вопросы. Предмет изысканий Н. Лейтеса (дискурс конкретных политиков) определил методологическую направленность его исследований. Выполняя заказ правительства, Н. Лейтес обратился к психоанализу, что было вполне уместно при изучении идиолектов. Это позволяет отграничить квантитативную семантику по Г. Лассвеллу, применяемую в исследовании Н. Феллоуза, от психоаналитического анализа по Н. Лейтесу. Хотя и в статье Феллоуза, и в статье Н. Лейтеса используются схожие приемы контент-анализа (что неудивительно, учитывая активное сотрудничество Н. Лейтеса и Г. Лассвелла [см. *Language in Politics* 1949]), исследователи ориентируются на разные методологические основания. Н. Феллоуз анализирует трансформации в коннотациях конкретной лексемы и сопоставляет эти данные со сферами употребления данной лексемы в разные периоды времени. Н. Лейтес и его соавторы интересуются семантикой политического языка для выявления психологических особенностей политиков и выработки практических рекомендаций для более успешного коммуникативного взаимодействия с ними. Психоаналитический метод получит дальнейшее развитие в монографии Н. Лейтеса «*A Study in Bolshevism*» [Leites 1954], в которой анализ языка будет рассматриваться как способ распутать механизмы загадочного большевистского мышления, как шаг к прогнозированию политических реакций коммунистических лидеров.

Среди соавторов статьи «Сталин глазами политбюро» числится еще один известный исследователь психоаналитического измерения советского языка: Эльза Бернаут (она же Елизавета Порецкая, вдова советского военного разведчика Игнатия Порецкого, убитого агентами НКВД в Лозанне в 1937 г.). Эльза Бернаут, случайно избежавшая трагической участи мужа, относится к числу невозвращенцев, которые были особенно востребованы в советологии как люди, знавшие Советский союз «из первых рук». Изучая образцы политического мышления на основе языковых данных, она внесла весомый вклад в становление психоаналитического (персоналогического) направления политической лингвистики. Методологические процедуры, использованные Н. Лейтес и Э. Бернаут в рассматриваемой статье, широко применялись в их совместной монографии «*Ritual of Liquidation: The Case of the Moscow Trials*», в которой на основе корпуса текстов московского политического судопроизводства была выявлена важная роль образа Сталина-отца и партии-матери в признании своей вины обвиняемыми [Leites, Bernaut 1951].

Третья статья «Использование символов в политике», написанная Р. Коббом и Ч. Элдером, относится к области **политического символизма** (political symbolism), развиваемого в русле политической семиотики. Исследовате-

лей этого направления, опирающихся в основном на теорию М. Эдельмана [Edelman 1964], символы в первую очередь интересуют как способ легитимации власти. Согласно теории политического символизма основой легитимации власти служит ее эффективность, которая в свою очередь приводит к подкрепляемой и усиливаемой символами удовлетворенности властью. Впоследствии символы становятся самостоятельными феноменами, способными заменять эту удовлетворенность. Высокий статус, приписываемый теорией символам, обуславливает детальное внимание ученых к их семантике, синтактике и прагматике. Статья Ч. Элдера и Р. Кобба является примером подробного теоретического изыскания в этой области, что не лишает исследование практического смысла. Рассматривая символы в качестве основы легитимности власти, Ч. Элдер и Р. Кобб видят в их изучении ключ к пониманию политической дифференциации и кооперации.

Примечательно, что в качестве теоретической основы все ученые указывают на труды Г. Лассвелла. Одни полностью заимствуют его методики, другие делают уклон в сторону З. Фрейда, третьи дополняют анализ теорией М. Эдельмана. Это единство и многообразие хорошо характеризует развитие политической лингвистики в США в сер. XX в. С одной стороны, политическая лингвистика еще только формируется и исследователи эксплуатируют то немногое, что было сделано в этой области, а с другой стороны, уже прослеживается значительная методологическая дифференциация, что хорошо иллюстрируют публикуемые статьи.

ЛИТЕРАТУРА

Лассвел Г. Почему количественный метод? // Политическая лингвистика. 2007а. № 22. С. 177-187.

Лассвел Г. Стиль в языке политики // Политическая лингвистика. 2007б. № 22. С. 165-177.

Лассвел Г. Язык власти // Политическая лингвистика. 2006. № 20. С. 264-280.

Лассвел Г., Блюменсток Д. Методика описания лозунгов // Политическая лингвистика. 2007. № 23. С. 152-170.

Якобсон С., Лассвелл Г. Первомайские лозунги в Советской России (1918-1943) // Политическая лингвистика. 2007. № 21. С. 123-140

Edelman M. *The Symbolic Uses of Politics*. Urbana: University of Illinois Press, 1964. 164 p.

Fellows E. W. 'Propaganda: History of a Word // *American Speech*. 1959. Vol. 34(3). P. 182-189.

Language in Politics: Studies in Quantitative Semantics [Ed. by H. D. Lasswell, N. Leites]. – New York: George W. Stewart, 1949. 402 p.

Leites N., Bernaut E. *Ritual of Liquidation: The Case of the Moscow Trials*. Glencoe: Free Press, 1951. 551 p.

Leites N., Bernaut E., Garthoff R. *Politburo Images of Stalin* // *World Affairs*. 1951. Vol. 3. P. 317-339.

Leites N. *A Study of Bolshevism*. Glencoe, Ill., 1953. 639 p.

© Будаев Э.В., 2009

Кобб Р., Элдер Ч.
Провиденс, Филадельфия, США
Перевод И.С. Поляковой

R. Cobb, Ch. Elder
Providence, Philadelphia, USA
Translated by I.S. Polyakova

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СИМВОЛОВ В ПОЛИТИКЕ

THE POLITICAL USES OF SYMBOLISM

УДК 81'27

ГЧТИИ 16.21.27

ББК Ш 100.3

Код ВАК 10.02.19

Аннотация. Перевод на русский язык статьи Р. Кобба и Ч. Элдера «The Political Uses of Symbolism», опубликованной в США в 1973 г. Авторы показывают, что для оценки потенциала политических символов, необходимо учитывать три составляющих символов: когнитивное содержание, валентность и системную значимость.

Abstract. This is the first Russian translation of R. Cobb and Ch. Elder's article "The Political Uses of Symbolism" published in the USA in 1973. The authors show that in order to understand the potency of political symbols, it is necessary to consider three dimensions of symbols: cognitive content, valence, and systemic importance.

Ключевые слова: символ, политический символизм, когнитивное содержание, валентность, систематическая значимость

Key words: symbol, political symbolism, cognitive content, valence, systemic importance

Сведения об авторе: Роджер У. Кобб, доктор философии, профессор

About the author: Roger W. Cobb, PhD, professor
Place of employment: Brown University (USA)

Место работы: Университет Брауна (США)

Сведения об авторе: Чарльз Элдер, доктор философии, профессор

About the author: Charles Elder, PhD, professor
Place of employment: University of Pennsylvania

Место работы: Пенсильванский Университет

Сведения о переводчике: Полякова Ирина Сергеевна, аспирант, ассистент кафедры риторики и межкультурной коммуникации.

About the translator: Polyakova Irina Sergeevna, post-graduate student, assistant of the chair of rhetoric and intercultural communication.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет

Place of employment: Ural State Pedagogical University.

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26, к. 285.

E-mail: irene22@live.ru.

То, что символы играют важную роль в политической жизни, отмечали еще Лассвел [Lasswell 1965], Арнольд [Arnold 1962] и др. [Sapir 1934; Merriam 1964; Boulding 1961; Lasswell, Kaplan 1950]. Однако лишь недавно ученые оценили важность разработок исследователей прошлых лет и попытались их развить и систематизировать. Возрождение интереса было спровоцировано работами Мерри Эдельмана [Edelman 1964, 1971]. Эдельману лучше, чем другим теоретикам удалось описать ту важную роль, которую символы играют в политике. Его труды не только послужили стимулом к дальнейшему изучению проблемы использования символов в политике [см., напр.: Kautsky 1965; Anton 1967], ему удалось сформулировать теоретические положения, согласно которым, исследуемый феномен может быть отнесен к основным вопросам современной политической науки. Согласно этой точки зрения, символические аспекты политики нельзя считать эпифеноменальными и периферийными. Символизм лежит в основе политического процесса и поэтому является чрезвычайно важным.

Изучение политического символизма имеет большой потенциал. На систематическом уровне оно обещает помочь в понимании процессов политической мобилизации, дифференцированного распределения политического влияния и основ политической легитимности [Merelman 1966]. На уровне подсистемы изучение политических символов помогает пролить свет на динамику групповых конфликтов и способствует

пониманию процесса объединения групп [Brown, Ellithorp 1970]. На индивидуальном уровне изучение символизма позволяет выделить разные стили и модели политического поведения [DeLamater et al. 1969]. Символы дают стимулы для определенного поведения, и сами являются шаблонами, которые избавляют человека от необходимости поиска информации и принятия самостоятельного решения.

Более того, изучение политического символизма помогает найти взаимосвязи между разными уровнями анализа, то есть, выявляет теоретические связи между макро- и микро-уровнями поведения. Политические символы регулируют отношения индивида и политической системы, закладывают основу для дифференциации, кооперации и, наконец, для политического сообщества.

Несмотря на большой объяснительный потенциал, содержащийся в исследованиях политического символизма, эта проблема является недостаточно изученной. Основные концепты сформулированы неточно, специфическим переносом не хватает дифференцированного описания, а выдвигаемые гипотезы нуждаются в дальнейшей разработке и экспериментальном подтверждении. Мы попытаемся разобраться в некоторых из перечисленных проблем.

Разработанный подход рассматривает политические символы как социально значимые объекты индивидуального восприятия. Сходства и различия между индивидами и группами в рамках этого восприятия рассматриваются как

источник потенциала символа в убеждении и пробуждении интереса. Выделяются следующие компоненты восприятия символов: когнитивное содержание, валентность и систематическая значимость. Они связаны с иерархической структурой типологии политических символов посредством ряда гипотез, выявляющих закономерности символической идентификации различных слоев населения в зависимости от его типа. Критерии оценки соответствия символа определенной ситуации нами также изучаются, и мы рассматриваем некоторые системные импликации, выявленные в результате анализа.

Символическая и реальная выгода. Символы появляются благодаря простому соотношению значения или оценки с объектами, человеком, жестами или предметами. Как пишет Уайт [White 1949: 25]: «Символ можно определить как предмет, значимость или значение которого определяется тем, кто его употребляет... Значение или значимость символа ни в коем случае не производится и не определяется характеристиками, присущими его физической форме... Символы, по словам Джона Локка, 'обладают условными значениями, приписываемыми человеком'».

Символом может стать любой объект, значение которого порождено социумом и не содержится непосредственно в самом объекте. Нас интересуют те символы, которые могут быть отнесены к политическим. Каждая политическая система в определенный момент обладает конечным числом объектов-символов. По сути, этот набор объектов-символов и представляет собой основные элементы политической культуры. Хотя символы и подвержены изменениям, центральные элементы остаются относительно стабильными и меняются медленно. Набор символов порождает объекты, которые служат основой для общих взглядов и взаимной идентификации с той или иной политической точкой зрения. Эта символическая основа для общности обусловлена опытом и зависит от пользы или удовлетворения, получаемых от них.

Мерельман [Merelman 1966: 551-552] предлагает рассматривать динамику легитимности в таком контексте. Он отстаивает такую точку зрения, что т.к. основой легитимности является эффективность выделения материальных ресурсов, возрастание удовлетворенности усиливается символами, которые сами становятся основой легитимности и собой заменяют источники удовлетворения. Таким образом, существует как минимум две основы легитимности. Первая – преимущественно символическая, то есть, верность основана преимущественно на чувствах и эмоциях по отношению к ярким политическим символам. Другой источник легитимности основан на функциональном или утилитарном критерии материальной оценки и вы-

годы (для эмпирического использования этих отличительных особенностей см.: Katz 1969).

Различия между символической и реальной выгодой занимают важное место в работе Эдельмана [Edelman 1964: 22-43] по анализу политического процесса. Эдельман утверждает, что политический процесс направлен на передачу реальной пользы заинтересованному кругу лиц, предоставляя в то же время массовой публике символическую уверенность. Он так же отмечает, что политические акты, имеющие важное символическое значение, могут производить малый эффект, или не оказывать его совсем на распределение материальных ресурсов. Однако подобные символически нагруженные акты поддерживают уверенность в обществе и согласие с условиями, которые позволяют поддерживать политический порядок. Эти условия помогают элите добиваться осуществления своих материальных интересов и влиять на распределение той реальной выгоды, которую предоставляет политическая система.

В литературе, посвященной вопросам престижной политики [см. Hofstadter 1967; Lipset 1955; Lipset, Raab 1970], а также в труде Гусфилда [Gusfield 1963] по анализу Движения за трезвость, отмечается, что основной целью политически организованных групп является все-таки не получение материальной выгоды от политики. Гусфилд утверждает, что наряду с материальными интересами в политике существуют не менее важные символические интересы: «Мы живем в человеческом обществе, где символические жесты играют важную роль в формировании чувства гордости, обиды и чести. Социальные конфликты и напряжение приводят к нарушению символического порядка, и разрушению других областей жизни. Если подобные реакции не относить к «иррациональным», это затруднит проведение анализа и приведет к игнорированию событий, имеющих большое значение для людей» [Gusfield 1963: 183].

Символы важны не только сами по себе, они могут быть важным стимулом к приобретению материальной выгоды. Статус группы и интерес, который она выражает иногда необходимо легитимировать посредством символических действий до того, как группа может претендовать на свою долю материальной выгоды, предоставляемой политикой.

Правительство неизбежно вовлекается в социальное распределение престижа, утверждение важности, ценности чего-либо, легитимацию стилей жизни и стандартов нравственности. Игнорирование конфликтов подобного содержания, даже если они не влияют непосредственно на распределение материальных ресурсов, означает игнорирование значительной части политической жизни [1].

Методы идентификации символов. Для того, чтобы понять роль символов и важность символической выгоды, необходимо рассмот-

реть подробно то, что люди идентифицируют при помощи специальных политических символов и способ, при помощи которого происходит идентификация. Это исследование поможет понять реакции, вызываемые политическими символами.

Объясняя разницу между конденсационными и референциальными символами, Эдельман [Edelman 1964: 6-9] отмечает, что некоторые символы эмоционально окрашены, в то время как другие эмоционально нейтральны и являются чисто денотативными (данное различие было сформулировано ранее Сэпиром [Sapir 1934: 492-495]). Однако важно понимать, что эта разница не основывается на качественных характеристиках самих символов.

Символы сами по себе не содержат какого-либо внутреннего значения, определенного его формой. Некоторые из них менее ясные и вызывают более сильные эмоциональные реакции, чем другие. Но это происходит благодаря тому значению или сигнификации, которые они имеют, а не из-за каких-либо качественных характеристик самого символа. Как отмечает Эдельман [1964, 6] принадлежность символа к конденсационным или референциальным зависит от ситуации и человека, его употребляющего.

Браун и Эллиторп [Brown, Ellithorp 1970: 363] эмпирическим путем нашли подтверждение данной точки зрения, рассматривая в качестве политического символа фигуру известного американского политика Юджина Маккарти. Они пришли к выводу, что «люди с разными взглядами прибегают к одним и тем же побуждающим объектам (символам)... но для достижения разных целей, которые были сформированы в результате разного жизненного опыта». Они соотносят этот феномен с тем, что Блумер [Blumer 1954] называл «конвергентной избирательностью». Этот процесс можно охарактеризовать следующим образом: «члены общества выбирают какой-то один объект, но при этом каждый человек рассматривает те его характеристики, которые являются наиболее интересными, привлекательными для него. Возникающие черты сходства создают впечатление одинакового поведения публики... (и приводят) к ошибочным выводам об одинаковой мотивации [Brown, Ellithorp 1970: 363]».

Абербах и Уолкер придерживались подобной точки зрения, отмечая, что такое выражение как «black power», по их мнению, не имеет конкретного значения, «оно может вызывать разные эмоции и мотивировать индивида на проявление лояльности или призывать к принятию активных действий» [Aberbach, Walker 1970: 367].

Индивидуальные символные предпочтения. Все вышеизложенное указывает на то, что ключом к пониманию той роли, которую символы играют в политике, являются способы индивидуальной идентификации при помощи

символов. Однако Гирц пишет, что «существует много рассуждений об эмоциях, “находящих свое выражение в символе” или “прикрепляющихся к символу” – но очень мало говорится о том, как это происходит» [Geertz 1964: 56].

В одной из своих ранних работ Лассвел дает некоторые ответы на этот вопрос: «В окружении ребенка существует большое количество слов с неясным референтом, которые приобретают положительное или отрицательное значение задолго до того, как у ребенка появится достаточное количество контактов с реальностью для того, чтобы самостоятельно определить значение слов, смысл которых является неопределенным. Повзрослев, человек продолжает воспринимать эти феномены, основываясь на своем детском представлении, иногда добавляя какое-то дополнительное значение к ним. К таким словам и выражениям можно отнести следующие: «закон и порядок», «патриотизм» [Lasswell 1965: 30].

В работах Гринштейна [Greenstein 1965], Истона и Хесса [Easton, Hess 1962], Джароса (1968) и других исследователей, занимающихся проблемой детской социализации [см. также Hess, Torney 1967; Easton, Dennis 1969], последовательно доказывается верность приведенных выше утверждений Лассвела. У детей формируется положительное или отрицательное восприятие того или иного политического объекта (символа) задолго до того, как этот символ начинает иметь какое-либо определенное значение или передавать когнитивную информацию. Эти символы или объекты становятся центральным элементом того, что Истон [Easton 1965: 272] называет «расплывчатой поддержкой», под которой подразумевается «положительное восприятие символа, которое не зависит от какой-либо выгоды, извлекаемой из объекта» [см. также Dennis 1970: 823].

Считается, что когда человек взрослеет, образы, ассоциирующиеся с этими символами, наполняются существенной информацией и знаниями. Несомненно, существуют факты, доказывающие верность данного утверждения [Hess, Torney 1967: 23-59]. Может возникнуть мнение, что эти символы превращаются в обычные денотативные феномены. Однако такое предположение является необоснованным в свете того, что известно о политике и политических институтах [Sears 1969]. Для многих, образы и представления, сформированные в детстве, никогда полностью не исчезают. Они остаются, по мнению Лассвела, эмоционально значимыми символами с размытым референтом.

Выводы, к которым приходит Деннис [Dennis 1966] подтверждают тот факт, что политические символы для большинства взрослых людей обладают преимущественно эмотивной смысловой нагрузкой, в то время как объективная информация является недостаточной. Он утверждает, что несмотря на то, что многие люди

находят, что «соперничество между политическими партиями» – это норма для существующего политического режима, другие придерживаются той точки зрения, что существует слишком большое количество разногласий между партиями «противоречия и конфликты чересчур остры и приносят государству больше вреда чем пользы» [2]. То, что в символах эмоциональный компонент преобладает над информативным, подтверждает тот факт, что, несмотря на отсутствие каких-либо знаний о программе партии ей приписываются яркие характеристики и «приклеиваются» ярлыки.

Часто бывает так, что субстантивное (самостоятельное) информационное содержание, ассоциируемое с той или иной партией, является размытым, неопределенным, и хотя это содержание и присутствует, оно неоднородно среди разных групп людей. Значение символа для каждого конкретного индивида зависит от его жизненного опыта и тем самым формируется скорее благодаря той окружающей обстановке, в которой находится человек; значение символа не является унифицированной оболочкой или фиксированным набором характеристик. Таким образом, можно полагать, что восприятие политических символов, их спецификация разными этническим, расовыми, религиозными и социально-экономическими группами будет различной. Одна из таких групп будет давать основу для понимания политических символов [см., например, Tallman, Morgner 1970].

Рассматривая политические символы как объекты индивидуальных восприятий, мы можем лучше разобраться в их побуждающем и стимулирующем потенциале. Лейн пишет: «Один из источников их (символов) силы заключается в эмоциональной нагрузке или валентности, которой они обладают, в самих элементах, нарушающих или наоборот структурирующих систему знаний; другим источником силы является ассоциативный компонент значения, содержащийся в них, благодаря которому каждый человек может воспринимать то значение символа, которое ему наиболее близко и интересно» [Lane 1969: 316].

Благодаря тому, что человек может приписывать политическим символам то значение, которое кажется ему наиболее близким, значение этих символов производится не от тех общих значений, которые этот символ имеет, а от представлений общества по отношению к этим символам. Таким образом, негативный контекст, приписанный обществом слову «коммунизм», а не какая-либо его смысловая интерпретация, позволяет ему превратиться в политический символ.

Аффективные и когнитивные компоненты. Можно выделить два компонента, влияющие на интерпретацию символа индивидом: (1) когнитивный – при котором указывается объем объективной информации или субстан-

тивного содержания символа, и (2) аффективный, где рассматриваются характеристики (положительная или отрицательная), валентность символа. Оба компонента направлены на пробуждение необходимой поведенческой реакции, которая должна последовать за употреблением символа.

Когнитивный компонент представляет собой континуум информационного содержания, стоящего за символом. Для удобства мы будем проводить различия только между теми единицами, которые хорошо или плохо развиты с точки зрения когнитивного содержания. Аффективный компонент характеризуется интенсивностью от крайне позитивного до крайне негативного восприятия объекта. Здесь нас интересует валентность символа, будь она более интенсивна или менее интенсивна. Химмельшtrand ссылается на этот компонент, когда он описывает «независимость аффективной нагрузки». По его мнению, большая или меньшая аффективная (эмоциональная) нагрузка символа ассоциируется обычно с разными типами поведения. Большая эмоциональная нагрузка связана с экспрессивными действиями, меньшая – с созидательными. Далее он отмечает, что магнитуа аффекта (действия), вызванного объектом, важна для определения возможности предсказания реакции, которая последует после употребления объекта в статусе символа [Himmelstrand 1960: 47-54]. Таким образом, аффективный компонент символических ориентаций играет не меньшую, если даже не большую роль, чем когнитивный компонент в понимании и прогнозировании той реакции, которую вызывает символ. Данный факт имеет большую важность, так как когнитивный и аффективный компоненты невзаимосвязаны [3].

Взаимодействие этих компонентов, в той же мере, что и их независимость друг от друга, играет важную роль для понимания процесса формирования политических предрасположенностей, формируемых политическими символами. Принимая во внимание независимый характер аффективного и когнитивного континуума символа, в Таблице 1 показаны четыре типа восприятия символов.

Восприятие, отличающееся наибольшей эмоциональностью и в то же время обладающее значительной субстантивной информацией называется идеологической ориентацией. Люди, у которых идеологическая ориентация является доминирующей при восприятии политического символа, действие, вызываемое этим символом, будет в равной степени созидательным и экспрессивным. Связанные с символами предрасположения очень устойчивы к смене ситуаций. Поэтому, реакция, вызванная символом легко предсказуема. Люди с таким типом ориентации являются хранителями символов, они готовы на решительные действия во имя символа.

Таблица 1. Типология символических Ориентаций

Когнитивный компонент, ассоциируемый с политическим символом	Аффект или валентность политического символа		
		высокая	низкая
	заметно выражены	I Идеологический	II Прагматический
слабо выражены	III Реактивный или манипулятивный	IV Апатетический	

Восприятие символов второго типа носит относительный характер и содержит черты прагматизма [4]. Для людей с таким типом ориентации политические символы выполняют прежде всего созидательную (инструментальную) функцию, обозначая определенные факты и процессы, они не содержат эмотивного элемента. Поведенческие предпочтения у людей, для которых символ имеет богатое информационное содержание, но низкую валентность, являются непредсказуемыми и неустойчивыми. Непонимание смысла символа заставляет человека отказаться от его употребления. Как следствие, поведение человека невозможно предсказать исходя только из его знаний о символе и ориентаций по отношению к нему. Люди с таким типом восприятия являются «рациональными активистами» (манипуляторами) в политической системе.

Символы, которым недостает субстантивной спецификации, но которые несут на себе большую аффективную нагрузку, являются экспрессивными по природе. Несмотря на недостаток субстантивного содержания у символа, действия человека с таким типом восприятия являются темпорально и ситуативно полными и последовательными. Поведение, проявляющееся после употребления символа, носит чаще всего реактивный характер. Люди с таким типом ориентации – это последователи, они подвержены манипуляции и готовы следовать за политической элитой, которая с помощью символа провоцирует их на определенные действия.

Люди, чье восприятие политических символов слабо с точки зрения содержания и аффективного (эмоционального) компонента чаще всего характеризуются нестабильными во времени и пространстве поведенческими предрасположенностями. Такие люди чаще всего ин-

дифферентны, и их поведение может колебаться от простого приспособления к ситуации до полного отстранения от нее. Такое поведение будет зависеть от внутренних факторов, таких как групповой нажим и принуждение. Хотя их поведение и является важным для управления демократическим строем, люди с таким типом ориентации чаще всего представляют собой наименее вовлеченных и наименее информированных членов политического сообщества.

Генерализация через символы. В предыдущих параграфах мы описывали индивидуальное восприятие отдельных взятых политических символов. Можно предположить, что человек может иметь различное восприятие разных символов. Например, одни символы он может относить к символам с большой смысловой нагрузкой и высокой валентностью (сочетаемостью), другие к символам с малой смысловой нагрузкой и высокой сочетаемостью, и, наконец, третьи – к символам с малой смысловой нагрузкой и высокой сочетаемостью. Можно предположить, что человек чаще всего имеет довольно последовательное восприятие всех политических символов, принадлежащих к одной политической сфере. Иными словами, модель соотношения аффективных и когнитивных компонентов политических символов остается в восприятии конкретного человека неизменной по отношению ко всем политическим символам, принадлежащим к определенному политическому сектору.

В зависимости от своих политических убеждений и степени вовлеченности в политику человек может выделять разные сферы (группы) символов. Это не подразумевает какой-то конкретный заданный уровень вовлеченности или интереса к политике, а просто показывает, какие интересы он имеет по отношению к политике и каким образом он их группирует. Можно выделить два основных домена (группы): (1) домен, ассоциируемый с разными уровнями правительства или политической структуры (например, местный, региональный, национальный); и (2) домен, состоящий из областей политики (например, внешняя политика, образование, экономико-финансовая политика). Для некоторых людей, сфера политического интереса ограничивается как уровнем, так и областью; для других она может быть шире, включая более одного уровня и несколько областей. Принимая во внимание, что символическое восприятие человека варьируется в зависимости от группы символов, можно утверждать, что человек проявляет определенный уровень восприятия по отношению к любым символам из любой группы (домена), к которым у этого человека есть интерес или они имеют для него какое-либо значение.

Последовательность типов символических восприятий зависит от последовательности и организованности представлений и взглядов

индивида. Однако, хотя система представлений человека может быть логически непоследовательна с точки зрения внутренних когнитивных элементов, она может быть последовательной по отношению к более крупной области символического восприятия. То есть, человек с так называемым реактивным типом символического восприятия может не заметить никакого несоответствия в сочетаниях таких фраз как «сниженные налоги» и «большее количество государственных служб». В данном случае довольно сильные эмоции возникают по отношению к обоим символам без какой-либо адекватной оценки ситуации, где эти символы употребляются. В том случае, когда этими символами умело манипулируют, человек видит поддержку в лице государства и считает эти взаимоисключающие действия (например, сокращение налогов и расширение государственных служб) реальными. Таким образом, восприятие символов, основанное на аффективном компоненте менее условно, более стабильно и долговечно, чем восприятие, основанное на когнитивной информации [Sears 1969: 365-368].

Типология символических восприятий. Типология, использующаяся для классификации символических восприятий, основана на положениях, разработанных Эдельманом, которые в дальнейшем были усовершенствованы. Его классификация на конденсационные (сжатые) и референтные символы в какой-то степени отвечает типам символических восприятий II и III, приведенных в таблице 1 (то есть, восприятия, основанные на богатом когнитивном содержании символа и слабом аффективном компоненте и наоборот). Согласно схеме Эдельмана, можно выделить еще два типа символических восприятий (те, которые содержат высокий аффективный компонент и когнитивное содержание, и те, которые характеризуются слабым аффективным компонентом и информативным содержанием). Такое разделение является логичным, так как каждый конкретный тип реакции может соответствовать определенному типу символического восприятия.

Эта четырехкомпонентная типология отражает тезис Эдельмана [1964: 89-95] о том, что существуют так называемая организованная элита, которая умело использует символы для достижения материальной выгоды и неорганизованные массы людей, которыми при помощи символов манипулируют. Мы полагаем, что представители элиты имеют больше информации о символе, более того, эта информация лучше структурирована и быстрее распространяется среди них, чем среди представителей массы. Иными словами, хотя массы и элита (или по крайней мере какая-то ее часть) могут иметь сходные представления о политическом символе, когнитивный компонент будет разным с точки зрения объема содержания, степени связанности и однотипности восприятия (для более подробного изучения этого вопроса см.

[McClosky 1964] об идеологии, [Converse 1964] о системах убеждений).

Итак, чем более отдаленным от реальной ситуации является символ, тем более размытым и неясным становится его содержание. Таким образом, поведение масс зависит от реальности в меньшей степени, чем поведение элиты. Кроме того, смысл политического символа более полно и однородно воспринимается организованными группами людей, чем разрозненными группами населения. И это полное и структурированное смысловое содержание более последовательно соотносится с реальной ситуацией, в которой символ употребляется.

Принимая во внимание различия в восприятии символов, мы можем при помощи нашей схемы выделить два способа использования символов и обращения с ними среди элиты и два разных типа реакции на эти символы среди масс. Мы признаем, что некоторые представители элиты используют символы с манипулятивной целью, ради извлечения собственной выгоды, однако существуют члены элиты, которые менее эгоистичны в своих намерениях и действуют согласно тем чувствам и эмоциям, которые символы пробуждают в их сознании. При таком подходе принимается во внимание и тот факт, что значительная часть населения проявляет определенную реакцию на символы, употребляемые другими, которая выражается в активных действиях или наоборот бездействии. Но существует и та часть населения, которая невосприимчива к такому манипулированию при помощи символов.

Более того, четырехкомпонентная структура позволяет нам выйти за пределы личностной (индивидуальной) мотивации и дает возможность оценить результаты группового взаимодействия и коллективного поведения. Общее (схожее) аффективное восприятие символов дает основу для организации коллективного действия, что является невозможным при совпадении понимания только когнитивного компонента. Различия в содержании символа становятся менее заметны на фоне аффективных связей между ними. Таким образом, именно аффективный компонент восприятия символа составляет основу для внутригрупповой солидарности и межгрупповых разногласий. Хотя мы и утверждаем, что сходства содержания гораздо сильнее внутри группы, чем между группами, вряд ли эти когнитивные сходства сами по себе могли бы обеспечивать единство группы.

Третий элемент: системная значимость. В дополнение к когнитивным и аффективным компонентам восприятия символов можно выделить третий аналитический компонент – оценочное измерение, которое не зависит ни от одного из упомянутых выше. Оценочный аспект указывает на то, что символы оцениваются по-разному разными людьми. Оценка системного значения символа играет важную роль в ос-

мысли той реакции, которую вызывает употребление символа.

Вряд ли человек признает систематическую важность символа, если хотя бы один из компонентов этого символа не является для него значимым. Мы считаем, что из двух компонентов символа системное значение наиболее тесно связано с аффективным компонентом, во время как оценочность – это наименее устойчивый компонент восприятия символа. Важно отметить, что каждый конкретный тип оценки является неотделимой частью индивидуально-символьного восприятия и не зависит от того, является ли символ уместным в данной ситуации. С течением времени ситуации, в которых употребляется символ, накладывают отпечаток на восприятие этого символа индивидом, но тем не менее, все эти внешние факторы сливаются воедино и выражаются в системной значимости символа.

Хотя ситуации использования символа могут со временем изменяться, оценка сохраняется в сознании индивида в практически неизменном виде. Можно утверждать, что чем сильнее оценочное значение символа, тем вероятнее, что человек поведет себя в соответствии с диспозициями данного символа. Символы, имеющие большее значение для человека вызывают более сильную и предсказуемую реакцию, чем те, которые кажутся ему не столь существенными.

Оценочный компонент позволяет нам не только выделить различия в значениях, приписываемых разным символам, но и определить особенности смысловых моделей, формируемых разными группами людей. Таким образом, модели системной значимости, также как содержание и валентность играют большую роль в формировании мобилизирующего и стимулирующего потенциала воздействия политических символов на различные группы населения.

Конечно же, основа восприятия символов определяется и зависит от коллектива, в котором человек находится и от его социального статуса. Способы познания, аффективные значения и значимость символов, также как и все остальные типы символического восприятия формируются в процессе социализации при наличии социального взаимодействия с другими членами общества. Так, чем более социально-активным является человек (т.е. при интенсивной модели социального взаимодействия), тем более традиционно он воспринимает символы. Доказательства этого тезиса приводит Путнам [Putnam 1966: 653]. Также, чем ближе к центру социальный статус индивида, тем более традиционно воспринимаются им символы [см. Milbrath 1965: 110-114; Di Palma, McClosky 1970].

Основываясь на изложенном выше, можно привести несколько эмпирически подтвержденных тезисов, способствующих лучшему пониманию политического символизма:

(1) Человек стремится показать последовательную структуру восприятия им политических символов, принадлежащих как к одной, так и к разным сферам, к которым он проявляет интерес и имеет непосредственное отношение.

(2) Восприятие символов формируется в процессе социализации и подвержено влиянию окружающей среды, в которой человек находится. Таким образом, чем выше социальная активность человека, тем более устойчивы его символические ориентации.

(3) Чем ближе статус человека к центру социальной матрицы, тем ближе его символические ориентации к принятому в этом обществе.

(4) Валентность символа более однородна внутри группы, чем между группами.

(5) Системное значение политического символа является более стандартным внутри группы, чем между группами.

(6) За пределами группы более однородной является валентность символа, чем его содержание.

(7) Содержание символа более однородно внутри группы, чем между группами.

(8) Чем более абстрактным и неясным является символ, тем менее однородно его содержание.

(9) Содержание (смысл) символа более однородно среди элиты, чем среди масс.

(10) Элита более подробно, детально и структурировано, чем массы, понимает содержание политического символа.

(11) Чем больше валентность и чем более богато информационное содержание символа, тем больше его системная значимость, и наоборот.

(12) Чем богаче содержание, разнообразнее валентность и системная значимость символа, тем более предсказуемой и последовательной является реакция на него.

Взаимосвязь символа и ситуации. Мы установили, что реакция, вызванная символом-стимулом, зависит от содержания, валентности и системной значимости этого символа. Далее мы пришли к выводу, что на дифференцирующий потенциал символа влияет комбинация этих компонентов в символе. Тогда возникает вопрос, каким образом символы связаны с конкретными ситуациями и как при помощи символа активизируются поведенческие реакции.

Эффективность символа в каждой конкретной ситуации зависит от количества людей, которые считают, что данный символ подходит к ситуации, а также их уверенности в правильности этого мнения. Критерии, благодаря которым формируется ситуативное соответствие, различны для разных людей и зависят от их типа символического восприятия. (5) У людей, для которых символ обладает высоким когнитивным содержанием и высокой валентностью этот критерий достаточно прост. Они сопоставляют «факты» ситуации со смысловым содержанием символа и делают вывод об их соответствии. У

людей, которые считают, что символ имеет богатое когнитивное значение, но низкую валентность, критерий оценки является двухкомпонентным: (1) получу ли я от ситуации выгоду? и (2) если да, может ли символ помочь в получении этой выгоды? Если ответ на оба вопроса отрицательный, то делается вывод о несоответствии символа ситуации.

Для тех, кто считает, что символы не имеют когнитивного содержания, критерий оценки соответствия символа ситуации менее очевидный. Те, для кого символ не имеет никакого значения и на кого он не производит никакого эффекта, не имеют критерия оценки соответствия. Однако те, для кого символ играет важную роль, является значимым в эмоциональном плане, но обладает скудным смысловым содержанием, оценка соответствия важна, но охарактеризовать ее сложно.

Ряд фактов поможет нам охарактеризовать эту оценку. Во-первых, на нее влияет степень системной значимости тех символов, которые вводят другие символы в контекст. Типичный пример подобного усиления можно обнаружить, когда человек, который является представителем власти, и чья политическая роль символична сама по себе, сам использует символ в данной ситуации. Подобный тип усиления встречается, когда такой символ, как «угроза коммунизма», используется для оправдания употребления символа «национальная оборона» в программе или плане действий.

Во-вторых, определение соответствия символа ситуации зависит от обстановки и контекста, которые сопутствуют употреблению символа. Символ признают соответствующим, если он употребляется в ситуации, целью которой является воздействовать на чувства и убедить в искренности, обдуманности и серьезности решения. Такие условия чаще всего выходят за рамки обычного поведения [Edelman 1964: 95-113].

Третий критерий – это степень прецедентности использования символа в подобной ситуации. Если человеку уже приходилось использовать символ в схожей ситуации, то в дальнейшем он будет употреблять его более уверенно. Если же ситуация, в которой подобный символ употреблялся ранее, значительно отличается от текущей ситуации, то человек будет более осторожен в своих оценках и будет менее уверен в верности такого употребления. Мерельман [Merelman 1966: 553] определяет эту проблему как «избыток коннотативности». Эта проблема связана с так называемым «несоответствием символа политическому режиму», «отсутствием связи между символом и политической». В такой ситуации «разрывается связь между символом и его политическим референтом».

Четвертый критерий заключается в том, что реальные события ситуации и последствия употребления символа должны хотя бы в минимальной степени соответствовать ожиданиям (которые должны быть полными и последова-

тельными), которые человек имеет по отношению к ситуации. Если исход ситуации противоречит его ожиданиям, то возникают сомнения не только в уместности символа, но и в самом символе. Мерельман [Merelman 1966: 554] считает, что этот вопрос нуждается в изучении. Из-за неоднородности ожиданий разных представителей общества, этот критерий не является определяющим. Тем не менее, он является важным звеном в понимании эффективного руководства. Люди ожидают, что руководитель найдет выход из затруднительной ситуации. Если лидеру при помощи символов не удастся подтвердить свою способность справиться с трудностями, то он теряет доверие своих сторонников [Kautsky 1965: 13].

И наконец, из-за скудного субстантивного содержания, политический символ сам по себе не вызывает какой-то определенной реакции. Поэтому, при определении соответствует ли символ ситуации, общество руководствуется мнением тех, для кого символ имеет богатое субстантивное содержание. Таким образом, еще один немаловажный критерий определения соответствия символа ситуации – это те указания, которые элита посредством общественных масс доносит до каждого индивида в отдельности. Сартори называл этот критерий «установление связи»: «Молчаливая публика не способна без руководства не только сопоставить, что с чем употребляется в дедуктивной цепочке абстрактных аргументов, но что, пожалуй, более важно, ей не хватает информации и индуктивных способностей, чтобы самостоятельно определить, какая взаимосвязь существует между конкретным событием и общим принципом (символом), а также, с каким принципом (символом) событие соотносится [Sartori 1969: 407].

Исходя из вышеизложенного, можно выделить следующие положения:

(13) Те, для кого символ обладает богатым содержанием и высокой валентностью, считают критерием соответствия символа ситуации контекстную релевантность.

(14) Критерием определения соответствия символов с богатым содержанием, но низкой валентностью является ситуативная релевантность, определяемая в понятиях личной заинтересованности.

(15) Символы со скудным содержанием, но высокой валентностью:

(а) чем больше употребление символа усиливается использованием другого символа, имеющего системную значимость, тем более уместным считается употребление первого;

(б) чем больше символ соответствует окружающей обстановке, которая является образцовой, завершенной или бесспорной, тем более уместен символ;

(с) если существует прецедент употребления символа в схожей ситуации, тем больше уверенность в его соответствии;

(d) если предыдущее употребление символа в подобной ситуации привело к достижению поставленных целей и оправдало ожидания, тем более соответствующим считается символ;

(е) чем более четко элита определяет употребление символа, тем большее доверие это употребление вызывает.

(16) Для символов со скудным содержанием и низкой валентностью не выделяется критериев соответствия.

Классификация политических символов.

Для того, чтобы разобраться в дифференциальной дистрибуции восприятия различных политических символов, необходимо создать их классификацию. В идеале эта классификация должна разделить на группы всю совокупность политических символов без учета их смыслового содержания. Кроме того, она поможет выделить критерий отбора политических символов для проведения эмпирических исследований.

В литературе можно найти несколько подходов к созданию классификации символов. Мерельман, например, делит символы на легитимные и метасимволы. Первые представляют собой обычные символы, представляющие легитимные процессы реализации власти. Метасимволы, в свою очередь, «представляют собой символы легитимности, которые указывают на обстоятельства, подходящие для употребления других легитимных символов, степень уместности символа, а также, метод, благодаря которому символ может стать легитимным» [Merelman 1966: 557]. Он утверждает, что символы, относящиеся к классу «правила игры», представляют собой метасимволы. Данная классификационная схема содержит в себе большой потенциал. Она формирует классификационную иерархию объектов политической символизации, которая может быть сформирована без учета символического значения объекта. Однако Мерельман недостаточно разработал свою схему для того, чтобы можно было ощутить весь ее дифференциальный потенциал. В сущности, его схема предполагает наличие двух классов символов: соотносящихся с политической нормой или режимом и все остальные.

Учитывая все многообразие объектов политической поддержки (политических символов), можно дополнить классификацию Мерельмана, разделив те символы, которые он определил как «другие», на дополнительные группы. Истон предполагает, что классификация символов должна представлять собой иерархию трех групп: (1) политическое сообщество, (2) политический режим, (3) правительство. По определению Истона «правительство – это группа людей, чья роль заключается в том, чтобы регулярно принимать решения и следить за тем, чтобы эти решения исполнялись обществом. Режим представляет собой медленно развивающиеся формальные и неформальные структуры, посредством которых эти решения

принимаются и приводятся в исполнение, а также включает в себя правила игры или код поведения, который узаконивает действия правительства и уточняет, какая реакция ожидается от граждан или подданных... Политическое сообщество – это часть общества, члены которого пытаются решить свои проблемы при помощи существующей политической структуры» [Easton 1965: 153-219].

Мы считаем, что метасимволы, выделяемые Мерельманом, в терминах Истона относятся к классу «режим». Тогда, логично было бы предположить, что существуют политические символы, относящиеся к двум оставшимся классам, выделенным Истоном.

Схема Истона позволяет нам классифицировать значительную часть политических символов, однако остается часть символов, принадлежность которых к определенному классу нельзя определить однозначно (это те символы, которые указывают на яркие политические проблемы или на политиков, которые не относятся к правительству). Схема Истона схожа с типологией Парсона и Шилса [Parsons, Shils 1951: 50-60], которая была дополнена Смелсером [Smelser 1962: 23-46]. Смелсер выделял четыре основных компонента социального действия: (1) общие цели или *ценности*, (2) регулятивные правила или *нормы*, (3) мотивация, представленная в виде *роли* и (4) ситуативные условия, отражающие знания, умения и степень доверия [Smelser, 1962: 24-30].

Можно провести параллели между двумя схемами. Символы политического сообщества отражают специфический набор ценностей. Эти символы являются основными среди огромного количества политических символов и служат стимулами к разнообразным реакциям. Сюда относятся такие символы, как «свобода», «независимость» и «Американский стиль жизни». Символы класса «режим» просто указывают на установленные правила, регулирующие поведение. Иными словами, они символизируют нормы, принятые системой. Примерами символов «правила игры» могут быть такие, как: «законный процесс», «правило большинства», «по одному голосу от каждого». Расхождения в схемах появляются, когда мы переходим к третьему классу, предложенному Смелсером, – классу «роль». Истон относил символы роли к классу «режим», избегая тем самым возможных несоответствий. Но для более точной характеристики разделение классов роли и режима кажется нам целесообразным. Формальные правительственные роли и структуры, такие как Президент, Верховный суд и ФБР являются яркими политическими символами.

Если четвертый класс политических символов, выделенный Смелсером, рассматривать широко, относя к нему все ситуативные факты, характеризующие окружающую обстановку, как это делали Парсонс и Шилз [Parsons, Shils 1951: 53], то в него можно включить выделяемую Ис-

тоном группу «правительство». В эту ситуативную категорию можно дополнить еще двумя типами политических объектов: (1) известные личности, не входящие в правительство, и (2) особые политические вопросы. Таким образом, ситуативная категория состоит из трех компонентов, каждый из которых соотносится с важным политическим объектом. Класс политических символов «правительство» включает такие как: Спиро Агну, Уильям Фулбрайт. К символам неправительственных объединений и известных личностей, не входящих в правительство, относятся, например: Бобби Сил, Ральф Нейдер, «Черные пантеры» и «Общее дело». Символы политических тем: «автобусная перевозка школьников», «молчаливое большинство», «немедленное окончание войны».

Таким образом, в результате нашего анализа мы получили иерархию четырех классов политических символов: политическое сообщество, режим, официальные политические должности и ситуативное окружение (обстановка). Подобная схема обладает рядом важных свойств, многие из которых совпадают с теми, что выделял еще Смелсер. Во-первых, эти категории обладают набором точных и полных критериев, которые позволяют классифицировать объекты политического символизма (политические символы). Таким образом, согласно этим критериям символы можно поделить на классы. Во-вторых, при создании классификации не учитывается смысловая и эмоциональная нагрузка или системная значимость символа. Однако подобная классификация позволяет сформулировать ряд гипотез, согласно которым можно выделить уровни политических символов. Например, в схеме представлена естественная иерархия символов, учитывающая уровень абстрактности, при этом символы, относящиеся к классу «политическое сообщество», являются наиболее общими. В-третьих, чем ниже в иерархии расположен объект, тем менее он подчинен политической власти. Изменения в положении более политически подчиненных символов приводят к изменениям в положении менее подчиненных. Однако обратная взаимосвязь наблюдается не всегда. Ситуативные символы могут появиться или поменяться местами без каких-либо изменений в положении символов более высокого уровня.

Более того, данная классификация позволяет выдвигать гипотезы о различных типах символического восприятия, о дистрибуции и темпоральной устойчивости этих восприятий среди населения. В стране с устойчивой политической системой аффективное восприятие символов более высокого уровня формируется в самом начале процесса социализации, то есть гораздо раньше, чем восприятие символов более низкого уровня [Hess, Torney 1967: 23-59]. Такие аффективные ориентации по отношению к символам высокого уровня являются наиболее устойчивыми и сохраняются на протяжении всей

жизни индивида. Более того, что касается дистрибуции аффективных ориентаций, то чем выше положение символа в иерархии, тем большей валентностью он, по мнению общества, обладает.

Что касается информационного содержания, то чем выше символ в иерархии, тем более диффузным (расплывчатым) оно является. Содержание таких символов является также менее однородным у разных групп и людей. В общем, степень системной значимости символа для индивида зависит от положения этого символа в иерархии или степени его взаимосвязи с символами высокого уровня. Мы полагаем, что символы высокого уровня знакомы и понятны большему количеству людей, чем символы более низкого уровня. Чем ниже символ в иерархии, тем меньше его системная значимость, так как модель восприятия символа отдельными людьми становится более разнообразной и менее устойчивой.

Таким образом, можно подвести следующие итоги:

(17) Чем выше располагается символ в классификационной иерархии, тем большей валентностью он обладает.

(18) Чем выше символ в иерархии, тем более диффузным и разнообразным является его содержание.

(19) Чем более высокое положение занимает символ, тем разнообразнее ситуации, в которых он употребляется.

(20) Чем выше символ, тем большую сферу он характеризует, тем выше его системная значимость.

(21) Чем выше символ, тем он более устойчив (то есть, тем более постоянными являются его роль и эмоциональная интенсивность его воздействия).

Системные значения символического восприятия. Как было установлено ранее, политический символизм – это одновременно феномен группового и индивидуального уровня. Символы могут быть общими для группы, но их индивидуальное восприятие может быть разным. Аргументы, приведенные нами, описывают феномены уровня группы и системы, и не противоречат тому, что мы знаем о поведении индивида в роли субъекта политики и системного эффекта, произведенного его действиями. Эти феномены позволяют выражать реакцию на обоих уровнях прямолинейно и открыто.

Для того, чтобы показать потенциал, заключенный в разработанном нами подходе, необходимо рассмотреть некоторые значения символов на системном уровне. Во-первых, символы играют большую роль в понимании феномена массовых движений и политической мобилизации. Этот факт признавали еще исследователи, изучающие массовые движения, но они не объясняли, почему символы являются важными. Принимая во внимание разные подходы к рассмотрению роли символов и особенно их

аффективного воздействия, мы убеждаемся, что символы обладают большим потенциалом в мобилизации людей и подавлении волнений при помощи убеждения. Если символ лишить эмоционального компонента, его потенциал слабеет.

Общественные движения могут быть ориентированы на разные группы людей с разными интересами, имеющих разные, часто несовместимые цели. Их объединяет не единство целей, а схожесть точек зрения. Отсюда следует, что «чем более неоднородным является политическое движение, тем более неясными и неточными являются символы, которые их объединяют» [Aberbach, Walker 1970: 367].

Именно это свойство политических символов лежит в основе законности (легитимности). Ни одна система не выдержит постоянной борьбы его членов лишь за собственные интересы. Однако не все люди готовы тратить все свое время, всю энергию и усилия на достижение материальной выгоды. Преданность группе усиливают два фактора: воздействие общих для группы символов на эмоции ее участников и материальная выгода от членства в группе.

Долгое время считалось, что стабильность группы зависит от принуждения или согласия. Возникает сомнение в возможности удержать стабильность только силовыми методами, поэтому достижение законности (легитимности) посредством консенсуса рассматривается как основа стабильности и неотъемлемая составляющая демократии. Роль консенсуса была пересмотрена в результате недавних эмпирических исследований. Как показало наблюдение, даже в самых стабильных демократических системах уровень согласия (консенсуса) не достигал того уровня, который считался реально существующим [McClosky 1964: 361-379; Prothro, Grigg 1960].

МакКлоски приводит результат национального исследования, согласно которому на общем абстрактном уровне не существует единства восприятия ценностей. Это исследование также показало, что хотя символы «свобода» и «равенство» наделяются положительным смыслом, не существует единого мнения по поводу того, что же конкретно они обозначают [McClosky 1964: 375-379]. Манн проанализировал более пятидесяти исследований, проводимых в США и Англии, и выявил, что большинство из них опровергают важность консенсуса. Манн [Mann 1970], так же как и МакКлоски, пришел к выводу, что среди элиты существует более унифицированное восприятие символов, чем среди основной массы людей [6].

С точки зрения символа, выводы МакКлоски, Манна и других не являются ни удивительными, ни противоречащими существующим теориям. Одинаковое восприятие символа обусловлено совпадением мнения по поводу его важности в данной ситуации и единством его аффективного восприятия, а не консенсусом по поводу его

смысла. Символьный консенсус рушится и объединяющий потенциал символа слабеет, когда речь заходит о его субстантивном значении. Гусфилд отмечает: «Когда политики спорят о значении греха, вместо того чтобы направить свои усилия на противостояние ему, возникает угроза политическому согласию в обществе» [Gusfield 1963: 184].

То, что основой консенсуса является «вопрос принципа», который становится понятным благодаря символам, а не из-за согласования ценностей, не означает, что этот консенсус не является важным и не влечет социальных последствий. Берельсон [Berelson 1952] отмечает, что «фиктивный консенсус намного лучше, чем никакого консенсуса вообще – мнимый консенсус выражается иногда в отождествлении символов, хотя они могут иметь разное значение. Чувство однородности символов иногда прекрасно может заменить факт их однородности. Таким образом, не будет преувеличением сказать, что роль субстантивных компонентов, например таких как информация, одновременно помогает обосновать выбор символа и направить его действие в нужное русло».

Вероятно, в стабильной политической системе, например в демократической, электорат «должен, по крайней мере, иметь схожее понимание тех символов, которые используются для достижения конечной цели политического действия» [Berelson 1952: 321]. В некоторой степени, сегодня наиболее сложной проблемой для американского общества является учащающееся отсутствие консенсуса в восприятии символа. Таким образом, проявляются проблемы отсутствия согласия по поводу того, что именно обозначает политический символ.

Однако символы являются не только основой социальной солидарности, они могут быть и основой для социальной дифференциации и конфликта. Уорнер отмечает, что «существует два типа символьных систем, каждый из которых играет важную роль в социальной дифференциации. Сегментарные системы содержат символы, используемые членами автономных структур с ограниченной солидарностью с целью выражения своих чувств и эмоций. Символы интегративных систем позволяют выразить общие чувства, имеющиеся у каждого человека, и указывающие на единство группы, ощущаемое всеми членами сообщества. В разное время и при разных обстоятельствах политические символы, относящиеся к этим группам, могут использоваться для достижения обеих целей» [Warner 1959: 231].

Гусфилд тоже признает двойственность функций символов и подчеркивает важность этого факта для политического процесса. Он выделяет жесты или символы когезии (сходства) и жесты или символы дифференциации (различия). Символы, относящиеся к первой группе, расположены выше в иерархии символов, описанной ранее. Они «служат для того,

чтобы укрепить общие и консенсусные аспекты общества как средства поддержки правительства. Они активизируют элементы, объединяющие общество, и формируют основу законности (легитимности) политической организации, несмотря на то, кто возглавляет эту организацию и какие законы в ней уже существуют. Они формируют верность правительству, которая существует и не зависит от политического конфликта между партиями, заинтересованными группами и фракциями» [Gusfield, 1963: 171].

Символы дифференциации, в свою очередь, занимают более низкую ступень иерархии политических символов. Социальное неравенство, подчеркиваемое этими символами (например, модель общего аффективного восприятия и системной значимости) становится менее заметным с повышением уровня символа.

Ярлыки партий могут служить примером сегментарных политических символов. Они образуют основу дифференцированной, но достаточно устойчивой поддержки среди людей с разными интересами. Они помогают выбрать правильное действие при отсутствии конкретной информации. Они также учитывают действия тех людей, чье мнение отлично от общего. Выбор кандидата и вопроса для поддержки большинства людей определяется аффективным восприятием символа совместно с достаточно скудным информационным содержанием.

Этические символы (символы морали) таким же образом служат для поддержания устойчивости групп с общими интересами. Устойчивость этических норм в политике свидетельствует о важности и значимости таких символов, указывая на то, что они формируют стиль жизни и традиции. Например, вряд ли можно найти более эффективный способ завоевать поддержку еврейского народа, чем употребление символа «антисемитизм».

Политические символы играют ключевую роль в развитии социального конфликта. Группы, которые находятся в невыгодном положении, в положении меньшинства, стараются усилить свое влияние, переформулировав свои цели таким образом, чтобы заручиться поддержкой других групп и публики. В формулировании новой цели большую роль играют символы, которые имеют воздействие на определенные группы и символы, расположенные на верхних ступенях иерархии, т.е. те, эмоциональный потенциал которых однороден. Противники таких изменений стараются ограничить возможность использования символов, подходящих в данной ситуации, и сократить число символов высших ступеней, кроме тех, разумеется, которые указывают на незаконность действий группы и тем самым снижают доверие к этой группе. Примерами символов, используемых в подобных контрстратегиях, могут быть: «внешние агитаторы», «неамериканский» и «коммунистически настроенный».

Символы играют важную роль не только во внутренних, но и в международных конфликтах. Меры, предпринимаемые правительствами и направленные на благо нации и государства, часто подкреплены использованием подходящих символов со специфическим значением. Таким образом, происходит преувеличение собственной роли (роли нации), и вместе с тем создаются поверхностные, неточные суждения о другой нации. Холсти, изучая деятельность директора ЦРУ Даллеса, делает вывод, что символы играют важную роль в построении взаимоотношений между нациями [Finlay 1967: 25-96] [7]. Чем меньше контактов возникает между конфликтующими группами, тем чаще используются символы с бедным информационным содержанием, но высоким эмоциональным воздействием.

Придя к выводу, что политические символы играют важную роль в процессах конфликта, мобилизации и интеграции, становится очевидным и тот факт, что они оказывают влияние и на взаимоотношения властей. Символы играют важную роль, легитимизируя распределение власти. Чем больше полномочий и чем отдаленнее источник власти, «тем больше потребность в использовании символов, и тем больше возможностей их использовать для того, чтобы эту власть оправдать» [Mitchell 1962:127] Как отмечал Мерриам несколько лет назад, символы укрепляют эффективность власти: «Власти свойственно окружать себя множеством вещей, которым можно доверять и восхищаться. Ни одна властная структура не была основана лишь на насилии, так как одной силы недостаточно для поддержания авторитета власти и подавления сил противников» [Merriam 1964: 109] (см. также [Lasswell, Kaplan 1950: 104], где описывается взаимоотношения власти и символов и [Lasswell 1965: 3-19]).

Символы, присутствующие во власти и поддерживающие ее, представляют собой не только внешние атрибуты должности, но и жесты, и поведение чиновников. В то время как мифы и ритуалы служат оправданием политической власти в любой системе, законность ее действий подтверждается положительным впечатлением от выполненных должностных обязанностей. Таким образом, как было описано ранее, лидерство напрямую зависит от действий, которые являются образцом поведения для сторонников/последователей. При помощи этих действий власть устанавливается и поддерживается. Эти действия не должны повторять и быть созвучными с предшествующими действиями пока лидер в силе осуществлять контроль, пока он производит впечатление осознанности своих поступков, действует в рамках своих полномочий и пока публика ему доверяет.

Кроме того, что символы оправдывают распределение власти и узаконивают ее действия, они помогают сглаживать проблемы, возни-

кающие при передаче власти от одних руководителей другим. Ритуалы передачи власти призваны узаконить властные полномочия новых руководителей и служат свидетельством жизнеспособности и непрерывности существующего социального порядка. Эти церемонии возлагают на руководителя груз ответственности и придают уверенности в том, что он будет выполнять свои обязанности надлежащим образом.

Можно ошибочно предположить, что символы власти создают некую внешнюю привлекательную оболочку и не дают никакого положительного результата. Однако без символов большинство правительственных организаций распалось бы, а власть существовала бы только благодаря физической силе, что в долгосрочной перспективе является неприемлемым ни для одного правительства.

Таким образом, обзор системных импликаций политических символов можно завершить, сделав следующие выводы:

(22) Мобилизирующий и объединяющий потенциал политических символов определяет единство и интенсивность аффективной идентификации, а не информационное содержание символа.

(23) Чем шире мобилизация, тем более разнообразным является содержание символа и тем сильнее его аффективная нагрузка.

(24) Если символ лишить его эмоционального компонента, он теряет часть своего объединяющего потенциала, поэтому, когда речь заходит о смысле содержания, его потенциал слабеет.

(25) Группы, которые во время конфликта стремятся получить больше власти, используют все больше символов высокого уровня иерархии.

(26) Чем выше уровень символа, употребленного во время конфликта, тем большее количество людей вовлекается в конфликт.

(27) Чем меньше контактов возникает между конфликтующими группами, тем чаще их члены употребляют символы со скудным смысловым содержанием и сильным эмоциональным воздействием.

(28) Чем больше власть ассоциируется с символами высокого уровня, тем она сильнее.

Выводы. Мы предприняли попытку доказать, что символы одновременно являются важными компонентами политической культуры и объектами индивидуальных ориентаций. Для того, чтобы оценить потенциал политических символов, необходимо учитывать три составляющих восприятия символов: когнитивное содержание, валентность и системную значимость. Индивиды и группы имеют разное восприятие этих компонентов, которое зависит от модели поведения. Были приведены различные критерии оценки ситуативного соответствия конкретного символа. Для более глубокого изучения сущности политических символов и вы-

деления критериев для эмпирических исследований была разработана типологическая иерархия политических символов, в основе которой лежит разное восприятие символов отдельными людьми. И наконец, были рассмотрены некоторые системные импликации, возникающие в результате использования политических символов.

Изучение политических символов возможно только при наличии утверждений, которые можно эмпирически проверить. Мы старались внести вклад в разработку этих вопросов. С помощью систематической проверки наших предположений исследование политических символов может быть выведено за рамки предположений и догадок и поднято до статуса строго научного исследования. Благодаря этим разработкам могут быть охарактеризованы важные, но еще недостаточно изученные аспекты политической жизни.

Примечания.

1. Бернард Берельсон и др. (Berelson et al. 1954: 184) описывают этот феномен, когда говорят о двух типах политических вопросах: вопросе позиции и стиля. В вопросе позиции основным является «личный интерес прямой направленности», в то время как вопросы стиля «вытекают из социально-экономических условий» и представляют «косвенное самовыражение». Стоукс (Stokes 1963: 373) приводит подобное деление на вопросы «валентности» и «позиции».

2. Деннис (Dennis 1970: 825-835) отмечает высокую популярность и позитивное восприятие символа «обязанность голосовать», но низкий интерес по отношению к избирательному процессу. Избирательный процесс вызывает больший интерес, чем собственно оказание поддержки партиям, поэтому Деннис предполагает, что низкая оценка эффективности выборов указывает на то, что процесс голосования превратился в ритуал.

3. Подобное утверждение похоже на заявление Джованни Сартори (Sartori 1969: 403) по отношению к системам взглядов (убеждений). Но эти утверждения не стоит путать. Например, в последнем исследовании Стивена Брауна (Brown 1970) приводятся факты, которые якобы противоречат утверждениям предшественников о содержании массовой идеологии. Однако мы полагаем, что Браун придает устойчивости аффективных компонентов символа большее значение, чем содержанию символа.

4. Интересно, что этот тип восприятия символов характерен для «осведомителя». Для людей такого типа экспрессивная роль символа преобладает над инструментальной, и они считают, что символ, передавая информацию, выполнил свою основную функцию.

5. Для большинства эти критерии не учитываются при вынесении оценки. Но они могут быть задействованы для принятия решения по поводу соответствия символа ситуации.

6. В работе Баджа [Budge 1970] можно найти подтверждение этого факта. Он обнаруживает подобные модели взаимоотношений политиков и избирателей в Англии. Де Ламатер и др. [DeLamater et al. 1969: 337-345] противопоставляют символьное и функциональное восприятие роли граждан в США, связанное с социально-экономическим статусом.

7. Ури Бронфенбреннер [Bronfenbrenner 1961] отмечает, что символы для создания образа врага могут быть разноплановыми. В работе Джона Бертон [Burton 1969], где изучается конфликт и взаимодействие в международной политике, говорится, что эффективная коммуникация достигается тогда, когда стороны переходят от эмоционального использования символов в споре к обсуждению конкретных вопросов и разногласий, понимая, что символы создают ассоциации, а не определения [см. также Boulding 1959].

ЛИТЕРАТУРА

- Aberbach J., Walker J. The meanings of black power: a comparison of white and black interpretations of a political slogan // Amer. Pol. Sci. Rev. 1970. 64 (June).
- Anton T. Roles and symbols in the determination of state expenditures. // Midwest J. of Pol. Sci. 1967. 11 (February). P. 27-43.
- Arnold T. The Symbols of Government. – New York: Harcourt, Brace & World, 1962.
- Berelson B. (1952) "Democratic theory and public opinion." Public Opinion Q. 16 (Fall): 320-321.
- Berelson et al. (1954) Voting. Chicago: Univ. of Chicago Press.
- Blumer H. (1954) "The crowd, the public, and the mass," pp. 363-379 in W. Schramm (ed.). The Process and Effects of Mass Communications. Urbana: Univ. of Illinois Press.
- Boulding K. (1961) The Image. Ann Arbor: Univ. of Michigan Press.
- Boulding K. (1959) "National images and international systems." J. of Conflict Resolution 3 (June): 120-137.
- Bronfenbrenner U. (1961) "The mirror image in Soviet-American relations: a social psychologist's report." J. of Social Issues 17: 45-56.
- Brown S. (1970) "Consistency and persistence of ideology: some experimental results." Public Opinion Q. 34 (Spring): 60-68.
- Brown S., Ellithorp J. (1970) "Emotional experiences in political groups: the case of the McCarthy phenomenon." Amer. Pol. Sci. Rev. 64 (June): 349-366.
- Budge I. (1970) Agreement and the Stability of Democracy. Chicago: Markham.
- Burton J. (1969) Conflict and Communication. New York: Free Press.
- Converse P. (1964) "The nature of belief systems in mass publics," pp. 206-261 in D. Apter (ed.) Ideology and Discontent. New York: Free Press.
- DeLamater J., Katz D., Kelman H. (1969) "On the nature of national involvement: a preliminary study." J. of Conflict Resolution 13 (September): 320-357.
- Dennis J. (1970) "Support for the institution of elections by the mass public." Amer. Pol. Sci. Rev. 64 (September).
- Dennis J. (1966) "Support for the party system by the mass public." Amer. Pol. Sci. Rev. 60 (September): 605-606.
- Di Palma G., McClosky H. (1970) "Personality and conformity: the learning of political attitudes." Amer. Pol. Sci. Rev. 64 (December): 1059-1060.
- Easton, D. (1965) A Systems Analysis of Political Life. New York: John Wiley.
- Easton D., Dennis J. (1969) Children in the Political System. New York: McGraw-Hill.
- Easton, D., Hess R. (1962) "The child's political world." Midwest J. of Pol. Sci. 6 (August): 229-246.
- Edelman, M. (1971) Politics as Symbolic Action. Chicago: Markham.
- Edelman, M. (1964) The Symbolic Uses of Politics. Urbana: Univ. of Illinois Press.
- Finlay D. et al. (1967) Enemies in Politics. Chicago: Rand McNally.
- Geertz, C (1964) "Ideology as a cultural system," in D. Apter (ed.) Ideology and Discontent. New York: Free Press.
- Greenstein, F. I. (1965) Children and Politics. New Haven, Conn.: Yale Univ. Press.
- Gusfield J. (1963) Symbolic Crusade. Urbana: Univ. of Illinois Press.
- Hess R., Torney J. (1967) The Development of Political Attitudes in Children. Chicago: Aldine.
- Himmelstrand U. (1960) Social Pressures, Attitudes and Democratic Processes. Stockholm: Almqvist & Wiksell.
- Hofstadter R. (1967) The Paranoid Style in American Politics. New York: Vintage.
- Jaros, D. et al. (1968) "The malevolent leader: political socialization in an American sub-culture." Amer. Pol. Sci. Rev. 62 (June): 564-575.
- Katz D. et al. (1969) "A comparative approach to the study of nationalism." Peace Research Society Papers 14: 1-13.
- Kautsky J. (1965) "Myth, self-fulfilling prophecy and symbolic reassurance in the East-West conflict." J. of Conflict Resolution 9 (March): 1-17.
- Lane R. (1969) Political Thinking and Consciousness. Chicago: Markham.
- Lasswell H. (1965) World Politics and Personal Insecurity. New York: Free Press.
- Lasswell H., Kaplan A. (1950) Power and Society. New Haven, Conn.: Yale Univ. Press.
- Lasswell H. et al. (1965) The Language of Politics. Cambridge, Mass.: MIT Press.
- Lipset S. (1955) "The radical right: a problem for American democracy." British J. of Sociology 6 (June): 176-209.
- Lipset S., Rabb E. (1970) The Politics of Unreason. New York: Harper.
- McClosky H. (1964) "Consensus and ideology in American politics." Amer. Pol. Sci. Rev. 58: 361-379.
- Mann M. (1970) "The social cohesion of liberal democracy." Amer. Soc. Rev. 35(June): 425-437.
- Merelman R. (1966) "Learning and legitimacy." Amer. Pol. Sci. Rev. 60 (September): 553-561.

Merriam C (1964) *Political Power*. New York: Collier.

Milbrath L. (1965) *Political Participation*. Chicago: Rand McNally.

Mitchell W. (1962) *The American Polity*. New York: Free Press.

Parsons T., Shils E. [eds.] (1951) *Toward a General Theory of Action*. New York: Harper.

Prothro J., Grigg C. (1960) "Fundamental principles of democracy: bases of agreement and disagreement." *J. of Politics* 22: 276-294.

Putnam R. (1966) "Political attitudes and the local community." *Amer. Pol. Set Rev.* 60 (September).

Sapir E. (1934) "Symbolism," pp. 492-495 in Volume 14 of the *Encyclopedia of the Social Sciences*.

Sartori G. (1969) "Politics, ideology and belief systems." *Amer. Pol. Sci. Rev.* 63 (June).

Sears D. (1969) "Political behavior," pp. 315-323, 365-368 in G. Lindzey and E. Aronson (eds.) *Handbook of Social Psychology*. Reading, Mass.: Addison-Wesley.

Smelser N. (1962) *Theory of Collective Behavior*. New York: Free Press.

Stokes D. (1963) "Spatial models of party completion." *Amer. Pol. Sci. Rev.* 57 (June).

Tallman I., Morgner R. (1970) "Life style differences among urban and suburban blue collar families." *Social Forces* 48 (March): 334-347.

Warner L. (1959) *The Living and the Dead*. New Haven, Conn.: Yale Univ. Press.

White L. (1949) *The Science of Culture*. New York: Grove.

© Полякова И.С (перевод), 2009

Лейтес Н., Бернаут Э., Гартхофф Р.
Галина, Огайо, США
Перевод О.А. Ворожцовой

СТАЛИН ГЛАЗАМИ ПОЛИТБЮРО

УДК 81'27
ББК Ш 100.3

Аннотация. Перевод на русский язык статьи Н. Лейтеса, Э. Бернаут, Р. Гартхоффа «Politburo Images of Stalin», опубликованной в США в 1951 г. Авторы анализируют основные образы, используемые членами Политбюро для описания Сталина, и предполагают корреляцию между приближенностью политиков к Сталину и предпочтением того или иного образа.

Ключевые слова: Сталин, Политбюро, образ, коммунистический дискурс, «Правда».

Сведения об авторе: Лейтес Натан, доктор философии, профессор.

Место работы: Чикагский университет, Корпорация РЭНД.

Сведения об авторе: Бернаут Эльза, доктор философии, научный сотрудник.

Место работы: Корпорация РЭНД.

Сведения об авторе: Гартхофф Раймонд, доктор философии, научный сотрудник.

Место работы: Корпорация РЭНД.

Сведения о переводчике: Ворожцова Ольга Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков.

Место работы: Нижнетагильская государственная педагогическая академия

Контактная информация: 622031, Свердловская обл., г. Нижний Тагил, ул. Красногвардейская, д. 57.
E-mail: olga19@yandex.ru

Leites N., Bernaut E., Garthoff R.
Galena, Ohio, USA
Translated by O.A. Vorozhtsova

POLITBURO IMAGES OF STALIN

ГЧТИ 16.21.27
Код ВАК 10.02.19

Abstract. This is the first Russian translation of N. Leites, E. Bernaut and R. Garthoff's article «Politburo Images of Stalin» published in the USA in 1951. The authors analyse the common images of Stalin used by members of Politburo and assume the correlation between the stress of particular images and political closeness to Stalin.

Key words: Stalin, Politburo, image, communist discourse, Pravda.

About the author: Leites Nathan, PhD, professor.
Place of employment: University of Chicago; The RAND Corporation.

About the author: Bernaut Elsa, PhD, scientific associate.

Place of employment: The RAND Corporation.

About the author: Garthoff Raymond, PhD, scientific associate.

Place of employment: The RAND Corporation.

About the translator: Vorozhtsova Olga Alexandrovna, candidate of philology, associate professor of the chair of foreign languages.

Place of employment: Nizhny Tagil State Social and Pedagogical Academy.

Студентам-политологам (изучающим политику) всегда были интересны гипотезы о различии (или отсутствии различий) в направлении политики и степени влияния различных членов Советского политбюро друг на друга. В результате появилось большое количество домыслов, касающихся предполагаемых различий в тактике ведения политики и по вопросу преемственности. Не может не удивлять отсутствие каких-либо данных, подтверждающих или опровергающих эти гипотезы, хотя это вполне закономерно, принимая во внимание секретность, которой окутана вся внутренняя деятельность Политбюро. В последние годы советской власти печатные выступления членов Политбюро стали очень немногочисленными. Те выступления, которые доступны для анализа, касаются различных тем и были сделаны в разное время, таким образом, что их сложно сравнивать, чтобы проверить гипотезу, касающуюся отличий в политике влияния членов Политбюро друг на друга.

Но благодаря 70-ти летнему юбилею Сталина 21 декабря 1949 года представилась редкая возможность для сравнительного анализа. «Правда» опубликовала статьи следующих членов Политбюро: Маленкова, Молотова, Бе-

рии, Ворошилова, Микояна, Кагановича, Булганина, Андреева, Хрущева, Косыгина и Шверника (в этом порядке), вместе с общим посланием Сталину от Центрального Комитета Партии и Совета Министров СССР. Эти статьи были позже напечатаны в «Большевике», «Партийном Органе» и в советской прессе в целом. Кроме этого, юбилейный выпуск «Правды» (но не «Большевика») содержал две статьи о Сталине, написанные не членами Политбюро, М. Шкирятовым (секретарь партии) и А. Поскребышевым (предположительно личный секретарь Сталина). Таким образом, представилась возможность рассмотреть из высказывания наравне с заявлениями, сделанными членами Политбюро. Этот материал будет проанализирован на предмет распределения власти и отношений внутри Политбюро.

Несмотря на то, что, на первый взгляд, все перечисленные заявления выражают одинаковую лезть по отношению к Сталину, в них все же есть нюансы стиля и свои акценты. Эти нюансы можно было бы списать на индивидуальный стиль автора и не придавать им политической значимости, если бы это были не советские авторы. Но особенности политического языка, которым говорят о Сталине члены По-

литбюро, имеют другую природу. Сталинизм не боится монотонности и склонен к повторам. Следовательно, отсутствие полного единообразия языка представляет политический интерес. Стоит тщательно изучить материал, чтобы определить, имеют ли различия в языке, какими бы незначительными они ни были, какую-то закономерность, и исследовать различия между группами и отдельными личностями в Политбюро. Особенно ценным оказался анализ материала с точки зрения того, насколько сохранены (вышли из употребления или заменены) старые большевистские термины и темы.

В данном исследовании анализируются два основных типа высказываний об образе Сталина, которые были обнаружены в статьях. Таблица 1 дает общую частотность заявлений, которые касаются данных двух типов высказываний: первое – Сталин по сравнению с Лениным, второе – характеристики ведущей роли Стали-

на как “идеального Большевика” или “идеального Отца”. Третий образ “Сталин” как человек или символ не представлен в этой таблице и детально не описывается, потому что разница между образами – это скорее количественная классификация, сделанная на основе анализа подтекста статей, и этот образ кратко описан в конце статьи.

Частотность высказываний показывает, какое значение придается популярному образу Сталина. Статьи значительно отличаются по объему: статья Маленкова примерно 3500 слов, статьи Шверника, Андреева, Косыгина, Хрущева и Шкирятова по 2500 слов, остальные статьи примерно 5000 слов. Тем не менее, так как нас интересует удельный вес внимания, которое уделяется характеристике Сталина в статьях, в таблице не приведено сравнение частотности и используются абсолютные числа.

Таблица 1. Упоминания о Сталине в статьях, посвященных его 70-летию, 21 декабря 1949 года

Член Политбюро	Сталин: ученик Ленина или равен Ленину?			Сталин: идеальный Большевик или идеальный отец?		
	Образ Большевика	Двусмысленный	Популярный образ	Образ Большевика	Двусмысленный	Популярный образ
Молотов	5	1	0	12	3	0
Маленков	4	0	2	11	3	0
Берия	13	3	1	15	1	2
Шверник	4	0	5	2	2	2
Ворошилов	0	0	1	1	2	4
Микоян	2	2	9	3	0	5
Андреев	1	0	2	3	0	15
Булганин	0	1	6	0	0	3
Косыгин	1	0	3	0	0	8
Хрущев	0	1	4	0	0	7
Каганович	0	3	6	0	3	21
Шкирятов	0	3	6	0	0	6
Поскребышев	2	1	3	0	0	10

Сталин: ученик Ленина или равен Ленину? В советском публичном дискурсе того времени “великий” Ленин не называется “более великим”, чем “великий” Сталин; но также открыто не говорится, что Ленин и Сталин равны в своем “величии”. Тем не менее, возможно найти формулировки, которые выражают одну из этих двух идей.

В статьях, посвященных дню рождения Сталина, описываются разные стороны личности этого лидера, которые можно условно отнести к популярному образу Сталина и образу Большевика; популярный образ подчеркивает, что Сталин равен Ленину (в некоторых случаях даже превосходит его); образ Большевика больше подчеркивает, что Сталин ученик Ленина, “продолжатель” его работ и идей.

Образ Большевика характерен для статей верхушки Политбюро: Маленков, Молотов и Берия. Оба образа используются в общей статье Центрального Комитета и Совета Минист-

ров и в статье Шверника. Популярный образ описывается в статьях Косыгина и Ворошилова (каждый из них приводит только два сравнения), Андреева, Поскребышева. Популярный образ чаще всего и лучше всего представлен Микояном, Кагановичем, Булганиным, Хрущевым и Шкирятовым.

Берия использует образ Большевика, иллюстрируя его наиболее часто следующими примерами:

С первых шагов своей революционной деятельности Товарищ Сталин, не колеблясь, стоял под знаменем Ленина. Он был верным и преданным последователем Ленина. Он внес неоценимый вклад в ленинское развитие догматов Марксистской Партии. Создавая и развивая Ленинизм, полагаясь на указания Ленина, Товарищ Сталин развивал принципы индустриализации [Дайджест: 12].

Есть и другие примеры, где Берия говорит, что “Товарищ Сталин следовал указаниями Ле-

нина” [Дайджест: 13] и “развивал учение Ленина о Партии” [Дайджест: 13], но эта цитата особенно важна, так как в Советской литературе Сталину практически единолично приписывается решение начать в стране коллективизацию и индустриализацию быстрыми темпами. Существует много других упоминаний о том, что Сталин “вооружил Партию Ленинизмом”, “защитил” и “продвигал” Ленинизм, но эти сравнения далеки от истины.

Был найден только один пример некоторого равенства между Лениным и Сталиным (по поводу поведения во время Гражданской Войны), но даже в нем роль Сталина описывается как немного более важная, чем роль Ленина.

На протяжении сложных лет Гражданской Войны Ленин и Сталин вели Партию, Государство, Красную Армию, все защитные силы страны [Дайджест: 12].

Берия даже однажды говорит о “введении национальной политики Ленинизма-Сталинизма” [Дайджест: 13], описывая одну из заслуг Сталина до середины 20-х годов. Берия также упоминает выдвижение Лениным Сталина, тема, которую редко поднимают:

Ленин предложил Центральному Комитету Партии выбрать Товарища Сталина на должность Генерального Секретаря Центрального Комитета. Товарищ Сталин занимает этот высокий пост с 3 апреля 1922 года. [Дайджест: 12]

Так как в 1923 году Ленин предложил “сместить” Сталина с этой “высокой должности”, высказывание Берии весьма необычно.

Молотов также прибегает к образу “Большевика” для сравнения Сталина с Лениным, подчеркивая при этом, что он теоретически продолжает работы Ленина, в отличие от Берии, который скорее описывает Сталина как ученика. И Молотов и Берия упоминают, что после смерти Ленина Сталин возглавил Коммунистическую Партию. Но Молотов продолжает и говорит о государстве:

Товарищ Сталин поддерживал и развивал теорию Ленина о возможности победы социализма в нашей стране... [Дайджест: 7].

Как представитель ... творческого Марксизма Сталин высоко развил Ленинские принципы стратегии и тактики нашей партии ... [Дайджест: 10].

Молотов выражает образ Сталина-большевика как последователя Ленина на его посту “главы Партии” и как обладателя монолитного характера:

Как великий продолжатель дела бессмертного Ленина, Товарищ Сталин стоит во главе социалистического строительства... [Большевик: 22].

Маленков также уделяет больше внимания образу Большевика (несмотря на заявления о равнозначности роли Ленина и Сталина в Революции):

Товарищ Сталин лучше, чем кто-либо другой понял вдохновенные идеи Ленина о новом типе Марксистской партии [Дайджест: 3].

Среднее положение, то есть использование обоих образов, особенно заметно в объединенном послании Комитета Партии и Кабинета Министра и в статье Шверника, озаглавленной “Товарищ Сталин – продолжатель великого дела Сталина”. Кроме заголовка Шверник еще три раза, но уже не так ярко, прибегает к образу Большевика, говоря о Ленине и Сталине, как в приведенном ниже примере:

С первых шагов его революционной борьбы Товарища Сталина отличала безграничная вера в гений Ленина, он шел по пути Ленина как самый верный его ученик и соратник [Большевик: 1].

С другой стороны он четыре раза прибегает к популярному образу, говоря “вместе с Лениным Товарищ Сталин”, [Большевик: 91 – два раза], и “Ленин и Сталин вели рабочий класс к победе” [Большевик: 91], и, наконец, повторяя Микояна, он говорит “Сталин – это Ленин сегодняшнего дня” [Большевик: 95].

Поскребышев (секретарь Сталина) также выражает неоднозначное мнение по этому вопросу, используя три высказывания несомненного равенства между Лениным и Сталиным, три заявления “Сталин – продолжатель дела Ленина”, и два раза говоря, что Сталин – ученик Ленина.

Косыгин, Андреев и Ворошилов чаще используют популярный образ, а не образ “Большевика”, но не часто сравнивают Ленина и Сталина. Таким образом, Косыгин пишет: “Идеи Ленина-Сталина одержали победу. Треть населения земного шара твердо встала на путь, указанный Лениным-Сталиным...” [Большевик: 89], и еще “путь социализма, указанный Лениным-Сталиным...” [Большевик: 90]. Косыгин даже опускает имя Ленина, там, где его упоминание вполне ожидаемо:

С именем Сталина неразрывно связано создание нашей Коммунистической Партии и первого Советского социалистического государства в мире... [Большевик: 86].

Статья Андреева в основном посвящена вопросам сельского хозяйства, также как статья Ворошилова – военному делу, а точнее стратегии и ведению Великой Отечественной Войны. Помимо двух высказываний “Партия Ленина и Сталина” Ворошилов лишь один раз говорит об одинаковой важности Ленина и Сталина.

На протяжении лет героической борьбы и героического труда [Революция], советские люди под предводительством Партии Большевиков, под руководством великих лидеров Ленина и Сталина, одержали исторически значимую победу [Большевик: 35].

Популярный образ явно преобладает в статьях Микояна, Кагановича, Булганина, Хрущева и Шкырятова.

Микоян говорит следующее:

Сталин не только полностью овладел научным наследием Маркса, Энгельса и Ленина... [он “защищал” и “превосходно интерпретировал” его]; он также обогатил Марксизм-Ленинизм рядом великих открытий, продолжал развитие теории Марксизма-Ленинизма. Благодаря Товарищу Сталину Ленинизм поднялся на новый, более высокий исторический уровень. Философия Марксизма-Ленинизма, которая сейчас меняет мир, достигла высшей точки своего развития в работах Товарища Сталина [Дайджест: 19].

Каганович еще больше придерживается популярного образа, представляя Сталина равным Ленину (в редких случаях даже превосходящим его). Образ Большевика не так четко представлен в статье, которая богата сравнениями.

Сталин не просто защищал и охранял Ленинистскую теорию возможности победы социализма в нашей стране, но, основываясь на богатом опыте борьбы, он творчески расширил и обогатил эту теорию... [Большевик: 59].

В одном случае Булганин отдает Сталину должное за различие справедливых и несправедливых войн (“как учит Сталин”), не упоминая Ленина, который первым говорил об этом, и которому за это отдавалось должное в Советском Союзе [Большевик: 70].

Хрущев также, за одним исключением, использует популярный образ во всех сравнениях Сталина и Ленина. В добавление к пяти высказываниям типа “Х Ленина и Сталина” (где Х – это Партия, учение, идея, дело, знамя) он делает три заявления об одинаковой значимости Ленина и Сталина и одно, которое даже приписывает Сталину превосходство.

В этом состоит громадная и неоценимая заслуга Товарища Сталина. Он верный друг и соратник Ленина [Дайджест: 30].

...Сталин, который вместе с Лениным создал Великую Партию Большевиков, наше социалистическое государство, обогатил теорию Марксизма-Ленинизма, поднял ее на новый более высокий уровень [Большевик: 80].

Шкирятов создает более категоричный образ, упоминая всего три раза, что Сталин продолжает “дело” Ленина, продолжает “нести знамя” Ленина, при этом четыре раза используя фразу “учение Ленина и Сталина”, и шесть раз, сравнивая Сталина и Ленина, ясно указывая, что они одинаково важны.

Делая обзор этой темы, можно заметить четкое выделение популярного образа и образа Большевика в том, как члены Политбюро видят соотношение ролей Ленина и Сталина.

Образ Большевика наиболее ярко выражен в статьях верхушки Политбюро – Берия, Молотов, Маленков (в этом порядке). Здесь Сталин представлен как ученик Ленина, его последователь, продолжатель его дела, преемник Ленина, который продолжает воплощать в жизнь, развивать и совершенствовать Ленинизм. Он

описан как самый верный из последователей Ленина, как тот, кто лучше всех понял его идеи. Сталин не рассматривается как равный Ленину (за единственным исключением того, как Маленков описал Великую Октябрьскую Революцию).

“Популярный образ” Сталина более характерен в разной степени для статей остальных, особенно Кагановича, Хрущева, Микояна, Булганина и Шкирятова. Здесь Сталин представлен как равный Ленину даже в тех ситуациях, когда это очевидно не так. В редких случаях Сталин оказывается даже более великим, чем Ленин.

Сталин: Идеальный Большевик, Лидер Партии или Идеальный Отец. Образ Большевика используется Берией, Маленковым, Молотовым и в меньшей степени Шверником и Микояном. Сталин представлен как великий “лидер” и “учитель”, но подразумевается, что Партия занимает главенствующее положение над ним. Сталин является высоконравственным большевиком.

Идеальный Большевик принимает как должное тот факт, что его жизнь посвящена продвижению Коммунизма, невзирая на лишения. Он считает неприличным говорить о первостепенных ценностях и личных жертвах; он думает, что внимание надо сконцентрировать на том, чтобы определить правильную линию поведения и придерживаться этой линии. Черты, которые приписываются Берией Сталину, направлены на создание такого образа.

Популярный образ Сталина, которому уделяется гораздо больше внимания, не представляет его как Лидера Партии, который бесстрастно выполняет моральные обязательства, служа пролетариату, придерживаясь правильной политической линии. Сталин показан как Вождь Народа в Советском Союзе и в остальном мире, который жалуется “простым людям” безграничную отеческую заботу. Народ, переполненный чувствами, видя такую нежную заботу со стороны своего родного на высоком посту, работает для него усерднее и лучше из преданной благодарности. В то время как цель Лидера Партии – воплотить Коммунизм в жизнь ценой временных трудностей, забота Вождя Нации нацелена на удовлетворение потребностей людей. Это выполняется не только через выработку общего направления политики, но и бесчисленными конкретными действиями. Выполняя все это, Сталин проявляет добродетели идеального отца (иногда брата и друга), с которыми его дети и не мечтают сравняться. Отметим, что имеется тенденция показать Сталина как создателя всего хорошего.

Однако образ Большевика используется представителями верхушки совместно с элементами популярного образа, но с некоторыми отличиями.

1. Одним из аспектов образа Большевика является описание Сталина как обладателя

большевистских благодетелей в очень высокой степени. Подразумевается, что к этим отличительным добродетелям должны стремиться другие менее совершенные Большевики, хотя шансы достижения уровня Сталина мизерные.

Например, Берия говорит:

В Товарище Сталине советские люди более отчетливо и ясно увидели черты его великого учителя, Ленина. Они увидели, что в битву против беспощадного врага нашу армию и народ вел проверенный вождь, который, как Ленин, беспощаден в битве и безжалостен к врагам народа, как Ленин, не подвержен панике, как Ленин, мудр и отважен в решении сложных вопросов; как Ленин, ясный, твердый, справедливый, честный, как Ленина, сильно любит свой народ [Дайджест: 15].

Молотов также подчеркивает черты Большевика в Сталине, один из примеров приведен ниже.

Сейчас издаются работы Сталина, которые содержат его труды с 1901. Невозможно переоценить теоретическую и политическую важность этих публикаций. Перед нашими глазами шаг за шагом разворачивается картина вдохновенной творческой деятельности великого Сталина во всем разнообразии и духовной состоятельности. В этих работах с точки зрения Марксизма-Ленинизма рассматриваются все противоречивые вопросы практической деятельности Большевистской партии, международного коммунистического движения, а также сложные научные вопросы истории и философии [Дайджест: 9].

В большинстве случаев характеристики популярного образа переплетаются с характеристиками образа Большевика, представляя Сталина как “вождя” и “учителя”. Среди всех высказываний верхушки Политбюро только в одном случае (выступление Молотова) оценочное высказывание делается от лица говорящего, в остальных случаях оценка выражается от лица народа.

Товарищ Сталин правильно считается великим и верным другом свободолюбивого народа в стране демократии народа [Дайджест: 3].

Кроме придания внимания добродетелям Сталина как Большевика, образ Большевика представляет Сталина как вождя в трех ипостасях: политический стратег, учитель, глава Партии. Они будут рассмотрены в свою очередь.

2. Как следует из образа Большевика, главная роль Сталина – поставить диагноз и сделать прогноз о политической ситуации и на основе этого выработать правильную линию партии. В популярном образе Сталина на это указывается менее явно. Этот аспект образа Большевика наиболее сильно представлен в высказываниях Молотова, как в примере ниже.

...умение (Сталина)... показать Партии истинный путь и вести ее к победе [Дайджест: 11].

...чтобы создать международную анти-гитлеровскую коалицию во время войны необходимо было сорвать анти-советские планы британского и французского правительств ... Товарищ Сталин вовремя разглядел ... Англо-французские интриги ... что повлекло за собой события, которые поставили правительство Британии и Соединённых Штатов перед необходимостью создать Англо-Советско-Американскую ... коалицию ... [Дайджест: 8].

3. С этим в образе большевика связана роль Сталина как “учителя” Партии правилам организации, стратегии и тактике. Это еще один момент, которому меньше уделяется внимания в популярном образе Сталина. Но это один из главных аспектов в речи Маленкова (который, возможно, будет приемником этого). Вот одна из цитат.

Товарищ Сталин учит, что Большевистская партия сильная, так как она умножает свои связи с широкими массами рабочих ... Товарищ Сталин учит, что без самокритики мы не можем двигаться вперед ... Товарищ Сталин учит, что ... Товарищ Сталин обучает кадры нашей партии ... [Дайджест: 4-5].

Молотов и Берия подчеркивают характер Сталина как “продолжателя”, “защитника” Ленинизма больше, чем его роль как учителя, но довольно часто обращаются к Сталину как “вождю и учителю”. (Эту стандартную фразу также можно обнаружить и в популярном образе, но реже и менее настойчиво).

4. Правящая верхушка часто отдает ведущую роль не Сталину, а Партии (или иногда Советскому Союзу или Советскому народу, хотя другие члены Политбюро подчеркивают личную роль Сталина, опуская упоминания о Партии. Партии даже отдается должное за те заслуги, которые большинством приписываются Сталину – вдохновение, мобилизация, организация. Термин “руководство Партии” относится явно к другим членам верхушки Партии кроме Сталина, а точнее к самому оратору. Так в следующем примере Маленков упоминает Партию восемь раз, а Сталина только один.

Дружба народов, которая установилась в нашей стране, это великая заслуга руководства Партии Большевиков. Только Партия Большевиков могла достичь неразрушимого братства среди народов – Партия Большевиков, которая настойчиво распространяет идеи интернационализма ... (недавняя война) ... была одной из важнейших для Партии Большевиков. Партия вышла из этого испытания великим победителем ... следуя наставлениям Товарища Сталина, наша Партия постоянно вдохновляла людей и мобилизовала их усилия в борьбе с врагом. Организованная работа Партии объединяла и направляла ... И снова было продемонстрирована непревзойденная способность Партии Большевиков мобилизовать массы в тяжелых условиях [Дайджест: 4].

С другой стороны образ Сталина как Вождя Народа (популярный образ) показывает, как он действует напрямую, не прибегая к помощи Партии. Иногда верхушка и среднее звено Политбюро используют этот образ, говоря о темах, предназначенных для массовой аудитории.

...голос Сталина в защиту мира ... распространялся по всему земному шару. Все простые и честные люди, внемля этому призыву, строятся в колонны борцов за мир [Ворошилов, Дайджест: 19, Большевик: 44].

Популярный образ Сталина, как было указано выше, не останавливается у границы, которая отделяет его от образа Большевика, также описанного ранее. Но к нему, действительно, очень редко прибегают за исключением редкого использования стандартной фразы “вождь и учитель”. Статьи Кагановича, Хрущева, Шкирятова, Поскребышева, Булганина, Косыгина и Андреева (примерно в этом порядке) наиболее ярко представляют популярный образ в описанных аспектах. Микоян и в меньшей мере Шверник также его используют, но в их статьях большое количество неопределенных высказываний и даже ряд заявлений, касающихся образа Большевика. С другой стороны, семь авторов, перечисленных выше, используют только четыре высказывания, относящихся к образу Большевика. Статья Ворошилова – особый случай, во вступлении и заключении он делает ряд заявлений, представляющих популярный образ.

1. В популярном образе Сталин описан как “отец” своего народа, который постоянно ему помогает в силу “отцовской заботы”. Иногда это описывается как отношения дружбы, а иногда термины близких отношений не употребляются. В ответ “простые люди” исполнены благодарности, любят и усердно работают. Для них Сталин родной, что подразумевает семейное родство.

Каждый из членов низа Политбюро использует этот образ (конечно, в разной степени). Вот некоторые примеры.

Каганович следующим образом описывает Сталина:

Товарищ Сталин проявляет невиданную заботу о шахтерах и радуется об облегчении их труда ... Славная армия железнодорожных рабочих отвечает Товарищу Сталину на его отцовскую заботу теплой любовью, преданностью и улучшением транспортной системы ... Систематическое увеличение заработной платы (и т.д.) ... все это результаты постоянной заботы и внимания родного Товарища Сталина, которого народ любовно называет отцом и другом [Большевик: 60-61].

Булганин описывает Сталина похожим образом:

Товарищ Сталин всегда проявлял и до сих пор проявляет постоянную отцовскую озабо-

ченность выращиванием военных кадров, их образованием в духе высочайшей преданности Партии Большевиков, в духе самопожертвования на благо народа ... [Большевик: 60-61].

Хрущев говорит похожим образом:

Ленин и Сталин стояли у колыбели каждой из Советских республик, они охраняли ее от угроз и опасностей, по-отечески помогали ей расти и набираться сил ... Вот почему люди нашей страны, преисполненные чувством сыновней любви, называют великого Сталина их родным отцом ... [Большевик: 81].

Андреев, не выделяя данный аспект, говорит:

Внимательно, по-отечески ежедневно осуществляя руководство и присматривая за делами колхозов ... Товарищ Сталин [Дайджест: 29].

Члены Политбюро, Шкирятов и Поскребышев, часто обращаются к этому аспекту популярного образа. Поскребышев даже озаглавил свою статью “Любимый Отец и Великий Учитель”.

Шкирятов пишет:

Люди нашей страны растут и становятся сильнее как одна семья и прославляют Товарища Сталина – отца и друга всех людей в СССР [Правда: 11].

Сталин, наш отец и друг, призывает нас любовь ко всему что наше, родное – в науке, культуре, на производстве, учит Советских людей теплой преданности Родине ... [Правда: 11].

2. Как уже стало ясно, популярный образ изображает Сталина Вождем Народа в отличие от более сдержанного образа, который больше уделяет внимания Партии и Сталину как Лидеру Партии. Как Лидер Партии Сталин описывается в нескольких аспектах, один из которых просматривается в цитатах, приведенных выше, и описывает Сталина как противника “бюрократии”. Радея за судьбу простых людей, ему приходится бороться с нечестностью, эгоизмом и различными бюро, которые стоят между ним и народом.

Булганин говорит об этом почти открыто:

Товарищ Сталин всегда уделял много внимания благополучию солдат и моряков. Его интересовало качество еды, качество униформы, вес оружия солдат. Товарищ Сталин в своих приказах часто указывал на то, что озабоченность благополучием солдат – это священная обязанность командиров, они должны строго следить за тем, что солдаты получают еду соответствующего качества, чтобы войскам вовремя подавали хорошо приготовленную еду. Благодаря заботе Товарища Сталина об обеспечении войск, наши фронтовики были хорошо накормлены, комфортно и тепло одеты [Дайджест: 28; Большевик: 71].

Можно привести много других примеров, чтобы проиллюстрировать этот аспект попу-

лярного образа. Популярный образ Сталина показывает его как человека, который одновременно является партией, правительством, аппаратом армии. Предыдущие высказывания указывали на эту черту Сталина в ситуациях, когда этого требовала забота о людях. Но деятельность Сталина этим не ограничивается, Каганович и Булганин особенно сильно увеличивают его личный вклад. Вот, что говорит Каганович:

...в то время как ... страны Европы и США медленно движутся к кризису, здесь в Советском Союзе социалистическая экономика постоянно улучшается ... Этим мы обязаны превосходством социалистической системы экономики, но прежде всего мы обязаны этим Товарищу Сталину, его великой энергии, инициативе, организаторскому гению [Дайджест: 25].

Булганина интересует роль Сталина во время войны, там Сталин постоянно без устали трудился на благо страны. Уже во время Гражданской Войны.

Товарищ Сталин был создателем самого важного ... стратегических планов и на прямую руководил решающими военными операциями ... В Царицыно и Перми, в Петрограде и против Деникина, на западе и против Польши, и на юге против Врангеля – в любом месте его железная воля и военный гений обеспечили победу Советских сил [Большевик: 66].

И в недавней войне:

Все операции в Великой Отечественной Войне планировались Товарищем Сталиным и приводились в исполнение под его руководством. Он принимал участие в разработке каждой военной операции. Перед тем как окончательно одобрить план ... Товарищ Сталин тщательно ее обдумывал, обсуждал ее в узком кругу (нетипичное заявление) ... Товарищ Сталин лично руководил ходом каждой операции. Каждый день, даже несколько раз в день он проверял выполнение его приказов, давал советы, поправлял решения командующих, если это было необходимо [Большевик: 66].

Этот образ Сталина как вездесущего и во всем ведающего человека никогда не проявляется в речах и статьях верхушки Политбюро, но Поскребышев довольно активно его развивает:

Активно руководя работой ведущих Мичуринцев, возглавляемых Товарищем Лысенко, Товарищ Сталин ежедневно помогал им советом и инструкциями ... Товарища Сталина также нужно отметить как научного инноватора в специализированных областях науки ... Среди старых специалистов в сельском хозяйстве укрепилось мнение, что разведение цитрусовых культур невозможно в широких масштабах в регионе Советского побережья Черного моря ... [Дайджест: 34].

Сталин: Человек или Символ? В нашем материале “Сталин” относится более, чем к че-

ловеку с именем И.В. Сталин. Разница между Сталиным как реальным человеком и Сталиным как символом довольно размыта, возможно, намеренно. Верхушка Политбюро, тем не менее, более аккуратно, чем остальные, проводит различие между двумя образами, уделяя больше внимания Сталину как человеку.

Одним из способов показать, что, говоря о Сталине, имеется в виду Сталин как символ – это говорить о его “имени” или провозгласить его имя “символом”. Так Берия говорит следующее во вступительном параграфе:

Со времен великого Ленина для сердец миллионов рабочих людей не было имени настолько дорогого как имя великого вождя, Товарища Сталина [Дайджест: 11].

И Молотов говорит нам, что для “международного движения за мир”

...имя Сталина стало его знаменем [Дайджест: 9].

Маленков также говорит об этом:

Имя Сталина уже давно стало знаменем мира в умах людей всех стран [Дайджест: 3].

Булганин пишет:

Имя Сталина для советских войск стало символом величия нашей нации, ее героизма. Они шли в бой с криком: “За Сталина, за Родину!” [Большевик: 71]

Другой способ различить, идет ли речь о Сталине как о человеке или о Сталине как символе, это сделать явным личный характер высказывания. В статьях по поводу дня рождения Молотов, Шверник и Булганин используют такой способ выражения очень часто. Хотя многие другие выражения, которые не уточняют, что речь идет о Сталине как человеку, возможно, именно это имеют в виду. Этот метод остается релевантным для статей верхушки Политбюро, чтобы выявить те случаи, когда личная роль Сталина рассматривается как очень значимая. Маленков использует другой способ, чтобы добиться похожего эффекта. Несмотря на то, что он употребляет имя Сталина среднее количество раз (общее среднее количество – 59, у Маленкова – 60), непропорционально высокое количество высказываний типа “Сталин учит, что ...”, “Сталин говорил ...” и т.д. Как следствие, он сравнительно мало говорит о других достижениях Сталина.

Одним из способов трансформировать “Сталина” из человека в символ является использование прилагательного “Сталинский”. Описывая образ Большевика, термин “Сталинский” используется, чтобы описать достижения скорее режима Сталина, чем его личные достижения. Популярному образу в целом не хватает разграничения между Сталиным-человеком и Сталиным-символом, и очевидно терминам “Сталин” и “Сталинский” придается как личное, так и безличное значение.

Верхушка Политбюро (Молотов, Берия, Маленков) использует прилагательное “Сталинский” со значением личное достижение Стали-

на только 2 раза из 27 в отличие от остальных, которые используют данное прилагательное с этим значением очень часто (за исключением только высказываний Ворошилова о роли Сталина в недавней войне). Очень часто высказывания типа “Сталинский советский путь”, “Советская Сталинская военная наука” и подобные явно подразумевают “при настоящем режиме” или “в духе большевиков”.

Сравнительно безличное значение прилагательного “Сталинский” особенно очевидно в следующих случаях. Например, Молотов, утверждая, что Советский Союз набрал силу за последнюю четверть века, говорит:

Это великая заслуга Товарища Сталина и Сталинского руководства [Дайджест: 6].

Возможно “Сталинское руководство” подразумевает здесь лидеров Партии помимо Сталина и становится синонимом “Партии”. Это проявляется, когда Каганович, используя редкую формулировку, говорит:

Решающим условием победы социализма была непрестанная борьба Товарища Сталина и объединенного Сталинского руководства, направленная на реализацию общей линии Партии [Большевик: 63].

Выводы. Результатом анализа статей, написанных по поводу 70-го дня рождения И.В. Сталина, стали два основных вывода:

1. Несмотря на множество индивидуальных отличий между статьями, и, несмотря на вариации внутри каждой из статей, можно выделить два основных образа Сталина, которые в разной степени представлены в разной степени в каждой из статей. Кратко эти образы сводятся к следующему: Сталин – глава Партии, Сталин – Вождь Народа. Глава Партии – великий человек; Вождь Народа стоит выше, чем кто-либо другой. Главу Партии характеризуют черты Большевика, Вождя Народа – постоянная и безграничная забота о благополучии всех. Ради краткости первое мы назвали “образ Большевика”, а второе “популярный образ”.

2. С точки зрения этих образов, внутри Политбюро можно выделить три группы. Маленков, Молотов и Берия, которые предположительно самые влиятельные члены Политбюро, уделяют больше внимание образу Большевика, чем другие члены, хотя высказывания, относящиеся к популярному образу, все же присутствуют. Каганович, Булганин, Хрущев, Косыгин и в меньшей степени Микоян и Андреев занимают позицию ближе к популярному образу (также как и Шкирятов и Поскребышев). Шверник и общее послание Центрального Комитета занимают среднюю позицию. Ворошилов – особый случай, он представляет популярный образ Сталина во вступлении и заключении и очень сдержанный образ Большевика с точки зрения военных операций (в отличие от Булганина).

Эти два образа Сталина можно рассмотреть в двух аспектах: (1) Кому адресован каждый образ? Для данной аудитории предпочтительен

популярный образ или образ Большевика? (2) Какое политическое значение имеет тот факт, что образ Большевика чаще употребляется верхушкой Политбюро в то время, как популярный образ более свободно используется представителями “низов” Политбюро?

Что касается первого аспекта, то следует вспомнить, что все высказывания, проанализированные в этой статье, были опубликованы, то есть стали достоянием широкой общественности. Будучи публичными выступлениями, они не были в первую очередь, или в какой-либо степени адресованы Сталину. Можно обоснованно предположить, что “массы” Советских людей рассматривались как потребители популярного образа, а образ Большевика был, прежде всего, предназначен для Коммунистов, то есть маленькой части населения. Что характерно для Большевиизма, хотя парадоксально для западной традиции, так это то, что символы близости и родства (“отец”, “забота” и т.д.) наиболее часто появляются в популярном образе Сталина и подчеркиваются в выступлениях для аудитории, очень отдаленной от Сталина. Этот парадокс частично является результатом инструментального использования большевиками слов, означающих родство и близость и частично от осуждения большевиками близости в политических отношениях. Идеальный член партии подчеркивает, что он не испытывает такого удовлетворения от близкого общения с другими, как от близости к политическим целям.

По этой причине сложно судить о втором аспекте. Нельзя отклонять идею о том, что Политбюро или ведущая группа в Политбюро, или Сталин лично решили использовать оба образа Сталина в выступлениях по поводу дня рождения и между собой распределили роли, касающиеся освещения одного из образов (такое решение, наверное, повлекло за собой тщательное изучение каждого из выступлений, что привело к значимым различиям в языке).

Однако данное предположение не исключает некоторых рабочих выводов о статусе разных групп внутри Политбюро. Акцент на образ Большевика некоторыми членами, а на популярный образ остальными не только отражает превосходство и некоторую отдаленность партии от масс в целом, но также указывает на степень удаленности говорящего от Сталина. В анализируемой ситуации, привилегией членов Политбюро является возможность воздерживаться от явного подхалимства и слов, обозначающих личные чувства и эмоции, которые скорее относятся к узкому кругу общения, а не к политике. Принимая во внимание, что для большевиков политическая жизнь стоит намного выше личной, использование образа Большевика указывает на более высокий политический статус. Таким образом, запланированное распределение образов Сталина в речах, посвященных его семидесятилетию, все же указывает политические группы внутри Политбю-

ро, но эти группы не обязательно находятся в противостоянии.

Если исключить предположение о том, что роли в выступлениях по поводу дня рождения Сталина были распределены жребием и еще более невероятное предположение, что целью данных выступлений было скрыть реальное подразделение на группы внутри Политбюро, то можно прийти к выводу, что те, кто подчеркивают образ большевика политически ближе к Сталину, чем те, кто этого не делает.

Предположение о том, что внутри Политбюро было намеренное распределение двух образов, было бы более правдоподобным, если бы каждый из образов был бы использован некоторыми членами Политбюро в чистом виде без примесей элементов второго образа. В имеющемся же материале разница между верхушкой и низами Политбюро как раз заключается в использовании разных образов. Именно поэтому мы склонны полагать, что различия в политическом языке являются скорее результатом индивидуального выбора, а не централизованного решения. Тем не менее, можно предположить, что превалирование одного из образов Сталина (осознанное или нет) связано со статусом говорящего внутри Политбюро, как было описано выше.

Примечания.

1. Насколько было возможно, приведенные цитаты даны в переводе из Текущего Дайджеста Советской Прессы, том 1, № 52 (сокращенно Дайджест). Другие отрывки были переведе-

ны из газеты Большевик № 24 от декабря 1949 года.

2. Термин «высказывание» употребляется здесь, чтобы указать на завершённую идею, и может обозначать фрагменты текста длиной от фразы до параграфа.

3. 21 декабря 1929 года Молотов написал, что до смерти Ленина Сталин был «практиком и организатором», затем он стал «теоретиком». Даже в 1919 Молотов не до конца подавил тенденцию отрицать, что Сталин был идеален с самого начала. Свою речь он начинает следующим образом: «Именно сейчас особенно ясно, как удачно, что ... после Ленина Коммунистическую партию СССР возглавил Товарищ Сталин» (Дайджест: 6). В большевистской атмосфере скрытого языка это непременно следует понимать как: «Не всегда было ясно».

4. Несмотря на то, что и Молотов и Берия подчеркивают, что Сталин был «теоретик», они явно не говорят, что он был таким же великим теоретиком как Ленин, показательной является следующая фраза: «Максистерско-ленинистская философия достигла высшей точки развития в работах Сталина».

5. «Любовь к народу» также является частью популярного образа. Употребления терминов популярного образа в довольно сдержанной картине может быть последствием обратного проникновения пропаганды в изотерическое единство верхушки Политбюро.

© Ворожцова О.А. (перевод), 2009

Феллоуз Эрвин В.
Галина, Огайо, США
Перевод И.П. Зыряновой

«ПРОПАГАНДА»: ИСТОРИЯ СЛОВА

УДК 811.111
ББК Ш 143.21

Аннотация. Перевод на русский язык статьи Эрвина У. Феллоуза "Propaganda": history of a word", опубликованной в США в 1959 г. Автор прослеживает изменения в коннотациях данного слова на фоне смены сфер употребления.

Ключевые слова: пропаганда, история слов, коннотация, дискурс СМИ, контент-анализ.

Сведения об авторе: Феллоуз Эрвин У., доктор философии, профессор.

Место работы: Государственный университет Огайо.

Сведения о переводчике: Зырянова Ирина Петровна, преподаватель.

Место работы: Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия.

Контактная информация: 622031, Свердловская обл., г. Нижний Тагил, ул. Красногвардейская, д. 57.

E-mail: zyryanovairina@gmail.com

Fellows Erwin W.
Galena, Ohio, USA

Translated by I. P. Zyryanova

“PROPAGANDA”: HISTORY OF A WORD

ГЧТИИ 16.21.47
Код ВАК 10.02.20

Abstract. This is the first Russian translation of Ernest W. Fellows' article "Propaganda": History of a Word" published in the USA in 1959. The author shows the evolution of connotations of the word on the background of changing the spheres of application.

Key words: propaganda, history of words, connotations, media discourse, content analysis.

About the author: Fellows Erwin W., PhD, professor.

Place of employment: Ohio State University.

About the translator: Zyryanova Irina Petrovna university teacher.

Place of employment: Nizhny Tagil State Social and Pedagogical Academy.

Изменения в значении слов можно рассматривать как следствие идеологических и культурных изменений. С этой точки зрения, история слова «пропаганда» является весьма показательной, что и призвана доказать настоящая статья.

Вплоть до XVI века слово *пропаганда* (включая его производные) являлось латинским термином, используемым только в биологии в связи с размножением животных и растений. Папа Григорий XIII (1572 – 85) уполномочил трех кардиналов *de propaganda fide* распространять католическую веру в нехристианских землях. В 1622 году Григорий XV создал святое братство *de propaganda fide*. В 1627 году Урбан VIII учредил *collegium de propaganda* с целью обучения миссионерской деятельности (Для ознакомления с кратким описанием этих религиозных пропагандистских организаций смотрите статью «Propaganda» в Encyclopaedia Britannica (9th ed., 1875 – 89) или «Propaganda, Sacred Congregation of» в Catholic Encyclopedia). Латинское слово в переводе Вильяма Флечера означает «то, что должно распространяться» и вносит некоторые изменения в семантику слова «вера». Подобную аналогию можно провести с тем, как словосочетание «осмотр достопримечательностей» несколько изменяет значение слова «автобус» в словосочетании «автобус для осмотра достопримечательностей» (William Fletcher, "The Background of the Meaning of Propaganda", in Herbert Klein, ed., Propaganda! – the War for Men's Minds (Los Angeles, 1939), p. 88.). Данное сравнение не является предельно точным, но показательным с точки зрения определения контекста, в котором использовалось данное слово.

В английском языке слово *пропаганда* впервые появилось в 1718 году (Согласно Оксфордскому словарю, переводу Ozell произведения Tounerfort's Voyage to Levant (II, 237) имеет ссылку на «The Congregation of the Propaganda». Я не видел оригинал данной работы). Именно тогда оно было использовано в религиозном контексте, о котором говорилось выше. Данный факт является значимым, так как, по меньшей мере, один исследователь предположил, что английское слово произошло от значения, связанного с доктриной, основанной в большей мере на вере, чем на здравом смысле (Richard S. Lambert, Propaganda (London, 1938), p. 8).

Данное понятие неизменно имело религиозную окраску на протяжении всего XVIII и большей части 19 веков. В XIX веке зафиксировано употребление слова в политическом и военном контексте. В 1800 году в газете Philadelphia Aurora появилось следующее заявление: «Нам удалось получить полезную информацию относительно Иллюминатов штатов Коннектикут и Массачусетс, а недавно относительно подобной пропагандистской деятельности в штате Делавэр» (Philadelphia Aurora, April 17, 1800). В 1824 году, выступая перед Конгрессом с речью относительно революции в Греции, Дэниел Уэбстер использовал прилагательное, производное от слова *пропаганда*: «Многие могут счесть данное решение *донкихотским*, от которого веет крестовыми походами или пропагандистским духом» (Denial Webster, Works (Boston, 1851), III, 62). В 1852 году Миллард Филмор отметил: «[патриоты Революции знали], что эта нация не может стать «пропагандистом» свободы, пока не поднимется против объединенных сил Европы» (Millard Fillmore,

Presidential Messages and Papers, V, 180; процитировано в DAE, s.v. *propagandist*). Как минимум один исследователь отметил, что употребление слова *пропаганда* в политическом контексте появилось впервые в Америке (Fletcher, указ. соч. р. 88. Точное место происхождения политического значения данного слова является неизвестным. Считается, что крупномасштабная политическая пропаганда развернулась во время Французской Революции; см. Cornwell B. Rogers, *The Spirit of Revolution in 1789* (Princeton, 1949); David L. Dowd, "Art as National Propaganda in the French Revolution," *Public Opinion Quarterly*, XV (1951), 532 – 46; b Robert B. Holtman, *Napoleonic Propaganda* (Baton Rouge, La., 1950)). В 1943 году в словаре появилось определение, в котором отмечалось нерелигиозное значение слова: «Изначально означающее распространение веры, в современно политическом языке слово *пропаганда* является термином, означающим упрек секретным обществам за распространение мнений и принципов, которые вызывают ужас и отвращение у большинства правительств» (W. T. Brade, *A Dictionary of Science, Literature, and Art* (New York, 1843), р. 997). Таким образом, к середине 19 века во многих частях мира за словом закрепились отрицательные коннотации.

Приведем еще несколько цитат, в которых иллюстрируется более или менее нерелигиозный контекст употребление слова в XIX веке:

... мы не боролись за пропаганду монархических принципов (*Fraser's Magazine* (London), XXIX (1844), 333).

Английский кабинет вполне понимал, что пропаганда войны была невозможной до тех пор, пока Россия будет союзником Франции (J. S. C. Abbot, *The History of Napoleon Bonaparte* (New York. 1855), II, 197).

И если лучшие евреи презирали все попытки активной пропаганды, наверняка было много безнравственных евреев, которые продвигали свои собственные интересы, пропагандируя беззаконие (F. W. Farrar, *St. Paul* (New York, 1902), I, 292 (в Оксфордском словаре цитируется более раннее издание 1879 года)).

Пропагандистские собрания будут проводиться в клубе на Каугейт-стрит и в Институте Труда (Two Worlds, January 6, 1899; цитируемый в Оксфордском словаре. Мое внимание привлекли источники, указанные в ссылках 5, 6 и с 9 по 12 в Оксфордском словаре. Оксфордский словарь иллюстрирует другие ранние употребления слова *пропагандист*).

Некоторые неодобрительные коннотации данного слова, которые возникли в указанный период, могут быть следствием враждебного настроения протестантов по отношению к католикам в Северной Европе и Соединенных Штатах Америки. В большинстве католических стран на юге Европы и в Латинской Америке, закономерным является его положительное значение

(Lambert, указ. соч. р. 8; Fletcher, указ. соч., р. 88).

Следует отметить, что слово *пропаганда* (включая производные от него формы *пропагандист*, *пропагандировать*) не было в широком употреблении в XVIII и XIX веках. Сильным толчком к его использованию стала Первая мировая война (1914 – 1918 гг.). Однако Уилл Ирвин, в отрывке, приведенном ниже, весьма преувеличивает влияние военного времени:

«До 1914 года слово «пропаганда» входило только в словари по литературе и обладало достойным, возвышенным значением. ... До мировой войны «пропаганда» означала только средства, прибегая к которым, приверженец политической или религиозной веры убеждал необращенных принять ее. Два года спустя это слово вошло в обиход простых крестьян и канавокопателей и стало испускать ядовитые испарения. В конце концов, этим словом стали прикрывать откровенную ложь» (Will Irwin, *Propaganda and the news* (New York and London, 1936), р. 3).

Подобного взгляда придерживается в 1921 году и Агнесс Реплиер: «Одно из худших деяний, которое мы совершили в войну, заключается во вложении в это древнее благородное слово дурного значения, и превращение его в понятие, обозначающее позор, наказания и пытки наших жизней» (Agnes Repplier, "A Good Word Gone Wrong", *Independent and the Weekly Review*, CVII (Oct. 1, 1921), 5).

Несмотря на приведенные здесь преувеличения, едва ли можно сомневаться в том, что частотность использования слова выросла, и произошли некоторые изменения в его значении во время мировой войны и в последующие годы. Правительства некоторых стран-участниц организовывали огромные по масштабу кампании с целью убеждения мира в правильности и значимости своих действий, завоевания поддержки невоюющих стран, подрыва оперативности и боевого духа врага, а также повышения боевого духа воюющей и гражданской части своего населения. Собрание книг и памфлетов по пропаганде в Первую мировую войну, которое находится в библиотеке Гарварда, вмещает в себя 44 тома, в каждом из которых содержится в среднем от 40 до 50 статей (James Duane Squires, *British Propaganda at Home and in the United States from 1914 to 1917* (Cambridge, Mass., 1935), р. 85). Автор этой статьи никогда не встречал подобные цифры, имеющие отношения к другим войнам, хотя в период с 1942 по 1944 гг., иностранные агенты доставляли в Министерство юстиции США в среднем 12000 пропагандистских статей в год (Karl E. Ettinger, "Foreign Propaganda in America", *Public Opinion Quarterly*, XII (1948 – 49), 677 – 86). Как выяснилось позднее, большая часть пропагандистского материала Первой мировой содержало в себе преувеличение и ложь. Книги, «открывшие» истинную природу

и назначение этого материала, сделали многое, чтобы слово *пропаганда* получило дурную славу (Наиболее значимыми работами подобного типа были Harold D. Lasswell, *Propaganda Techniques in the World War* (New York, 1927); Arthur Ponsonby, *Falsehood in War-Time* (London, 1928); George Sylvester Viereck, *Spreading Germs of Hate* (New York, 1930); George G. Bruntz, *Allied Propaganda and the Collapse of the German Empire in 1918* (Palo Alto, Calif., 1938); Squires, указ. соч.; James R. Mock and Cedric Larson, *Words That Won the War* (Princeton, N.J., 1939); H.C. Peterson, *Propaganda For War* (Norman, Okla., 1939); James Morgan Read, *Atrocity Propaganda 1914 – 1919* (New Haven, Conn., 1941)).

Отрицательное отношение к *пропаганде*, характерное для 1920 – 30-х гг., было, прежде всего, результатом ассоциаций этого слова с действиями, осуществляемыми в военное время, которые осуждались как таковые. Более того, участие в войне впоследствии рассматривалось некоторыми странами как ошибочное. Такое отношение вполне могло быть усилено недоверием протестантов к католицизму, с которым это слово изначально ассоциировалось. Высказывались также предположения, прежде всего психоаналитиками, о том, что чувство страха и подозрения, связанные с пропагандой, являются результатом психологической неуверенности и морального смятения в обществе во время социальных конфликтов (Ernst Kris, 'The "Danger" of Propaganda', *American Imago*, II (1941), 3 – 42; 'Some Problems of War Propaganda', *Psychoanalytic Quarterly*, XII (1943), 381 – 99).

Во Вторую мировую войну под руководством экспертов были организованы и разработаны персуазивные тактики, которые являлись результатом попытки максимально применить доступные научные знания для управления мнением. Для описания их работы был введен термин *психологические приемы ведения войны* (Leo J. Margolin, *Paper Bullets: a Brief Story of Psychological Warfare in the World War II* (New York, 1946); Wallace Carroll, *Persuade or Perish* (Boston, 1948), Daniel Lerner, *Sykewar: Psychological Warfare against Germany, D-Day to VE-Day* (New York, 1949); Daniel Lerner, ed., *Propaganda in War and Crisis* (New York, 1951). Для других подходов к разработке персуазивных тактик см. Harold Lavine and James Wechsler, *War Propaganda and the United States* (New Haven, Conn., 1940); Harwood L. Childs and John B. Whitten, eds., *Propaganda by Short-Wave* (Princeton, N. J. 1942); Derrick Sington and Arthur Weidenfeld, *The Goebbels Experiment* (New Haven, Conn., 1943); Ernst Kris and Hans Speicer, *German Radio Propaganda: Report on Home Broadcasts during the War* (London, 1944)). Крис и Лейтес выделяют основные пункты, по которым пропаганда во Второй мировой войне отличалась от предшествующей, проводимой в

Первую мировую, и сводят их к следующим (Ernst Kris and Nathan leites. 'Trends in Twentieth Century Propaganda', in *Psychoanalysis and the Social Sciences*, I (1947), 393 – 409):

1. Пропаганда носила более трезвый характер, поскольку использовалось меньше слов с высоким оценочным потенциалом.

2. Была менее моралистической, акцент делался на фактических данных, в ущерб высказыванию каких-либо предпочтений.

3. В ней содержалось больше значимой информации.

На данный момент наблюдается снижение негативной оценки слова *пропаганда*, по сравнению с той, которая преобладала ранее. Однако представляется сложным выявить причины данного изменения. Так, высказываются мнения о том, что во Вторую мировую войну пришло осознание необходимости пропаганды и, по крайней мере, на момент написания настоящей работы, никогда не высказывалась резкая критика относительно этой войны, как в случае с Первой мировой. Другая точка зрения состоит в том, что в военные годы реклама стала неотъемлемой частью американской культуры (Возрастающую популярность рекламы сложно подтвердить документально, но косвенным подтверждением могут служить более ранние заявления Герберта Гувера относительно закона, предложенного в 1920-х гг. и направленного на регулирования использования радиовещания в коммерческих целях. Как говорится в официальном заявлении, Герберт Гувер сказал, что «Американцы никогда не поддержат рекламу в радио эфире». (Цитата по Gilbert Seldes, *Mainland* (New York, 1936), p. 39). Возможно, что сказывается современная тенденция рассматривать рекламу не только как источник информации и убеждения, но и как форму развлечения. Вопрос, рассматривать ли рекламу как форму пропаганды, может привести к рассмотрению других форм влияния на массы (Ср. заявление Геббельса 1932 года о том, что для того, чтобы Гитлер был избран, он будет использовать «американские методы на американской чаше весов» (цитата по Sergei Chakhotin, *The Rape of the Masses* (New York, 1940), p. 39). Другие ссылки на рекламные тактики содержатся книге А. Hitler *Mein Kampf*). Другим правдоподобным объяснением изменения отношения к понятию *пропаганда* могут быть тенденции в современном научном обществе, сложившиеся под позитивистским влиянием, смысл которого заключается в избегании оценок чего-либо. Как результат, многие современные исследователи странно говорят о том, что пропаганда не является однозначно положительным или отрицательным явлением, и предпочтительнее полагаться на другие мнения, что подразумевает следующее: либо данный вопрос не входит в сферу компетенции данного исследователя, либо же все-таки даются его смутные очертания. Вполне возможно,

что некоторые из подобных нейтральных оценок проникли и распространились в обществе (Неоднозначное отношение американцев к вопросу пропаганды и последующие проблемы, связанные с правительственными информационными программами, представлены в книге Ralph Block, 'Propaganda and the Free Society', *Public Opinion Quarterly*, XII (1948), 667 – 86).

Изменение в значении слова *пропаганда* хорошо видно в статьях энциклопедии, посвященных данному вопросу. В девятом издании энциклопедии *Британника* (1875 – 1889) статья *пропаганда* посвящена всецело пропаганде католической веры обществами, о которых говорилось ранее. Статья написана архиепископом. В одиннадцатом издании (1910 – 1911) не содержится статей по пропаганде, хотя это слово зафиксировано в статье, посвященной размножению. В четырнадцатом издании (1929) статья, написанная редактором, который по профессии являлся историком, почти полностью посвящена военной пропаганде. В последнем на данный момент издании в статье, написанной ученым-политологом и экспертом в области связей с общественностью Гарольдом Д. Лассвеллом, делается акцент на политической пропаганде. В других энциклопедиях, как может утверждать автор данной статьи, не содержится всестороннего рассмотрения вопроса пропаганды.

С целью получить количественные данные по предмету исследования, автор сосчитал в справочнике по периодическим изданиям количество статей, в заголовках которых зафиксировано слово *пропаганда*. Такие заголовки стали появляться только с 1916 года. В период с 1916 по 1955 гг. зафиксировано 1699 статей. Количество одинаковых статей с разными заголовками незначительно.

Основываясь на анализе отобранного материала, можно заключить, что с 1933 по 1934 гг. интерес к вопросу пропаганды резко возрастает. На период с 1921 по 1932 гг. приходится меньшая доля статей и не наблюдается систематического обращения к вопросу. Очевиден интерес к немецкой пропаганде во времена Первой мировой войны, а затем в период с 1937 по 1945 гг. к немецкой политической и военной экспансии. Статьи под названием *военная пропаганда* (включая статьи, посвященные особым военным действиям) относятся, прежде всего, ко Второй мировой войне, нежели к первой. Сюда также включены статьи с заголовками *немецкая пропаганда*, поскольку выделенные нами две группы тесно связаны. Зафиксированы также немногочисленные обращения к британской пропаганде, но они не относятся к военному времени. Высокий интерес к *коммунистической* и *большевистской пропаганде* относится к периоду с 1919 по 1923 гг., затем вновь в конце 1930-х, а также в последние годы. Подавляющее количество статей под названием *Пропаганда, другие нации*, начиная с

1947 года, посвящено русской пропаганде. Интерес к фашистской пропаганде возрастает примерно в 1939 году и исчезает после 1944 года. Зафиксированы некоторые упоминания *пропаганды в школе* в конце 1920-х и вновь около 1935 года.

Таким образом, интерес к вопросу пропаганды непостоянен во времени, превалирует акцент на военной пропаганде, особенно вражеской. Примерно одна треть статей содержит заголовки, относящиеся к военной пропаганде. Много статей, входящих в другие классификации, включая общую, также содержат схожий материал. Проведенный анализ позволяет утверждать, что военный контекст употребления слова *пропаганда* значительно повлиял на значение самого слова, отношение к *пропаганде*, а также методы, применяемые при ее изучении.

Чтобы более точно представить природу пропаганды, выяснить, что понимают под ней исследователи, а также выявить основные подходы к данному понятию, в справочнике по периодике мы произвели сплошную выборку статей с общим заголовком *пропаганда*. Отобранные статьи относились к трем периодам: с 1919 по 1921 гг., с 1929 по 1931 гг. и с 1939 по 1941 гг. Общее количество статей составило 137 единиц, 111 из которых было проанализировано. Из 111 проанализированных статей 14, которые относятся к периоду с 1939 по 1941 гг., были исключены, поскольку были отдаленно связаны с предметом исследования и само слово пропаганда в них не употреблялось. Таким образом, было использовано 97 статей. Автор настоящего исследования произвел классификацию отобранных, в конечном счете, статей по доминирующему в них значению или отношению к слову *пропаганда*, то есть в зависимости от положительной, нейтральной или отрицательной оценки.

В общем, классификация основывалась на том, как описывается пропаганда и как это отражено в содержании статьи. Проиллюстрируем то, как осуществлялась классификация. В первой статье пропаганда называется паразитом, во второй ведутся нападки на подрывную антиправительственную пропаганду коммунизма, которая осуществляется посредством фильмов, в третьей скептически рассматривается пропаганда воюющих наций. Статьи со схожей тематикой определяются в категорию «отрицательная оценка», поскольку авторы открыто выражают свое негативное отношение к данному роду деятельности. Статьи, посвященные фашистской, коммунистической или нацистской пропаганде, будут также отнесены в данную категорию, если автор рассматривает указанные действия как нежелательные или опасные. Статья классифицируется как «нейтральная», если автор не предпринимает попытки оценить пропаганду и говорит, что она может служить как хорошим, так и плохим целям. «Положительными» статьями считаются

те, в которых автор призывает к пропаганде того, что, в общем, является одобрительным (например, демократии) или рассматривает пропагандистскую деятельность как выгодную в современном обществе.

В первый период (1919 – 1921) 79% статей относятся к категории «отрицательная оценка», 7% являются «нейтральными», 14% вошли в категорию «положительная оценка». В период с 1929 по 1931 гг.: 70%, 20% и 10% соответственно. В период с 1939 по 1941 гг.: 56%, 30% и 14% соответственно. Количество статей в некоторых группах является сравнительно небольшим. Исходя из полученных результатов видно, что в большинстве статей доминирует отрицательное значение понятия. Следует отметить, что процентные данные в рассматриваемые периоды указывают на некоторое снижение его негативной оценки. Данный факт позволяет говорить о том, что, в общем, за словом закреплены отрицательные коннотации, но в последние годы наблюдаются сдвиги в сторону его положительной оценки.

Итак, проанализировав значение слова *пропаганда*, мы проследили его изменение в течение 200 лет. Возникнув на религиозной почве, оно затем перешло в военную и, наконец, политическую сферы употребления. Данный сдвиг может являться следствием перехода от церковной к государственной власти. От-

ношение к слову изменялось от положительно-го до крайне отрицательного, и сейчас, возможно, наблюдается обратное движение. Данный сдвиг является, вероятно, следствием изменения его значений, на которые мы указывали выше. Недавнее смещение в сторону положительного отношения к слову можно рассматривать, как и то, что общество осознает и принимает использование мощных каналов информации в интересах определенных групп. Наиболее ярким примером подобного воздействия является использование каналов информации для влияния на поведение покупателей и избирателей, что, в конечном счете, распространяется на все общество. Растет понимание методов, с помощью которых управляют мнением, а также происходит осознание того, что суть подаваемой информации не является значимой. Все это ведет к новым проблемам, которые необходимо решить не только пропагандистам, но и преподавателям и студентам по связям с общественностью (В другой работе я говорю о значениях, которые имеет на данный момент слова *пропаганда* и определяю круг проблем, которые являются следствием сложности его значения. 'Propaganda and Communication; a study in definitions,' *Journalism Quarterly*, XXXIV (1957), 431–42).

© Зырянова И.П. (перевод), 2009

РАЗДЕЛ 5. РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА

Григорьева О. В.
Нижний Тагил, Россия

ДИСКУРС, ВОЙНА И ТЕРРОРИЗМ

УДК 81'27

ББК Ш 100.3

Аннотация. Рецензия на коллективную монографию: *Дискурс, война и терроризм* / Под. ред. А. Ходжеса, Ч. Найлена. – Амстердам, Филадельфия, 2007 – 261 с.

Ключевые слова: дискурс, война, терроризм, политическая лингвистика.

Сведения об авторе: Григорьева Ольга Владимировна, ассистент.

Место работы: Нижнетагильская государственная педагогическая академия.

Контактная информация: 622031, Свердловская обл., г. Нижний Тагил, ул. Красногвардейская, д. 57.
E-mail: olgagrigoryeva@mail.ru.

Grigorieva O.V.
Nizhny Tagil, Russia

DISCOURSE, WAR AND TERROR

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19

Abstract. Book review: *Discourse, War and Terror* // Ed. A. Hodges, Ch. Nilep. – Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2007. – 261 p.

Key words: discourse, war, terror, political linguistics.

About the author: Grigorieva Olga Vladimirovna, assistant.

Place of employment: Nizhny Tagil State Social and Pedagogical Academy.

622031, Nizhny Tagil, ul. Krasnogvardeyskaya, d. 57.

Монография посвящена научной рефлексии событий, произошедших после 11 сентября 2001 г. в Нью Йорке. Политические и культурологические исследования, которые появились сразу после взрыва зданий Всемирного торгового центра, сфокусировали внимание, как на самих событиях, так и на их истории и последствиях, освещая произошедшее в критическом ракурсе. По мнению редакторов издания, отличие данной монографии от многих других, последовавших за трагедией, заключается в том, что фокус исследователей направлен на дискурс – язык администрации и СМИ, который лег в основу нового восприятия действительности.

По мнению авторов, именно язык заключает в себе способность пролить свет на решение основных вопросов, которые возникли после 11 сентября, и продемонстрировать механизм формирования социально-политической реальности дискурсом. При этом термин «дискурс» в монографии определяется в соответствии с социально-психологической парадигмой исследований. Согласно ей, дискурс понимается как явление не только отражающее события, происходящие в мире, но также как средство их интерпретации, которое формулирует общественное сознание и конструирует социально-политическую реальность.

Пытаясь найти ответы, касающиеся причин трагических событий и идентифицировать лиц, которые стали их провокаторами, авторы поднимают вопросы о символических границах дихотомии «свои» и «чужие», идеологии, национальной идентичности и символах, таких как «демократия», «цивилизованность», «экономическое могущество».

Методология издания основывается на критической теории Хоркхаймера, лингвистической антропологии и социолингвистике, а также критическом дискурс-анализе, ориентированном на изучения «языка в действии», т.е. языка в кон-

тексте текущих социально-политических событий.

Методологические воззрения ученых, чьи идеи представлены в монографии, также основаны на исследовательском потенциале прочих теорий. В работах использованы методики анализа языка, заимствованные из критической лингвистики и критического дискурс-анализа, получившие развития в системной функциональной лингвистике (А. Лазар и М. Лазар, Д. Мачин, А. Бекер, М. Стенвалль).

В монографии также представлены работы, написанные в рамках теории концептуальной метафоры. Например, одной из самых распространенных метафор, последовавших за событиями 11 сентября, стала «война с терроризмом». Подобные когнитивные явления позволяют использовать опыт из прошлого, чтобы осмыслить новое событие, поэтому различное использование метафор подразумевает и различное отношение к происходящему. Так, М. Стоккетти характеризует метафору «крестового похода» в новостях, А. Лазар и М. Лазар анализируют использование метафор в речи администрации США.

П. Данмайер («*Возникающая угроза*» и «*надвигающаяся опасность*»: *Обращение к будущему для оправдания превентивной войны*», Глава 2) анализирует репрезентацию политиками категории «будущее». Используя в качестве источников языкового материала «Национальную стратегию безопасности», а также речи Дж. Буша, она приходит к выводу, что правительство США ставит себя в привилегированное положение в вопросах осведомленности и степени участия в грядущих событиях. По мнению исследователя, такое видение имеет глобальные последствия, т.к. оно воплощает убежденность американского правительства в том, что только их взгляд на будущее реалистичен, и, соответственно, ход событий должен быть именно таким, как они предсказывают. При

этом обещанное иракским гражданам мирное будущее, по мнению автора, является не больше чем иллюзией, т.к. ситуация в Ираке 2005 г. ничуть не отличалась от 2003 г.

Согласно исследователю, американское правительство говорит о будущем, трансформируя свои политические стратегии и цели в язык «угрожающей опасности», «возникшей угрозы» и «необходимой защиты». Процесс мистификации, который скрывает политические планы и стратегии правительства Буша, также связан с его высказываниями о «превентивной войне». Автор делает вывод, что «будущее» представляет собой некий вакуум («пустую» и «бесцветную» категорию), который открыт для наполнения любым содержанием, и, соответственно, невероятно восприимчив к политическим манипуляциям.

В работе (*Установление справедливости и оправдание силы: оправдание жестокости Америкой в «Новом мировом порядке», Глава 3*) исследователи А. Лазар и М. Лазар прибегают к понятию дискурса, вооружившись теоретическими достижениями М. Фуко, в работах которого этот термин используется для реконструкции «Нового порядка». Под этим термином авторы подразумевают дискурсы СМИ после событий 11 сентября, обязывающие воспринимать действительность через призму прессы. Авторы изучают оправдательные стратегии США, которые используются в управлении и защите «Нового мирового порядка». Согласно исследователям, жестокость со стороны врага оценивается как неоправданная и аморальная, в то время как агрессия США считается средством поддержания мира и оправдывается этически – как вынужденная мера, предпринятая против «неуправляемого врага». Такой результат обеспечивается использованием двух фреймов: действия Америки расцениваются как самооборона и, одновременно, как праведная война (война оправдывается как единственно возможный вариант при сложившихся обстоятельствах), восстановление справедливости (США наказывает провинившегося и восстанавливает status quo между агрессором и его жертвой). Согласно авторам, возникший «Новый порядок» одновременно представляет врага как «изгоя», а также оправдывает его наказание за угрозу нормам и ценностям этого порядка.

Исследования по интерсубъективности легли в основу работы А. Ходжеса (*Конструкция идентичности в нарративе: «Адекватация» (Выравнивание) портретов Садама Хусейна и Осамы бен Ладена в «войне с терроризмом», Глава 4*), который занимается вопросами социально-политического конструирования идентичности. По мнению автора, идентичность является символической конструкцией, получающей реализацию в дискурсе. Исследователь пользуется теориями нарратива для того, чтобы охарактеризовать политическую речь. Со-

гласно автору, дискурсивная тактика выравнивания (adequation) служит для того, чтобы охарактеризовать различия и оценить сходства, которые иногда являются релевантными. В нарративе президента Дж. Буша, посвященному «войне с терроризмом», дискурсивные стратегии привели к приравниванию Усамы Бен Ладена и Аль-Каиды. В этом случае стратегия «абдекации» помогает легитимировать вторжение США в Ирак.

Методологической базой для монографии послужили также феминистические теории. В работе К. Лемонс (*Дискурсы свободы: пол и религия в американских СМИ, Глава 5*) раскрываются особенности представлений о мусульманской женщине в западном мире, которые, по мнению автора, формируют дискурс «спасения». Вместо того, чтобы «признавать» и «уважать» различия, существующие между западными и восточными женщинами, СМИ ставят мусульманскую женщину в положение, согласно которому она не способна иметь собственного мнения. Согласно автору, портретизация иракских женщин глазами *New York Times* формирует дискурс, который является одним из наиболее влиятельных и неизученных нормативных убеждений и использует тему женского тела и Ислама в качестве предмета обсуждения и меры прогресса.

Г. Стольтс (*Арабы в утренней печати: Изменяющаяся идентичность*) на примере использования термина «араб» в западной прессе демонстрирует, насколько эффективно взаимодействуют критический дискурс-анализ и количественные методы. По мнению исследователя, лишь одно слово, способно сформулировать дискурс «различия». «Араб» в прессе обладает региональными, религиозными и этническими категориальными признаками, которые, соседуя друг с другом, создают «многоликий» и вводящий в заблуждение образ жителя Ближнего Востока.

Так называемый мультимодальный анализ одновременно рассматривает репрезентацию социальных событий при помощи лингвистических и визуальных средств. Д. Мачин (*Визуальные дискурсы войны: Мультимодальный анализ фотографий иракской оккупации, Глава 7*) адаптирует данный подход для того, чтобы описать, как солдаты, враги и мирное население позиционируются для читателя в военной фотографии в СМИ. По мнению автора, именно фотографии способны раскрыть ключевые дискурсы США. Официальный язык правительства, сопровождающий военную кампанию, во многом похож на другие конфликты, в то время как фотографии отображают изменения, которые произошли в репрезентации милитаристского дискурса. В целом, военные действия США визуально представлены как средство поддержания мира, которое организуется небольшими группами профессионально подготовленных и технически оснащенных солдат, своими дейст-

виями защищающих мирных граждан. В отличие от предыдущих войн, фотографии исключают темы вражеских потерь. Согласно исследователю, эти фотографии являются доказательством того, что Запад отрицает свою ответственность за беспорядки на Ближнем востоке, а тот способ, при помощи которого нам представлены события в Ираке, лишен социально-политического контекста.

Б. Шкултис и А. Боум (*Мученники и террористы, Противостояние и Восстание: Контекстуализация ответов на террористический дискурс на Аль Джазире, Глава 8*) пользуются идеями М. Бахтина о диалогизме, гетероглосии и интертекстуальности. Авторы прибегают к этим концепциям для того, чтобы показать, как выступления американского правительства подвергаются реконтекстуализации на канале АльДжазира. Представляя язык через призму критической теории уже по другую сторону «баррикад», авторы показывают, что арабское телевидение стремится одновременно вписаться в западные стандарты объективности и оправдать арабские ожидания.

А. Бекер (*«Мы» и «Они»: Два телевизионных интервью с канцлером Германии Г. Шредером в начале старта войны в Ираке, Глава 9*) анализирует «ответ» на войну в Ираке уже со стороны Европейского содружества, апеллируя к особенностям внутренней политической стратегии Германии. По мнению автора, Г. Шредер, обсуждая вопросы войны в Ираке, меняет маски политической ориентации. Возникшая в результате такого дискурса дихотомия «свои»/«чужие» противопоставляет соревнующиеся фракции на политической арене Германии, а тема войны в Ираке служит для манипуляции общественным мнением во время борьбы за власть внутри страны.

Исследование З. Волкич и К. Ерайвек (*Дискурс войны и терроризма в Сербии: Мы уже боролись с террористами в Боснии..., Глава 10*) заимствует методологию лингвистической антропологии. Авторы используют этнографические методы в анализе интервью с юными представителями сербской интеллектуальной элиты для того, чтобы выяснить, как они относятся к актуальному дискурсу «войны с террором», принимая во внимание недавние локаль-

ные конфликты, свидетелями которых они стали в собственном регионе.

М. Стенвалль (*«Страх террористической атаки остается»: Конструирование страха в репортажах о терроризме в международных новостях, Глава 11*) при помощи текстологического анализа описывает механизм формирования чувств страха, беспокойства и озабоченности в новостях, посвященных проблеме терроризма. По мнению автора, именно абстрактные страхи, в результате, становятся ответом на террористическую угрозу.

Лингвистический анализ средств создания чувства страха также стал темой для философско-культурологического обозрения М. Стокчетти (*Политика страха: критическое исследование роли агрессии в политике 21 века, Глава 12*), в котором автор обращается к проблеме страха и агрессии в политике нового тысячелетия. Приводя в пример метафоры «крестового похода», а также «столкновения цивилизаций», автор пытается преодолеть «паралич критической мысли» (термин Г. Маркузе) и усмотреть, что дегуманизация врага зачастую происходит, не только неоправданно, но и вне всякого рационального побуждения.

Данная монография посвящена лингвистическому исследованию нарратива, возникшего после событий 11 сентября 2001 г. По мнению авторов коллективного исследования, дискурсы, возникшие в административных речах, печати и СМИ, сформулировали специфичное восприятие и понимание президентской кампании «войны с терроризмом» в США, Европе и Ближнем Востоке. Критический анализ лингвистических средств, которые сформулировали этот дискурс, по мнению авторов, способен развенчать некоторые мифы, созданные официальной прессой, а критическое отношение к происходящим событиям, возможно, будет способствовать возврату к гуманистическим ценностям и идеалам, вместо разжигания агрессии и эскалации вражды, которые провоцирует этот дискурс. Используя различные методологические парадигмы исследований, авторы стремятся показать, насколько мощным средством является язык при манипуляции общественным мнением.

© Григорьева О. В., 2009

Веснина Л.Е., Григорьева Н.И.
Екатеринбург, Россия
МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ ШКОЛА
ДЛЯ МОЛОДЕЖИ
«ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ»
(Екатеринбург, 25-28.08.2009)

УДК 364-12
ВБК Ш 42.14

Аннотация. В статье представлен отчет о проведении международной научной школы для молодежи «Политическая коммуникация»

Ключевые слова: политическая коммуникация, язык СМИ, современный политический дискурс, политическая метафора

Сведения об авторе: Веснина Людмила Евгеньевна, ассистент кафедры риторики и межкультурной коммуникации

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Контактная информация: 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов 26, к. 285.

Сведения об авторе: Григорьева Надежда Игоревна, ассистент кафедры риторики и межкультурной коммуникации

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Контактная информация: 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов 26, к. 285.

E-mail: nadjagri@rambler.ru

Vesnina L.E., Grigorieva N.I.
Ekaterinburg, Russia
INTERNATIONAL SCIENTIFIC SCHOOL
«POLITICAL COMMUNICATION»
FOR YOUNG SCHOLARS
(Ekaterinburg, 25-28.08.2009)

ГСНТИ 16.21.27
Код ВАК 10.02.19

Abstract. The article tells about the international scientific school «Political communication» for young scholars.

Key words: political communication, language of mass media, modern political discourse, political metaphor

About the author: Vesnina Ludmila Evgenievna, assistant of the chair of rhetoric and intercultural communication.

Place of employment: Ural State Pedagogical University.

About the author: Grigorieva Nadezhda Igorevna, assistant of the chair of rhetoric and intercultural communication.

Place of employment: Ural State Pedagogical University.

В период с 25 по 28 августа 2009 года в городе Екатеринбург при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы проходила первая сессия международной научной школы для молодежи «Политическая коммуникация». Участие в школе приняли ученые из разных стран: Россия, Украина, Белоруссия, Литва, Польша. В течение четырех дней ведущими мировыми специалистами по политической коммуникации были проведены специализированные лекции-доклады, касающиеся вопросов восприятия России в западном политическом дискурсе, методологии и методики исследования политической коммуникации, а также прагматических аспектов и методики определения характера воздействия политической коммуникации на общественное сознание. Кроме этого, состоялись консультации по проблемам политической коммуникации, ориентированные на планирование индивидуальной научной работы молодых специалистов в данной сфере.

Ход школы был определен целями ее проведения: эффективным освоением молодыми исследователями и преподавателями лучших научных и методических отечественных и мировых достижений в области политической коммуникации; знакомством участников школы с закономерностями политической коммуникации в России и за рубежом, тенденциями ее преобразований, типичными способами воз-

действия на зрителей и читателей, в том числе со спецификой представления образа современной России в зарубежных СМИ, возможными направлениями воздействия на политическое сознание зарубежных читателей и зрителей.

Школу открыл **Норман Борис Юстинович** (д.ф.н., профессор, заведующий кафедрой Белорусского государственного университета), в лекциях которого на примерах из речи современных политиков была показана зависимость значения слов и отношения к субъекту от речевого контекста: распространенные в средствах массовой информации собирательные «мы», «наш» направлены на формирование единства национального сознания. Также в рамках данной темы были затронуты понятия прямого и непрямого речевых актов.

Синельникова Лара Николаевна (д.ф.н., профессор, заведующий кафедрой русской филологии Луганского университета (Украина)) детально рассмотрела законы власти в соотношении со сценариями PR-деятельности и задачами политической лингвистики. В частности, такой закон власти, как «Лидер должен быть в центре внимания» соответствует следующему сценарию PR – «Находясь в тени, необходимо владеть ситуацией и осуществлять необходимые действия для накопления публичности», задача же политической лингвистики в данном случае состоит в создании имиджевого позиционирования. Вторая лекция профессора была посвящена жанрологии политической лингвистики: подробному анализу подверглись

жанры политической брошюры, плаката, листовки.

На первой лекции **Элеоноры Лассан** (хабилитированный доктор гуманитарных наук, профессор русской филологии Вильнюсского университета и Вильнюсского педагогического университета (Литва)) на основе детального разбора двух примеров из речи В.В. Путина («Народовластие как конец демократии» и «К сожалению, механический перенос западной демократии в Россию не срабатывает») была представлена методика «точечного» анализа: выделяя «слово-ключ», выражающее определенное понятие, необходимо поместить его в контекст, реконструировать историческое прошлое и восстановить все диахронные и синхронные связи, таким образом, можно прогнозировать событие. Вторая лекция была посвящена проблемам политической метафоры.

Лекция **Червиньски Петра** (д.ф.н., профессор, заведующий кафедрой Катовицкого университета (Польша)) затрагивала такие актуальные вопросы политической лингвистики, как номинативный акт и оценочность в языковой политике, политический язык как средство воздействия на адресата, категоризация в условиях социального и политического взаимодействия, структура политической коммуникации. В продолжение своего выступления исследователь представил анализ лексического фонда языка советской эпохи: «демос», «парад суве-

ренитетов», «утечка мозгов», «война законов» и др. – и продемонстрировал предметно-тематическую классификацию слов советского периода.

Закрытием школы и подготовительным этапом ко второй сессии международной научной школы для молодежи «Политическая коммуникация» стали индивидуальные консультации. Приглашенные ученые помогли молодым специалистам выбрать перспективные направления лингвополитических исследований. Поддержку получили следующие темы исследования: «Афоризмы в политическом дискурсе США и России», «Законы власти в рекламном дискурсе», «Японо-китайские кодексы политической борьбы», «Предвыборные технологии в российском политическом дискурсе» и многие другие.

На второй сессии предусмотрены семинары и практикумы, на которых молодым исследователям предстоит сделать сообщения о самостоятельной работе и защитить рефераты, подготовленные на выбранные в течение первой сессии темы.

Участники школы выражают слова благодарности Министерству образования и науки Российской Федерации, которое предоставило значительные средства для проведения научной школы для молодежи.

© Веснина Л.Е., Григорьева Н.И., 2009

ПРАВИЛА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ АВТОРАМИ РУКОПИСЕЙ В ЖУРНАЛ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА»

«Политическая лингвистика» издается как узко специализированный научный журнал, ориентированный на максимально широкий круг читателей и многонациональный состав авторов, представляющих различные научные школы и направления в России и других странах. Рукописи принимаются на русском, английском, немецком, французском, испанском языках, по согласованию с редакцией возможно представления рукописей и на иных языках. Публикация статей производится на русском языке. Перевод осуществляется сотрудниками журнала за счет средств редакции.

Авторы, предлагающие статьи для публикации должны учитывать проблематику журнала, который включает следующие разделы.

1. Политическая коммуникация. Включает статьи, посвященные институциональной и личностной политической коммуникации. Политическая коммуникация понимается широко, т.е. и как коммуникация, в которых политики выступают как адресанты или адресаты, и как коммуникация, связанная с политическими проблемами в рамках политического медийного, научного или иного дискурса.
2. Язык – общество – политика – культура. В этом разделе представлены статьи, в которых исследуются проблемы взаимодействия языка, общества, культуры и политики, в том числе имеющие важное социальное значение вопросы медиалингвистики и рекламной коммуникации. Подобные исследования, разумеется, связаны с социальной жизнью и политической культурой общества, но уже не настолько непосредственно, как публикации, включенные в первый раздел.
3. Классика политической лингвистики. В данном разделе представлены исследования, созданные на предшествующих этапах развития политической лингвистики и сохраняющие свою научную значимость в современных условиях.
4. Хроника. Рецензии. Письма в редакцию.

Редакционная коллегия приглашает к сотрудничеству всех специалистов по политической лингвистике и смежным проблемам. Ежегодно мы ждем от потенциальных авторов статьи объемом от 6 до 30 страниц (двенадцатый кегль, до 40 строк на странице) до 1 февраля, 1 мая, 1 сентября и 1 декабря. Единственное ограничение – статьи должны полностью соответствовать проблематике сборника. Наиболее интересные статьи печатаются вне очереди.

Все статьи, представленные в журнал, направляются на рецензирование. Редакционная коллегия принимает решение о публикации с учетом мнения рецензента. В случае отрицательного решения автору направляется копия рецензии.

Мы не платим гонораров, но и не берем с авторов деньги за подготовку статьи к публикации и тиражирование сборника. Это относится ко всем авторам, в том числе к начинающим исследователям (аспирантам и др.).

Журнал выходит ежеквартально. Срок выпуска каждого номера – не более двух месяцев. Наш журнал своевременно рассылается всем отечественным и зарубежным авторам.

Статьи печатаются именно в том варианте, в каком они присланы автором, который несет полную ответственность за содержание статьи и ее оформление. Редакция не считает нужным оплачивать работу литературного редактора и корректора. Поэтому вся ответственность за содержание и оформление статьи лежит на авторе.

Мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, но за соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса.

Контакты. Почтовый адрес: 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, кафедра риторики и межкультурной коммуникации (каб. 285).

Телефоны (343) 2357612 (кафедра); (343); 3361592 (проректор по научной и инновационной деятельности А.П. Чудинов).

Факс (343) 3361592.

Электронная почта: ap_chudinov@mail.ru.

Наш журнал включен в Каталог Роспечати и можно оформить подписку на него в любом почтовом отделении России (индекс 81955).

Наш журнал включен также в международную систему научных журналов (ISSN), где имеет индекс ISSN 1999-2629.

Для публикации статья должна соответствовать требованиям РИНЦ, т.е., помимо основного текста, содержать следующие сведения, представленные на РУССКОМ и АНГЛИЙСКОМ языках.

1. СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

- фамилия, имя, отчество автора полностью (если авторов больше чем один, указываются все авторы);
- должность, звание, ученая степень
- полное и точное место работы каждого автора в именительном падеже. Важно четко, не допуская иной трактовки, указать место работы каждого автора. (Если все авторы статьи работают или учатся в одном учреждении, можно не указывать место работы каждого автора отдельно);
- подразделение организации
- контактная информация (e-mail, город, корреспондентская контактная информация) для каждого автора

2. НАЗВАНИЕ СТАТЬИ

3. АННОТАЦИЯ

4. КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

5. НАЛИЧИЕ ОБЯЗАТЕЛЬНОЙ ТЕМАТИЧЕСКОЙ РУБРИКИ (КОД)

- УДК и/или ГРНТИ, код ВАК по разделам номенклатуры научных специальностей
- либо другие библиотечно-библиографические классификационные и предметные индексы;

Списки литературы следует оформлять по ГОСТ 7.0.5.-2008.... Образцы оформления:

СТАТЬИ ИЗ ЖУРНАЛОВ И СБОРНИКОВ:

Адорно Т. В. К логике социальных наук // Вопр. философии. 1992. № 10. С. 76–86.

Crawford P. J., Barrett T. P. The reference librarian and the business professor: a strategic alliance that works // Ref. Libr. 1997. Vol. 3. № 58. P. 75-85.

Если авторов четыре и более, то заголовок не применяют (ГОСТ 7.80-2000).

Корнилов В. И. Турбулентный пограничный слой на теле вращения при периодическом вдуве / отсосе // Теплофизика и аэромеханика. 2006. Т. 13. №. 3. С. 369-385.

Кузнецов А. Ю. Консорциум – механизм организации подписки на электронные ресурсы // Российский фонд фундаментальных исследований: десять лет служения российской науке. – М.: Науч. мир, 2003. С. 340-342.

МОНОГРАФИИ:

Тарасова В. И. Политическая история Латинской Америки: учеб. для вузов. 2-е изд. – М.: Проспект, 2006. С. 305–412.

Допускается предписанный знак точку и тире, разделяющий области библиографического описания, заменять точкой.

Философия культуры и философия науки: проблемы и гипотезы: межвуз. сб. науч. тр. / Саратов. гос. ун-т; [под ред. С. Ф. Мартыновича]. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1999. 199 с.

Допускается не использовать квадратные скобки для сведений, заимствованных не из предписанного источника информации

Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. 5-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2006. 494 с.

Если авторов четыре и более, то заголовок не применяют (ГОСТ 7.80-2000)

АВТОРЕФЕРАТЫ

Глухов В. А. Исследование, разработка и построение системы электронной доставки документов в библиотеке: Автореф. дис. ... канд. техн. наук. – Новосибирск, 2000. 18 с.

ДИССЕРТАЦИИ

Фенухин В. И. Этнополитические конфликты в современной России: на примере Северо-Кавказского региона: Дис. ... канд. полит. наук. – М., 2002. С. 54–55.

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ОБЗОРЫ:

Экономика и политика России и государств ближнего зарубежья: аналит. обзор, апр. 2007 / Рос. акад. наук, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. – М.: ИМЭМО, 2007. 39 с.

ПАТЕНТЫ:

Патент РФ № 2000130511/28, 04.12.2000.

Еськов Д. Н., Бонштедт Б. Э., Корешев С. Н., Лебедева Г. И., Серегин А. Г. Оптико-электронный аппарат // Патент России № 2122745. 1998. Бюл. № 33.

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИЙ

Археология: история и перспективы: сб. ст. Первой межрегион. конф. – Ярославль, 2003. 350 с.

Марьянских Д. М. Разработка ландшафтного плана как необходимое условие устойчивого развития города (на примере Тюмени) // Экология ландшафта и планирование землепользования: тезисы докл. Всерос. конф. (Иркутск, 11-12 сент. 2000 г.). – Новосибирск, 2000. С. 125-128.

ИНТЕРНЕТ-ДОКУМЕНТЫ:

Официальные периодические издания : электронный путеводитель / Рос. нац. б-ка, Центр правовой информации. [СПб.], 2005–2007. URL: <http://www.nlr.ru/lawcenter/izd/index.html> (дата обращения: 18.01.2007).

Логонова Л. Г. Сущность результата дополнительного образования детей // Образование: исследовано в мире: междунар. науч. пед. интернет-журн. 21.10.03. URL: <http://www.oim.ru/reader.asp?номер=366> (дата обращения: 17.04.07).

<http://www.nlr.ru/index.html> (дата обращения: 20.02.2007).

Рынок тренингов Новосибирска: своя игра. URL: <http://nsk.adme.ru/news/2006/07/03/2121.html> (дата обращения: 17.10.08).

Литчфорд Е. У. С Белой Армией по Сибири // Восточный фронт Армии Генерала А. В. Колчака. URL: <http://east-front.narod.ru/memo/latchford.htm> (дата обращения 23.08.2007).